

УЧРЕДИТЕЛЬ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Челябинский государственный университет»

Главный редактор

доктор филологических наук, доцент *Е. В. Шелестюк*

Ответственный секретарь

кандидат филологических наук, доцент *А. А. Селютин*

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

В. И. Бархатов, доктор экономических наук, профессор (Челябинский государственный университет, Россия); **Н. Н. Болдырев**, доктор филологических наук, профессор (Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина, Россия); **А. В. Бузгалин**, доктор экономических наук, профессор (Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Россия); **Е. И. Голованова**, доктор филологических наук, профессор (Челябинский государственный университет, Россия); **Р. М. Качалов**, доктор экономических наук, профессор (Центральный экономико-математический институт РАН, Россия); **А. Б. Невелев**, доктор философских наук, профессор (Челябинский государственный университет, Россия); **Р. М. Нижегородцев**, доктор экономических наук (Институт проблем управления РАН, Россия); **С. А. Питина**, доктор филологических наук, профессор (Челябинский государственный университет, Россия); **Ж. Ришар**, PhD, профессор университета Париж-Дофин (Франция); **Н. Л. Худякова**, доктор философских наук, профессор (Челябинский государственный университет, Россия); **А. Н. Чумаков**, доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института философии РАН (Россия); **П. Элиоуполос**, PhD, главный редактор научного журнала *Rapuri&Dely* (Греция)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ НАУЧНОГО НАПРАВЛЕНИЯ

Е. В. Шелестюк, доктор филологических наук, доцент, председатель редакционной коллегии (Челябинск); **Т. В. Борисенко**, кандидат филологических наук, заместитель председателя редакционной коллегии (Челябинск); **Г. К. Валеев**, кандидат филологических наук, доцент (Челябинск); **Т. А. Воронцова**, доктор филологических наук, профессор (Челябинск); **И. В. Глухова**, кандидат педагогических наук, доцент (Челябинск); **Е. И. Голованова**, доктор филологических наук, профессор (Челябинск); **С. Ю. Двинина**, кандидат филологических наук (Челябинск); **М. В. Загидуллина**, доктор филологических наук, профессор (Челябинск); **Л. А. Месеняшина**, доктор педагогических наук, профессор (Челябинск); **А. А. Миронова**, доктор филологических наук, доцент (Челябинск); **Л. А. Нефёдова**, доктор филологических наук, профессор (Челябинск); **Н. С. Олизько**, доктор филологических наук, профессор (Челябинск); **С. А. Питина**, доктор филологических наук, профессор (Челябинск); **О. Ю. Редькина**, кандидат филологических наук (Челябинск); **Ал. А. Селютин**, кандидат филологических наук, доцент (Челябинск); **А. А. Селютин**, кандидат филологических наук, доцент (Челябинск)

Журнал включен в перечень рецензируемых научных журналов,
утвержденный ВАК Минобрнауки РФ, по отраслям:
экономические науки, филологические науки, философские науки.

Издание включено в базы данных: *UlrichsWeb Global Serials Directory*;
EBSCO's research collections.

Журнал выходит 12 раз в год

Адрес издателя:
Россия, 454001, Челябинск,
ул. Братьев Кашириных, 129

Адрес редакции:
Россия, 454001, Челябинск,
ул. Братьев Кашириных, 129, каб. 350

Адрес редакции научного
направления
«Филологические науки»:
Россия, 454084, Челябинск,
пр. Победы, 162 в
Тел.: (351) 799-70-26
e-mail: russlang@csu.ru

С требованиями к оформлению
статей можно ознакомиться на сайте
www.csu.ru
(раздел Наука/Вестник ЧелГУ)

Редакция журнала может
не разделять точку зрения авторов
публикаций

Ответственность за содержание
статей и качество перевода аннотаций
несут авторы публикаций

Журнал зарегистрирован
в Роскомнадзоре.
Свидетельство ПИ № ФС77-66312

Индекс 33077
в каталоге «Пресса России»

Корректурa и вёрстка
Е. С. Меньшиной,
М. В. Трифоновой,
О. Е. Шишмаренковой

Подписано в печать 00.00.22.
Выход в свет 00.00.22.
Формат 60×84 1/8. Бумага офсетная.
Гарнитура Times. Усл. печ. л. 21,9.
Уч.-изд. л. 18,0.
Тираж 500 экз. Заказ 59.
Цена свободная

Отпечатано:
Издательство Челябинского
государственного университета
Россия, 454021, Челябинск,
ул. Молодогвардейцев, 576

FOUNDER

Chelyabinsk State University (CSU)

Editor-in-chief

E.V. Shelestyuk, Doctor of Philology, Associate Professor

Executive secretary

A.A. Selyutin, Candidate of Philology, Associate Professor

EDITORIAL BOARD

V.I. Barhatov, Doctor of Economics, Professor (Chelyabinsk State University, Russia); **N.N. Boldyrev**, Doctor of Philology, Professor (Tambovsky State University named after G. R. Derzhavin, Russia); **A.V. Buzgalin**, Doctor of Economics, Professor (Moscow State University named after M.V. Lomonosov, Russia); **E.I. Golovanova**, Doctor of Philology, Professor (Chelyabinsk State University, Russia); **R.M. Katchalov**, Doctor of Economics, Professor (Central Economics and Mathematics Institute of RAS, Russia); **A.B. Nevelev**, Doctor of Philosophy, Professor (Chelyabinsk State University, Russia); **R.M. Nizhegorodtsev**, Doctor of Philosophy, Professor (Institute of Control Sciences of RAS, Russia); **S.A. Pitina**, Doctor of Philology, Professor (Chelyabinsk State University, Russia); **J. Richard**, PhD, Professor at the Paris-Dauphine University (France); **N. L. Khudya-kova**, Doctor of Philosophy, Professor (Chelyabinsk State University, Russia); **A.N. Chumakov**, Doctor of Philosophy, Professor, Leading Researcher at the Institute of Philosophy of RAS, Russia); **P. Eliopoulos**, PhD, Editor-in-chief of the Scientific Journal "PAPYRI&DELTI" (Greece)

EDITORIAL BOARD OF SCIENTIFIC DIRECTION

E.V. Shelestyuk, Doctor of Philology, Associate Professor, Chairman of Editorial Board (Chelyabinsk); **T.A. Borisenko**, Candidate of Philology, Deputy Chairman of Editorial Board (Chelyabinsk); **G.K. Valeev**, Candidate of Philology, Associate Professor (Chelyabinsk); **T.A. Vorontsova**, Doctor of Philology, Professor (Chelyabinsk); **I.V. Glukhova**, Candidate of Pedagogy, Associate Professor (Chelyabinsk); **E.I. Golovanova**, Doctor of Philology, Professor (Chelyabinsk); **S.Yu. Dvinina**, Candidate of Philology (Chelyabinsk); **L.A. Mesenyashina**, Doctor of Pedagogy, Professor (Chelyabinsk); **A.A. Mironova**, Doctor of Philology, Associate Professor (Chelyabinsk); **L.A. Nefedova**, Doctor of Philology, Professor (Chelyabinsk); **N.S. Olizko**, Doctor of Philology, Professor (Chelyabinsk); **S.A. Pitina**, Doctor of Philology, Professor (Chelyabinsk); **O. Yu. Redkina**, Candidate of Philology (Chelyabinsk); **A.A. Selyutin**, Candidate of Philology, Associate Professor (Chelyabinsk); **A.A. Selyutin**, Candidate of Philology, Associate Professor (Chelyabinsk)

The journal is included into the list of peer-reviewed journals, approved by the State Commission for Academic Degrees and Titles of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, in the following branches of knowledge: Economic Sciences, Philological Sciences, and Philosophical Sciences.

This journal is currently listed in: UlrichsWeb Global Serials Directory; EBSCO's research collections.

The journal is published
12 times per year

Address of Publisher:
129 Bratiev Kashirinykh St.,
Chelyabinsk, 454001, Russia

Editorial office address:
of. 350, 129, Bratiev Kashirinykh St.,
Chelyabinsk, 454001, Russia

"Philology Sciences" editorial
office address:
162v, Prospect Pobedy,
Chelyabinsk, 454084, Russia
Telephone: + 7(351) 799-70-26
e-mail: russlang@csu.ru

All the requirements
are available on the web-site
www.csu.ru

The Editorial Board may not share the
views of the authors

Authors are responsible
for the article content and quality
of annotations' translation

Academic periodical
is registered
in Federal Supervision Agency
for Information Technologies and
Communications
Certificate ПИ № ФЦ77-66312

Index 33077
in the "Press of Russia" catalog

Proofreader and imposition by
Ye.S. Menshenina,
M.V. Trifonova,
O.E. Shishmarekova

Passed for printing 00.00.22.
Date of publication 00.00.22.
Format 60×84 1/8. Litho paper.
Font Times.
Conventional print. sh. 21,9.
Ac.-publ. sh. 00,0.
Circulation 500 copies.
Order 59. Open price

Printed:
Publishing Office
of Chelyabinsk State University
57b Molodogvardeitsev St.,
Chelyabinsk, 454021, Russia

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫКОВЫЕ ПРОЦЕССЫ В СИНХРОНИИ И ДИАХРОНИИ

- Генералов В. А.* Анализ взаимодействия векторов номинации в эксплицитной и имплицитной структуре английских составных технических терминов. 7
- Каргина Е. М.* Анализ проблемы направления производности при конверсии в парадигмах «имя — глагол». 21
- Искандари М.* Классификация неполных предложений с эллипсисом в персидском языке 28
- Хо О. А., Шаравьёва И. В.* Объектная лексическая сочетаемость глаголов психического действия в китайском языке. 34

СЕМАНТИКА И ПРАГМАТИКА РЕЧИ

- Замышляева Ю. С.* Феминитивы в спортивном дискурсе. 42
- Кононова И. Ю.* К вопросу о грамматически связанных с основным текстом вставных конструкциях (на материале очерка М. Цветаевой «История одного посвящения») 48
- Кудрявцева З. Г.* Категория транстекстуальности в меганарративе в кризисной коммуникации 58
- Шпар Е. В., Ризяпова Э. М.* Особенности реализации коммуникативных стратегий и тактик в «антивирусном» социальном дискурсе. 67

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЯЗЫКОВ И ДИСКУРСОВ

- Зарипова А. М.* Сходства и отличия в репрезентации концепта «семья» в английской и турецкой лингвокультурах. 77
- Чераги Б., Набати Ш.* К вопросу об употреблении предлога «с» в русском языке в сопоставлении с его эквивалентами в персидском 83
- Шафаги М., Годрати А.* Гостевой этикет и приглашение-церемония в иранской и русской лингвокультурах 90

КОНЦЕПТОЛОГИЯ, ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ НОМИНАЦИИ

- Брюханова А. Л., Бардамова Е. А.* Наименования имущества в бурятском языке XVIII—XIX вв. (на материале памятника «Обычное право хоринских бурят. Памятники старомонгольской письменности») 100
- Ван Ци.* Информация о культуре народа в семантике устойчивых выражений с компонентом-фитонимом «слива» и «дуб» 109
- Василенко А. П.* Образы фразеологизмов, построенные на идее социального противоборства (на материале военного жаргона) 117
- Демидова Е. Е.* Понятийные признаки концепта царь периода XX—XXI веков 129
- Юрченко М. Г.* Формирование понятийных признаков в структуре концепта «наставник» в период XX—XXI веков 137

СОЦИОЛИНГВИСТИКА, ЛИНГВОДИДАКТИКА, ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ

- Волошина Т. Г.* Переключение языкового кода как лингвокультурный феномен
(на примере территориального варианта английского языка Индии) 145
- Заводникова Е. Л.* «Встречный текст» как метод исследования смыслового восприятия
иноязычного текста в процессе перевода. 154
- Шарафутдинова О. И., Доронина Е. Г., Казакова Ю. В.* Выявление практик обучения
детей-мигрантов посредством глубинного интервью 166
- Шестакова Л. И., Березовская Я. Л., Зайко Е. М.* Функционирование партнёрской сети
центров открытого образования на русском языке на территории РФ:
задачи и перспективы. 174

ЛЕКСИКОГРАФИЯ

- Ласынова Н. А., Сулейманова Л. Р.* Принципы составления оронимического словаря Республики
Башкортостан 182

CONTENTS

LANGUAGE PROCESSES IN SYNCHRONY AND DIACHRONY

- Generalov V. A.* Analysis of the interaction of nomination vectors in the explicit and implicit structure of English compound technical terms. 7
- Kargina E. M.* Analysis of the derivation direction during conversion in the name-verb paradigms 21
- Eskandari Mahnush.* Classification of incomplete Persian sentences with ellipsis. 28
- Kho O. A., Sharavieva I. V.* Lexical cooccurrence of mental verbs in the Chinese language. 34

SEMANTICS AND PRAGMATICS OF SPEECH

- Zamyshlyayeva Yu. S.* Feminities in sports discourse 42
- Kononova I. Yu.* On the issue of parentheses grammatically connected to the main text (case study of M. Tsvetaeva's «The history of a dedication»). 48
- Kudryavtseva Z. G.* The category of transtextuality in the meganarrative in crisis communication. . . . 58
- Shpar E. V., Rizyapova E. M.* Specific features of implementing communicative strategies and tactics in anti-virus social discourse 67

COMPARATIVE ANALYSIS OF LANGUAGES AND DISCOURSES

- Zaripova A. M.* Similarity and differences in the representation of the concept of «family» in the English and Turkish lingvocultures 77
- Cheraghi Bahare, Nabati Shahram.* The question of the use of the preposition “e” in Russian in comparison with its equivalents in Persian. 83
- Shafaghi Maryam, Ghodrati Asghar.* Guest etiquette and invitation-ceremony in Iranian and Russian linguistic cultures 90

CONCEPTOLOGY, LINGUOCULTUROLOGY, THEORY OF NOMINATION

- Bryukhanova A. L., Bardamova E. A.* Property names in Buryat language of the 18—19th centuries (a case study of the “Common Law of the Khorinsk Buryats. Monuments of the old Mongolian writing”). 100
- Wang Qi.* Information about the culture of a people in the semantics of set expressions with the phytonymic components «plum» and «oak» 109
- Vasilenko A. P.* Phraseological units based on the idea of social confrontation in military slang. 117
- Demidova E. E.* Conceptual features of the TSAR concept in the 20—21 centuries period. 129
- Yurchenko M. G.* On the formation of conceptual features in the structure of the MENTOR concept in the 20—21 centuries. 137

SOCIOLINGUISTICS, LINGUODIDACTICS, TRANSLATION

- Voloshina T. G.* Code switching as a linguistic and cultural phenomenon
(case study of Indian English) 145
- Zavodnikova E. L.* “Internal text” as a method of investigation of foreign language text semantic
perception in the process of translation 154
- Sharafutdinova O. I., Doronina E. G., Kazakova Yu. V.* Identification of training practices for migrant
children through in-depth interviews 166
- Shestakova L.I., Berezovskaya Ya. L., Zayko E. M.* Operating a partner network of centers for open
education in Russian in the Russian Federation: tasks and prospects 174

LEXICOGRAPHY

- Lasynova N. A., Suleimanova L. R.* Principles of compilation of the oronymic dictionary
of the Republic of Bashkortostan 182

ЯЗЫКОВЫЕ ПРОЦЕССЫ В СИНХРОНИИ И ДИАХРОНИИ

LANGUAGE PROCESSES IN SYNCHRONY AND DIACHRONY

Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 1 (459). Филологические науки. Вып. 127. С. 7—20. ISSN 1994-2796 (print).

Bulletin of Chelyabinsk State University. 2022;1(459), Philological Sciences, 127:7-20. ISSN 1994-2796 (print).

Научная статья

УДК 81.37

doi: 10.47475/1994-2796-2022-10101

АНАЛИЗ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ВЕКТОРОВ НОМИНАЦИИ В ЭКСПЛИЦИТНОЙ И ИМПЛИЦИТНОЙ СТРУКТУРЕ АНГЛИЙСКИХ СОСТАВНЫХ ТЕХНИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ

Владимир Александрович Генералов

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, gen-vladimir@list.ru

Аннотация. Настоящая статья посвящена проблеме определения структурно-семантического статуса английских составных технических терминов (СТТ). С этой целью предпринимается попытка представить и описать систему векторов номинации (ВН), применяемых в качестве оценочных параметров структурных компонентов СТТ. Предлагаемая концепция демонстрирует структурно-семантическое различие между английскими свободными словосочетаниями с субстантивными ядрами и СТТ с субстантивными ономасиологическими базисами. Она также позволяет дифференцировать различные типы СТТ с точки зрения их эксплицитной и имплицитной структуры. Данная работа не претендует на полноту и исчерпанность анализа, однако она может быть полезной для структурно-семантического исследования английских СТТ и расширения набора соответствующих средств исследования.

Ключевые слова: составной технический термин, свободное словосочетание, терминологическое словосочетание, статус, эксплицитная структура, имплицитная структура, дифференциатор, модификатор, модификация, ранг модификации, ономасиологический базис, вектор номинации, функциональный объект, операциональный объект, квазиобъект, ментальный конструкт-имаджен, ригидность, рекуррентность, спайка, блендинг, стыкование, терминологическая катена, терминологическая матрица

Для цитирования: Генералов В. А. Анализ взаимодействия векторов номинации в эксплицитной и имплицитной структуре английских составных технических терминов // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 1 (459). Филологические науки. Вып. 127. С. 7—20. doi: 10.47475/1994-2796-2022-10101.

Original article

ANALYSIS OF THE INTERACTION OF NOMINATION VECTORS IN THE EXPLICIT AND IMPLICIT STRUCTURE OF ENGLISH COMPOUND TECHNICAL TERMS

Vladimir A. Generalov

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, gen-vladimir@list.ru

Abstract. The present paper is devoted to the problem of determining the structural-semantic status of English compound technical terms (CTTs). To this end, it attempts to propound and explicate a system of nomination vectors (NVs) employed as appraisive parameters of structural components of CTTs. The proposed conception demonstrates the structural-semantic difference between English free word combinations with substantive nexuses and CTTs with substantive onomasiological bases. It also makes it possible to demarcate various types of CTTs from the viewpoint of their explicit and implicit structure. The given paper does not qualify for a complete and exhaustive analysis, however it may prove useful for the structural-semantic study of English CTTs and for expanding the set of respective research tools.

Keywords: compound technical term, free word-combination, terminological word combination, status, explicit structure, implicit structure, differentiator, modifier, modification, rank of modification, onomasiological basis,

nomination vector, functional object, operational object, quasi-object, mental construct-imagen, rigidity, recurrence, bonding, blending, splicing, terminological catena, terminological matrix

For citation: Generalov VA. Analysis of the interaction of nomination vectors in the explicit and implicit structure of English compound technical terms. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2022;1(459), Philological Sciences, 127:7-20. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2022-10101.

Введение

Цель данной работы состоит в попытке разработки и применения системы векторов номинации для структурного описания английских СТТ. Предметом работы является исследование ВН структурных компонентов английских СТТ. Объектом работы являются английские СТТ различной линейной протяженности и сложности. Материалом для анализа послужили примеры употребления английских СТТ из различных терминологических источников, тематически относящихся к устройствам для обработки почвы. Основными методами, применяемыми в данном исследовании, являются трансформационный метод, метод гипотетического моделирования и сопоставительный метод. Научная новизна данного исследования связана с тем, что в работе впервые предпринимается попытка разработки и применения системы ВН в отношении структурного описания английских СТТ. Актуальность исследования вытекает из факта наличия проблемы определения структурного статуса английских СТТ, что стимулирует поиск нетривиальных подходов и новых методов их исследования.

С развитием современной лингвистики, которое сопровождается появлением новых подходов к решению проблем в области англистики и современных методов разрешения последних, возникает необходимость дополнения и уточнения некоторых общепринятых лингвистических положений, связанных, в частности, со структурным исследованием английских СТТ.

Многочисленные исследования в области английской составной терминологии, в частности технической, проводились рядом российских лингвистов, такими как Абрамова, А. Р. Белоусова, А. А. Джиоева, С. В. Гринев, Н. Э. Додонова, Г. Л. Дорош, Т. В. Дроздова, И. Е. Краснова, Т. А. Кудинова, И. Г. Кудрявцева, С. П. Кушнерук, Л. А. Манерко, М. В. Михайлова, Л. Н. Осолихина, Е. С. Пешехонова, О. П. Рябко, С. П. Синявская, Л. В. Ухорская, Р. С. Цаголова и др. Несмотря на разработанность данной тематики, остается еще много нерешенных проблем, касающихся, в частности, структурно-семантического статуса компонентов английских СТТ, их линейной предельности, комбинаторики и спо-

собов их взаимного ранжирования, соотношения их эксплицитной и имплицитной структур и т. д. Это можно объяснить некоторыми ограничениями применяемых методов научного исследования последних, а также неучетом/игнорированием неявных (*латентных*) факторов генезиса составных терминов, в частности, технических.

К примеру, если обратиться к давней проблеме “stone wall” в англистике, то мы обращаем внимание на факт размытости объекта исследования. Лингвисты ранее пытались определить статус определительного компонента *stone*. Уже при первом подходе к данному словосочетанию обращает на себя внимание троякость семантического значения данного словосочетания, которую не учитывали, как мы полагаем, исследователи в прошлом. В целях экспликации этих значений мы применяем трансформационные развертки для демонстрации имплицитных актантных отношений по типу *S-V-O*:

Развертка 1. stone¹ wall¹ → a wall (*subject, actant*) *IS MADE OUT OF* (*implied predicate, passive*) solid stone (*prepositional object, actant*) (*семантическое отношение происхождения — provenance*) — ‘каменная стена, высеченная из сплошного камня’; компонент *stone¹* является по своему статусу отсубстантивным прилагательным. В составе данного свободного словосочетания дифференциатор *stone¹* определяет субстантивное ядро *wall¹* и совместно с ним обозначает индивидуальный объект *wall¹*, характеризующийся особой прочностью. Функция защиты или отделенности выражается базисом *wall¹*.

Развертка 2. stone² wall² → a wall (*subject, actant*) *CONSISTS* (*implied predicate, active*) *OF* constituent stones (*direct object, actant*) (*семантическое отношение инклюзии — inclusion*) — ‘каменная стена, состоящая из отдельных каменных блоков’. В составе данного свободного словосочетания дифференциатор *stone²* определяет субстантивное ядро *wall²* и совместно с ним обозначает индивидуальный объект *wall²*, характеризующийся особой прочностью. Функция защиты или отделенности выражается базисом *wall²*.

Развертка 3. stone³ wall³ → a wall (*subject, actant*) *SERVES* (*implied predicate, active*) *FOR* safe and reliable protection or apartness (*implied prepositional*

object, actant) by being made out of solid stone or from constituent stones (*circumstant/adjunct*) — строительный термин: ‘стена из сплошного камня или из каменных блоков, служащая для безопасной и надежной защиты или отделенности’ (*имплицитная операционность: serving for safe and reliable protection or apartness*); компонент *stone*³ является по своему статусу структуремой; в составе данного СТТ он выполняет функцию модификатора-метки и обозначает совместно с ономазиологическим базисом *wall*³ операциональный объект *stone*³ *wall*³, выполняющий техническую операцию по обеспечению перманентной безопасной и надежной защиты и отделенности.

Дифференциаторы *stone*¹ и *stone*² обозначают произвольные признаки индивидуальных объектов *wall*¹ и *wall*², то есть защитные или разделительные стены могут выполняться из различных материалов и быть, например, глинобитными (*adobe walls*) или бревенчатыми (*timbered walls*). В отличие от них модификатор-метка *stone*³ обозначает специальный целесообразный материал, из которого изготавливается операциональный объект [*stone*³ *wall*³]. Именно фактор *операционности* технического объекта, обозначаемого ономазиологическим базисом *wall*³, структурно и семантически отличает его от бытовых индивидуальных объектов *wall*¹ и *wall*².

Если данные имплицитные актантажные отношения демонстрируют такую структурную сложность и неоднозначность линейного знака *stone wall*, то что в таком случае представляло для лингвистов объект исследования? В каком структурном статусе они анализировали базисный компонент *wall* — в качестве субстантивного ядра свободного словосочетания *stone wall* или как ономазиологический базис-структуруму в составе составного строительного термина *stone wall*? Помимо этого, есть основания считать, что свободные словосочетания с субстантивными ядрами *stone*¹ *wall*¹ и *stone*² *wall*² относятся к синтаксическим структурам, в то время как СТТ *stone*³ *wall*³ представляет собой дискретно-морфологическую структуру.

Нам представляется, что неопределенность объекта анализа приводили лингвистов в прошлом к тупику (*impasse*) в решении проблемы “*stone wall*”, которая сводилась преимущественно к определению лексико-грамматического статуса компонента *stone*.

С целью преодоления некоторых теоретических и методологических проблем структурного описания английских СТТ в данной работе пред-

принимается попытка разработки и применения системы ВН.

В плане языковой номинации данная работа базируется прежде всего на трудах таких российских лингвистов, как Н. Д. Арутюнова [1], В. Г. Гак, Е. С. Кубрякова, Б. А. Серебренников [8], В. Н. Телия, А. А. Уфимцева и др., исследовавших вопросы языковой номинации, а в плане когнитивного подхода к исследованию английских СТТ — на некоторых исследованиях российских и зарубежных когнитивистов, таких как Н. Н. Болдырев [2], Е. И. Голованова, М. Н. Володина, В. З. Демьянков, R. W. Langacker [9], G. Lakoff, C. J. Fillmore, L. Talmy и др.

1. Что понимается под ‘вектором номинации’?

В свободном английском словосочетании, например *old round brown foldable French table* дифференциаторы *old, round, brown, foldable* и *French* синтаксизируются в определительной цепочке влево от субстантивного ядра *table* согласно своему семантическому рангу и позиционному значению, несмотря на то, что словосочетания этого типа, как мы считаем, не вполне адекватно называются «свободными». В университетской грамматике английского языка авторов Р. Кверка, С. Гринбаума, Дж. Лича и Дж. Свартвика, в параграфе, посвященном классам определителей, рассматриваются свободные словосочетания и приводятся примеры их рангового порядка в виде таблицы (табл. 1) [10. С. 350–351].

Ранжирование дифференциаторов происходит слева направо от ядра, то есть чем ближе к определяемому ядру находится дифференциатор, тем больше редуцируется его референциальный охват и тем более *индивидуальным* становится объект, обозначаемый ядром *table*. Поэтому класс *old tables* является семантически более широким по сравнению с классом *French tables*. Дифференциаторы *old, round, brown, foldable* и *French* выражают соответственно *состояние, геометрическую форму, цветность, пассивный динамический признак* и *национально-географический признак*. Сколько дифференциаторов ни использовалось бы языковым субъектом в определительной цепочке данного свободного словосочетания, происходит только выделение *индивидуального* объекта *table* среди других, подобных ему, посредством дифференциации определяемого ядра *table*. Вероятно, что количество дифференциаторов влияет на степень индивидуализации определяемого объекта типа *table*. В данном словосочетании представлено пять дифференциаторов

**Порядок ранжирования определительных компонентов (дифференциаторов)
в английских свободных словосочетаниях с субстантивными ядрами**
**The order of ranking of determinative components (differentiators)
in English free phrases with substantive kernels**

Determiners	general	age	colour	participle	provenance noun	denominal	head
the	hectic					social	life
the	extravagant				London	social	life
a				crumbling	church		tower
a			grey	crumbling	Gothic	church	tower
some	intricate	old		interlocking	Chinese		designs
a	small		green	carved	jade		idol
his	heavy	new				moral	responsibilities

и ономасиологический базис — всего шесть ВН, под которыми мы понимаем референциальные связи ‘имя (*appellation*) — именуемое (*denotatum*)’. Совокупность, то есть интеграция этих шести ВН, образует единый вектор, который обозначает индивидуальный объект *table*. Причем ВН обладает двунаправленностью от имени к именуемому (*appellation* → *denotatum* — *семасиологический аспект*) и от именуемого к имени (*denotatum* → *appellation* — *ономасиологический аспект*).

Как дифференциаторы в свободных словосочетаниях, так и модификаторы в составе английских СТТ подчиняются правилам взаимного ранжирования, обладая при этом собственной спецификой. При сопоставлении английских свободных словосочетаний с субстантивными ядрами и СТТ наблюдается определенная морфологизация структуры последних, проявляющаяся в образовании *модифицирующих и базисных сегментов*, зависимых друг от друга. Она также характеризуется тем, что структурные компоненты английских СТТ нельзя произвольно элиминировать, то есть «опускать», так как это приводит к нарушению их структурно-семантического статуса.

Принято считать, что морфологизированный статус, или «сегментированность», то есть взаимозависимость, связанность и неавтономность модификаторов и ономасиологических базисов в структуре английских СТТ (*например: garden soil plough* — *садовый почвенный рыхлитель*) отличает их от дифференциаторов и субстантивных ядер в составе английских свободных словосо-

четаний. Далее, лингвисты полагают, что в свободном словосочетании с субстантивным ядром можно произвольно элиминировать, то есть «опустить» какой-либо дифференциатор в числе других, а также произвести их взаимную перестановку без особого нарушения смысла, тогда как в терминологическом словосочетании эти операции невозможны без разрушения номинативной целостности и векторности последнего. Однако нам представляется, что прием произвольной элиминации дифференцирующих компонентов является не вполне релевантным и не может служить в качестве критерия демаркации английских свободных словосочетаний с субстантивными ядрами и СТТ с субстантивными ономасиологическими базисами. Почему?

Если сравнить два свободных словосочетания *a crumbling church tower* (1) и *a grey crumbling Gothic church tower* (2) по табл. 1, то очевидно, что их интегративные ВН обозначают различные *индивидуальные объекты* — первый объект необязательно серого цвета и может относиться к неготическому стилю архитектуры. Иными словами, ни в первом, ни во втором словосочетаниях нельзя произвольно элиминировать любой из структурных компонентов без нарушения номинативной целостности и векторности. У этих словосочетаний различные наборы интегративных ВН (*{crumbling + church + tower}* и *{grey crumbling + Gothic + church + tower}*) и различные денотаты, то есть различные *индивидуальные объекты*. Если применить прием элиминации в отношении СТТ *garden soil plough* (*садовый почвенный рыхлитель*), то можно обнаружить, что при «опущении»

нии» модификаторов-меток *garden* или *soil* образуются термины *garden plough* или *soil plough*, то есть исходный СТТ *garden soil plough* не только «разрушается», но и трансформируется в другие СТТ. Также применение приема перестановки модификаторов-меток *garden* или *soil* невозможно в силу различия их ранговых значений: *garden soil plough** (неотмеченный СТТ).

Согласно нашей гипотетической концепции, каждый структурный интегрант (компонент/структура) как свободного, так и терминологического словосочетания характеризуется собственным ВН. Векторы номинации нескольких структурем могут интегрироваться и совместно осуществлять интегративную номинацию определенного объекта действительности. Например, анализ векторной номинации СТТ *garden soil plough* показывает, что в его структуре проявляются три отдельных ВН (*garden* — сад, *soil* — почва и *plough* — плуг), которые интегрируются и образуют совместный ВН. При этом ВН модификаторов-меток *garden* и *soil* направлены на имплицитные актанты технического действия, или операции, что демонстрируют следующие трансформационные развертки: 1) a plough (subject) RAKES (implied active predicate) soil (direct object) и 2) a plough (subject) IS USED (implied passive predicate) for tilling IN gardens (prepositional object, locus). ВН базиса *plough* направлен на функциональный технический объект *plough*. Интегративный же вектор данного СТТ указывает на функционально-операциональный квазиобъект, или ментальный конструкт-имаджен, который существует в сознании субъекта английской терминологии. Как мы считаем, он не обладает собственной прямой векторностью номинации, и его векторность складывается из совокупности нескольких векторов (векторов модификаторов-меток и вектора ономаσιологического базиса).

При этом функциональный технический объект *plough* охватывает и содержит в своей семантической структуре различные потенциальные технические операции, и его функциональность проявляется в совершении различных технических операций, например операций окучивания (*ridging*), вспашки (*tilling*), рыхления (*raking*) и т. п. Таким образом, в данном примере ономаσιологический базис *plough* обозначает функциональный объект, а СТТ *garden soil plough* отражает на языковом уровне посредством совокупности всех ВН функционально-операциональный объект, выполняющий две функции: 1) рыхление почвы и 2) применение в садах (*loci*). В структуре

данного СТТ отмечаются следующие ВН: 1) ВН ономаσιологического базиса *plough*; 2) и 3) ВН модификаторов-меток *garden* (*locus*) и *soil* (объект воздействия плуга) и 4. Интегративный ВН (указывающий на функционально-операциональный квази-объект).

2. В чем состоит проблемность анализа векторов номинации в различных линейных структурах?

Как английские свободные словосочетания с субстантивными ядрами (*free phrases*), так и СТТ с субстантивными ономаσιологическими базисами однозначно относятся лингвистами к словосочетаниям, причем синтаксическим. Однако мы не придерживаемся такого подхода в отношении структуры некоторых английских СТТ, так как входящие в состав последних интегранты (компоненты) не обладают характеристиками отдельных полнозначных «слов», а представляют собой морфологические «структуремы», несмотря на дискретность таких СТТ. Почему?

К примеру, английский СТТ *soil plough*, который мы относим к дискретно-морфологическому типу (ДМСТТ), состоит, согласно нашей концепции, из модификатора-метки *soil* и ономаσιологического базиса *plough*, которые образуют друг с другом структурно-семантическую спайку в процессе модифицирования базиса *plough*. Последний не только обозначает функциональный объект *plough*, но и совместно с модификатором-меткой *soil* имплицитно обозначает функционально-операциональный объект [*soil plough*], или ментальный конструкт-имаджен, так как у него отсутствует его непосредственный, собственный и прямой вектор. Его вектор складывается из совокупности векторов модификатора метки *soil* и ономаσιологического базиса *plough*. Как мы считаем, лексема *soil* теряет свою частеречную функцию, превращаясь в метку (*token*) свернутого имплицитного актантного отношения: → a plough (subject) RAKES (implied predicate) soil (direct object). Как модификатор *soil*, так и ономаσιологический базис *plough* становятся структурными компонентами, то есть анализемами, или структурами, в составе ДМСТТ *soil plough*. Сам по себе объект *plough* представляет собой функциональный технический объект, предназначенный для обработки почвы. Только образуя структурно-морфологическое единство с модификатором-меткой *soil*, ономаσιологический базис данного ДМСТТ обозначает имплицитный операциональный объект *soil plough*, то

есть устройство для рыхления почвы. ВН модификатора-метки *soil* помимо своей собственной номинации еще и обозначает соотнесенность с имплицитным актантным отношением [**plough RAKES soil**]. Именно ДМСТТ *soil plough* представляет собой «составной композит», в котором нельзя произвольно элиминировать структурно связанный и неавтономный компонент-сегмент *soil*. Тем не менее в российской англистике уже многие десятилетия лингвисты-терминологи неизменно применяют **частеречный анализ** структурных компонентов СТТ, в том числе технических, по существу причисляя модификаторы-метки и модифицируемые базисы к отдельным «словам», якобы обладающим такими же частеречными свойствами, как и в свободных синтаксических словосочетаниях. Данный тип анализа, как нам представляется, не только не раскрывает структурно-морфологическую сущность исследуемых терминологических единиц, но и «вуалирует» те имплицитные актантные отношения, которые собственно и лежат в основе генезиса и функционирования английских СТТ, интегративные ВН которых являются чрезвычайно сложными и требуют другого подхода. Занимаясь нерелевантным частеречным анализом, лингвисты, как мы считаем, игнорируют в своих исследованиях важнейший **императив** образования английских СТТ, а именно: императив отражения на языковом уровне процесса приобретения функциональным объектом определенной **технической функции** (например: *plough* — функциональный объект → *soil plough* — функционально-операциональный объект). Безусловно, функционально-операциональный объект *soil plough* обозначается не напрямую, а посредством составной линейной структуры (*soil + plough*). Как функционально-операциональный объект он существует в виде ментального конструкта-имаджена, и его номинация поддерживается совокупным интегративным вектором номинации [*soil plough*].

В корпусе английских СТТ помимо ДМСТТ, которые характеризуются использованием модификаторов-меток в препозиции, также представлены составные термины синтаксического типа, в структуре которых применяются модификаторы-метки в постпозиции и различные предлоги (*of, with, in, on, etc.*), например: **plough with forecarriage** (*передковый плуг*). В этом случае интегративный ВН включает в себя собственно ономаσιологический базис, предлог-связку и модификатор-метку в постпозиции (*plough with*

forecarriage). При этом предлог имеет важную функцию, так как он способствует экспликации актантного отношения *комплектации*: *a plough IS EQUIPPED WITH a forecarriage*. Без вектора номинации, выражаемого предлогом *with*, было бы затруднительно установить это отношение (*forecarriage plough** — какое актантное отношение?). Но как оценивать функцию и статус предлогов в составе английских СТТ синтаксического типа? Как определять их векторность номинации?

Характерно, что при традиционном применении частеречного анализа структуры английских СТТ (*A + N, N + N, etc.*) не происходит какого-либо дифференцированного подхода к структурному исследованию двух типов английских СТТ — дискретно-морфологического и синтаксического. Для решения этой проблемы необходимы другие средства, например применение эксплицируемой в данной работе концепции векторности номинации.

Частеречный анализ в настоящее время является настолько широко распространенным и универсальным в среде российских лингвистов-терминологов, что может применяться и в отношении *русского языка*. Мы приводим в качестве примера недифференцированного подхода к структурному исследованию СТТ частеречный анализ, представленный в работе В. С. Позвонковой «Структурно-семантический анализ военно-химических многокомпонентных терминов». Автор отмечает наличие в русской военно-химической терминологии составные термины, содержащие в своей структуре от двух до семи компонентов: «<...> — двухкомпонентные: *A + N* — вентиляционный клапан, боевая экипировка; *N + N* — система защиты, клапан вдоха; — трехкомпонентные: *N + A + N* — средства индивидуальной защиты; *A + A + N* — газонепроницаемый защитный костюм; *N + N + N* — система изоляции и транспортировки; — четырехкомпонентные: *A + A + N + N* — специальный индивидуальный комплект экипировки; *A + N + A + N* — групповой комплект боевой экипировки; <...> — семикомпонентные: *N + A + N + N + N + A + N* — средство индивидуальной защиты органов дыхания комбинированного типа» [6]. При этом остаются неясными такие вопросы, как тип межкомпонентных связей в структуре русских СТТ, синтаксичность или морфологичность последних, а также различие между многокомпонентным термином и сложным терминологическим понятием: «В процессе научно-технического прогресса и

в результате разработки новых средств защиты с последующим их внедрением в стационарные и подвижные объекты границы терминологической группы расширяются путем включения терминологических единиц неродственных научно-технических областей для обозначения вновь появившегося понятия: <...> фильтровентиляционная установка для танка <u> фильтровентиляционное устройство для бункеров...» [*ibidem*]. И, действительно, с точки зрения нашей концепции векторности номинации такой термин, как **фильтровентиляционная установка для танка**, представляет собой — по утверждению автора статьи — единое терминологическое понятие. Однако, как мы считаем, он синтаксически состоит из *двух терминов* — **фильтровентиляционная установка** и **танк**, соединенных посредством предложной связи (*согласно традиционному частеречному анализу: A + N + Prep. + N*). То есть в термине **фильтровентиляционная установка для танка**, приводимом В. С. Позвонковой, представлены два ВН — интегративный и сингулярный (*одиночный*), а значит, данный комплексный термин обозначает дистрибутивную интеракцию двух технических объектов — операционального объекта **фильтровентиляционная установка** и функционального объекта **танк** — в форме технологической пары, в которой один технический объект выступает как фактор функциональности другого, технологически зависимого технического объекта: [**фильтровентиляционная установка (целевой объект-фактор) + для (элемент-связка) + танк (технологически зависимый объект)**]. С одной стороны, мы однозначно трактуем данное терминологическое словосочетание как комбинацию двух терминов — составного и унитарного, а с другой — термин **танк** в составе данного комплексного термина выполняет функцию постпозитивного модификатора двухкомпонентного СТТ **фильтровентиляционная установка**, то есть является структурно связанным, то есть налицо единый интегративный ВН. Так сколько же ВН представлено в структуре СТТ **фильтровентиляционная установка для танка** — один, два или три? Это сложно определить. Поэтому данный аспект не является однозначным и нуждается в отдельном исследовании.

В свете вышесказанного, можно констатировать, что как дискретно-морфологический тип, так и синтаксический тип английских СТТ являются разными не только по своей структурной сущности, но и в силу различия их интегративных ВН.

Далее, ряд российских исследователей проводит частеречный анализ в отношении не только собственно отдельных английских СТТ, но и синтаксических комбинаций нескольких терминов, а именно: 1) одинарный (*универбный*) термин + предлог + одинарный (*универбный*) термин; 2) одинарный (*универбный*) термин + предлог + СТТ; 3) СТТ + предлог + одинарный (*универбный*) термин; 4) СТТ + предлог + СТТ. При этом подходе размываются границы между отдельными структурными типами терминов и игнорируется различие в сингулярных и интегративных ВН. В результате размываются границы объекта анализа и возникает методологическая эклектичность последнего. Поверхностность частеречного анализа и его нескритичность в отношении объекта исследования приводит, как мы считаем, к теоретическим противоречиям и затруднениям. В случае наличия комбинаций нескольких терминов, соединяемых посредством постпозитивных связей с помощью предлога, возникает неясность, состоящая в том, имеет ли субъект английской составной технической терминологии дело с единым комплексным термином, то есть с единым ВН и одним техническим объектом или с несколькими терминами и, соответственно, с несколькими независимыми и неинтегрируемыми векторами номинации, относящимися к нескольким объектам.

В силу того факта, что в английском языке встречаются СТТ как синтаксического, так и дискретно-морфологического структурного типа, то теоретически, методологически и практически сложно анализировать их с одних и тех же позиций, поскольку они являются структурно неоднородными. Однако, с другой стороны, имеется смысл методологически объединить эти два типа в один общий класс, так как они представляют собой когнитивно-номинативные терминологические единства, обозначающие единые понятия, и являются сложными линейными знаками, то есть подобрать для них объединительное название или рубрику. При этом наряду с унитарными или двухкомпонентными терминами также существуют и линейные комбинации, или комплексы, терминов, которые обладают единым номинативным и семантическим единством. Мы избегаем использовать общепринятое название 'терминологическое словосочетание' в отношении английских ДМСТТ в силу того, что считаем структурные компоненты, образующие их, не словами, а морфологическими интегрантами, или *структурами*. Так как дискретно-

морфологические и синтаксические СТТ, а также терминологические комплексы обладают общими физическими признаками дискретности и линейной протяженности и относятся к линейным знакам, мы предлагаем называть их единым объединительным термином *‘терминологическая катена’* [термин ‘катена’, по-английски *catena* — цепь, цепочка, ряд, связь, вереница, череда происходит от латинского слова *catena* «цепь»]. «Катена — синтаксическая и морфологическая единица, тесно связанная с грамматикой зависимостей. Она является более гибким и объемлющим понятием, чем составляющая, и поэтому, вероятно, может лучше составляющей служить в качестве фундаментальной единицы синтаксического и морфологического анализа» [4]. Понятие катены было введено в лингвистику в 1998 г. Вильямом О’Грэди (*William O’Grady*), доктором факультета лингвистики Гавайского университета в Маноа (1988).

Таким образом, согласно нашей концепции, английские технические термины подразделяются, с одной стороны, на унитарные (*моноксемные, универбные*) термины и терминологические катены, которые в свою очередь включают в свой состав дискретно-морфологические СТТ, в том числе многокомпонентные, СТТ синтаксического типа и комплексные термины, с другой стороны.

3. Сопоставление векторности номинации структурных интегрантов (*структурем*) в составе свободных, дискретно-морфологических СТТ и СТТ синтаксического типа

Мы вводим нашу категорию *векторности номинации*, которая связана с тем, что отдельные компоненты в английских свободных словосочетаниях или структурные интегранты в составе английских ДМСТТ обладают собственной номинацией, или собственными векторами номинации, которые могут интегрироваться друг с другом. Ниже приводится анализ таких векторов.

Свободное словосочетание *round¹ table¹* имеет значение ‘круглый стол, или предмет мебели круглой формы’ (*дифференциатор round¹ и базис table¹ имеют свои отдельные ВН, а именно: дифференциатор round¹ обозначает геометрический параметр округлости, а базис table¹ — предмет мебели*). Здесь представлены два ВН.

ДМСТТ *round² table²* означает ‘круглый стол, круглый предмет мебели’ (1. *номенклатурный термин технической отрасли, связанной с производством и продажей мебели; 2. круглый стол*

для выполнения технических операций, обеспечивающий доступ к своей плоскости по всей окружности). В соответствии с нашей концепцией модификатор *round²* модифицирует базис *table²*. Как модификатор *round²*, так и базис *table²* представляют собой грамматически несвободные компоненты, или *сегменты*, согласно нашей терминологии. Это связано с тем фактом, что модификатор *round²* не просто «определяет» базис *table²*, но и редуцирует его экстенционал, то есть референциальный охват и отражает на языковом уровне функциональный технический квазиобъект [функция + объект]. Из всех объектов, подпадающих под рубрику множества объектов *tables*, класс технических объектов *round² tables²* характеризуется специальной круглой формой, а модификатор *round²* обозначает имплицитную актантичность, то есть операциональность функционального объекта *table²*: → a table (*subject — actant*) IS USED FOR (*predicate*) performing work by accessing it from a circumferential direction/circumferentially (*adverbial modifier of manner — circumstant/adjunct*). С одной стороны, модификатор *round²* нельзя произвольно «опустить» как в случае свободного словосочетания *round¹ table¹* без разрушения семантической структуры данного ДМСТТ. С другой стороны, базис *table²* структурно и семантически зависит от модификатора *round²*, так как редуцирование экстенционала базиса означает изменение его номинативных свойств, и этот статус «поддерживается» модификатором *round²*, который выступает *меткой базиса и циркуланта* имплицитного актантично-предикатного отношения по типу S-V-(O). Как мы полагаем, ДМСТТ *round² table²* является структурой со сдвоенным (*doubled/paired*) вектором номинации. Модификатор *round²* и базис *table²* структурно и семантически зависят друг от друга и в силу взаимной спаянности обладают свойствами лексико-грамматической неавтономности, или *сегментности*. Здесь представлен сдвоенный ВН.

Таким образом, свободное словосочетание *round¹ table¹* и терминологическая катена *round² table²* являются разносущностными явлениями, а *структура round²* не является дифференциатором и не определяет базис *table²*. Она обладает морфологической функцией в спайке с последним и выполняет функцию модификации базиса *table²*.

Композитная лексема *round³ table³* («круглый стол», *встреча за круглым столом; симпозиум, конференция, также round-table и roundtable*),

по всей вероятности, характеризуется единым вектором номинации и относится к одновекторным номинатам. Почему? В композите **round³ table³** дискретные, дефисные или слитные морфемные элементы **round³** и **table³** структурно образуют монолитную лексему **round³ table³**, которая внешне оформлена как словосочетание с двухвекторной номинацией, но по существу является дискретной монолитной лексемой-комполитом с одновекторной номинацией, так как мы считаем, что в ментальном плане композит **round³ table³** в значении 'беседа, обсуждение, коллоквиум' не вызывает у англоязычного субъекта отдельных ассоциаций ни с параметром **круглый**, ни с объектом **стол**. По существу, двухвекторность номинации композита **round³ table³** прослеживается только в его генезисе.

Мы полагаем, что диахроническое исследование английских ДМСТТ должно обязательно дополняться их синхроническим анализом для того, чтобы ответить на вопросы о том, как они возникли на ранних этапах становления английской технической терминологии, почему в английском языке, который относится к группе германских языков, утвердился дискретный (*неконтинуальный*), или адъективный, тип конфигурации компонентов в СТТ в отличие от немецкого, голландского, датского, шведского, норвежского и других языков германской группы, в которых преобладающим является континуальный, слитный (*субстантивно-комполитный*) тип формирования СТТ, cf.: **soil plough** (*почвенный рыхлитель, англ.*), **Bodenpflug/Bodenaufreißer** (*нем.*), **bodemploeg** (*голл.*), **jordploven** (*дат.*), **jordplog** (*швед.*), **jordploegen** (*норв.*) (*с тем же значением*).

Также отдельный интерес представляет собой вопрос о том, в какую эпоху развития английской технической терминологии отдельные двухкомпонентные СТТ стали налагаться друг на друга и образовывать сложно-модифицированные многосегментные термины (**farm plough + soil plough** → **farm soil plough**). Вероятно, этот процесс начался с появлением многооперационных функциональных технических объектов.

Вариации в *референциальной векторности интегрантов* в терминологических могут проявляться в зависимости от семантики и лексико-грамматического статуса соответствующих структур, например: **dark room** (*нарный ВН*) versus **dark-room** (*сдвоенный вектор*) versus **dark-room** (*одинарный интегрированный ВН*) (*темная комната, фотолaborатория*); **plough land** (*нарный ВН*) versus **plough-land** (*сдвоенный/двойной*

ВН) versus **ploughland** (*одинарный интегрированный ВН*) (*пахотная земля*) и т. п.

Английские ДМСТТ могут синтаксически сочетаться с различными определителями (*дифференциаторами*), образуя с ними свободные словосочетания определителей и ДМСТТ: <modern> **moldboard plough** (*современный отвальный плуг*); <improved> **swing plough** (*усовершенствованный балансирный или оборотный плуг*); <improved> **plough body assembly** (*усовершенствованный корпус плуга в сборе*); <modified> **disk cultivator** (*модифицированный дисковый культиватор*); <China> **agricultural implements** (*сельскохозяйственные орудия Китая*); <Kverneland> **power harrows** (*активные бороны международной компании Квернеланд, производящей сельскохозяйственное оборудование*), etc. Дифференциаторы **modern**, **improved**, **modified**, etc. не входят в структуру соответствующих ДМСТТ. При этом в данных комбинациях (*дифференциаторов и ДМСТТ*) субстантивные ядра индивидуальных объектов «налагаются» на ономаσιологические субстантивные базисы соответствующих ДМСТТ, образуя совместные базисы, например: **improved plough + swing plough** → **improved swing plough_{common}** (*функционально-операциональный объект + индивидуальный объект*), образуя сложные интегративные ВН.

В нашем исследовании последовательно проводится демаркация между структурными типами английских СТТ, которые могут относиться как к дискретно-морфологическим, так и синтаксическим. При этом необходимо обосновать это различие, то есть попытаться доказать *ригидность* и *рекуррентность* английских ДМСТТ в сравнении с СТТ синтаксического типа. Мы относим английские СТТ, которые содержат в своей структуре модификаторы-метки в препозиции, к дискретно-морфологическим (*например: soil plough* — *плуг-рыхлитель*), а СТТ, которые характеризуются наличием модификаторов-меток в постпозиции в сочетании с предлогами (*например: of, with, in, on, etc.*) — к синтаксическим (*например: plough with forecarriage* — *передковый плуг*). Если рассматривать двухкомпонентные английские ДМСТТ, то контакт между компонентами **soil** и **plough** можно было бы в принципе рассматривать как примыкание и обычную атрибутивную связь. Но если обратиться к многокомпонентным английским ДМСТТ, то они образуются не синтаксическим, а морфологическим способом, а именно: посредством *спайки, блендинга* (*superimposition/telescoping*) и *стыкования* (*jointing*).

Английские составные технические термины синтаксического типа, содержащие в своей структуре постпозитивные модификаторы и предложные связи (*of-, in-, on-, for-, etc. links*), обладают своей спецификой, в том числе и с точки зрения векторной номинации. Они требуют своего отдельного исследования.

4. Свойства ригидности и рекуррентности структуры английских ДМСТТ как дискретных морфологических образований

Основываясь на нашем опыте исследования английских ДМСТТ в техническом подязыке орудий для обработки сельскохозяйственных орудий, мы пришли к пониманию того, что они представляют собой ригидно-рекуррентные структуры. Под *ригидностью* структуры английских ДМСТТ мы понимаем собственно «жесткость», то есть *непроизвольность* и *заданность* структурного построения модифицирующих интегрантов и ономаσιологических базисов ДМСТТ относительно друг друга (*например, наличие определенных и жестко закрепленных ранговых позиций, или «слов» (в значении ‘интервалов’), в структуре английских ДМСТТ*), которые «заполняются» соответствующими одинарными или интегративными модификаторами и которые относятся к определенным ранговым и семантическим классам, а под *рекуррентностью* структуры — свойство повторяемости и воспроизводимости типовых моделей английских ДМСТТ. Наряду с ригидностью английские ДМСТТ характеризуются *произвольностью* своей структуры в плане различий в их линейной протяженности и компонентного состава.

а) Спайка унитарного модификатора-метки и ономаσιологического базиса

При образовании двухкомпонентного английского ДМСТТ одинарный модификатор (*унитарный или интегративный*) образует с модифицируемым базисом тесную парную *структурно-се-*

мантическую спайку (structural-semantic jointing/bonding), которая обозначает на языковом уровне операциональный технический квазиобъект [операция + объект]. Двухкомпонентный английский ДМСТТ такого рода мы называем термином ‘номен’, который уже отмечен ранее в российской терминологии [3. С. 38; 5. С. 111–113]. Однако мы вкладываем в это понятие другой смысл: в нашей интерпретации номен — это английский двухкомпонентный СТТ, состоящий из унитарного (*универбного*) модификатора-метки и ономаσιологического базиса, например: *tillage tool (почвообрабатывающее орудие)*: ← *a tool TILLS the soil*, *implied*. Двухкомпонентность структуры ДМСТТ *tillage tool* соответствует двойственности функционально-операционального квазиобъекта (*ментального конструкта*) [*tillage (операция) + tool (объект)*]. Также семантическая спаянность операционального квазиобъекта со своей операцией *коррелирует* со структурной аналитичностью ДМСТТ, то есть морфологической спаянностью модификатора и ономаσιологического базиса. Иными словами, согласно нашей концепции, подобные английские ДМСТТ являются морфологическими, а не синтаксическими структурами, несмотря на свою дискретность. В этой связи показательно, что в языках, принадлежащих к германской группе, эквивалентные ДМСТТ являются преимущественно композитными, то есть континуальными, или слитными [Необходимо отметить, что специалисты в области языков, принадлежащих к германской группе, отмечают смысловую «раздельность» компонентов в составе подобных слов, однако, тем не менее, они не относят их к «словосочетаниям» в отличие от эквивалентных ДМСТТ английского языка. — *Примеч. В. А. Г.*].

Представленная табл. 2 демонстрирует корреляцию двухкомпонентных ДМСТТ, функциональных квазиобъектов (*имадженов, или ментальных конструктов*) и функциональных объектов, существующих в технической реальности.

Таблица 2
Table 2

Пример корреляции двухкомпонентного ДМСТТ (номена), функционального квазиобъекта (имаджена, или ментального конструкта) и функционального технического объекта An example of the correlation of a two-component DMCTTs (a nomen), a functional quasi-object (an image, or a mental construct) and a functional technical object

Двухкомпонентный ДМСТТ (номен)	Функционально-операциональный квазиобъект (имаджен, ментальный конструкт)	Функциональный объект
tillage tool (почвообрабатывающее орудие)	квазиобъект [tillage + tool] (операция обработки почвы + орудийный функциональный объект)	tool (орудие)

б) Блендинг модификаторов-меток и ономаσιологического базиса

При дальнейшей модификации происходит наложение (*superimposition*) нескольких номенов с идентичными базисами и образование сложно-модифицированного ДМСТТ, например: **reversible farm tillage tool** (*оборотное сельскохозяйственное почвообрабатывающее орудие*): ← **tillage tool¹ + farm tool² + reversible tool³**. При этом образуется «превращенный» совместный базис (**tool common**), а модификаторы из состава налагаемых номенов «выстраиваются» в модифицирующую цепочку согласно своему семантико-позиционному рангу влево от совместного базиса. Данный ДМСТТ обозначает специализированный операциональный технический квазиобъект с тремя имплицированными операциями [**операция¹ + операция² + операция³ + функциональный объект**] → *a tool TILLS (the soil)/IS USED for tilling + a tool IS USED ON farms + a tool CAN BE MADE TO REVERSE (around its axis)*. На основе структурно-семантической ригидности развивается рекуррентность английских ДМСТТ и образуются их разнообразные типовые рекуррентные модели. При этом для таких структур характерным является *интегративная векторность* компонентов, входящих в их состав.

в) Стыкование модификаторов-меток с другим и с ономаσιологическим базисом

Английский ДМСТТ **plough tine assembly** (*узел стойки плуга; стойка плуга в сборе*) представляет собой пример термина, в составе которого стыковой модификатор **plough tine** образует структурно-семантический стык с базисом **assembly** в процессе его модифицирования (**plough tine + tine assembly**). Последний не только обозначает функциональный объект **assembly**, но и совместно со стыковым модификатором **plough tine** отображает на языковом уровне объект с лимитированной функциональностью [**plough tine assembly**], или ментальный конструкт-имиджен. Для этого типа терминов характерно то, что они обозначают не функционально-операциональные объекты, а объекты с лимитированной функциональностью. Структуры **plough** и **tine** являются совместно композитными метками (*composite token*) двух свернутых актантных отношений: → an assembly (*subject*) **INCORPORATES** (*implied predicate*) a tine (*direct object*)/a tine (*object*) **RELATES** (*implied predicate*) to a plough (*prepositional object*). Как стыковой модификатор **plough tine**, так и ономаσιологический базис **assembly** стано-

вятся структурными компонентами, или структурами, в составе ДМСТТ **plough tine assembly**.

При этом в процессе стыкования происходит **объединение/слияние ВН двух идентичных компонентов** как, например, в данном ДМСТТ: **plough tine + tine assembly**. Иными словами, структурный компонент **tine** в ДМСТТ **plough tine assembly** характеризуется **совместным ВН**, референциально-связанным одновременно как слева (**plough TINE**), так и справа (**TINE assembly**).

Интересно отметить, что в работах российских лингвистов, исследующих структуру английских СТТ, никогда не проводится какой-либо демаркации в структурном статусе между английскими СТТ ассоциативного типа, характеризующимися соположением (*juxtaposition*) компонентов, включая и базисные, с одной стороны, и конкатенативного типа, отличающимися последовательным сцеплением (*enchainment*) компонентов, в том числе базисных, с другой стороны. Пример ассоциативного структурирования: **installation-ready | tine | assembly** (→ an assembly **PROVIDES** a quick installation + an assembly **INCORPORATES** a tine. Пример конкатенативного структурирования: **plough ∩ tine ∩ assembly** (→ an assembly **INCORPORATES** a tine/a tine **BELONGS TO** a plough). В нашем понимании такая демаркация просто необходима, так как английские СТТ ассоциативного и конкатенативного типов относятся к *разноструктурным сущностям* и должны исследоваться отдельно. В качестве примера недифференцированного подхода к двум типам можно привести работу исследователей С. В. Сботовой и Е. Ю. Куляевой «Особенности лексического состава словосочетаний, используемых в техническом английском языке», в которой одновременно приводятся два разноструктурных английских СТТ: **prestressed reinforced concrete beam** (железобетонная балка с предварительно напряженной арматурой) и **technically pure iron alloy** (сплав из чистого железа) [7]. Применяемые ниже трансформационные развертки демонстрируют разноструктурность данных СТТ:

1. **prestressed | reinforced | concrete | beam** → a beam **IS MADE** prestressed + a beam **IS MADE** reinforced + a beam **IS MADE** concrete;

2. **technically pure ∩ iron ∩ alloy** → an alloy **IS MADE FROM** iron/iron **IS SELECTED** technically pure (*technically pure iron + iron alloy*).

Мы относим процессы *спайки, блендинга* и *стыкования* к *морфологическим типам* организации структурных компонентов ДМСТТ.

Как уже отмечалось выше, в других индоевропейских языках, принадлежащих к германской группе языков, наблюдается континуальное (*недискретное*) оформление ДМСТТ, эквивалентных, как мы считаем, соответствующим английским ДМСТТ. При этом для континуальных ДМСТТ германской группы языков характерны несомненная морфологичность их структуры и единая *недискретная векторность номинации*. Например, английскому ДМСТТ *soil plough* (*почвенный рыхлитель*) соответствуют аналогичные унитарные (*универбные*) термины-сложные слова, или композиты, *jordplog* и *Bodenaufreißer* с таким же значением в шведском и немецком языках соответственно. Аналогия английского ДМСТТ *soil plough* терминами-эквивалентами *jordplog* и *Bodenaufreißer* демонстрирует, как мы считаем, *единую векторность номинации* несмотря на различие в их структурном оформлении (*дискретность versus континуальность*).

На основании приведенных примеров очевидно, что структурное оформление СТТ в различных языках может быть различным (*от унитарных, то есть универбных, континуальных структур — в языках германской группы — до раздельнооформленных дискретных аналитических структур — в английском языке*).

Выше уже рассматривалось вводимое нами понятие 'акциональный (или операционный/операциональный) технический квазиобъект' как ментальный конструкт-имаджен и абстрактная сущность. Предлагаемый в данной работе концепт гипотетического функционального квазиобъекта, или ментального конструкта-имиджена, воспринимается нами как исходная методологическая основа для сущностного исследования *императива* генезиса и функционирования английских ДМСТТ. Основываясь на нашем опыте исследования английских ДМСТТ, мы пришли к пониманию того, что они представляют собой 1) ригидные структуры в плане «жесткости» и «непроизвольности», в форме *заданности* их построения, то есть морфологического «синтагматирования» модифицирующих интегрантов (*структурем*) и ономаσιологических базисов ДМСТТ относительно друг друга (*что проявляется, например, в наличии определенных и жестко закрепленных ранговых позиций, или «слотов» [то есть 'интервалов']*) и 2) рекуррентные структуры, которые «заполняются» различными модификаторами-структурами в форме повторяющихся структурных моделей.

5. Интерпретация структуры английских дискретно-морфологических составных технических терминов в свете некоторых положений когнитивистики

Опираясь на достижения современной российской и зарубежной когнитивистики, мы относим структуру английского СТТ к терминологической матрице и вкладываем в это понятие тройкий смысл. Терминологическая матрица — это 1) графическая презентация структуры составного именного термина, демонстрирующая его контент и статус структурных компонентов; 2) «оболочка» (*shell*), содержащая отдельные *позиции*, *ячейки*, или *секции*, которые «занимаются» модификаторами и базисом; 3) «когнитивный квант»/контекст/домен информации и знания. Американский лингвист Рональд Уэйн Лангакер (*Р. У. Лэнгекер*) ввел в лингвистический обиход концепт когнитивной матрицы для описания *формата* знания [9]. Когнитивисты выделяют разнообразные «оболочки» знания: схемы, когнитивные модели, фреймы, сценарии, матрицы, категории и т. д. Н. Н. Болдырев рассматривает когнитивную матрицу «как систему взаимосвязанных когнитивных контекстов или областей концептуализации объекта» [2]. Методология *когнитивно-матричного анализа*, разработанная Н. Н. Болдыревым, применяется лингвистами для исследования различных концептуальных форматов знания [*ibidem*]. Английские терминологические матрицы как «кванты знания» могут быть чрезвычайно информативно сатурированными, в особенности сложно-модифицированные ДМСТТ. Например: 1) ДМСТТ *deep tillage plough body assembly* (*корпус плуга для глубокой вспашки почвы в сборе*) содержит в своей эксплицитной и имплицитной структуре следующую информацию, то есть когнитивно значимый контент: 1. плуг применяется для обработки сельскохозяйственной почвы; 2. плуг представлен конструктивно в форме физического корпуса; 3. плуг выполнен в виде сборной конструкции; 4. плуг специально используется для глубокой вспашки почвы. 2) ДМСТТ *reversible farm soil plough* (*оборотный сельскохозяйственной почвенный рыхлитель*) включает в себе следующий когнитивный контент: 1. плуг применяется для обработки с.-х. почвы; 2. плуг используется для выполнения *операции рыхления*; 2. плуг применяется в области сельского хозяйства; 3. плуг выполнен конструктивно в оборотной конфигурации, при которой его рабочие органы могут изменять свое положение вокруг оси в начале новой борозды в конце

поля — во избежание образования гребней или при вспашке на косогорах.

Заключение

Необходимо отметить, что структура английских СТТ морфологического и синтаксического типов характеризуется наличием комплекса ВН, которыми обладают модификаторы и базисы как их структурные компоненты, или структуры-мы. Английские ДМСТТ являются структурами с единой интегративной системой ВН, которую образуют их структурные компоненты. Что касается СТТ синтаксического типа, то можно говорить о совокупности нескольких различных ВН модифицирующих и базисных компонентов, которые интегрируются в единый ВН в сознании англоязычных субъектов составной терминологии как отдельные понятия. Интеграция ВН обеспечивает английским СТТ номинативную цельность и семантическое единство. Помимо эксплицитных ВН, в структуре английских ДМСТТ также определяются имплицитные ВН, которые

соответствуют ментальным конструктам-имадженам, то есть квазиобъектам, обозначающим функционально-операциональные объекты. Однако наше исследование показывает, что каким бы сложным ни был интегративный ВН английских СТТ морфологического и синтаксического типов, для субъекта английской составной технической терминологии составной термин всегда будет представлять собой цельную терминологическую катену с единым ВН, отражающий интегративный «квант знания».

Предлагаемая в данной работе гипотетическая концепция номинативной векторности структурных компонентов английских СТТ может быть полезна в изучении и интерпретации структуры английских СТТ морфологического и синтаксического типа, а также различных комбинаций терминов, использоваться при разработке общей теории английских СТТ (которая еще не создана) и способствовать расширению научно-методологического инструментария.

Список источников

1. Арутюнова Н. Д. Номинация, референция, значение // Языковая номинация. Общие вопросы. М.: Наука, 1977.
2. Болдырев Н. Н. Концептуальная основа языка // Когнитивные исследования языка. Вып. IV. Концептуализация мира в языке: коллектив. моногр. / гл. ред Е. С. Кубрякова. М.: ИЯ РАН; Тамбов: Изд-во ТГУ, 2009. 256 с.
3. Гринев-Гриневиц С. В. Терминоведение. М., 2008.
4. Катена. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Катена> (Дата обращения: 16.11.2021).
5. Никулина Н. В. Номен как составляющая профессиональной коммуникации (на материале транспортной терминосистемы) // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 31 (322). Филология. Искусствоведение. Вып. 84. С. 111–113.
6. Позвонкова В. С. Структурно-семантический анализ военно-технических многокомпонентных терминов // Вестник Челябинского государственного университета. 2021. № 4 (450). Филологические науки. Вып. 124. С. 100–106.
7. Сботова С. В., Куляева Е. Ю. Особенности лексического состава словосочетаний, используемых в техническом английском языке // Вестник Челябинского государственного университета. 2018. № 4 (414). Филологические науки. Вып. 112. С. 146.
8. Серебренников Б. А. Языковая номинация. Общие вопросы. М.: Наука, 1977. 358 с.
9. Langacker R. W. Foundations of Cognitive Grammar. Vol. 1. Theoretical Prerequisites. Stanford, CA: SUP, 1987. 540 p.
10. Quirk R., Greenbaum S., Leech G., Svartvik J. A. University Grammar of English. Moscow, 1982.

References

1. Arutyunova ND. Nomination, reference, meaning. In: Yazykovaya nominaciya. Obshchie voprosy = Linguistic nomination. General issues. Moscow: Nauka; 1977. (In Russ.).
2. Boldyrev NN. The conceptual basis of language. In: Kognitivnye issledovaniya yazyka. Vypusk IV. Kontseptaulizatsiya mira v yazyke: kollektivnaya monografiya = Cognitive studies of language. Issue IV. The conceptualisation of the world in language: a multi-author edition]. Moscow, Tambov; 2009. 256 p. (In Russ.).
3. Grinev-Grinevich SV. Terminovedenie = Terminology science. Moscow; 2008. (In Russ.).

4. Catena. Available from: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Katena>.
5. Nikulina NV. The nomen as a constituent of professional communication (based on material from the transport-related term system. *The Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2013;31(332):111-113. (In Russ.).
6. Pozvonkova V. A structural-semantic analysis of military-technical terms. *The Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2021;4(450):100-106. (In Russ.).
7. Sbotova SV, Kulyaeva EYu. The specifics of the lexical composition of word combinations used in technical English. *The Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2018;4(414):146. (In Russ.).
8. Serebrennikov BA. Yazykovaya nominaciya. Obshchie voprosy = Linguistic nomination. General issues. Moscow: Nauka; 1977. 358 p. (In Russ.).
9. Langacker RW. Foundations of Cognitive Grammar. Vol. 1. Theoretical Prerequisites. Stanford: University Press.; 1987. 540 p.
10. Quirk R, Greenbaum S, Leech G, Svartvik JA. University Grammar of English. Moscow; 1982.

Информация об авторе

В. А. Генералов — соискатель ученой степени кандидата наук, кафедры теоретического и прикладного языкознания.

Information about the author

V. A. Generalov — applicant for a Degree of Candidate of Sciences, the Chair of Theoretical and Applied Linguistics.

Статья поступила в редакцию 27.09.2021; одобрена после рецензирования 03.11.2021; принята к публикации 18.01.2022.

The article was submitted 27.09.2021; approved after reviewing 03.11.2021; accepted for publication 18.01.2022.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 81'367.62

doi: 10.47475/1994-2796-2022-10102

АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ НАПРАВЛЕНИЯ ПРОИЗВОДНОСТИ ПРИ КОНВЕРСИИ В ПАРАДИГМАХ «ИМЯ — ГЛАГОЛ»

Елена Михайловна Каргина

Пензенский государственный университет архитектуры и строительства, Пенза, Россия, kargina-elena@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению проблемы направления производности при конверсии в парадигмах «имя — глагол». Анализируются причины недостаточной валидности существующих методик определения первичного и вторичного слов при словообразовательных отношениях по конверсии, в частности: отсутствие методик для исследования части материала; противоречивость результатов применения разных методик; двойное толкование при анализе конкретного материала в рамках ряда методик; недостаточная теоретическая состоятельность некоторых методик. Обосновывается значимость разработки эффективного критерия производности при конверсии и доработки существующих критериев. Приводятся и анализируются семантический, синонимический, словообразовательный, частотный критерии определения направления производности при конверсии. Рассматривается степень валидности обозначенных критериев, подчеркивается эффективность их комплексного использования.

Ключевые слова: проблема словообразования, направление производности, конверсия, парадигма «имя — глагол», критерий производности

Для цитирования: Каргина Е. М. Анализ проблемы направления производности при конверсии в парадигмах «имя — глагол» // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 1 (459). Филологические науки. Вып. 127. С. 21—27. doi: 10.47475/1994-2796-2022-10102.

Original article

ANALYSIS OF THE DERIVATION DIRECTION DURING CONVERSION IN THE NAME-VERB PARADIGMS

Elena M. Kargina

Penza State University of Architecture and Construction, Penza, Russia, kargina-elena@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the consideration of the derivativeness direction problem during conversion in the name-verb paradigms. The reasons for insufficient validity of existing methods for determining the primary and secondary words in word-forming relations by conversion are analyzed, in particular: the lack of methods for studying part of the material; inconsistency of results of using different methods; double interpretation when analyzing a specific material within a number of methodologies; insufficient theoretical consistency of some methods. The importance of developing an effective derivativeness criterion during conversion and refining existing criteria is justified. Semantic, synonymic, word-forming, frequency criteria for determining the direction of derivativeness during conversion are presented and analyzed. The degree of validity of the specified criteria is considered, the effectiveness of their integrated use is emphasized.

Keywords: problem of word formation, direction of derivation, conversion, name-verb paradigm, criterion of derivation

For citation: Kargina EM. Analysis of the derivation direction during conversion in the name-verb paradigms. *Bulletin of Chelyabinsk State University.* 2022;1(459), Philological Sciences, 127:21-27. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2022-10102.

Введение

Анализ лингвистической и методической литературы свидетельствует об актуальности разработки критериев направления производности и выработки соответствующей методики анализа словообразовательных отношений в качестве одного из аспектов теории конверсии на различных этапах ее развития (И. Э. Барон [2], И. А. Каргаполова [7], С. М. Костенко [9], Е. С. Кубрякова [10] и др.). Рассмотрение данной проблемы находит отражение в работах исследователей в следующих концептах: «словообразовательная мотивированность» (Н. М. Альметова [1], И. А. Ширшов [14]), «семантика производного слова» (Л. В. Иняхина [5], И. Г. Ищенко [6]), «словообразовательные отношения» (П. А. Соболева [12]) и др.

Важность выработки четкого, непротиворечивого и максимально применимого критерия производности при конверсии, а также доработки уже существующих критериев трудно переоценить. Английское словообразование было и остается в настоящее время предметом интенсивного и всестороннего изучения, что находит отражение в глубоких исследованиях, решающих сложнейшие проблемы словообразования. Процессы конверсии, которая является достаточно продуктивным способом словообразования, заслуженно требуют адекватного изучения, поскольку трудности в проведении анализа словообразовательных отношений по конверсии влияют на точность полученных результатов.

Анализ существующих критериев определения направления производности при конверсии, разработанных в значительной степени в исследованиях П. А. Соболевой [12], свидетельствует о возможности в рамках существующей методики адекватного определения первичного и вторичного слов при словообразовательных отношениях по конверсии. Однако подобная методика (точнее, совокупность методик) не может быть признана достаточно эффективной по следующим причинам:

- 1) часть материала не может быть исследована ни одной из методик;
- 2) иногда результаты применения разных методик противоречат друг другу;
- 3) ряд методик допускают при анализе конкретного материала двойное толкование;
- 4) не все методики представляются теоретически состоятельными в достаточной степени.

Целью данной статьи является подробное рассмотрение существующих критериев определения направления производности по конверсии и путей их дальнейшей разработки, а также обсуждение возможностей применения новых критериев.

Материалом исследования послужили 400 слов, отобранных методом случайной выборки из англо-русского словаря В. К. Мюллера.

Основным методом исследования в статье является метод лингвистического наблюдения и описания с использованием методов сопоставительного, морфемного, семантического анализа, а также метода статистических подсчетов.

Следует отметить, что анализ основан на так называемых косвенных методах установления производности при конверсии. Нельзя не согласиться с тем, что направление производности как проявление словообразовательных отношений между единицами большей/меньшей сложности по форме и/или по смыслу может в принципе выводиться непосредственно из описания означающих и означаемых [11].

Исследование критериев определения направления производности по конверсии

На современном этапе еще не решена сама проблема адекватного описания всех семантических сходств и различий между словами через толкования слов, отвечающих требованиям отсутствия кругов, стандартизации и универсализации языка толкования и т. д. [8]. Поэтому представляется преждевременным недооценивать актуальность косвенных методов определения большей/меньшей смысловой сложности, в частности, при выявлении направления производности при конверсии.

Итак, на основе вышесказанного выделяются следующие критерии определения направления производности по конверсии:

Семантический критерий

Данный критерий опирается на анализ типа семантических связей между анализируемыми словами. Существуют такие классификации семантических отношений между соотносящимися по конверсии словами, которые диагностируют первичность существительного и вторичность глагола, и классификации связей, свидетельствующих об обратном процессе. Обычно данный критерий используется наиболее широко, поскольку не имеет ограничений, заложенных в самой природе других критериев.

Однако, несмотря на отсутствие ограничений в плане применимости к любому материалу, семантический критерий не может считаться абсолютно надежным. В целом ряде случаев не удастся безоговорочно отождествить наблюдаемые семантические отношения между словами, соотносящимися по конверсии, с каким-либо определенным типом семантических отношений, предлагаемым указанными классификациями.

Причиной этому служит не столько сложность семантических отношений, наблюдаемых при анализе конкретного материала, сколько недостаточная разработанность самого критерия. Действительно, в классификациях семантических отношений между словами, соотносящимися по конверсии, в ряде случаев сама формулировка сущности этих отношений не является предельно четкой и изначально допускает двойное, порой даже противоположное толкование. Например, среди типов семантических отношений, диагностирующих первичность существительного и вторичность глагола, обычно указывается тип, где глагол означает «дачу, придачу того, что обозначено существительным», и тип, где глагол означает «действие, для выполнения которого служит предмет».

Случай возникновения подобных трудностей отнесения наблюдаемых семантических отношений к тому или другому типу внутри одной классификации для определения первичности/вторичности анализируемого слова не является существенным. Проблематичным представляется тот случай, когда наблюдаемые отношения можно с равным успехом отнести к типам разных классификаций, одна из которых диагностирует, например, первичность существительного, а другая — его вторичность. Например, в классификации семантических отношений при первичном существительном и вторичном глаголе ($N \rightarrow V$) существует тип, где глагол означает «действие, типичное для живого существа, обозначенного существительным»; с другой стороны, классификация семантических отношений при первичном глаголе и вторичном существительном ($V \rightarrow N$) выделяет тип «действие — действующее лицо». Поскольку формулировки сущности указанных семантических отношений не являются взаимоисключающими, практическое отнесение реально наблюдаемых семантических отношений между словами, соотносящимися по конверсии, к той или иной классификации неизменно представляет большие трудности и полностью зависит от интуиции исследователя.

Другим недостатком семантического критерия в том виде, в котором он применяется в настоящее время, является то, что не все возможные типы семантических отношений между словами, соотносящимися по конверсии, оказываются охваченными существующими классификациям.

Таким образом, семантический критерий определения вторичности при конверсии не всегда дает положительные результаты. Однако специальный анализ семантических отношений между словами, соотносящимися по конверсии, позволил бы

уточнить и дополнить существующие классификации, что сделало бы семантический критерий практически более надежным. Представляется весьма целесообразным, чтобы анализ такого рода использовал диагностические возможности так называемого трансформационного критерия [12].

Практическое применение в исследовании направления производности при конверсии находит еще один семантический критерий, который обычно выделяется в особый критерий, так как в отличие от рассмотренного ранее семантического критерия он основывается не на типе семантических отношений между словами, а на противоречии между лексическим значением корня и категориальным значением слова в целом. Критерий этот представляется наиболее естественным и теоретически неуязвимым. Его практическое применение затрудняется тем, что указанное противоречие решается чаще всего на основе интуиции исследователя. Однако у значительного количества слов, соотносящихся по конверсии, характер корня не выражен достаточно четко и интуиция не помогает с какой-либо уверенностью обнаружить противоречие между лексическим значением корня и категориальным значением слова в целом.

Если допустить правомочность такого рода рассуждений, можно считать, что рассматриваемый критерий имплицитно учитывает фактор частотности, что приводит к выводу о возможности выдвигания частотности употребления слова как самостоятельного критерия направления производности при конверсии.

Синонимический критерий

Обозначенный критерий также не может рассматриваться как достаточно надежный способ определения производности при словообразовательных отношениях по конверсии по ряду причин.

Во-первых, этот критерий применим к ограниченному материалу. По мнению П. А. Соболевой [12], синонимический критерий надежен только в области абстрактных слов, синонимы которых обладают сложной морфемной структурой, и применим только к соотношению ($V \rightarrow N$), а не ($N \rightarrow V$). Данный факт можно объяснить как относительной бедностью словообразовательных средств английского глагола, так и более слабой синонимикой глагола в целом [3].

Во-вторых, независимо от сферы применения данный критерий не представляется достаточно состоятельным теоретически.

Сущность синонимического критерия состоит в следующем: если рассмотреть синонимический ряд, в который входит данное слово,

то по структурной простоте или сложности синонимов можно сделать заключение о внутренней простоте или производности анализируемого слова.

Положение об аналогичности отношений представляется достаточно спорным, поскольку принадлежность слов к одному синонимическому ряду не гарантирует аналогичности их семантических отношений со своими производными.

При допущении предположения, что в большинстве случаев рассматриваемые семантические отношения аналогичны, оказывается, что не всегда можно воспользоваться данной возможностью для определения вторичного слова в паре слов, соотносящихся по конверсии. Исследование словообразовательных характеристик элементов синонимических рядов существительного свидетельствует о том, что для синонимических рядов характерна не словообразовательная однородность, а словообразовательное разнообразие. Синонимический ряд зачастую содержит единицы многих словообразовательных типов — простые, аффиксальные, образованные по конверсии, сложные. Это затрудняет применение синонимического критерия, так как часто оказывается, что синонимический ряд, в который входит анализируемое слово, включает синонимы как структурно сложные, так и структурно простые.

Словообразовательный критерий

Разработанный П. А. Соболевой словообразовательный критерий производности слов, соотносящихся по конверсии, является наиболее формальным из всех критериев и поэтому, несмотря на ограничения в применении, наиболее практичным и точным.

Критерий основывается на том факте, что для английского языка нетипично большее количество производных у образований первой степени производности (в частности, у конвертированных слов), чем у образований нулевой степени. Поэтому если все производные первой степени носят отглагольный характер, то простым является глагол, если же все образования первой степени производности носят отыменный характер, то простым словом считается существительное. Словообразовательный критерий применим к довольно узкому кругу слов, соотносящихся по конверсии, так как предполагает наличие значительного количества производных, причем с явным преобладанием либо отыменных, либо отглагольных производных.

Однако даже в тех случаях, где материал исследования не накладывает на применение словообразовательного критерия указанных ограничений, его результаты не являются абсолютно надежными и противоречат результатам применения других

критериев. Данный факт не является следствием несостоятельности критерия. Следует предположить, что данный критерий может быть несколько более успешно применен, если его усовершенствовать, учитывая результаты исследований в области семантики словообразования [5; 6; 13; 15]. В том виде, в котором словообразовательный критерий применяется в настоящее время, он не учитывает полисемии производящей и производной основы.

Словообразовательные отношения относятся к разряду структурно-семантических отношений. Производное слово, по определению, соотносится с производящей основой в плане значения. Между тем, существует избирательность взаимодействия производящих основ и их значений с аффиксами при образовании производного. Одним из распространенных типов взаимодействия производящих основ и суффиксов является взаимодействие производящих основ в одном из их значений с аффиксом [13] (многозначность аффикса в данном случае несущественна). Таким образом, производное слово в данном значении непосредственно связано лишь с определенным значением производящей основы.

Поскольку семантическая структура производных, как правило, проще структуры производящих основ, то при исследовании их семантических отношений для выявления наличия словообразовательных отношений важно учитывать полисемию производящих основ, что особенно значимо при анализе пар слов, соотносящихся по конверсии. При аффиксации установление факта словообразовательных отношений является, по существу, конечным этапом словообразовательного анализа, так как в данном случае не существует проблемы направления деривации: более сложное в структурном отношении слово является, естественно, и более сложным в семантическом плане, и, следовательно, оно производно от менее сложного в структурном плане образования. При конверсии, характеризуемой внутренней производностью, для определения производности важен не структурный, а семантический фактор, что предполагает особое внимание к полисемии основ.

Считается, что семантический критерий неприменим лишь к небольшой группе слов, значения которых сложились в результате процесса, который О. Есперсен называет осцилляцией, процесса появления нового значения у исходного существительного (или глагола) под влиянием производного глагола (или существительного) [4]. Однако лингвистический анализ показывает, что подобных слов достаточно много и они создают серьезные трудности при анализе, так как между ними скла-

дываются семантические отношения, характерные как для ($V \rightarrow N$), так и для ($N \rightarrow V$).

Если признать, что специфика конверсии как явления, характеризуемого внутренней семантической производностью, требует учета такого чисто семантического фактора, как многозначность основ, то следует признать также, что материально один и тот же звуковой отрезок может быть как первичной, так и производной (конвертированной) основой. Это зависит от того, какое из его значений соотносится с соответствующим ему образованием другой части речи, что достаточно спорно и требует специальной разработки. Представляется, однако, что такой подход не противоречит логике семантической производности, а диктуется ею. Кроме того, такой подход расширил бы границы применения семантического критерия и уточнил бы границы применения словообразовательного критерия.

Частотный критерий

Хотя идея частотности употребления членов пары слов, соотносящихся по конверсии, не нова, в работах по конверсии она не получила должного развития. Между тем она, несомненно, интересна и, думается, перспективна. Общеизвестно, что чем сложнее образование структурно, тем оно менее частотно. Но, как правило, менее частотные и более сложные в структурном отношении образования одновременно являются и семантически более сложными.

Применение данного критерия дает значительные преимущества для исследования, главное из которых — объективность результатов анализа.

Другими положительными моментами использования частотного критерия являются:

1. Существующие справочники частотности употребления слов охватывают довольно большое число слов, соотносящихся по конверсии. При этом достаточно, чтобы словарь фиксировал хотя бы одно из слов пары, так как само отсутствие в нем другого слова пары уже указывает на его более низкую частотность по сравнению с первым словом.

2. Полезными могут оказаться и толковые словари, если исходить из того, что чем ближе интересующее значение располагается к первому значению, тем оно более частотно (речь идет о синхронных словарях, располагающих значения в порядке убывания частотности).

3. Незафиксированные в частотных словарях образования явно выиграли бы от применения частотного критерия, так как, будучи примененным к частотным словам, этот критерий помог бы уточнить другие критерии и, в частности, самый широкий по сфере применения семантический критерий.

Несомненно, однако, что теоретическая состоятельность и практическая применимость частотного критерия требуют самой тщательной проверки. Основная трудность в исследовании практической применимости критерия частотности состоит в отсутствии в целом ряде случаев статистических данных.

При сопоставлении частотности употребления слов, соотносящихся по конверсии, в их соотносительных значениях возможны две ситуации:

1. Частотности употребления как глагола, так и существительного в соотносительном значении в словаре зафиксированы. Если частотность глагола (существительного) в интересующем нас значении выше частотности соотносительного значения существительного (глагола), делается вывод о первичности глагола (существительного) и производности существительного (глагола).

2. В словаре зафиксирована частотность употребления лишь одного члена пары в интересующем нас значении. Тогда возможны две процедуры:

а) принимается, что частотность соотносительного значения другого члена пары слишком низка, чтобы фиксироваться в частотном словаре и во всяком случае ниже, чем частотность рассматриваемого значения первого члена пары. Делается вывод о первичности члена пары, частотность употребления которого в интересующем нас значении зафиксирована в словаре, и о производности другого члена пары в соотносительном значении;

б) может оказаться, что у другого члена пары нет значения, соотносительного рассматриваемому значению первого члена пары, что позволяет сделать вывод об отсутствии словообразовательных отношений по конверсии между данными словами в пределах рассматриваемых значений.

Исследование частотности употребления слов, гипотетически соотносящихся по конверсии, в их соотносительных значениях свидетельствует о том, что в подавляющем числе случаев выявленное направление производности хорошо согласуется с результатами применения других критериев. Речь идет о тех случаях, когда последние дают достаточно непротиворечивые результаты, что позволяет признать валидность применения частотного критерия.

Заключение

Таким образом, проанализировав проблему направления производности при конверсии в парадигмах «имя — глагол», можно сделать следующие выводы:

1. Определение четкого, непротиворечивого и максимально применимого критерия производности при конверсии, а также доработка уже существующих критериев являются важными

проблемами современного языкознания, поскольку конверсия относится к достаточно продуктивным способам словообразования.

2. Существующие методики определения первичного и вторичного слов при словообразовательных отношениях по конверсии не являются достаточно валидными в силу ряда причин, в частности: отсутствие методик для исследования части материала; противоречивость результатов применения разных методик; двойное толкование при анализе конкретного материала в рамках ряда методик; недостаточная теоретическая состоятельность некоторых методик.

3. Современная лингвистика располагает следующими критериями определения направления производности при конверсии: семантический, синонимический, словообразовательный, частотный и др. Практическое применение для анализа первичности/вторичности слова каждого из обозначенных критериев имеет определенные преимущества и недостатки.

4. Существующие недостатки (сложность толкования и противоречивость классификации семан-

тических отношений слов в рамках семантического критерия, недостаточная теоретическая состоятельность синонимического критерия, узость сферы слов для анализа в рамках словообразовательного критерия, нехватка статистических данных для частотного критерия и др.) и ограничения в применении каждого из критериев определения направления производности при конверсии позволяют прийти к выводу о необходимости их совокупного использования, что обеспечит максимальную объективность результатов анализа.

5. Одним из эффективных вариантов определения направления производности при конверсии в парадигмах «имя — глагол» является выбор комплекса критериев с использованием частотного критерия в качестве первичного. В подавляющем числе случаев выявленное подобным методом направление производности хорошо согласуется с результатами применения других критериев, что позволяет признать валидность частотного критерия.

Список источников

1. Альметова Н. М. Когнитивный анализ направления мотивации при конверсии: диахронический аспект: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2011. 166 с.
2. Барон И. Э. Основные типы словообразовательных значений конвертированных глаголов в парах $N \rightarrow V$ в современном английском языке: дис. ... канд. филол. наук. Пятигорск, 1995. 180 с.
3. Волкова Н. О. Структурные особенности синонимии разных частей речи в современном английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1967. 22 с.
4. Есперсен О. Философия грамматики. М.: Изд-во иностр. лит., 1958. 400 с.
5. Иняхина Л. В. Развитие семантической структуры отсубстантивных конвертированных глаголов в истории английского языка: дис. ... канд. филол. наук. СПб.: Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена, 1998. 221 с.
6. Ищенко И. Г. Особенности семантики и прагматики производного слова // Вестник Амурского государственного университета. 2000. № 3. С. 64—67.
7. Каргаполова И. А. Лингвистические факторы субстантивно-предикатной перекатегоризации (на материале отыменных конвертированных глаголов в современном английском языке): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1988. 18 с.
8. Каргина Е. М. Анализ проблематики универсализма в лингвистике // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 2-2 (80). С. 320—322.
9. Костенко С. М. Конверсия как способ образования глаголов от имен существительных в английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1955. 16 с.
10. Кубрякова Е. С. Конверсия в современном английском языке. М.: Наука, 2002. 327 с.
11. Мельчук И. А. Словообразование и конверсия. М.: Наука, 1972. 45 с.
12. Соболева П. А. Словообразовательные отношения по конверсии между глаголом и отглагольным существительным в современном английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1959. 19 с.
13. Харитончик З. А. Семантика суффиксального производного слова: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1971. 24 с.
14. Ширшов И. А. Типы словообразовательной мотивированности // Филологические науки. 1995. № 1. С. 41—45.
15. Щербакова Н. Н. Семантическое словообразование как лингвистическая проблема // Омский научный вестник. 2006. № 1 (34). С. 215—220.

References

1. Al'metova NM. Kognitivnyj analiz napravlenija motivacii pri konversii: diahronicheskiy aspekt = Cognitive analysis of the direction of motivation in conversion: diachronic aspect. Thesis. St. Petersburg; 2011. 166 p. (In Russ.).
2. Baron Ye. Osnovnye tipy slovoobrazovatel'nyh znachenij konvertirovannyh glagolov v parah N→V v sovremennom anglijskom jazyke = The main types of word-forming meanings of converted verbs in N→V pairs in the modern English language. Thesis. Pyatigorsk; 1995. 180 p. (In Russ.).
3. Volkova NO. Strukturnye osobennosti sinonimii raznyh chastej rechi v sovremennom anglijskom jazyke = Structural features of synonymy of different speech parts in the modern English language. Abstract of thesis. Moscow; 1967. 22 p. (In Russ.).
4. Espersen O. Filosofija grammatiki = The philosophy of grammar. Moscow: Izdatel'stvo inostrannoj literatury; 1958. 400 p. (In Russ.).
5. Injahina LV. Razvitie semanticheskoy struktury otsubstantivnyh konvertirovannyh glagolov v istorii anglijskogo jazyka = Development of the semantic structure of denominative converted verbs in the history of the English language. Thesis. St. Petersburg; 1998. 221 p. (In Russ.).
6. Ishhenko IG. Features of semantics and pragmatics of a derived word. *Vestnik Amurskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Amur State University*. 2000;(3):64-67. (In Russ.).
7. Kargapolova IA. Lingvisticheskie faktory substantivno-predikatnoj perekategorizacii (na materiale otyemennyh konvertirovannyh glagolov v sovremennom anglijskom jazyke) = Linguistic factors of substantive predicate recategorization (based on the material of denominative converted verbs in the modern English language). Abstract of thesis. Leningrad; 1988. 18 p. (In Russ.).
8. Kargina EM. The analysis of problems of universalism in linguistics. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki = Philological Sciences. Issues of theory and practice*. 2018;2-2(80):320-322. (In Russ.).
9. Kostenko SM. Konversija kak sposob obrazovaniya glagolov ot imen sushhestvitel'nyh v anglijskom jazyke = Conversion as a way of forming verbs from nouns in the English language. Abstract of thesis. Leningrad; 1955. 16 p. (In Russ.).
10. Kubryakova ES. (2002) Konversija v sovremennom anglijskom jazyke = Conversion in modern English. Moscow: Nauka; 2002. 327 p. (In Russ.).
11. Mel'chuk IA. Slovoobrazovanie i konversija = Word formation and conversion. Moscow: Nauka; 1972. 45 p. (In Russ.).
12. Soboleva PA. Slovoobrazovatel'nye otnosheniya po konversii mezhdu glagolom i otglagol'nym sushhestvitel'nym v sovremennom anglijskom jazyke = Word-forming conversion relations between the verb and the verbal noun in the modern English language. Abstract of thesis. Moscow; 1959. 19 p. (In Russ.).
13. Haritonchik ZA. Semantika suffiksalnogo proizvodnogo slova = Semantics of a suffixed derived word. Abstract of thesis. Moscow; 1971. 24 p. (In Russ.).
14. Shirshov IA. Types of word-formation motivation. *Filologicheskie nauki = Philological sciences*. 1995;(1):41-45. (In Russ.).
15. Shcherbakova NN. Semantic word formation as a linguistic problem. *Omskij nauchnyj vestnik = Omsk Scientific Bulletin*. 2006;1(34):215-220. (In Russ.).

Информация об авторе

Е. М. Каргина — кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры «Иностранные языки».

Information about the author

Elena M. Kargina — Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Foreign Languages.

Статья поступила в редакцию 04.09.2021; одобрена после рецензирования 25.09.2021; принята к публикации 18.01.2022.

The article was submitted 04.09.2021; approved after reviewing 25.09.2021; accepted for publication 18.01.2022.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 81'367.334

doi: 10.47475/1994-2796-2022-10103

КЛАССИФИКАЦИЯ НЕПОЛНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ С ЭЛЛИПСИСОМ В ПЕРСИДСКОМ ЯЗЫКЕ

Махнуш Искандари

Университет имени Алламе Табатабаи, Тегеран, Иран, Eskandari.mahnush@gmail.com

Аннотация. В данной статье рассматриваются неполные предложения, содержащие контекстуальный или ситуативный эллипсис. Согласно классификации Халлидея и Хасана по месту происхождения эллипсиса в речи, эллипсис существует в именной группе, в глагольной группе и в предложении. Анализируется эллипсис в предложении. Также предложения, содержащие эллипсис, изучаются как неполные на основе классификации А. Шафаи и Фаршида Варда. Впервые классифицируются неполные персидские предложения с учетом эллидируемого компонента.

Ключевые слова: эллипсис, персидский язык, контекстуальный эллипсис, ситуативный эллипсис, неполные предложения

Для цитирования: Искандари М. Классификация неполных предложений с эллипсисом в персидском языке // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 1 (459). Филологические науки. Вып. 127. С. 28—33. doi: 10.47475/1994-2796-2022-10103.

Original article

CLASSIFICATION OF INCOMPLETE PERSIAN SENTENCES WITH ELLIPSIS

Mahnush Eskandari

Allameh Tabataba'i University, Tehran, Iran, Eskandari.mahnush@gmail.com

Abstract. Incomplete sentences containing a contextual or situational ellipsis in Persian are considered. Based on the classification of the place of origin of the ellipsis in speech put forward by Halliday and Hasan, ellipsis occurs in a noun phrase, in a verb group, and in a sentence. This article examines an ellipsis in a sentence and sentences containing an ellipsis are studied as incomplete sentences based on the classification of Shafai A. and Farshid Ward. For the first time, incomplete sentences are classified taking into account the eligible component in Persian.

Keywords: ellipsis, Persian, contextual ellipsis, situational ellipsis, incomplete sentences

For citation: Eskandari Mahnush. Classification of incomplete Persian sentences with ellipsis. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2022;1(459), Philological Sciences, 127:28-33. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2022-10103.

Нулевая форма в фонетике, морфологии и синтаксисе с давних времен привлекала внимание лингвистов. Нулевая форма в синтаксисе и различные явления, объединяемые этим понятием, такие как эллипсис, неполное предложение, элизия и др., также рассматривались исследователями. Наша работа посвящена эллипсису в персидском языке на основе теории Халлидея и Хасана о месте его происхождения. Предложения, имеющие эллипсис в своем составе, рассматриваются как

неполные предложения с эллипсисом согласно классификации А. Шафаи и Х. Фаршид Вард, а также впервые классифицируются неполные персидские предложения, содержащие эллипсис. Цель исследования заключается в изучении эллипсиса, неполных предложений и классификации неполных персидских предложений, содержащих эллипсис. Для достижения данной цели в ходе исследования использованы такие методы, как изучение необходимых источников информации, сравнение

и анализ полученных результатов, систематизация теоретических данных и их классификация. Материалом для исследования послужили персидские предложения, содержащие эллипсис в разговорной и письменной речи.

Далее представим классификацию неполных персидских предложений с эллипсисом. Эти предложения бывают: 1) вопросно-ответные конструкции, в ответ на которые согласно принципу экономии языка эллидируется какой-то компонент; 2) предложения, в которых эллидируется «глагол», и этот глагол не пропускается для того, чтобы избежать повторения; 3) сложные предложения, в которых эллидируется «главное предложение» и остается только «придаточное предложение» вместе с союзом «*تا*»; 4) предложения, состоящие из двух клауз или из двух элементарных предложений, которые связываются друг с другом при помощи противительных союзов «*و...و*, «*هم...هم، نه...نه*»; 5) «*نه*» вопросительные предложения, в которых встречается два вопроса без глагола; 7) одноставные назывные предложения; 8) молитвенные предложения и проклятия, в которых эллидируется глагол «*باد*» и др.

«Эллипсис (гр: *elleipsis* — опущение, недостаток) — речевое явление, заключающееся в коммуникативно значимом опущении структурных элементов предложения» [1. С. 243].

Некоторые лингвисты, в том числе Н. Ю. Маркелова, А. П. Сковородников, Е. Н. Ширяев и др. рассматривают эллипсис «как незамещенность, невербализованность синтаксических позиций или нарушение синтаксических связей в лексико-синтаксической структуре простого и сложного предложения» [2. С. 65]. В. В. Виноградов, М. Гаспаров, И. А. Попова и др. описывают его как «разновидность предложения — неполное предложение».

«Эллиптическая конструкция определяется как конструкция с незамещенной синтаксической позицией (позициями), в которой эта незамещенность обусловлена синтагматическим наличием нереализованных валентностей, осознается в ряду с параллельными структурами и имеет экспрессивно-стилистическое значение. Эллипсис позволяет говорящему (пишущему) осуществить речевую экономию за счет устранения «данного» или элементов «данного», элементы «нового» эллиптируются достаточно редко. Эллипсис ремы в целом невозможен» [3. С. 9, 13].

В персидском языке, как и в русском, традиционно выделяют два основных вида эллипсиса: контекстуальный («*حذف به قرینه لفظی*») и ситуативный («*حذف به قرینه معنوی*»). В первом случае элли-

дируемый элемент существует в предшествующем контексте, а во втором случае недостающий компонент подсказывается ситуацией речи, а не контекстом.

Исследованию эллипса в персидском языке посвящено много трудов:

Н. Тагави (1938) отмечает, что эллипсис появляется в случае, если недостающий компонент существует в тексте, а если он отсутствует в предыдущем тексте или предложении, невозможно эллидировать какой-то элемент в последующем тексте [11. С. 67]. Ученый убежден в том, что в персидском языке существует только контекстуальный эллипсис, а ситуативный эллипсис полностью отсутствует.

Гариб (1948) считает, что «эллипсис происходит тогда, когда пропускается одно слово или несколько компонентов при наличии недостающего элемента (недостающих компонентов) в предложении» [9. С. 68]. Он согласен с Н. Тагави в том, что в персидском языке встречается только контекстуальный эллипсис.

Вахидиян Камяр (1964) изучает эллипсис в разговорной спонтанной речи и обращает внимание на то, что «во многих персидских предложениях, содержащих молитву, проклятие, благодарность и др., встречается эллипсис без наличия эллидированного компонента в предшествующем контексте» [12. С. 98] и приходит к выводу о том, что помимо контекстуального эллипсиса в персидском языке встречается ситуативный эллипсис.

Рад А. Марзбан (1979) — первый персидский грамматист, который указывает на то, что, когда слушателю известна часть или компонент речи, говорящий может удалить эту часть в своей речи [8. С. 43].

М. Батени (1969) и Вард Фаршид (1969), подтверждая возможность проявления контекстуального и ситуативного эллипсисов в персидском языке, указывают на то, что «если одно предложение считается частотным, то в результате частоты использования эллидируются некоторые его элементы» [5. С. 108; 7. С. 272]. Например, пропуск глагола-связки в предложениях, содержащих молитву («*روحش شاد! (باد)*» = Да благословит Бог его душу!) или исключение предлогов «*در*» («*پدرم (در) آنجا نشست*» = Мой отец сидел там) и «*به*» («*به*» (в, на + винительный падеж) («*مادرم (به) آنجا رفت*» = Моя мама пошла туда) свидетельствуют об этом.

Вард Фаршид делит предложения на основе наличия или отсутствия эллипсиса в их структуре на полные («*ناکاسته*») и неполные («*کاسته*»). Он считает, что в неполных предложениях иногда эллидируется глагол-связка.

Профессор Шафаи Ахмед (1984) говорит о том, что контекстуальный или ситуативный эллипсисы ведут к созданию неполных предложений в персидском языке [10. С. 166].

М. Халлидей и Р. Хасан утверждают, что эллипсис — синтаксическое явление, которое предотвращает избыточность языка (حشو). Они подразделяют эллипсис с точки зрения места его возникновения на три группы:

1) эллипсис в именной группе: в некоторых случаях вершина в именной группе эллидируется, и одно из зависимых слов принимает на себя роль главного существительного.

این پیراهن را بپوشم یا آن را؟

— Надеть эту рубашку или другую?

این Ø (پیراهن) را بپوش

— Наденьте эту Ø (рубашку)

2) эллипсис в глагольной группе: в этом случае одно слово или несколько элементов глагольной группы эллидируются. Недостающий компонент в эллидированной глагольной группе можно найти в контексте или его можно понять из ситуации. Эллипсис в глагольной группе подразделяется на эллипсис главного глагола (пример 1) и эллипсис вспомогательного глагола (пример 2).

1 می خواستند درو کنند یا بکارند؟

1) Хотели собирать урожай или сажать?

Ø (می خواستند) بکارند.

— (хотели) сажать.

2 می توانی تا سر قله بدوی؟

2) Сможете ли вы идти на вершину?

— می توانم Ø (تا سر قله) بدوم.

— Я могу Ø (идти на вершину)

3) эллипсис в предложении: в этом случае эллидируется один из главных членов предложения, модальный элемент (подлежащее или вспомогательный глагол) или пропозициональный элемент (сказуемое, дополнение и др.).

На основе этой классификации мы рассматриваем эллипсис в предложении. Неполные предложения, имеющие в своем составе эллипсис, в персидском языке можно условно классифицировать по эллидируемому компоненту:

1. Вопросно-ответные конструкции, в ответе на которые согласно принципу экономии языка, эллидируется какой-то компонент. В таких конструкциях именно «ответ» считается неполным предложением с эллипсисом. Мы делим эти ответы на следующие группы:

1.1) ответ, в котором эллидируется глагол-связка, находящийся в вопросе. Этот глагол легко восстанавливается из предыдущего контекста или вопроса.

— В ответ на вопросно-ответные конструкции, в вопросе которых используется одно из вопросительных слов «کیست» (кто?) или «چیست» (что?), эл-

лидируется глагол-связка «است» (есть) или «هست» (есть).

این زن کیست؟ خواهرم Ø (است).

— Кто эта женщина? — Ø (Это) Моя сестра.

این چیست؟ میز Ø (است).

— Что это? — Ø (Это) стол.

1.2) ответ, в котором есть только «подлежащее» и эллидируется глагол, использованный в вопросе:

— چه کسی آمد؟ مریم Ø (آمد).

— Кто пришёл? — Марьям Ø (пришла).

В этих предложениях, то есть в ответах, иногда также эллидируются второстепенные члены предложения. Возможно также одновременное опущение главных и второстепенных членов предложения:

همه Ø (آن دختر جوان زیبا را دوست دارند).

— چه کسی آن دختر جوان زیبا را دوست دارد؟

— Кто любит ту красивую девушку? — Все Ø (любят ту красивую девушку). В ответе опущено прямое дополнение (ту красивую девушку).

(سارا) Ø (به) مریم Ø (نامه نوشت).

— سارا به چه کسی نامه نوشت؟ مریم Ø

— Кому Сара написала письмо? Марьям. Ø (она) Ø (написала) Ø (письмо) Марьям. В ответе опущены подлежащее (Сара), сказуемое (написала) и персидский предлог (به), указывающий на дополнение (متهم).

1.3) ответ, в котором идет только «прямое дополнение» и эллидируется глагол:

— چه خریدی؟ نان Ø (خریدم).

— Что ты купил? — Ø (Я) Ø (купил) хлеб.

(را) Ø (کتک زدند).

— چه کسی (که را) را کتک زدند؟ حسن Ø

— Кого они избили? Хасана Ø (избили).

В этих предложениях также возможно опущение подлежащего одновременно с опущением глагола:

— دخترت چه به دنیا آورد؟ Ø (دخترم- او) پسر Ø (به دنیا آورد).

— Кого родила ваша дочь, дочь или сына? — Ø (Моя дочь — Она) Ø (родила) сына.

2. Предложения, в которых эллидируется «глагол», и этот глагол не пропускается для того, чтобы избежать повторения. Эллидируемый глагол никогда не встречается в предложениях такого типа. В этих предложениях употребляется «واو استبعاد» или «противопоставительный союз и». «واو استبعاد» или «и» — «это соединительный союз «и», который употребляется в некоторых предложениях для выделения сообщения и означает «быть далеко, вряд ли». Хотя в конце этих предложений обязательно ставится вопросительный знак, они не содержат никакого вопроса и считаются повествовательными [6. С. 155]». Например, «پدر و بدقولی؟» (отец и плохое поведение?) (отец никогда не ведет себя плохо). Аржанг Г. называет

эти предложения «безглагольными противопоставительными предложениями» [4. С. 72].

— من و سرکشی؟ (من هرگز سرکشی نمی کنم).

— Я и бунт? (Я никогда не слушаюсь).

— ما و بیخیالی؟ (ما هرگز نمیتوانیم بیخیال باشیم).

— Мы и беспечность? (Мы никогда не можем быть беззаботными).

— من و ازدواج؟ (من هرگز ازدواج نمی کنم).

— Я и брак? (Я никогда не заключу брак).

3. Сложные предложения, в которых эллидируется «главное предложение», и остается только «придаточное предложение» вместе с союзом «تا»:

— (Ø این کار را می کنم) تا چشمت درآد!

— Ø (Я это сделаю), чтобы тебя обижать (Ты ничего не можешь делать)!

— Ø پیشرفت می کنم) تا کور شود هر آنکه نتواند دید!

— Ø (Я прогрессирую), чтобы ослепляли всех, кто не радуется моим успехам.

4. Предложения, состоящие из двух клауз или из двух элементарных предложений, которые не имеют в своем составе глагол и связываются друг с другом при помощи противительных союзов «و...و», «هم...هم», «نه...نه»:

— نه شیر شتر (می خواهم)، نه دیدار عرب (می خواهم)!

— Никакого верблюжьего молока Ø (не хочу), никакого арабского визита Ø (не хочу)! (Персидская пословица в значении «избегать жадности»).

— هم این Ø (را می خرم)، هم آن Ø (را می خرم).

— И это Ø (куплю) и то Ø (куплю).

5) Вопросительные предложения, в которых встречается два вопроса без глагола. В этих предложениях употребляются два вопросительных слова «کجا» (где?), и такие предложения, в целом, указывают на большое расстояние между понятиями, которые сравниваются в предложении:

— صلاح کار کجا Ø (است) و من خراب کجا Ø (هستم)?

— Где хорошая работа, а где я? (Между я и хорошая работа — большое расстояние).

— ما کجا Ø (هستیم) و عرفا کجا Ø (هستند)?

— Где мы, а где мистики? (Мистиков нельзя сравнивать с нами).

6) Односоставные назывные предложения (جملات نامی):

— آتش Ø! (آنجا آتش گرفته)!

— Пожар Ø! (Там загорелся!)

— پله! (مواظب باش نیفتی)!

— Лестница Ø! (Смотри, не упади!)

— (در بازار کسی داد می زد: کفش Ø (دارم)!

— На ярмарке кто-то кричал: обувь! Ø (У меня есть обувь).

7) Молитвенные предложения и проклятия, в которых эллидируется глагол «باد»:

— ننگ بر زندگی Ø (باد)!

— Позор жизни!

— درود بر صداقت و درستی Ø (باد)!

— Мир честности!

— این میلاد فرخنده مبارک Ø (باد)!

— С этим приятным днем рождения!

8) Предложения, в которых эллидируется первый компонент сложных предлогов «در بیرون» или «در داخل», то есть пропускается предлог «در»:

— Ø (در) بیرون خانه کسی نشسته است.

— Кто-то не дома.

— کسی Ø (در) داخل منزل نیست?

— Дома никого нет?

9) Сложноподчиненные предложения с придаточным условия, в которых эллидируется союз «اگر» (если) или «گر» (если). Следует отметить, что в персидских сложноподчиненных предложениях с придаточным условия употребляется союз «اگر» или «گر» (если) для связи придаточной и главной частей:

— Ø (اگر) پول می خواهی، باید کار کنی!

— Ø (Если) вам нужны деньги, вы должны работать!

— Ø (اگر) نرنی، میخوری!

— Ø (Если) ты не побьешь, тебя побьют!

— Ø (اگر) بروی، می روم!

— Ø (Если) ты пойдешь, я тоже пойду!

10) Сложноподчиненные предложения с придаточными времени, в которых эллидируется союз «تا» в значении «пока» или «сразу»:

— Ø (تا) به خودم جنیبم، رفته بود.

— Ø (до тех пор, пока) я не пришел в себя, его не было.

— Ø (تا) غدام تموم شد، مهمون اومد).

— Ø (сразу, после того как) я пообедал, гости пришли.

11) Сложноподчиненные предложения, в которых эллидируется союз «بلکه»:

— نه گریه کن، نه سیگار بکش Ø (بلکه) راه برو!

— Не плачь, не кури, (Ø) гуляйте!

— راه و روش زندگی این نیست Ø (بلکه) چیز دیگه ست.

— Это не образ жизни, (Ø) что-то другое.

12) Предложения, в которых эллидируется предлог «را», указывающий на прямое дополнение. Надо отметить, что прямое дополнение или «مفعول» в персидском языке выражается при помощи предлога «را», а в русском языке прямое дополнение выражается без предлогов:

— نان Ø (را) بخر!

— Покупай хлеб!

— رخت Ø (را) بریند و برو!

— Возьми свои вещи и уйди!

— به دختری که سر چهار راه گل می فروشد پول Ø (را) بده!

— Дай деньги девушке, которая продает цветы на распустье!

13) Предложения, которые начинаются с восклицательного слова «ای». В этих предложениях не встречается глагол и дополнение.

ای باریکلا Ø (به شما)! —
— Молодец Ø (вам)!

ای والله Ø (به شما)! —
— Молодец Ø (вам)!

14) Предложения, в которых эллидируется глагол при повторении несклоняемого компонента составных глаголов для того, чтобы акцентировать внимание читателей на важность сказанного.

— دروغ می گوید، دروغ Ø (می گوید)!
— Говорит ложь он, ложь (говорит) Ø!

— همه کارهایش فریب دادن است، فریب Ø (دادن)!
— Все, что он делает — это обман, обман!

Из вышесказанного можно сделать **вывод** о том, что несмотря на то, что в неполных персидских предложениях отсутствует нулевой элемент, в них рассматривается эллипсис, восстанавливаемый из контекста. Эллипсис появляется в результате склонности носителей языка к экономии языковых средств. По нашему мнению, неполные персидские предложения с эллипсисом можно условно классифицировать по эллидируемому компоненту на четырнадцать групп. Безусловно, эту классификацию можно пополнять и расширять за счет других видов неполных предложений с эллипсисом.

Список источников

1. Валгина Н. С. Синтаксис современного русского языка. М. : Агар, 2000. 416 с.
2. Джумалиева Г. К. Виды эллипсиса в разноструктурных языках // Вестник ИГУ. 2007. № 19. URL: http://nbisu.moy.su/_ld/6/601_Djumaliev_a_ISU.pdf (дата обращения: 18.03.2021).
3. Сковородников А. П. Экспрессивные синтаксические конструкции современного русского литературного языка: опыт системного исследования : дис. ... д-ра филол. наук. Красноярск, 1982. 362 с.
4. Arjang G. Persian Grammar. Tehran : Qatreh Publishing, 2008. 288 p.
5. Bateni M. R. Description of the Grammatical Structure of the Persian Language. Tehran : Amir Kabir, 1969. 153 p.
6. Esmati S. A. A. Types of “and” in Arabic and Persian, two scientific-specialized quarterly journals of Persian language and literature // Shafaie del. 2019. No. 4. Pp. 143—160.
7. Farshidvard Kh. Today’s Grammar. Tehran : Safi Shah Press, 1969. 414 p.
8. Marzban R. A. Useful Grammar. Tehran : National University, 1979. 327 p.
9. Qarib and Others Five masters. Persian Grammar. Tehran : Vocabulary Press, 1948. 312 p.
10. Shafai, Ahmad. Scientific Foundations of Persian Grammar. Tehran : Novin, 1984. 652 p.
11. Taqawi N. The Norm of Speech: in the Art of Persian Meanings and Expression. Tehran, 1938. 342 p.
12. Vahidian K. T. Folk Grammar. Tehran : Amir Kabir, 1964. 136 p.

References

1. Valgina NS. Syntax of the modern Russian language. Moscow: Agar; 2000. (In Russ.).
2. Dzumaliev_a GK. Types of ellipsis in multi-structural languages. *Vestnik IGU*. 2007;19. Available from: http://nbisu.moy.su/_ld/6/601_Djumaliev_a_ISU.pdf [Accessed 18th Marth 2021]. (In Russ.).
3. Skovorodnikov AP. Expressive syntactic constructions of the modern Russian literary language: the experience of systems research. Thesis. Krasnoyarsk; 1982. (In Russ.).
4. Arjang G. Persian Grammar. Tehran: Qatreh Publishing; 2008. (In Persian).
5. Bateni MR. Description of the grammatical structure of the Persian language. Tehran: Amir Kabir; 1969. (In Persian).
6. Esmati SAA. Two scientific-specialized quarterly journals of Persian language and literature. Shafaie del. 2019;4:143–160. (In Persian).
7. Farshidvard Kh. Today’s grammar. Tehran: Safi Shah Press; 1969. (In Persian).
6. Marzban R. Ali Useful grammar. Tehran: National University; 1969. (In Persian).
8. Qarib and others Five masters. Persian Grammar. Tehran: Vocabulary Press; 1946. (In Persian).
9. Shafai A. Scientific foundations of Persian grammar. Tehran: Novin, 1984. (In Persian).
10. Taqawi N. The norm of speech: in the art of Persian meanings and expression. Tehran; 1938. (In Persian).
11. Vahidian K. Taqi Folk grammar. Tehran: Amir Kabir; 1964. (In Persian).

Информация об авторе

М. Искандари — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка.

Information about the author

M. Iskandari — Candidate of Philology, Associate Professor of the Russian Language Department.

Статья поступила в редакцию 15.06.2021; одобрена после рецензирования 16.08.2021; принята к публикации 18.01.2022.

The article was submitted 15.06.2021; approved after reviewing 16.08.2021; accepted for publication 18.01.2022.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 809.51-3

doi: 10.47475/1994-2796-2022-10104

ОБЪЕКТНАЯ ЛЕКСИЧЕСКАЯ СОЧЕТАЕМОСТЬ ГЛАГОЛОВ ПСИХИЧЕСКОГО ДЕЙСТВИЯ В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Ольга Александровна Хо^{1✉}, Ирина Викторовна Шаравьева²

^{1,2} Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия

¹ khoolda@gmail.com ✉

² nevergiveup81@mail.ru

Аннотация. Эмотивная глагольная лексика китайского языка по-прежнему вызывает большой интерес среди лингвистов, в связи с чем актуальны исследования в области глагольной семантики и сочетаемости с другими лексическими единицами. Данная статья посвящена изучению объектной лексической сочетаемости глаголов-эмотивов, а именно глаголов психического действия. Теоретическая значимость работы обуславливается тем, что она вносит определенный вклад в понимание проблемы лексической сочетаемости глаголов психического действия в китайском языке. Результаты сделанного анализа могут применяться в сфере грамматики китайского языка, а также могут быть использованы в дальнейших исследованиях, связанных с этой проблемой. В статье были использованы такие методы, как метод валентных связей, метод анализа словарных дефиниций, контекстуального анализа, а также другие общие научные методы. В работе определены типы объектной лексической сочетаемости, выявлены факторы, обуславливающие их существованию, сделаны выводы о том, что глаголы-эмотивы обладают особыми семантическими и синтаксическими свойствами и ограничены в сочетаемости. Относительно свободная сочетаемость встречается достаточно редко.

Ключевые слова: китайский язык, эмотивные глаголы, лексико-семантическая группа, семантика глаголов, лексическая сочетаемость

Для цитирования: Хо О. А., Шаравьева И. В. Объектная лексическая сочетаемость глаголов психического действия в китайском языке // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 1 (459). Филологические науки. Вып. 127. С. 34—41. doi: 10.47475/1994-2796-2022-10104.

Original article

LEXICAL COOCCURRENCE OF MENTAL VERBS IN CHINESE LANGUAGE

Olga A. Kho^{1✉}, Irina V. Sharavieva²

^{1,2} Irkutsk State University, Irkutsk, Russia. khoolda@gmail.com

¹ khoolda@gmail.com ✉

² nevergiveup81@mail.ru

Abstract. The emotive¹ verbal vocabulary of the Chinese language continues to arouse great interest among linguists. Therefore, research in the field of verbal semantics and compatibility with other lexical units is relevant. This article is devoted to the study of the object lexical compatibility of emotive verbs, namely the verbs of mental action. The article examined the verbs of mental action, their possibility or impossibility to combine with objects that denote persons, objects and situations.

The theoretical significance of the work is due to the fact that it makes a certain contribution to the understanding of the problem of lexical compatibility of verbs of mental action in Chinese language. The following methods were used in this article: the method of valence bonds, the method of analysis of dictionary definitions, contextual analysis, and general scientific methods. The types of object lexical compatibility are determined, the factors that

determine their existence are revealed. In total, about 300 verbs of mental action have been analyzed. It was found that emotive verbs possess special semantic and syntagmatic properties and are limited in compatibility. For example, desire verbs (意愿类) are mainly combined with objects denoting "events" (expressed by verb combinations), etc. Relatively loose compatibility is quite rare. The results of this analysis can be applied in the field of Chinese grammar, and can also be used in further research related to this problem.

Keywords: Chinese language, emotive verbs, lexical-semantic group, semantics of verbs, lexical collocation

For citation: Kho OA., Sharavieva IV. Lexical cooccurrence of mental verbs in Chinese language. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2022;1(459), Philological Sciences, 127:34-41. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2022-10104.

В современном языкознании одной из актуальных проблем, по причине своей комплексности и сложности, является семантика глагола. Данному вопросу были посвящены многочисленные работы отечественных ученых, таких как Л. М. Васильев (1971), Э. В. Кузнецова (1979), Л. Г. Бабенко (1989), В. И. Шаховский (1987) и др.

Лексико-семантическая группа глаголов многогранна, она обладает своими особенностями и отражает системные отношения в лексике языка, что позволяет исследовать языковые факторы с различных точек зрения.

Классификация ЛСГ глаголов представлена очень широко и по-прежнему является предметом исследования многих лингвистов на материале различных языков: М. Д. Чертыковой (2016), Ф. Г. Фаткуллиной (2001), М. С. Ванюгиной (2010), Э. В. Кузнецовой (1979), О. Н. Анищевой (1981).

Наряду с глаголами речевого воздействия, движения, приобщения объекта и др., все больше внимания привлекают глаголы эмоциональной сферы. Эмоции являются объектом лингвистической семантики и представляют собой психические действия человека, связанные с его чувствами, ощущениями и реакциями на происходящее. Языковая категоризация эмоциональной сферы в разных языках представлена категорией эмотивности. Под эмотивом понимается «смысл, в котором каким-либо образом сформулированы или отмечены эмотивные значения» [9. С. 10].

Вопрос о классификации глаголов в китайском языке, в частности, выделении глаголов-эмотивов в отдельную группу, актуален и по сей день. 心理动词 — глаголы, связанные с психической деятельностью человека (букв. 心理 — психический, психологический, 动词 — глаголы), данный термин и в настоящее время используется в китайской лингвистике [18, С. 4].

Эмотивная глагольная лексика являлась предметом изучения китайских лингвистов на протяжении многих лет. Ма Цзяньчжун (1898, 1954), Люй Шусян (1953), Фань Сяо (1987), Ян Хуа (1994) выделяли отдельный класс эмотивной глагольной лексики и предлагали различные классификации,

основываясь на семантических и грамматических особенностях глаголов, однако в связи с тем, что авторы классификаций основывались на различных критериях, единой классификации не было достигнуто. В данной статье используется семантическая классификация глаголов-эмотивов, ранее предложенная Хо О.А. в своей научной работе по семантике глагольной эмотивной лексики в китайском языке. Согласно данной классификации, эмотивные глаголы (心理动词) делятся на два вида и включают в себя следующие группы [15. С. 22]:

Глаголы психического действия / переживания (心理活动动词)

Состояния (状态类)

吃惊 (пугаться), 费心 (беспокоиться), 发怒 (сердиться), 愤恨 (негодовать)

Отношения (态度类)

鄙视 (презирать), 原谅 (прощать), 佩服 (восхищаться), 尊崇 (уважать)

Желания (意愿类)

向往 (мечтать), 愿意 (желать), 希望 (надеяться), 企盼 (жаждать)

Глаголы психического восприятия (心理认知动词)

Ощущения (感觉类)

觉得 (чувствовать), 感到 (испытывать), 警觉 (насторожиться), 预感 (предчувствовать)

Мышления (思维类)

沉思 (размышлять), 理解 (осмысливать), 了解 (уразуметь), 想 (думать)

Суждения (判断类)

决断 (решать), 判断 (судить), 确定 (определяться)

Представленная классификация эксплицирует семантические отношения глаголов-эмотивов, а также объединяет данную лексику в рамках семантического поля. Глаголы психического действия и глаголы психического восприятия представляют собой огромный пласт лексики, в связи с этим авторами в качестве материала для анализа была отобрана лексика, входящая в ЛСГ глаголов психического действия. Данная ЛСГ включает в себя глаголы состояния (160 единицы: 爱 любить, 恨 ненавидеть, 后悔 раскаиваться и др.), глаголы отношения (80 единицы: 羡慕 / 嫉妒 завидовать, 轻视 пренебрегать, 尊重 уважать и др.) и глаголы

желания (60 единиц: 希望 надеяться, 愿意 хотеть, 渴望 мечтать и др.).

Глаголы, обозначающие эмоциональное и психическое состояние, часто используются в повседневном общении, в связи с чем, продолжают привлекать внимание лингвистов, которые занимаются вопросами изучения особенностей функционирования данных лексических единиц, при этом особый интерес вызывают исследования их лексической сочетаемости.

Исследования в области сочетаемости глагола в разной степени представлены в работах таких современных отечественных лингвистов, как Ю. Д. Апресян (1995), Н. Д. Арутюнова, (2000), Н. Ю. Шведова (1995) и др. Вопрос о лексической наполняемости синтаксических позиций глагольной лексики, в том числе и эмотивной, также был широко исследован на примере других языков, однако, в китайской научной литературе получил недостаточное освещение. Прежде всего, это связано с тем, что глаголы-эмотивы относительно недавно (80-е годы XX в.) стали выделяться в отдельную группу, о чем упоминалось выше. Более широкие исследования, касающиеся классификации эмотивов, относятся к концу XIX — началу XXI в. Юань Минцзюнь, (1995); Хуан Цзиньцин, Ли Тяньсянь, Ян Яньцин (2013) и др., а вопрос сочетаемости данного вида глаголов с другими лексическими единицами освещается в работах Ду Пэнхуа (2011), Вэнь Яли (2007) и др., главным образом, с позиции грамматики.

Таким образом, актуальность работы определяется необходимостью изучения лексической сочетаемости глаголов-эмотивов. В лингвистической науке выделяется грамматическая (синтаксическая) и лексическая сочетаемость. Как отмечает Д. Н. Шмелёв, «синтаксическая сочетаемость слова обуславливается его лексико-грамматической характеристикой, лексическая сочетаемость — его индивидуальным значением» [15. С. 216].

Целью данной статьи является исследование объектной лексической сочетаемости вышеуказанных глаголов-эмотивов в китайском языке.

Исследование осуществляется с опорой на общенаучные методы анализа и синтеза, основные положения лексической семантики, метод валентных связей, метод анализа словарных дефиниций, а также контекстуального анализа.

Теоретической основой исследования послужили работы по общей теории лексической семантики (Ю. Д. Апресян), теории валентности (Л. Теньер, С. Д. Кацнельсон) и работы современных китайских исследователей, занимающихся проблемами лексической сочетаемости глаголов-эмотивов в современном китайском языке.

Условия реализации лексической сочетаемости глаголов различны и требуют тщательного анализа. Итак, в этом аспекте рассмотрим глаголы психического действия (心理活动动词).

Одной из характерных особенностей данных глаголов является их возможность/невозможность сочетаться с объектами, обозначающими «лица, предметы (неодушевленные объекты или абстрактные понятия) или события (глагольные сочетания).

动词 + 对象 (指人) Глагол + Объект (лица)
悼念 — со скорбью вспоминать, 追悼 — оплакивать, 爱怜 — проявлять сострадание, сердечно, сочувствовать, 宠溺 — чрезмерно любить, 关爱 — сердечно заботиться, 怜爱 — трепетно любить, жалеть, 宠幸 — питать благосклонность, 娇 — любить, баловать, 娇宠 — баловать, 疼爱 — горячо любить, 牵挂 — беспокоиться, тосковать, 思慕 — думать с уважением и любовью, 轻蔑 — презирать, 高看 — высоко ценить, 感激 — быть благодарным, 饶等 — оказывать снисхождение, 体贴 — заботиться о (ком-либо) и др.

生孩子以后, 他更加体贴他的妻子。 После рождения ребенка он стал больше заботиться о своей жене. (В данном предложении невозможно заменить лексему жена на неодушевленный объект, например, семья.)

她疼爱儿子。 Он горячо любит сына. (Например, в китайском языке нельзя сказать: «Горячо любить родину», используя глагол 疼爱).

疼爱 означает горячо (крепко, сильно, страстно, пламенно, пылко, всей душой) любить; обожать; относиться с нежностью (о старших к младшим); горячо любить; дрожать над кем-либо. Семантика глагола восходит к таким значениям, как сердечно сочувствовать, болеть душой за (кого-л.).

Особо можно выделить глаголы 悼念 — со скорбью вспоминать, 哀悼 — скорбеть, соболезновать, 追悼 — оплакивать. Эти глаголы содержат сему «смерть», поэтому они могут сочетаться с такими объектами, как 烈士 — павшие герои, 去世的丈夫 — умерший муж и т. д.

人们哀悼死去的亲人。 Люди оплакивают умерших родственников.

Глаголы 娇宠 — любить и баловать, 宠溺 溺爱 — чрезмерно любить, 宠爱 — обожать обозначают особое отношение лица к объекту действия и связаны с семантикой некой «чрезмерности» в отношении объекта любви, в связи с чем обычно сочетаются с такими объектами, как дочь, сын, ребенок, внук, то есть теми, кого обычно балуют и очень сильно любят.

他很娇宠女儿。 Он обожает свою дочь.

大家都知道不应当溺爱孩子。 Все знают, что не стоит баловать ребенка.

Несмотря на то что обычно такие глаголы сочетаются с одушевленным объектом, в некоторых случаях, если это обусловлено контекстом, это может быть «неодушевленный объект» — домашний любимец (в китайском языке животные считаются одушевленными), например:

老奶奶很疼爱这只狗，把它当做自己的家人。
Бабушка очень любит свою собаку и считает ее членом своей семьи.

Согласно языковой традиции, в обычной ситуации для выражения любви к своей собаке не употребляют глагол 疼爱, но в данном предложении контекст дополнительно повествует о том, что бабушка принимает собаку за члена семьи.

动词 + 对象 (指物) Глагол + Объект (предметы)

痴迷 — сходить с ума, 忏悔 — каяться, 满足 — довольствоваться чем-либо, удовлетворить что-либо, 赏 — восхищаться чем-либо и др.

К характеристикам глагола 满足 можно отнести то, что он может сочетаться как с предметными, так и с абстрактными объектами:

他很满足已有的成绩。Он удовлетворен своими оценками.

一定要满足人民的需求。Необходимо удовлетворить потребности народа.

Семантическое значение глагола 满足 довольствоваться, быть удовлетворённым (чем-л.) — это почувствовать, что уже достаточно (хватает).

Глагол 痴迷 — сходить с ума обычно сочетается с объектами, обозначающими искусство 艺术, исследование 研究 и др. абстрактными существительными. Семантика глагола предполагает очень высокую степень увлечения.

我痴迷中国文化。Он помешался на китайской культуре.

她痴迷芭蕾舞。Она сильно увлеклась балетом.

动词+对象 (指事) Глагол + Объект (события)

希图 — замышлять, рассчитывать на, надеяться на, 希求 — стремиться к, добиваться чего-либо, 希望 — надеяться на что-либо, 愿意 — хотеть, желать, 恨不得 — только и мечтать, так и хочется, 恨不能 — страстно желать, 梦想 — мечтать, фантазировать, постоянно думать, 妄想 — предаваться несбыточным мечтам, 企望 — горячо желать, жаждать, 生怕 — смертельно бояться, 唯恐 — опасаться, бояться как бы не, 高兴 — радоваться, 乐意 — охотно идти на что-либо, желать, 情愿 — охотно согласиться на что-либо, 羡慕 — страстно желать, домогаться, 妄求 — предъявлять необоснованные требования, 甘愿 — желать всем сердцем, 甘心 — с охотой соглашаться, успокоиться на достигнутом, 不忍 — не стерпеть, 不甘 — не примириться с (чем-либо) и др.

Глагол 梦想 — мечтать, постоянно думать имеет нейтральную окраску, сочетается с объектами нейтральной или положительной коннотации, в отличие от глагола 妄想 — мечтать (предаваться несбыточным мечтам), который в основном образует сочетания с объектами негативной окраски. Семантика глагола 妄想 восходит к значению абсурдных, опрометчивых, необдуманных, иллюзорных желаний, предаваться сумасбродным идеям.

他梦想成为宇航员。Он мечтает стать космонавтом.

他妄想得到世界霸权。Он мечтает (предаётся несбыточным мечтам) о захвате мира.

Объекты, с которыми сочетаются синонимичные глаголы 想хотеть, мечтать, 企望горячо желать, надеяться, мечтать, 希望надеяться, желать, хотеть, обычно обозначают нечто положительное (позитивное), то, чего хотелось бы достичь субъекту, однако могут несколько отличаться по причине того, что данные глаголы относятся к различным стилям.

人企望健康与长寿。Человек мечтает о долголетию и здоровье.

他希望能通过答辩。Я хочу защититься (защитить диссертацию).

这个作家企望他的小说能给人带来快乐。Это писатель очень хочет, чтобы его роман принес радость людям.

我想让他明白这个道理。Я хочу, чтобы он понял эту истину.

动词+对象 (指人/物) Глагол + Объект (лица + предметы)

钟爱 — горячо любить, обожать, души не чаять, 鄙视 — презирать, 崇拜 — преклоняться, 崇敬 — уважать, 尊崇 — уважать, почитать, 满意 — быть довольным, удовлетвориться, 顾念 — заботиться, 牵挂 — беспокоиться, 留恋 — тосковать, 藐视 — пренебрегать, 蔑视 — презирать, 钦佩 — почитать, восхищаться, 轻视 — пренебрегать, 思念 — тосковать, 依恋 — обожать, привязаться и др.

她不满意自己的成绩。Она недовольна своими результатами.

父母钟爱小女儿。Родители обожают свою дочурку.

Например, синонимичные глаголы 尊崇 — уважать, почитать, 崇拜 — почитать, поклоняться, преклоняться, боготворить, 崇敬 — чтить, почитать, уважать, благоговеть, глубоко чтить (достойных уважения), 尊敬 — уважать, почитать, чтить, 钦佩 — уважать, почитать, (высоко) ценить, восхищаться, восторгаться, все имеют значение уважительного отношения и почтения к каким-либо людям (отличившимся, заслуживающим уважения) или объектам. 崇拜 также может сочетаться к некими абстрактными (либо несуществующими)

объектами (Бог, талант, искусство и др.). **尊敬** чаще сочетается с объектами, имеющие отношение к деятельности человека и его душевному состоянию (подвиг, родители, традиции, положение в обществе и др.). **钦佩** сочетается с объектами, которые обозначают выдающихся личностей или достижения (мастерство, талант, писатель), которыми можно восхищаться. **尊崇** главным образом сочетается с объектами, имеющими отношение к религии (православие, святая Мария и др.). Объектная сочетаемость глагола **尊重** несколько шире, чем у глагола **尊敬**, он может сочетаться со многими объектами, имеющими абстрактные понятия (нравы, традиции и др.)

动词 + 对象 (指物/事) Глагол + Объект (предметы/события)

发愁 — тосковать, печалиться, **懊悔** — раскаиваться, сожалеть, **后悔** — раскаиваться, **讲究** — серьезно относиться, разбираться в чем-то, **介意** — принимать к сердцу, возражать, **渴盼** — надеяться, **渴求** — умолять, жаждать, **渴望** — страстно желать, стремиться, **忍受** — терпеть, выносить, выдерживать, **向往** — устремляться сердцем к, смотреть с надеждой, **欣赏** — восхищаться, любоваться, **爱好** — симпатизировать, любить, **不惜** — не скупиться, не брезговать, **忍耐** — терпеть, выносить, **酷爱** — горячо любить, **偏好** — пристраститься к, с удовольствием заниматься (чем-либо), **热衷** — проявлять горячий интерес, увлекаться, **仇恨** — ненавидеть, враждовать и др.

Глагол **欣赏** может сочетаться с объектами, которые обозначают абстрактные понятия, а также то, что можно наблюдать (видеть) или слышать. Семантика данного глагола восходит к значению эстетического наслаждения (наслаждаться, восхищаться прекрасным вкусом, любоваться красивым видом, ценить что-либо, восхищаться рвением, умением и др.)

欣赏香味. Наслаждаться ароматом цветов.

欣赏这幅画. Наслаждаться пейзажем.

...然后好好欣赏你的大军如暴风雪那样砸在他的头上吧。...и наблюдай, как его сметает лавина твоих бойцов.

Редко можно встретить сочетание данного глагола с объектом в значении лица ~ себя (сам), ~ он (им), однако это возможно в случае, когда **欣赏** имеет значение **喜欢** нравиться.

Глагол **酷爱** горячо любить; быть большим поклонником; без ума от чего-то; быть одержимым страстью к (чему-либо), страстно любить; увлечен до помешательства, обычно сочетается с объектами, обозначающими путешествие, вид искусства, вид спорта, фильм, какое-то хобби, технику, профессию и др., а также абстрактные

понятия, как независимость, свобода, история, учеба, мир и т. д.

他酷爱钓鱼. Он страстно любит рыбачить.

我酷爱收集稀有硬币. Я обожаю собирать редкие монеты.

动词 + 对象 (指人/物/事) Глагол + Объект (лица/предметы/события)

舍不得 — тяжело расстаться, быть не в состоянии отпустить от себя, **喜好** — питать симпатию к..., иметь влечение к кому-то или чему-то, **迷恋** — пристраститься, помешаться на..., **热爱** — горячо любить, **厌倦** — надоест, утомиться, **珍惜** — дорожить, беречь, **鄙薄** — презирать, ни во что не ставить, **崇尚** — уважать, превозносить, **在意** — придавать значение, **妒忌** — завидовать, **嫉妒** — завидовать, **忌妒** — завидовать, **感念** — быть признательным, вспоминать с благодарностью, **怀想** — вспоминать о..., **可怜** — жалеть, **宽恕** — проявлять снисхождение, щадить, **嫌弃** — отвергать, презирать, **佩服** — восхищаться, преклоняться и многие др.

Например, глагол **厌倦** (прискучить, приесться, надоест, утомиться, устать от чего-либо) сочетается с объектами, обозначающими какое-либо действие или событие (глагол или глагол сочет.), а также с лексемами со значением «человек» и «предмет».

Обычно сочетание с лексемами, обозначающих людей и предметы представлено собирательно, а не конкретно. Часто это такие существительные, как **明星** — звезда, **女士** — женщина, **生活** — жизнь и др.

他厌倦这些文化层次低下的女士. Ему надоели эти необразованные женщины.

他已经厌倦这种生活了. Ему уже надоела такая жизнь.

我厌倦站在这儿傻等着. Мне уже надоело стоять как дурак.

Глаголы **羡慕**, **嫉妒**, **忌妒**, **妒忌** — завидовать сочетаются с объектами, обозначающими человека, события и предметы (чаще абстрактные существительные), имеющие отношение к человеку, например, **他** он, **同事** коллега, **科学家** ученый, **别人的运气** удаче другого человека, **成就** достижения, **才能** таланты, **钱财** богатство, **幸福** счастье и др.

他们羡慕我在这个公司工作. Они завидуют тому, что я работаю в этой компании.

他们嫉妒我成功. Они завидуют моему успеху.

别嫉妒她吧! 别嫉妒她吧! Не завидуй ей!

Семантическая структура глагола **羡慕** имеет значения восхищаться, страстно желать, стремиться к чему-либо, в связи с чем, данный глагол может иметь положительную коннотацию, на русский язык это можно передать фразой «завидовать белой завистью».

她的穿着好得令人羡慕。 Она одета на зависть хорошо.

唉，真羡慕你这样的年轻人啊... Эх... Если бы я был молод... (буквально: завидую молодости).

Семантика глаголов 忌妒, 嫉妒 восходит к ненависти, данные глаголы в семной структуре содержат значения «питать ненависть, таить враждебные чувства, негодовать, таить злобу, ревновать», объекты, с которыми сочетаются эти глаголы, имеют такие значения, как «статус, пост, репутация, почет, положение, талант, судьба, участь, условия, обстоятельства» и др., такие сочетания имеют негативную коннотацию.

Таким образом, был проведен анализ диапозона объектной лексической сочетаемости 300 глаголов психического действия (心理活动动词), при котором были получены следующие результаты: глаголы, которые могут сочетаться только с объектами, обозначающими «предметы» (конкретные вещи или абстрактные понятия), составляют всего 2 %, стоит отметить, что все эти глаголы, согласно приведенной выше семантической классификации, относятся к глаголам психического состояния (状态类); глаголы, сочетающиеся только с объектами со значением «лица», составили

7,5 % (в это число входят глаголы состояния 状态类 и отношения 态度类); глаголы, способные сочетаться только с объектами со значением «события» (глаголы и глагольные сочетания) — 8,5 % (большая их часть относится к глаголам желания 意愿类); с объектами «лица» и «предметы» сочетается 15 % глаголов (большая часть — это глаголы отношения 态度类, глаголы желания 意愿类 в это число не входят); с объектами «предметы» и «события» сочетаются 11,5 % (это число включает в себя глаголы состояния, отношения и желания, стоит отметить, что глаголы состояния составляют половину от общего количества); глаголы, которые не сочетаются с прямыми объектами, составляют 32%, например, 吃惊 поразиться, 发火 вспылить, 发呆 оцепенеть, 含恨 питать злобу в душе и др. (большая часть — это непереходные глаголы состояния 状态类). Глаголы-эмотивы обладают особыми семантическими и синтагматическими свойствами, ограничены в сочетаемости, так, глаголы желания 意愿类, главным образом сочетаются с объектами, обозначающими «события» (выраженные глагольными сочетаниями). Относительно свободная сочетаемость встречается достаточно редко.

Список источников

1. Анищева О. Н. Типология объективной лексической сочетаемости глаголов созидания и разрушения : автореф. дис... канд. филол. наук. Воронеж, 1981. 19 с.
2. Апресян Ю. Д. Избранные труды, Т1. Лексическая семантика (синонимические средства языка). М. : Школа «Языка русской культуры», 1995. С. 3—69.
3. Арутюнова Н. Д. Логический анализ языка. Языки пространств. М. : Языки русской культуры, 2000. 448 с.
4. Бабенко Л. Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке. Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1989. 184 с.
5. Ванюгина М. С. Приставочные глаголы движения в свете теории валентности // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. № 4 (185). С. 48—52.
6. Васильев Л. М. Семантические классы глаголов чувства, речи, мысли // Очерки по семантике русского глагола / под ред. А. Ф. Нестерова. Уфа, 1971. С. 38—310.
7. Кузнецова Э. В. О принципах и методах выделения объема семантических классов русских глаголов // Классы слов и их взаимодействие. Свердловск : УГУ, 1979. С. 5—12.
8. Фаткуллина Ф. Г. Понятие деструкции в лексической семантике. Уфа : РИЦ БашГУ, 2001. 184 с.
9. Чертыкова М. Д. Лексико-семантические группы глаголов хакасского языка (глаголы со значением психической деятельности) : словарь-справочник. Абакан : Изд-во ФГБОУ ВПО «Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова», 2016. 172 с.
10. Шаховский В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1987. 191 с.
11. Шведова Н. Ю. Глагол как доминанта в системе русской лексики // Филологический сборник (к 100-летию со дня рождения академика В. В. Виноградова). М., 1995. С. 414—421.
12. Шмелёв Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики. 2-е изд., стереотип. М. : КомКнига, 2006. 216 с.
13. 杜鹏华.心理动词的宾语形式.安徽文学(下半月), 2011, 12: 193.

14. 范晓, 杜高印, 陈光磊. 汉语动词概述. 上海: 上海教育出版社, 1987.
15. 霍·奥丽佳. 汉俄语言心理活动动词语义对比研究. 黑龙江大学, 2019.
16. 黄金金, 李天贤, 杨艳琴. 情感类心理动词的再分类及其语义分析. 现代语文(语言研究版), 2013;02: 40—41.
17. 吕叔湘. 语法学习. 北京: 中国青年出版社, 1953.
18. 马建忠. 马氏文通校注. (上册) 中华书局, 1954.
19. 袁明军. 程度副词和动词的类. 北京语言学院出版社, 1995.
20. 杨华. 试论心理状态动词及其宾语类型. 汉语学习, 1994 (3).
21. 文雅丽. 现代汉语心理动词研究. 北京语言大学, 2007.

References

1. Anishcheva ON. Typology of objective lexical compatibility of the verbs of creation and destruction. Abstract of thesis. Voronezh; 1981 19 p. (In Russ.).
2. Apresyan YuD. Lexical semantics (synonymous language means). Moskow: Shkola «Yazyka russkoj kul'tury»; 1995 (In Russ.).
3. Arutyunova ND. Logical analysis of language. Languages of spaces. Moskow: Yazyki russkoj kul'tury; 2000. 448 p. (In Russ.).
4. Babenko LG. Lexical means of designating emotions in Russian. Sverdlovsk: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta; 1989. (In Russ.).
5. Vanyugina M. S. Prefixed verbs of motion in the light of the theory of valency. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2010;4(185):48–52 (In Russ.).
6. Vasil'ev L. M. Semantic classes of verbs of feeling, speech, thought. Essays on the semantics of the Russian verb. Ufa; 1971. (In Russ.).
7. Kuznecova EV. Klassy slov i ih vzaimodejstvie. Sverdlovsk: UGU; 1979. (In Russ.).
8. Shahovskij VI. Categorization of emotions in the lexical-semantic system of the language. Voronezh: Izdatel'stvo Voronezhskogo universiteta; 1987. 191 p. (In Russ.).
9. Chertykova MD. Lexico-semantic groups of verbs of the Khakass language (verbs with the meaning of mental activity. Abakan, Izdatel'stvo FGBOU VPO «Hakasskij gosudarstvennyj universitet im. N.F. Katanova» 2016. (In Russ.).
10. Fatkullina FG. The concept of destruction in lexical semantics. Ufa: RIC BashGU; 2001. (In Russ.).
11. Shvedova NYu. Filologicheskij sbornik (k 100-letiyu so dnya rozhdeniya akademika V. V. Vinogradova). Moscow; 1995. (In Russ.).
12. Shmelyov DN. Problems of semantic vocabulary analysis. Moscow: KomKniga; 2006. (In Russ.).
13. Du Penghua. The object form of mental verbs. *Anhui wenxue (xiabanyue)*. 2011;12:193. (In Chinese).
14. Fan Xiao, Du Gaoyin, Chen Guanglei. An Overview of Chinese Verbs. Shanghai jiaoyu chubanshe [Shanghai Education Press], 1987. (In Chinese).
15. Kho Olga. Chinese and Russian psychological verbs semantic comparative analysis and research. Heilongjiang university; 2019. (In Chinese).
16. Huang Jinjin, Li Tianxian, Yang Yanqin. The Reclassification and Semantic Analysis of Emotional Mental Verbs. *Xiandai yuwen (yuyan yanjiuban)*. 2013;02:40–41. (In Chinese).
17. Lü Shuxiang. Grammar Learning. *Zhongguo qingnian chubanshe*. Beijing; 1953. (In Chinese).
18. Ma Jianzhong. Ma's Wentong proofreading. *Shangce zhonghua shuju*. 1954. (In Chinese).
19. Yuan Mingjun. Adverbs of degree and the class of verbs. *Beijing yuyanxueyuan chubanshe*. 1995. (In Chinese).
20. Yang Hua. On mental state verbs and their object types. *Hanyu xuexiao*. 1994;3. (In Chinese).
21. Wen Yali. The study of psychological verbs in modern Chinese. Beijing yuyan daxue; 2007. (In Chinese).

Информация об авторах

О. А. Хо — кандидат филологических наук, доцент кафедры востоковедения и регионоведения АТР института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации.

И. В. Шаравьёва — кандидат филологических наук, доцент кафедры востоковедения и регионоведения АТР института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации.

Information about the authors

О. А. Но — Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Oriental and Regional Studies of the Asia-Pacific Region of the Institute of Philology, Foreign Languages and Media Communication.

I. V. Sharavyova — Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Oriental and Regional Studies of the Asia-Pacific Region of the Institute of Philology, Foreign Languages and Media Communication.

Статья поступила в редакцию 27.09.2021; одобрена после рецензирования 31.10.2021; принята к публикации 18.01.2022.

The article was submitted 27.09.2021; approved after reviewing 31.10.2021; accepted for publication 18.01.2022.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests.

СЕМАНТИКА И ПРАГМАТИКА РЕЧИ

SEMANTICS AND PRAGMATICS OF SPEECH

Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 1 (459). Филологические науки. Вып. 127. С. 42—47. ISSN 1994-2796 (print).

Bulletin of Chelyabinsk State University. 2022;1(459), Philological Sciences, 127:42-47. ISSN 1994-2796 (print).

Научная статья

УДК 81'373.237

doi: 10.47475/1994-2796-2022-10105

ФЕМИНИТИВЫ В СПОРТИВНОМ ДИСКУРСЕ

Юлия Сергеевна Замышляева

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, lily-ulia@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются особенности использования феминитивов в спортивном дискурсе. Установлено, что для большинства олимпийских видов спорта существуют номинации спортсменов как мужского, так и женского рода. Используемые феминитивы являются стилистически нейтральными. Больше половины из них официально закреплены в толковых словарях русского языка, другие активно применяются в СМИ для обозначения спортсмена по полу.

Ключевые слова: феминитивы, спортивный дискурс, стилистическая окраска, словообразовательная модель

Для цитирования: Замышляева Ю. С. Феминитивы в спортивном дискурсе // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 1 (459). Филологические науки. Вып. 127. С. 42—47. doi: 10.47475/1994-2796-2022-10105.

Original article

FEMINITIVES IN SPORTS DISCOURSE

Yuliya S. Zamyshlyeva

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, lily-ulia@mail.ru

Abstract. The features of using feminitives in sports discourse are considered in the article. It has been established that there are nominations for both male and female athletes in the majority of international Olympic sports. The most popular word-formation model for feminitives in sports discourse is the suffix -k(a). These feminitives are stylistically neutral. More than half of them are officially recorded in the explanatory dictionaries of the Russian language, others are actively used in the media to designate an athlete by gender. As an alternative, journalists use a feminine noun indicating the nationality of the athlete or a masculine noun together with the name of the athlete to designate a woman. The generalization “women’s team” can be used to denote a group of female athletes. However, to designate mixed gender groups of athletes, both plural forms (masculine and feminine) are used. The reason for it is that the masculine plural is often used precisely to designate the male team in a particular sport.

Keywords: feminitives, sports discourse, stylistic coloring, word-formation model

For citation: Zamyshlyeva YuS. Feminitives in sports discourse. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2022;1(459), Philological Sciences, 127:42-47. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2022-10105.

Феминитивы, представляющие собой лексико-семантическую группу, обозначающую лиц женского пола по роду деятельности [5], вызывают широкий интерес у современных исследователей языка. Внимание лингвистов сосредоточено не только на тенденциях в употреблении феминитивов

в рамках русского языка [3; 4; 11], но и на анализе подобных лексических единиц в других современных языках [18]. Так, появился ряд работ, посвященных изучению особенностей использования феминитивов в рамках массмедийного дискурса [6; 9; 15] и интернет-дискурса [16; 20], где обращается внимание на появление значительного количества феминитивов-неологизмов, связанных

с данными сферами деятельности. Такой активизации феминитивов-неологизмов в языке способствуют как различные лингвистические, так и экстралингвистические факторы.

Кроме того, расширяется круг сфер профессиональной деятельности, где дифференциация деятеля по полу является значимой. Отметим, что в разных профессиональных сферах потребность в обозначении профессионального деятеля по полу различна. Если в ряде профессий нам не так важно понимать, кто именно совершает действие, то спорт — одна из ключевых сфер, где четко прослеживается необходимость в использовании феминитивов. Это обусловлено тем, что женщины и мужчины соревнуются раздельно, поэтому некорректное указание на пол спортсмена может привести к искажению передаваемой информации. Спортивный дискурс, его особенности и его реализация в СМИ также являются одним из актуальных объектов исследования у современных лингвистов [7; 10; 12; 13; 17].

Цель данного исследования — выявить особенности функционирования феминитивов в рамках спортивного дискурса и проследить, как они влияют на языковые особенности других видов дискурса.

Материалом данной статьи послужили заголовки новостных публикаций в спортивных онлайн-СМИ, большинство из них посвящены результатам Олимпиады-2020, проводимой в Токио в 2021 г. Всего нами проанализировано более 150 заголовков.

На последней летней Олимпиаде, 2020 г., было заявлено 33 вида спорта. В 31 из них есть наименования для спортсменов как мужского пола, так и женского. Исключением стал такой вид спорта, как стрельба. Всего нами выявлено 30 феминитивов, для некоторых видов спорта наименования спортсменов повторяются.

1. Бадминтон — бадминтонист — бадминтонистка.
2. Баскетбол — баскетболист — баскетболистка.
3. Бокс — боксер — боксерша.
4. Борьба — борец — борчиха.
5. Велоспорт — велосипедист — велосипедистка.
6. Водное поло — ватерполист — ватерполистка.
7. Волейбол — волейболист — волейболистка.
8. Гандбол — гандболист — гандболистка.
9. Гольф — гольфист — гольфистка.
10. Гребля на байдарках и каноэ, академическая гребля — гребец — гребчиха.
11. Дзюдо — дзюдоист — дзюдоистка.
12. Конный спорт — конник, всадник — всадница.

13. Легкая атлетика — легкоатлет — легкоатлетка.

14. Парусный спорт — яхтсмен — яхтсменка.

15. Плавание — пловец — пловчиха.

16. Прыжки в воду — прыгун — прыгунья.

17. Прыжки на батуте — батутист — батутистка.

18. Регби — регбист — регбистка.

19. Синхронное плавание — синхронист — синхронистка.

20. Современное пятиборье — пятиборец — пятиборка.

21. Софтбол — софтболист — софтболистка.

22. Спортивная, художественная гимнастика — гимнаст — гимнастка.

23. Стрельба из лука — лучник — лучница.

24. Теннис, настольный теннис — теннисист — теннисистка.

25. Триатлон — триатлонист — триатлонистка.

26. Тхэквондо — тхэквондист — тхэквондистка.

27. Тяжелая атлетика — тяжелоатлет — тяжелоатлетка.

28. Фехтование — фехтовальщик — фехтовальщица.

29. Футбол — футболист — футболистка.

30. Хоккей на траве — хоккеист — хоккеистка.

Мы обратились к трем толковым словарям русского языка («Толковый словарь русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой [14], «Толковый словарь русского языка» Д. Н. Ушакова [19], «Современный словарь русского языка» Т. Ф. Ефремовой [8]) и установили следующее:

1. 40% указанных феминитивов официально закреплены в словарях еще в XX веке (*баскетболистка, велосипедистка, волейболистка, всадница, гимнастка, пловчиха, прыгунья, синхронистка, теннисистка, триатлонистка, футболистка, хоккеистка*).

2. 20% официально закрепились в языке относительно недавно и вошли в словарь Т. Ф. Ефремовой (*ватерполистка, гандболистка, лучница, фехтовальщица, яхтсменка*), одна лексема указана с пометой «разг.» (*легкоатлетка*).

3. 40% указанных выше феминитивов для обозначения спортсменок не зафиксированы в данных словарях даже с пометой «разг.», однако активно используются как в разговорном, так и в публицистическом дискурсах (*бадминтонистка, батутистка, боксерша, борчиха, гольфистка, гребчиха, дзюдоистка, пятиборка, регбистка, софтболистка, тхэквондистка, пятиборка*).

Рассмотрим словообразовательные модели, с помощью которых образованы феминитивы, обозначающие женщин в спорте. Самым

частотным является суффикс -к(а) (22 лексемы, 73 %). Также представлены суффиксы -их(а) (3 лексемы, 10 %), -иц(а) (3 лексемы, 10 %), -щ(а) (1 лексема, 3 %) и -унь(я) (1 лексема, 3 %). Несмотря на то что в ряде исследований по словообразованию феминитивов [1; 2] данные суффиксы рассматриваются как несущие уничижительный характер, в рамках спортивного дискурса феминитивы, образованные по данным моделям, являются стилистически нейтральными, поскольку большинство из них закреплены в словарях без помет. Также стоит отметить, что все указанные лексемы, даже те, которые не зафиксированы в словарях, активно используются как в спортивном разговорном, так и в спортивном публицистическом дискурсе. Рассмотрим новостные заголовки интернет-изданий, посвященные Олимпиаде-2020 в Токио. Ср.:

Российские регбистки вышли из карантина в Японии из-за COVID у массажиста (<https://sportrbc.ru/>, 15.07.2021)

Тхэквондистка Минина высказалась о завоевании серебра на Олимпиаде (<https://rsport.ria.ru/>, 25.07.2021)

Казанская фехтовальщица вышла в финал командного турнира на Олимпиаде в Токио (<https://www.tatar-inform.ru/>, 29.07.2021)

Яхтсменка Юньсю Лу завоевала золото на Олимпийских играх — 2020 в Токио (<https://www.championat.com/>, 31.07.2021)

Единственная казахстанская боксерша стала жертвой коррупции на Олимпиаде-2020 (<https://www.sports.kz/>, 11.08.2021)

Гимнастка Байлз рассказала о самом запоминающемся моменте на Олимпиаде в Токио (<https://lenta.ru/>, 16.10.2021)

Если в других видах дискурса для обозначения женщин по роду деятельности могут использоваться такие приемы, как приложение (женщина-политик) или указание на пол лица через морфологическую форму глагола или прилагательного, в спортивном дискурсе в подавляющем большинстве используются именно феминитивы. Мы проанализировали 150 новостных заголовков, посвященных Олимпиаде 2020 г., и установили, что в 90 % случаев при упоминании отдельных спортсменок или женских сборных журналистами используются как официально закрепленные в словаре, так и разговорные феминитивы. В качестве альтернативы авторы иногда используют обозначение лица через указание на национальную (государственную) принадлежность (*японка*, *американка*, *россиянка*). Ср.:

Австралийки с мировым рекордом выиграли эстафету 4x100 м вольным стилем на Олимпиаде-2020 (<https://www.championat.com/>, 25.07.2021)

Американка выступила на Играх в масках Джокера и Халка (<https://news.sportbox.ru/>, 01.08.2021)

Россиянка лидировала в пятиборье перед последним видом, но осталась без медали (<https://www.sport-express.ru/>, 06.08.2021)

Японка выиграла серебряную медаль Олимпиады в 12 лет (<https://sportrbc.ru/>, 04.08.2021)

Важно отметить, что в других сферах, где потребность в обозначении профессионального деятеля по полу не так важна, для наименования смешанных гендерных групп используется форма мужского рода множественного числа. Однако в спортивном дискурсе часто дублируются однокоренные наименования мужского и женского рода множественного числа. Это необходимо для того, чтобы не возникла ситуация неправильного восприятия информации реципиентами, поскольку форма мужского рода множественного числа часто используется именно для обозначения мужской сборной в том или ином виде спорта. Ср.:

В Рио-де-Жанейро корейские лучники и лучницы выиграли все четыре золотые медали (<https://www.gazeta.ru/>, 25.07.2021)

Наши гимнасты и гимнастки сделали золотой дубль! Фантастический день Олимпиады для России (<https://www.championat.com/>, 27.07.2021)

А вот в случае собственной победы российские дзюдоисты и дзюдоистки в полуфинале могут сойтись с главным фаворитом — командой Японии (<https://www.gazeta.ru/>, 30.07.2021)

Исключением стал такой вид спорта, как стрельба. Причиной этому может служить отсутствие в языке подходящей словообразовательной модели для создания феминитива. В данном случае для обозначения женщин используются слова, указывающие на национальную принадлежность, а также обобщение «женская сборная». Ср.:

Олимпиада-2020. Стрельба. Американка Инглиш выиграла золото в ските, Виноградова — 6-я (<https://www.sports.ru/>, 26.07.2021)

Россиянка Бацарашкина завоевала золото Олимпиады в стрельбе из пистолета с 25 метров (<https://tass.ru/>, 30.07.2021)

Женская сборная России одержала победу в командных соревнованиях на чемпионате Европы в стрельбе из пневматической винтовки с дистанции 10 метров (<https://www.championat.com/>, 25.05.2021)

В случае если по имени можно определить половую принадлежность, в публикациях можно использовать просто фамилию спортсменки или

в комбинации с формой обозначения спортсмена мужского пола (*стрелок*). Ср.:

Галашина завоевала первую медаль для сборной России на Олимпиаде в Токио (<https://tass.ru/>, 24.07.2021)

Олимпиада-2020 в Токио: **стрелок Виталина Бацарашкина** завоевала первое золото России на Олимпийских играх — вот так драма (<https://www.championat.com/>, 25.07.2021)

Российский боксер **Магомедалиева** стала бронзовым призером ОИ (<https://www.sport-interfax.ru/>, 06.08.2021)

Однако в случае, если имя спортсменки не склоняется, возникает необходимость использовать феминитивы или соответствующую морфологическую форму глагола или прилагательного, чтобы указать на пол действующего лица. Ср.:

Сифан Хассан из Нидерландов **выиграла** золото Олимпиады-2020 в беге на 10 000 м (<https://www.championat.com/>, 07.08.2021)

Американки Эллисон Феликс и Джордан Ларсон признаны **спортсменками** года по версии *Womens Sports Foundation* (<https://www.sports.ru/>, 14.10.2021)

Симона Байлз: на Олимпиаде в Токио я **нашла** мужество **поставить** себя на первое место (<https://www.championat.com/>, 16.10.2021)

При отсутствии подобных маркеров реципиент может некорректно воспринять информацию, поскольку определить пол спортсмена исключительно по несклоняемой фамилии невозможно. Ср.:

Хендрикс пропустит около месяца (<https://spartak.com/>, 02.11.2021) — здесь речь идет о футболисте Йоррите Хендриксе.

Шахрай о победе **Хендрикс** в короткой программе (<https://www.sports.ru/>, 05.11.2021) — а здесь речь идет о бельгийской фигуристке Луне Хендрикс.

Таким образом, в ходе проведенного исследования мы пришли к следующим выводам:

1. Спорт представляет собой профессиональную сферу, где существует острая потребность в обо-

значении профессионального деятеля по полу, что приводит к широкому распространению феминитивов.

2. Феминитивы, активно используемые в спортивном дискурсе, не являются стилистически маркированными, а их главной функцией является указание на пол спортсмена, что особенно значимо, поскольку мужчины и женщины соревнуются отдельно.

3. Самой распространенной словообразовательной моделью для феминитивов в спортивном дискурсе является суффикс -к(а).

4. Как официально закрепленные в словарях, так и разговорные феминитивы, активно используются в спортивном публицистическом дискурсе, особенно в новостных заголовках СМИ, посвященных различным спортивным мероприятиям.

5. Для обозначения смешанных гендерных групп спортсменов дублируются однокоренные наименования мужского и женского рода множественного числа, поскольку форма мужского рода множественного числа часто используется именно для обозначения мужской сборной в том или ином виде спорта.

6. В случае если для определенного вида спорта отсутствует наименование деятеля женского рода, авторы публикаций используют для обозначения женщины слова, указывающие на национальную принадлежность спортсменки, а для обозначения группы лиц — обобщение «женская сборная».

7. Если имя спортсменки несклоняемо, чаще всего журналисты прибегают к использованию феминитивов или морфологической формы глагола или прилагательного женского рода, чтобы предотвратить искажение передаваемой информации.

Все это позволяет предположить, что спортивный дискурс способствует более широкому распространению феминитивов в современном русском языке.

Список источников

1. Алкнист Н. А. Система словообразования феминитивов в современном русском языке // Горизонты современной русистики. М., 2020. С. 49—56.
2. Антонова Е. Б. Проблемы внедрения феминитивов-неологизмов в языковую систему современного русского языка // Молодой ученый. 2020. № 26 (316). С. 227—233.
3. Беркутова В. В. Феминитивы в русском языке: лингвистический аспект // Филологический аспект. 2019. № 1 (45). С. 7—26.
4. Васильева А. С. Тенденции в употреблении наименований лиц женского пола по профессиональной принадлежности // Проблемы современного образования. 2013. № 1. С. 46—53.
5. Воронцова Т. А., Замышляева Ю. С. Функционирование феминитивов в медиадискурсе // V Международная научная конференция «MEDIAОбразование: медиа как тотальная повседневность». 2020. С. 288—291.

6. Гузаерова Р. Р., Косова В. А. Специфика феминитивов в современном русском медиапространстве // Вестник ТГГПУ. 2017. № 4 (50). С. 11—15.
7. Долженко Н. Г., Сулхаева А. А. Спортивный дискурс в СМИ: особенности семантики и функционирования (на материале терминологии биатлона) // Российский лингвистический бюллетень. 2021. № 2 (26). С. 59—63.
8. Ефремова Т. Ф. Современный словарь русского языка. 2010. 699 с.
9. Замышляева Ю. С. Функционирование феминитивов-неологизмов в современных СМИ / Ю. С. Замышляева // Вестник Челябинского государственного университета. 2021. № 4. С. 52—56.
10. Зильберт А. Б. Спортивный дискурс: точки пересечения с другими дискурсами // Проблемы ин-тертекстуальности. Язык, сознание, коммуникация. 2001. С. 103—112.
11. Коновалова Н. И. Имена существительные в русском языке, обозначающие профессию женщины // История русского языка: Словообразование и формообразование. 1997. С. 72—79.
12. Марцинкевич И. П. Функциональные характеристики спортивного дискурса // Проблемы языка в контексте современной научной парадигмы: материалы Междунар. науч.-практ. конф. «Кросскультур. коммуникация и соврем. технологии в исследовании и преподавании языков». 2012. С. 50—53.
13. Никитина Э. Г. Особенности спортивного дискурса // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2010. № 1 (7). С. 75—78.
14. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. 2006.
15. Самойленко Н. С., Стекленева А. А. Феминитивы как инструмент гендерной дифференциации в СМИ // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2019. № 2 (33). С. 126—131.
16. Секерина М. Е., Захарова Ю. Г. Феминитивы в языке блогов // Гуманитарные научные исследования. 2017. № 4. URL: <http://human.snauka.ru/2017/04/23665>.
17. Снятков К. В. Телевизионный спортивный дискурс: аспекты коммуникативно прагматического анализа // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2007. № 14 (37). С. 189—194.
18. Сумина Н. В., Величко Д. Р. Наименование лиц женского пола и их бытование в современных языках // Язык и культура в условиях глобализации. 2017. С. 40—47.
19. Ушаков Д. Н. Большой толковый словарь современного русского языка: 180 000 слов и словосочетаний. 2008.
20. Челак Е. А. Феминитивы в дискурсе интернет-коммуникации // Международный научно-исследовательский журнал. 2018. № 12-2. С. 197—200.

References

1. Alknist NA. Sistema slovoobrazovaniia feminitivov v sovremennom rusском iazyke = The system of word formation of feminitives in the modern Russian language. In: Gorizonty sovremennoj rusistiki = Horizons of modern Russian studies. 2020. Pp. 49—56. (In Russ.).
2. Antonova EB. Problems of introduction of feminists-neologisms in the language system of the modern Russian language. *Molodoy uchenyy = Young scientist*. 2020;26(316):227-233. (In Russ.).
3. Berkutova VV. Feminitives in Russian Language: Linguistic Aspect. *Filologicheskij aspekt = Philological aspect*. 2018;1(45):7-26. (In Russ.).
4. Vasil'eva AS. Trends in the use of female names by occupation. *Problemy sovremennogo obrazovaniya = Problems of modern education*. 2013;(1):46-53. (In Russ.).
5. Voroncova TA, Zamyshljaeva YuS. Funktcionirovanie feminitivov v mediadiskurse = Functioning of feminitives in media discourse. In: V Mezhdunarodnaja nauchnaja konferencija "MEDIAObrazovanie: media kak total'naja povsednevnost'" = V International Scientific Conference "MEDIAEducation: Media as a Total Everyday Life". 2020. Pp. 288-291. (In Russ.).
6. Guzaerova RR, Kosova VA. Specificity of feminists in the modern Russian media space. *Vestnik TG-GPU = Bulletin of TSGPU*. 2017;4(50):11-15. (In Russ.).
7. Dolzhenko NG, Sulhaeva AA. Sports discourse in the media: features of semantics and functioning (on the material of biathlon terminology). *Rossijskij lingvisticheskij bjulleten' = Russian Linguistic Bulletin*. 2021;2(26):59-63. (In Russ.).

8. Efremova TF. *Sovremennyj slovar' russkogo jazyka* = Modern Dictionary of the Russian Language. 2010. 699 p. (In Russ.).
9. Zamyshljaeva YuS. Functioning of feminist neologisms in modern media. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* = *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2021;(4):2-56. (In Russ.).
10. Zil'bert AB. Sportivnyj diskurs: tochki peresecheniia s drugimi diskursami = Sports Discourse: Points of Intersection with Other Discourses. In: *Problemy intertekstual'nosti. Jazyk, soznanie, kommunikacija* = Problems of intertextuality. Language, consciousness, communication. 2001. Pp. 103—112. (In Russ.).
11. Konovalova NI. Imena sushchestvitel'nye v russkom iazyke, oboznachaiushchie professiiu zhenshchiny = Nouns in the Russian language denoting the profession of a woman. In: *Istorija russkogo jazyka: Slovoobrazovanie i formoobrazovanie* = History of the Russian Language: Word Formation and Formation. 1997. Pp. 72—79. (In Russ.).
12. Marcinkevich IP. Funkcional'nye harakteristiki sportivnogo diskursa = Functional characteristics of sports discourse. In: *Problemy jazyka v kontekste sovremennoj nauchnoj paradigmy: materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii "Krosskul'turnaja kommunikacija i sovremennye tehnologii v issledovanii i prepodavanii jazykov"* = Problems of language in the context of the modern scientific paradigm: materials of the International Scientific and Practical Conference "Cross-cultural communication and modern technologies in the study and teaching of languages". 2012. Pp. 50—53. (In Russ.).
13. Nikitina EG. Features of sports discourse. *Teorija jazyka i mezhkul'turnaja kommunikacija* = *Language Theory and Intercultural Communication*. 2010;1(7):75-78. (In Russ.).
14. Ozhegov SI, Shvedova NYu. *Tolkovyy slovar' russkogoyazyka: 80000 slov i frazeologicheskikh vyrazhenij* = Explanatory dictionary of the Russian language 80 000 words and phraseological expressions. 2006. (In Russ.).
15. Samojlenko NS, Stekleneva AA. Feminities as a tool for gender differentiation in the media. *Aktual'nye voprosy sovremennoj filologii i zhurnalistiki* = *Topical issues of modern philology and journalism*. 2019;2(33):126-131. (In Russ.).
16. Sekerina ME, Zaharova YuG. Feminities in the language of blogging. *Gumanitarnye nauchnye issledovaniya* = *Humanities Research*. 2017;(4). URL: <http://human.snauka.ru/2017/04/23665>. (In Russ.).
17. Snjatkov KV. Television Sports Discourse: Aspects of Communicatively Pragmatic Analysis. *Izvestija Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gercena* = *Proceedings of the Russian State Pedagogical University named after A. I. Herzen*. 2007;14(37):189-194. (In Russ.).
18. Sumina NV, Velichko DR. Naimenovanie litc zhenskogo pola i ikh bytovanie v sovremennykh iazykakh = Naming of females and their existence in modern languages. In: *Jazyk i kul'tura v uslovijah globalizacii* = Language and culture in the context of globalization. 2017. Pp. 40—47. (In Russ.).
19. Ushakov DN. *Bol'shoj tolkovyy slovar' sovremennogo russkogo jazyka: 180 000 slov i slovosochetaniij* = Large explanatory dictionary of the modern Russian language: 180 000 words and phrases. 2008. (In Russ.).
20. Chelak EA. Feminities in the Discourse of Internet Communication. *Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal* = *International Research Journal*. 2018;(12-2):197-200. (In Russ.).

Информация об авторе

Ю. С. Замышляева — аспирантка, преподаватель кафедры теоретического и прикладного языкознания.

Information about the author

Yuliya S. Zamyshlyayeva — a graduate student, a teacher of the Department of Theoretical and Applied Linguistics.

Статья поступила в редакцию 30.09.2021; одобрена после рецензирования 02.11.2021; принята к публикации 18.01.2022.

The article was submitted 30.09.2021; approved after reviewing 02.11.2021; accepted for publication 18.01.2022.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 811.161.1.36

doi: 10.47475/1994-2796-2022-10106

К ВОПРОСУ О ГРАММАТИЧЕСКИ СВЯЗАННЫХ С ОСНОВНЫМ ТЕКСТОМ ВСТАВНЫХ КОНСТРУКЦИЯХ (НА МАТЕРИАЛЕ ОЧЕРКА М. ЦВЕТАЕВОЙ «ИСТОРИЯ ОДНОГО ПОСВЯЩЕНИЯ»)

Ирина Юрьевна Кононова

Национальный университет Узбекистана им. М. Улугбека; Чирчикский государственный педагогический институт, Чирчик, Узбекистан, konirina@inbox.ru

Аннотация. Исследуются грамматически связанные с основным предложением вставные конструкции. Описываются типы связи таких конструкций с основным предложением: согласование, управление и примыкание; координативная связь; сочинительная союзная и бессоюзная связь уровня простого предложения с отношениями перечисления и пояснения; сочинительная и подчинительная связь уровня сложного предложения. Новизна данной работы заключается в выделении корреляции между формальными и функциональными характеристиками вставных конструкций: вставные конструкции с обязательным типом связи восполняют структурную неполноту базовой части и служат для диалогизации повествования; одиночные нераспространенные вставные конструкции, связанные с базовой частью необязательной подчинительной связью, как правило, служат для актуализации семантики главного слова; распространенные и/или неединичные вставные конструкции формируют один из смысловых центров комплексного высказывания на фоне прояснения синтаксических и смысловых связей.

Ключевые слова: парентеза, вставные конструкции, грамматически связанные вставные конструкции, фрактальная структура

Для цитирования: Кононова И. Ю. К вопросу о грамматически связанных с основным текстом вставных конструкциях (на материале очерка М. Цветаевой «История одного посвящения») // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 1 (459). Филологические науки. Вып. 127. С. 48—57. doi: 10.47475/1994-2796-2022-10106.

Original article

ON THE ISSUE OF PARENTHESES GRAMMATICALLY CONNECTED TO THE MAIN TEXT (CASE STUDY OF M. TSVETAEVA'S "THE HISTORY OF A DEDICATION")

Irina Yu. Kononova

National University of Uzbekistan; Chirchik State Pedagogical Institute, Chirchik, Uzbekistan, konirina@inbox.ru

Abstract. The paper investigates parentheticals offset with brackets or dashes grammatically connected to the main sentence. It describes the types of connection of such structures with the main sentence: agreement, government, and adjointment; connection between subject and predicate; syndetic and asyndetic coordination on the level of a simple sentence with the relations of enumeration and explanation; coordination in compound sentences and subordination in complex sentences. Regularities are traced in the correlation between formal and functional characteristics of parentheticals offset with brackets or dashes: parentheticals offset with brackets or dashes with an obligatory type of connection fill in the structural incompleteness of the main sentence and serve to dialogize the narrative; single parentheticals without internal modifiers connected with the main sentence with a non-obligatory subordination, as a rule, serve to actualize the semantics of the main word; non-single parentheticals and/or parentheticals with modifiers form a semantic centers of a complex utterance on the base of clarification of syntactic and semantic relations.

Keywords: parentheticals, parentheticals offset with brackets or dashes, grammatically connected parentheticals offset with brackets or dashes, fractal structure

© Кононова И. Ю., 2022

For citation: Kononova IYu. On the issue of parentheses grammatically connected to the main text (case study of M. Tsvetaeva's "The history of a dedication"). *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2022;1(459), Philological Sciences, 127:48-57. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2022-10106.

Введение

Одним из ключевых вопросов при исследовании вставных конструкций (ВК) является вопрос о наличии/отсутствии возможности грамматической связи вставных конструкций с основным текстом. В зависимости от его решения выделяются узкий и широкий подходы к определению ВК.

При узком подходе дефиниция ВК основывается на признаке отсутствия грамматической связи; в результате к ВК относятся только те конструкции со скобками и тире, которые не имеют эксплицитной грамматической связи с основным предложением. На этом подходе строится определение О. С. Ахмановой: «Вставка — слово или словосочетание, не соединенное грамматически с другими элементами предложения» [3. С. 89]. Этот же подход применяется в ряде учебных пособий по синтаксису современного русского языка, рассматривающих вводные и вставные конструкции в общем разделе и выделяющих в качестве основного признака обоих типов единиц отсутствие грамматической связи с основным предложением [2. С. 208; 8. С. 81; 11. С. 265]. Случаи использования скобок и парного тире для выделения грамматически связанных с основным предложением элементов при данном подходе относятся не к вставным конструкциям, а к сильному выделению членов предложения или предикативных частей. Так, А. Ф. Прияткина разграничивает вставки конструктивного и неконструктивного типов, отмечая, что последние «включены в предложение и без скобок», и, таким образом, «здесь нет какой-то особой “вставочной конструкции”, а есть особая функция структурного элемента предложения» [10. С. 159].

При широком подходе дефиниция ВК основывается на графическом и интонационном критерии, и к ВК относятся любые конструкции, выделенные скобками или тире. Данный подход, в частности, применяется в «Грамматике русского языка» 1960 г. [6]. Ср.: «Вставные конструкции могут оформляться как члены предложения или предикативные части сложного предложения» [13. С. 44—45]. Основанием для широкого подхода является отсутствие принципиальных функциональных различий между грамматически связанными и грамматически независимыми элементами, выделенными при помощи скобок или парного тире: и те и другие служат для внесения «дополнительных замечаний, уточнений, пояснений, поправок и т. п.» [6. С. 165].

Мы придерживаемся широкого подхода к дефиниции ВК и определяем их как выделенные скобками или парным тире синтаксические конструкции, которые связаны по смыслу с основным предложением (базовой частью — БЧ), но могут быть опущены без нарушения синтаксической структуры основного предложения. Объектом данной работы являются грамматически связанные с основным предложением конструкции, выделенные скобками и парным тире. Целью работы является описание средств связи таких конструкций с основным предложением в формальном и функциональном аспекте. Научная новизна исследования заключается в выделении корреляции между формальными и функциональными характеристиками ВК, грамматически связанных с основным предложением. В качестве материала для исследования использован очерк М. Цветаевой «История одного посвящения». Выбор материала обусловлен высокой частотностью ВК в данном очерке, а также его композиционной спецификой.

1. Композиционная специфика очерка «История одного посвящения»

Очерк «История одного посвящения» разделен на три части с подзаголовками: «Уничтожение ценностей», «Город Александров Владимирской губернии» и «Защита бывшего». В композиционной структуре очерка переплетаются воспоминания различной степени давности. Первая и третья части очерка соотносятся с 1931 г., тогда как вторая часть очерка представляет собой вставку, содержащую воспоминания 1916 г. Кроме того, в каждой из частей выделяются дополнительные вставочные фрагменты с воспоминаниями или рассуждениями. Вместо описания того, как события разворачивались в реальности, Цветаева предлагает описание того, как они разворачиваются в сознании. Структурный план очерка может быть уподоблен фракталу — целому, форма которого совпадает с формой его частей. Условными графическими изображениями фракталов являются рисунки древесных ветвей, сети рек или кровеносных сосудов, в которых ответвления становятся основой для следующих ответвлений. Вероятно, сравнение с древесной кроной при анализе творчества Цветаевой наиболее уместно (о роли темы деревьев в поэтике Цветаевой см., в частности, [12. С. 44—55]).

Для крупных фрагментов переход к новому отвлению проявляется в смене тематической линии; переход может маркироваться графически (горизонтальной чертой, красной строкой), синтаксически (сочинительными союзами или вводными словами), однако эксплицитное выделение перехода может и отсутствовать. Для фрагментов меньшего объема в роли показателя перехода выступают скобки и парное тире. В этом плане любые конструкции, выделенные скобками или тире, независимо наличия или отсутствия синтаксической связи с основным предложением представляют собой отступления и отвлечения, встраивающиеся во фрактальную систему, — как указывает Н. С. Валгина, их специфика заключается в «нарушении синтаксической однолинейности предложения» [4. С. 253]. Всего в тексте очерка насчитывается 180 случаев использования ВК; из них 120 случаев приходится на ВК, выделенные при помощи скобок (далее — ВКС), и 60 случаев — на ВК, выделенные при помощи тире (далее — ВКТ).

На основе вышесказанного проанализируем примеры грамматически связанных с основным предложением ВК, распределив их по типам связи, действующим в нормативном синтаксисе: связь уровня словосочетания, связь уровня простого предложения, связь уровня сложного предложения. Несмотря на то что при любой вставке происходит «нарушение синтагматической цепочки» [1. С. 61], средства связи в ВК выделяются и определяются так же отчетливо, как и в нормативном синтаксисе.

2. Связь уровня словосочетания

Под связями уровня словосочетания традиционно понимаются три типа подчинительной связи: согласование, управление и примыкание. В применении к ВК использование термина «связь уровня словосочетания» достаточно условно, поскольку ВК, характеризуясь пунктуационной и интонационной выделенностью и обособленностью, не образуют нормативного словосочетания с главным словом в БЧ. При этом, однако, в текстах Цветаевой довольно широко представлены ВК, обладающие признаками зависимых словоформ в словосочетании и однозначно распределяющиеся по группам в соответствии с типом связи.

2.1. Согласование

Показателями согласования служат окончания зависимых словоформ, которые согласуются с главными словами в роде, числе и падеже. Согласованная словоформа в ВК соотносится с БЧ

как определение, которое может располагаться как в препозиции, так и в постпозиции к определяемому слову; при этом для ВКС более естественна постпозиция.

1) ...*Лицо — луна, в руке перо (гусиное) — и не перо, а целое крыло!* — линия стола под самым подбородком... [16. С. 133].

2) *Слишком много коров (дважды в день мимоидущих, мимо-мычащих), слишком много крестов (слишком вечно стоящих)* [Там же. С. 143].

В приведенных примерах наблюдается полное формальное согласование словоформ в ВК со словоформами в БЧ. Отделение определения от определяемого слова обеспечивает градуированную подачу информации и позволяет акцентировать внимание отдельно на предмете и на его признаке. Признак, таким образом, превращается в отступление от основной тематической линии БЧ. Согласованные ВК, находящиеся в постпозиции к главному слову, создают эффект постепенного наведения резкости в словесном изображении. Дополнительные функции ВК различаются в зависимости от структурных особенностей примеров.

Так, в примере 1 взаимодействие ВК и БЧ обеспечивает актуализацию разных оттенков смысла определяемого слова: письменная принадлежность как общий символ писательского ремесла (*перо*) — конкретная разновидность письменной принадлежности (*гусиное перо*) — самопоправка (*и не перо, а целое крыло*) на основании размера предмета (*целое*) с потенциальной метафоризацией вследствие замены общего символа на символ, важный для идиостиля Цветаевой (*крыло* — одно из ключевых слов в ее поэтике; ср. запись 1921 г.: «Крылья — синоним не свободы, а силы, не свободы, а тяжести» [17. С. 20]) — замены просто пера, которое любой может взять в руки, на крыло, которое дано не каждому. Разумеется, данное толкование является достаточно вольным; мы приводим его для того, чтобы показать потенциал смыслового преобразования, заложенный в грамматически связанных ВК в силу их формальных (сжатость структуры, контактность словоформ) и функциональных (рематическое выделение) свойств.

В примере 2 создаются отношения симметрии в БЧ и между ВК. БЧ подчеркивает сходство, основанное на структурном параллелизме и на созвучии лексем *коров* и *крестов*; ВК выделяют различия (*дважды в день — вечно; мимоидущих — стоящих*); повтор во второй ВК наречия *слишком* объединяет эти две параллельные симметричные структуры в одно целое на основе общего эмоцио-

нального отношения к ним. ВК позволяют выполнить отчетливое и «экономное» [10. С. 159] выделение сходств и различий и осуществить запуск сопоставительной интенции за счет структурной симметрии.

2.2. Управление

Показателями управления служат падежные окончания зависимой словоформы в ВК, а также предлоги. Управляемая словоформа в ВК может соотноситься с БЧ как дополнение, определение или обстоятельство. ВК может содержать словоформы, связанные с главным словом как сильным управлением, так и слабым.

Случаи сильного управления (обязательной связи) обусловлены лексико-грамматической или лексическо-семантической природой главного слова. При опущении ВК, связанной с БЧ сильным управлением, БЧ представляет собой неполное предложение. Неполнота БЧ стимулирует ее восполнение со стороны читателя — читатель косвенным образом вовлекается в диалог. Постпозиционное восполнение неполноты БЧ уподобляет всю конструкцию загадке с приводимой в скобках отгадкой.

3) *Из-за таких стихов (мать, кроме всего, ужасалась содержанию, почти неизменно любовному) и не давали (бумаги)* [16. С. 133].

4) *По половинке (половинки) на жаждущего (un quart de poire pour la soif)* [Там же].

В примере 3 в ВК осуществляется напоминание темы («восстановление данного» [15. С. 284]); кроме того, из-за отсылки к довольно отдаленному (на целую страницу) фрагменту реализуется навигационная функция.

В примере 4 неполнота БЧ также стимулирует диалогизацию, однако в данном случае ВК содержит не известную читателю информацию; в результате создается эффект обманутого ожидания (не *по половинке груши*, а *по половинке половинки груши*).

Случаи слабого управления (необязательной связи) более частотны.

5) *...не рукописи выручала — руками — из огня, а белую бумагу* [16. С. 135].

6) *Кроме того, повторяю, Коктебель — место пусто, в нем никогда не было жирных сливок, только чудосочное (с ковыля!) и горьковатое (с полыни!) козье молоко...* [Там же. С. 154].

7) *(Недаром я — вовсе не из посмертной женской гордости, а из какой-то последней чистоты совести — никогда не проставляла посвящений.)* [Там же. С. 135—136].

В примере 5 вынесение в ВК информационно избыточной [5. С. 146] словоформы *руками* служит для прояснения внутренней формы предшествующих лексем (*рукописи, выручала*), «обнажая связь формы и содержания» [7. С. 13] и усиливая парадоксальность предпочтения рукописям — белой бумаги. Ср.: «Парадокс — минимальная рабочая единица когнитивной стратегии Цветаевой» [9. С. 86].

В примере 6 ВКС вступают в отношения симметрии. Наблюдается расширенное смысловое соотнесение выделенных элементов: они соотносятся не только с ближайшими элементами БЧ как указание на причину свойств козьебелого козьего молока, но и с предшествующим утверждением о бедности козьебелой растительности как его детализация, а также в соответствии с вводной конструкцией *повторяю* отсылают к описанию Коктебеля, данному 2,5 страницы ранее: *...зелень только высоко в горах (огромные, с детскую голову, пионы), а так — ковыль, полынь, море, пустыня* [16. С. 151]. Таким образом смысловые ответвления в ВК поддерживают внутритекстовую связь и выполняют навигационную функцию.

В примере 7 наблюдается акцентирование внимания на причине явления, разукрупнение структуры и прояснение синтаксических связей. Постигание причины явления имеет большое значение в поэтике Цветаевой, ср. высказывание М. Ляпон: «Ответ на вопрос *почему?* /.../ для нее — ценность, переживаемая эмоционально» [9. С. 62].

2.3. Примыкание

Примыкающие словоформы не обладают формально выраженными показателями связи, однако связываются с главным словом по смыслу и, как правило, выполняют в предложении синтаксическую роль обстоятельства.

8) *Надпиши «Распутин», всё бы знали (наизусть), а «Мужик» — ну, еще один мужик* [16. С. 142].

Связь примыкающего наречия *наизусть* с глаголом из БЧ *знали бы* поддерживается контактным расположением словоформ, а также устойчивостью выражения *знать наизусть*. Отдельное акцентирование внимания на действии и его признаке обеспечивает градуированную подачу информации с переосмыслением содержания (*знать* — ‘иметь представление’; *знать наизусть* — ‘полностью и точно сохранять в памяти’). Косвенным образом формируется диалог с читательскими ожиданиями и последующее их опровержение.

3. Связь уровня простого предложения

3.1. Координативная связь

Связь между подлежащим и сказуемым является взаимонаправленной и строится на основе согласования и управления: элементы согласования по направлению от подлежащего к сказуемому и элементы управления по направлению от сказуемого к подлежащему. Случаи вынесения в ВК элементов грамматической основы (не имеющих однородных коррелятов в БЧ) встречаются редко, поскольку противоречат принципу полноты БЧ. В тексте очерка «История одного посвящения» нам встретился только один пример ВК, связанной с БЧ на основе координативной связи.

9) *Так и лежат (сафьяны) в ожидании дня, когда я буду не я* [16. С. 134].

В данном примере ВКС содержит элемент, соотносящийся с предложением в БЧ как подлежащее. ВКС поясняет, что в БЧ речь идет именно о сафьянах, а не упомянутых непосредственно перед ней бриллиантах, сравниваемых с сафьянами своей бесполезностью. Функционально данный пример сходен с примером 3: напоминание темы, диалогизация повествования, эффект загадки с представленной в скобках отгадкой.

3.2. Союзная сочинительная связь

ВК, связанные с БЧ посредством сочинительной (бессоюзной или союзной) связи, содержат второй и последующие компоненты открытых или закрытых рядов однородных элементов. При бессоюзном соединении показателями связи служат одинаковая грамматическая форма (часто, но не всегда), связь с одним и тем же словом (подчинительная или координативная) и одинаковая синтаксическая функция однородных элементов; при союзном соединении к показателям связи относятся также союзы. Таким образом, ВК этой группы содержат словоформы, связанные с БЧ двумя линиями связи: подчинительной или координативной и сочинительной (союзной или бессоюзной).

10) *Но — чего-то явно не хватает. Рукам не хватает. (И глазам! И ноздрям!) Что-то нужно сделать, скорей сделать, сейчас сделать* [Там же. С. 138].

11) — *Да не ваше вовсе — и не мое — сочинения одного старичка...* [Там же. С. 136].

В обоих случаях прямым выразителем сочинительной связи является соединительный союз *и*. Однородные элементы в БЧ мотивированы предшествующим контекстом: в примере 10 однородный элемент *не ваше* представляет собой

прямой ответ на предшествующий вопрос (— *Мое? Мое?!*); в примере 11 однородный элемент *рукам* соотносится с более широким и более отдаленным контекстом, описывающим сожжение бумаг, в том числе и с ВК из примера 5; элементы в ВК содержат расширяющее перечисление, отталкивающееся от элемента БЧ. Кроме того, выделение однородных элементов в ВК позволяет акцентировать их отдельно от коррелирующих с ними элементов в БЧ и, таким образом, запустить процесс их взаимного сопоставления. Помимо этого, в обоих случаях наблюдается дистантное расположение однородных элементов в БЧ и в ВК (в примере 10 они разделены главным словом; в примере 11 — частицей *вовсе*); вследствие присоединения однородных элементов к уже закрытой структуре усиливается эффект спонтанной живой речи.

12) *...это только значит, что ему здесь — или со мной, например — сейчас очень хорошо* [Там же. С. 147].

13) *Словом, к стыду — или не к стыду? — пишущего в себе, не рукописи выручала — руками — из огня, а белую бумагу* [Там же. С. 135].

В данных случаях прямым выразителем сочинительной связи является разделительный союз *или*. В примере 12 создаются отношения выбора [14. С. 169], в примере 13 — отношения взаимоисключения. Следует отметить, что в примере 13 однородные элементы представляют собой вводные конструкции. ВК выполняют те же функции, что и при использовании сочинительных союзов: отдельное акцентирование однородных элементов и их взаимное сопоставление, а также создание эффекта спонтанной живой речи.

3.3. Бессоюзная сочинительная связь

При бессоюзной сочинительной связи смысловые отношения между однородными элементами являются неуточненными и в силу отсутствия союзов определяются на основе семантики соотносимых лексем. Возможно формирование перечислительных отношений, маркированных смысловым равноправием, и пояснительных отношений, при которых элементы в ВК по смыслу подчинены их аналогам из БЧ.

3.3.1. Перечислительные отношения

14) *Каждый раз, когда вижу монашку (монаха, священника, какое бы то ни было духовное лицо) — стыжусь* [16. С. 144].

В ВКС содержится ряд однородных членов, коррелирующих с одним элементом в БЧ; показателями связи являются отнесенность к одно-

му и тому же главному слову (*вижу*), одинаковая синтаксическая функция (прямое дополнение), а также одинаковая грамматическая форма (В. п.). Как и в примерах 10 и 11, однородный элемент в БЧ тесно связан с предшествующим контекстом (*Монашка пришла — с рубашками*); в ВК вводится дополнительное перечисление, связывающее переживаемые эмоции также с монахом, священником, каким бы то ни было духовным лицом. Возникает парадоксальная ситуация: путем расширения списка и последующего обобщения (*какое бы то ни было духовное лицо*) осуществляется уточнение причин стыда.

3.3.2. Пояснительные отношения

В «Русской грамматике» 1980 г. пояснительные отношения рассматриваются как разновидность сочинительной связи; при этом, однако, оговаривается неравноправность вступающих в них элементов: один из них является поясняемым (определяемым), другой — поясняющим (определяющим); «второй член ряда входит в предложение через посредство первого члена, которому он служит» [14. С. 174]. Опираясь на [14. С. 174—176], с некоторыми изменениями, мы различаем следующие типы пояснительных отношений: конкретизация, включение, уточнение и собственно пояснение.

Конкретизацию мы рассматриваем как операцию, противоположную обобщению. Конкретизируемое понятие мыслится как обобщающее слово, обозначающее совокупность; конкретизация осуществляется через исчерпывающее для данной ситуации перечисление составляющих этой совокупности.

15) *Мало, что у вас Богом отнята жизнь, людьми — Мандельштамом с его «страшно» и мною с моим «хорошо» — отнимается еще и смерть!* [16. С. 143].

В отличие от конкретизации включение не является исчерпывающим перечислением, но называет лишь один или несколько элементов совокупности в качестве примеров.

16) *Кстати, заметила: лучшие поэты (особенно немцы: вообще-лучшие из поэтов) часто, беря эпитафию, не проставляют откуда...* [Там же. С. 142].

17) *Одни на кладбище приходят — учиться, другие — бояться, третьи (я) — утешаться* [Там же. С. 143].

В отличие от конкретизации и включения уточняемые и поясняемые слова обозначают один объект, а не их совокупность. Различия между уточнением и пояснением проходят по линии объема

понятия: при уточнении происходит сужение объема понятия.

18) *...в-третьих, в другом поэте — Волошине — которого выводят скрягой и извергом (не давать воды)* [Там же. С. 156].

При собственно пояснении объем понятия поясняемого и поясняющего слов является тождественным: «два разных обозначения отнесены к одному и тому же предмету» [14. С. 174].

19) *...не смеется только старшая сестра, семнадцатилетняя институтка Валерия — в пику мачехе (моей матери)* [16. С. 132] — переключение точек зрения (точек отсчета).

Кроме того, помимо четырех перечисленных выше типов пояснительных отношений (конкретизация, включение, уточнение и собственно пояснение), в творчестве Цветаевой высокочастотен еще один тип, который можно условно обозначить как использование конкурирующей номинации. Как указывает О. Г. Ревзина, в подобных случаях ВК «предлагает иную номинацию по отношению к уже выдвинутой»; при этом отличие ВК в идиолекте Цветаевой от обычных пояснительных ВК заключается в том, что у Цветаевой, «как правило, первая номинация — общепринятая (понятная языку адресата), вторая — призовая, оценочная, передающая точку зрения лирического субъекта» [12. С. 474]. Конкурирующая номинация ориентирована в первую очередь на реализацию метаязыковых задач, поскольку она позволяет сопоставить две номинации, различающиеся эмоциональной или стилистической окраской, особенностями употребления и, наконец, оттенками смыслов.

20) *Не могу не закончить заключительным (трагическим!) стихотворением моей детской тетради* [16. С. 133] — переход от объективной, фактической характеристики к эмоциональной.

21) *...на балконе на розовой скатерти — скатерке — громадное блюдо клубники и тетрадь с двумя локтями* [Там же. С. 140] — сопоставление литературной и просторечной номинаций.

22) *...ибо три поколения жжем (здесь — жжем!)...* [Там же. С. 138] — сопоставление литературной и социолектной словоформ.

23) *Но — спорить не буду — официальное право у биографа на быль (протокол) есть* [Там же. С. 157] — сопоставление лексем книжно-поэтического и официально-делового стилей.

При отсутствии явных различий, связанных со стилистической или эмоциональной окраской и особенностями словоупотребления, на первый план выдвигается сопоставление собственно

смыслов — как правило, на основе звукового сходства, то есть путем паронимической аттракции (о паронимической аттракции в поэзии Цветаевой см. [7. С. 48—55]).

24) ...в «Костре» и окружающем костре России так чудесно — **древесно!** — **дорос** [16. С. 142].

25) Просто огрызнулась — **отгрызнулась** — на угрозу заказа [Там же. С. 141].

В приведенных примерах конкурирующая номинация в ВК служит не для пояснения основной номинации в БЧ, а для более точного и выразительного обозначения на основе смыслового взаимодействия двух номинаций. Следует отметить, что при конкурирующей номинации наличие грамматической связи с БЧ в принципе является обязательным.

4. Связь уровня сложного предложения

4.1. Сочинительные союзы

26) Противопоставив вымыслу — живую жизнь, — **и не обаятелен ли мой Мандельштам, несмотря на страх покойников и страсть к шоколаду, а быть может, и благодаря им?** — утвердив жизнь, которая сама есть утверждение, я не выхожу из рожденного состояния поэта — защитника [Там же. С. 158].

В данном примере ВКТ содержит риторический вопрос-утверждение, введенный при помощи сочинительного союза *и*. Любопытно, что, несмотря на использование соединительного союза, ВК никак не может быть встроена в БЧ как составная предикативная часть, поскольку располагается между двумя однородными деепричастными оборотами. Следовательно, союз *и* в данной ВК реализован не как средство связи уровня простого или сложного предложения, а как средство связи уровня текста.

27) Думаю, юмор в сторону, что когда не писал (**а не-писал — всегда, то есть раз в три месяца по стиху**) — томился [Там же. С. 145].

ВКС содержит уточняющую предикативную часть, введенную при помощи сочинительного союза *а*, необратимую и образующую зеркальную симметрию с предшествующими элементами БЧ: *когда не писал / не-писал всегда*. Данный пример также интересен нетипичной вводной конструкцией *юмор в сторону*, которая по структуре близка к ВК.

4.2. Подчинительные союзы

В данном очерке в большинстве случаев включения ВК при помощи подчинительного союза используются причинные союзы. Следует отметить, что при союзном включении ВК со значением при-

чины, как правило, оказываются в постпозиции по отношению к фрагменту текста, описываемому обусловленным данной причиной явлением, тогда как при бессоюзном включении в текст таких ВК для них более частотна препозиция.

28) ...Дом — с Рождеством, сияющим до масленицы, и с масленицей, расплескивающейся до Пасхи, — **ибо всегда кто-то (болезнь, безденежье) запаздывает и до-праздновывает** — сплошной Новый год [Там же. С. 136].

29) — Подождите, дружочек! Вот помру и именно в этой — **благо что ночная** — к вам и явлюсь! [Там же. С. 144].

30) в дыму, пламени, золе и пепле чужой — чужих жизней — **ибо три поколения жжем (здесь — жжем!)** — слепая от огня и ликующая, как он сам — бегу... [Там же. С. 138].

Интересен объем соотносимого с ВК фрагмента БЧ, обозначающего обусловленное явление: это может быть довольно большой фрагмент (два несогласованных осложненных определения), как в примере 28; отдельное слово (указательное местоимение), как в примере 29, и даже часть слова (окончание как показатель множественного числа), как в примере 30.

Помимо союзов причины, в ВК данного очерка используются также составной союз *помимо того что* и сравнительный союз *как*.

4.3. Союзные слова

31) ...два возможных случая: **либо он и здесь, на русском кладбище, вспоминает — с натяжкой — холмы Крыма, либо — что гораздо вероятнее — и здесь, в Крыму, не может забыть холмы Александра** [Там же. С. 154].

32) Главное же — **то, что я потом делала с собой всю жизнь** — не давали потому, что очень хотелось [Там же. С. 133].

В обоих случаях ВК содержит союзное слово *что*, соотносимое с содержанием последующего фрагмента БЧ, и, таким образом, строится по модели придаточной присоединительной (относительно-распространительной) предикативной части. Статус ВК в первом примере спорен: ее содержимое может рассматриваться как вводное предложение с оценкой степени достоверности (см. аналогичные примеры в [6. С. 164]); во втором случае ВК содержит анафорический элемент *то*, обеспечивающий двустороннее смысловое соотношение ВК: как с предшествующим, так и с последующим фрагментом БЧ. Первый пример также интересен противопоставлением структурно разнотипных ВКТ (*с натяжкой / что гораздо вероятнее*).

Заключение

1. Для очерка «История одного посвящения» характерна фрактальность структуры, основанная на создании множества смысловых отступлений и ответвлений за счет реализации вставочности на разных уровнях текста: от композиционных частей до ВК минимального состава. ВК независимо от своей морфолого-синтаксической характеристики и наличия/отсутствия связи с БЧ в общем плане соответствуют фрактальной структуре текста.

2. В очерке «История одного посвящения» наблюдается реализация следующих типов связи ВК с БЧ: согласование, управление и примыкание; координативная связь; сочинительная союзная и бессоюзная связь уровня простого предложения с отношениями перечисления и пояснения; сочинительная и подчинительная связь уровня сложного предложения.

3. С морфологической точки зрения характеристика средств связи полностью соответствует конструкциям нормативного синтаксиса; отличия наблюдаются на функциональном уровне: из-за использования средств сильного выделения ВК функционируют как отдельное высказывание, размещенное в границах основного высказывания. Конкретные функции ВК в значительной степени зависят от лексического наполнения БЧ и ВК, то есть определяются в первую очередь содержательным планом. Однако проведенный анализ позволяет выделить некоторые закономерности в корреляции между типом связи ВК с БЧ и функциями ВК.

4. ВК, связанные с БЧ обязательной связью (координативной или сильной подчинительной), нарушающие принцип полноты БЧ, как правило, запускают диалогизацию повествования: восполнение неполноты БЧ, выполненное читателем, подтверждается или опровергается в ВК; вся конструкция напоминает загадку с приводимой в скобках отгадкой. Кроме того, такие ВК могут использоваться для напоминания темы фрагмента, затемненной дополнительной вставкой, и, таким образом, поддерживают ясность и целостность развития мысли в условиях фрактального повествования, выполняя связующую и навигационную функции.

5. На функции ВК, связанных с БЧ необязательной подчинительной связью, влияют, помимо лексического наполнения, такие структурные факторы, как степень распространенности и количество элементов в ВК, а также наличие симметрии в БЧ.

6. Распространенные и/или неодиночные ВК, содержащие развернутое описание причины или

признака, становятся содержательным центром комплексного высказывания; их выделение разукрупняет структуру и служит для прояснения синтаксических и смысловых связей. При наличии того или иного типа симметрии в комплексном высказывании ВК участвуют в создании и поддержании этой симметрии, которая, в свою очередь, актуализирует интенцию сопоставления у читателя (если воспользоваться актуальным для педагогики термином, поддерживает интерактивность в системе «читатель — текст») и усиливает суггестивность текста.

7. Одиночные нераспространенные ВК, связанные с БЧ необязательной подчинительной связью, как правило, служат для актуализации семантики главного слова: за счет взаимодействия главного слова в БЧ и зависимого слова в ВК осуществляется восстановление внутренней формы главного слова (*выручать — руками*) или изменение/переосмысление его семантики (*знать / знать наизусть*).

8. Для ВК, связанных с БЧ сочинительной связью уровня простого предложения, характерен приоритет сочинительных отношений над подчинительными: как правило, их смысловое взаимодействие с однородными элементами в составе БЧ активнее, чем в конструкциях нормативного синтаксиса. Однородный элемент в БЧ выступает в роли своего рода посредника между БЧ и ВК: будучи мотивирован предшествующим контекстом, он, в свою очередь, создает мотивацию для введения дополнительных элементов в ВК. Это преобладание смыслового взаимодействия с однородным элементом присутствует и в перечислительных отношениях, получающих, таким образом, оттенок присоединительности, но приобретает принципиальное значение в пояснительных отношениях, при которых элемент в ВК, обладая признаком однооформленности с элементом в БЧ и, таким образом, подчиняясь другому главному слову в БЧ, тем не менее в смысловом отношении выполняет подчиненную функцию, служит для пояснения, уточнения, конкретизации, приведения примеров или введения конкурирующей номинации по отношению к элементу БЧ.

9. Предикативные ВК в данном очерке, как правило, вводятся без эксплицитных средств связи (союзов, союзных слов, аналогов союза). В достаточно редких случаях используются сочинительные союзы (*и, а*), подчинительные союзы (*ибо, помимо того что, как*), а также союзные слова со значением включения. Несмотря на редкость употребления, союзы важны как конкретизаторы смысловых отношений между ВК и БЧ.

10. Анализ грамматически связанных с ВК БЧ показывает, что в плане формальной характеристики используемых средств связи они соответствуют конструкциям нормативного синтаксиса, однако отличаются по функционированию, формируя дополнительное высказывание, участвующее в создании или поддержании фрактальной структуры очерка. Это подтверждает функциональное и типологическое сходство грамматически связанных и грамматически независимых ВК вопреки различиям по признаку наличия/отсутствия синтаксической связи.

Список источников

1. Акимова Г. Н. Новое в синтаксисе современного русского языка. М.: Высш. шк., 1990. 168 с.
2. Синтаксис современного русского языка: учеб. для высших учебных заведений Российской Федерации / Г. Н. Акимова, С. В. Вяткина, В. П. Казаков [и др.]. СПб.: Филол. фак. СПбГУ, 2013. 432 с.
3. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: Едиториал УРСС, 2004. 576 с.
4. Валгина Н. С. Современный русский язык: Синтаксис: учебник. М.: Высш. шк., 2003. 416 с.
5. Валгина Н. С. Теория текста. М.: Логос, 2003. 173 с.
6. Грамматика русского языка / под ред. В. В. Виноградова и Е. С. Истриной. Т. 2, ч. 2. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 440 с.
7. Зубова Л. В. Поэзия Марины Цветаевой: Лингвистический аспект. Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1989. 264 с.
8. Каменская О. Г., Кан Р. А. Современный русский язык. В 3 ч. Ч. 3. Синтаксис. Тольятти: Изд-во ТГУ, 2012. 195 с.
9. Ляпон М. В. Проза Цветаевой. Опыт реконструкции речевого портрета автора. М.: Языки славян. культур, 2010. 528 с.
10. Прияткина А. Ф. Русский язык: Синтаксис осложненного предложения: учеб. пособие для филол. специальностей вузов. М.: Высш. шк., 1990. 176 с.
11. Распопов И. П., Ломов А. М. Основы русской грамматики: Морфология и синтаксис. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1984. 352 с.
12. Ревзина О. Г. Безмерная Цветаева: Опыт системного описания поэтического идиолекта. М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2009. 600 с.
13. Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов: пособие для учителя. М.: Просвещение, 1985. 359 с.
14. Русская грамматика: В 2 т. Т. II. Синтаксис. М.: Наука, 1980. 717 с.
15. Чейф У. Данное, контрастивность, определенность, подлежащее, топики и точка зрения // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XI: Современные синтаксические теории в американской лингвистике. М.: Прогресс, 1982. С. 277—316.

Материал исследования

16. Цветаева М. И. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 4. Воспоминания о современниках. Дневниковая проза / сост., подгот. текста и коммент. А. Саакянц и Л. Мнухина. М.: Эллис Лак, 1994. 688 с.
17. Цветаева М. И. Неизданное. Сводные тетради / подгот. текста, предисл. и примеч. Е. Б. Коркиной и И. Д. Шевеленко. М.: Эллис Лак, 1997. 640 с.

References

1. Akimova GN. Nove v sintaksise sovremennogo russkogo jazyka = New tendencies in the syntax of modern Russian language. Moscow: Vysshaja shkola; 1990. 168 p. (In Russ.).
2. Akimova GN, Vjatkina SV, Kazakov VP. Sintaksis sovremennogo russkogo jazyka = Syntax of Modern Russian Language. St. Petersburg: Filologicheskij fakul'tet SPbGU; 2013. 432 p. (In Russ.).
3. Ahmanova OS. Slovar' lingvisticheskikh terminov = Dictionary of linguistic terms. Moscow: Editorial URSS; 2004. 576 p. (In Russ.).
4. Valgina NS. Sovremennij russkij jazyk: Sintaksis = Modern Russian Language: Syntax. Moscow: Vyssh. shk.; 2003. 416 p. (In Russ.).
5. Valgina NS. Teorija teksta = Text theory. Moscow: Logos; 2003. 173 p. (In Russ.).

6. Grammatika russkogo jazyka = Grammar of Russian language. Vol. 2, pt. 2. Moscow: Izd-vo AN SSSR; 1960. 440 p. (In Russ.).
7. Zubova LV. Pojezija Mariny Cvetaevoj: Lingvisticheskiy aspekt = Marina Tsvetaeva's poetry: Linguistic aspect. Leningrad: Izd-vo Leningr. un-ta; 1989. 264 p. (In Russ.).
8. Kamenskaja OG, Kan RA. Sovremennyj russkij jazyk. V 3 ch. Ch. 3. Sintaksis. = Modern Russian language. In 3. pt. Pt. 3. Syntax. Togliatti: Izd-vo TGU; 2012. 195 p. (In Russ.).
9. Ljapon MV. Proza Cvetaevoj. Opyt rekonstrukcii rechevogo portreta avtora = Tsvetaeva's prose. Experience in reconstruction of the author's speech portrait. Moscow: Jazyki slavjanskih kul'tur; 2010. 528 p. (In Russ.).
10. Prijatkina AF. Russkij jazyk: Sintaksis oslozhnennogo predlozhenija = Russian language: Syntax of a complicated sentence. Moscow: Vyssh. shk.; 1990. 176 p. (In Russ.).
11. Raspopov IP, Lomov AM. Osnovy russkoj grammatiki: Morfologija i sintaksis = Essentials of Russian grammar: Morphology and syntax. Voronezh: Izd-vo Voronezhskogo universiteta; 1984. 352 p. (In Russ.).
12. Revzina OG. Bezmernaja Cvetaeva: Opyt sistemnogo opisanija pojeticheskogo idiolekta = Immeasurable Tsvetaeva: Experience in the systematic description of a poetic idiolect. Moscow: Dom-muzej Mariny Cvetaevoj; 2009. 600 p. (In Russ.).
13. Rozental' DE, Telenkova MA. Slovar'-spravochnik lingvisticheskikh terminov = Dictionary of linguistic terms. Moscow: Prosveshhenie; 1985. 359 p. (In Russ.).
14. Russkaja grammatika: v 2 t. T. 2. Sintaksis = Russian grammar in 2 vol. Vol. 2. Syntax. Moscow, Nauka; 1980. 717 p. (In Russ.).
15. Chafe W. Dannoe, kontrastivnost', opredelennost', podlezhashchee, topiki i tochka zreniia = Given, contrast, certainty, subject, topics and point of view. Novoe v zarubezhnoy lingvistike. Vyp. XI: Sovremennye sintaksicheskie teorii v amerikanskoj lingvistike = New in foreign linguistics. Vol. XI: Modern Syntactic Theories in American Linguistics. Moscow: Progress; 1982. Pp. 277—316. (In Russ.).

Research materials

16. Cvetaeva MI. Sobranie sochinenij: v 7 t. T. 4. Vospominanija o sovremennikah. Dnevnikovaja proza = Sobranie sochinenij in 7 vol. Vol. 4. Memories of contemporaries. Diary prose. Moscow: Jellis Lak; 1994. 688 p. (In Russ.).
17. Cvetaeva MI. Neizdannoe. Svodnye tetradi = Unreleased. Summary notebooks. Moscow: Jellis Lak; 1997. 640 p. (In Russ.).

Информация об авторе

И. Ю. Кононова — соискатель Национального университета Узбекистана им. Мирзо Улугбека, преподаватель кафедры русского языка и литературы Чирчикского государственного педагогического института.

Information about the author

Irina Yu. Kononova — a candidate of the Mirzo Ulugbek National University of Uzbekistan, a teacher of the Department of Russian Language and Literature of the Chirchik State Pedagogical Institute.

Статья поступила в редакцию 25.07.2021; одобрена после рецензирования 04.09.2021; принята к публикации 18.01.2022.

The article was submitted 25.07.2021; approved after reviewing 04.09.2021; accepted for publication 18.01.2022.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 81'42

doi: 10.47475/1994-2796-2022-10107

КАТЕГОРИЯ ТРАНСТЕКСТУАЛЬНОСТИ В МЕГАНАРРАТИВЕ В КРИЗИСНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Земфира Гайсаевна Кудрявцева

Башкирский государственный университет, Уфа, Россия, zemfira.kd@gmail.com

Аннотация. Рассматриваются особенности формирования меганарратива в медиакоммуникации и его потенциал в раскрытии межгосударственных политических конфликтов. Цель исследования — уточнение понятия «меганарратив» и обоснование категории «транстекстуальность» как особого вида взаимодействия медийных текстуральных нарративов в меганарративе. Объединяя нарративы по общей конфликтной теме, меганарратив представляет собой крупную транстекстуальную единицу, которая отражает интересы сторон в дихотомии «свои — чужие». В результате проведенного исследования обнаружено формирование меганарратива вокруг ядра, в качестве которого может выступать политическое заявление органа власти от лица государства или заявление международной организации, в дальнейшем обрастающее откликами различных медийных источников, комментариями в социальных сетях, обсуждениями на новостных платформах. В ходе анализа эмпирического материала нарративных сообщений русско- и англоязычных СМИ было установлено тесное взаимодействие нарративов на периферии, их влияние на последующее формирование составляющих меганарратива и его тональность в целом. Транстекстуальные связи пронизывают меганарратив, связывая ядро и периферию меганарратива, а также объединяя различные институциональные и личностные нарративы периферии. Транстекстуальные связи формируют меганарратив посредством связи одного нарратива с другим, частей нарратива между собой, связи нарратива с затекстовыми комментариями, его интерпретацией, ядра и периферии меганарратива, а также с дискурсом.

Ключевые слова: нарратив, меганарратив, транстекстуальность, кризисная коммуникация, медиадискурс, политический дискурс

Для цитирования: Кудрявцева З. Г. Категория транстекстуальности в меганарративе в кризисной коммуникации // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 1 (459). Филологические науки. Вып. 127. С. 58—66. doi: 10.47475/1994-2796-2022-10107.

Original article

THE CATEGORY OF TRANSTEXTUALITY IN THE MEGANARRATIVE IN CRISIS COMMUNICATION

Zemfira G. Kudryavtseva

Bashkir State University, Ufa, Russia, zemfira.kd@gmail.com

Abstract. The article discusses the phenomenon of meganarrative in media communication and its potential in disclosing interstate political conflicts. The inevitable clash of interests in political conflicts is reflected in the complex hybrid polydiscursive formation of the meganarrative. Uniting narratives on a common conflict theme, the meganarrative reflects the interests of the conflicts sides in the “US/THEM” dichotomy. The structure of the meganarrative is presented in a stepwise manner in the form of a core and a periphery, parts of which are in continuous transtextual connections. In the course of the analysis of the empirical material of the narrative messages in the Russian and English-language media, a close interaction of narratives on the periphery, their influence on the subsequent formation of the meganarrative components and its tonality in general, was established. Meganarrative allows to see a more holistic picture of the depicted event, which is revealed within it in many ways, contrastingly and ambiguously.

Keywords: narrative, meganarrative, transtextuality, crisis communication, media discourse, political discourse

For citation: Kudryavtseva ZG. The category of transtextuality in the meganarrative in crisis communication. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2022;1(459), Philological Sciences, 127:58-66. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2022-10107.

В последнее время понятие «нарратив» активно изучается в различных дисциплинах гуманитарных и социальных наук. Исследования этого феномена, возникшего в нарратологии, широко представлены в философии, истории, психологии, социологии, лингвистике, политологии. Исследователи в области философии и психологии Р. Харре и Й. Брокмейер определяют нарратив сравнительно широко с учетом лингвистического, психологического, культурного и социального аспектов понятия, а также подчеркивают важность степени мастерства владения коммуникативными способностями нарратора. Нарратив представляет собой «некоторый ансамбль лингвистических и психологических структур, передаваемых культурно-исторически ограниченным уровнем мастерства каждого индивида и смесью его или ее социально-коммуникативных способностей с лингвистическим мастерством» [3. С. 31].

Как отмечает В. Шмид, традиционно отнесение произведения к нарративу происходило по признакам коммуникативной структуры, то есть по присутствию в тексте рассказчика. Наличие выражения авторской позиции в тексте является одной из базовых характеристик нарратива, который буквально основан на «преломлении повествуемой действительности через призму восприятия нарратора» [12. С. 10]. Именно субъективный характер нарратива, его открытость к интерпретации, сделали его удобным инструментом манипуляции, поскольку, «создавая нужный нарратив, можно постепенно изменить основной сюжет, главных героев и сам смысл» [2]. Нарратив как способ формирования фактов через повествование, его влияние на восприятие реальности представляет особенный интерес для исследователей манипулятивного потенциала нарратива в политическом дискурсе медиакommunikации: М. Бейкер, А. Г. Кириллов, О. В. Красноярова, Е. С. Москаленко, Е. В. Федосеева, З. З. Чанышева, Е. И. Шейгал, Д. Шифрин и мн. др.

Многие исследователи отметили способность нарратива конструировать реальность, акцентируя особые, значимые и отбрасывая незначительные с точки зрения нарратора моменты событий. Джеральд Принц отмечает, что события, описываемые в политическом нарративе, могут носить относительный и даже вымышленный характер: «универсальный и бесконечно разнообразный нарратив является представлением по крайней

мере двух реальных или вымышленных ситуаций во временной последовательности» [24. Р. 1].

Формирование понятия «политический нарратив» Шол Шенхав связывает с трактовкой концепта «политика», интерпретация которого влияет на широту дефиниции. Так, политический нарратив может либо создаваться политическим институтом (правительство, парламент, политическая партия, политик, политический форум), либо относиться к политическому событию [27. Р. 77]. Так как прагматика дискурса в конкретной коммуникации обуславливает способы функционирования определенных нарративных форм, под политическим нарративом понимается способ репрезентации политических событий, насыщенный субъективной эмоциональной оценкой для реализации авторских целей.

Политический нарратив в медиадискурсе может возникнуть на фоне необходимости решить политическую проблему или оправдать определенные политические меры, принятые для решения проблемы [26]. С этой целью средства массовой информации используют язык как инструмент воздействия при создании политического нарратива, используя средства языка, стратегии и тактики речевого воздействия. Выполняя разные социальные функции в обществе, язык может являться инструментом для общения (на уровне идей), социального взаимодействия (на межличностном уровне), а также «инструментом контроля» (подраздел межличностного уровня) [14. Р. 122].

При возникновении кризисной ситуации СМИ выступают посредником в процессе коммуникации, способствующей производству, распространению и обмену политическим контентом на платформах и в социальных сетях, которые обеспечивают взаимодействие и сотрудничество. Однако при освещении новостей СМИ могут не просто информировать общество, а целенаправленно привлекать внимание читателей, манипулируя сознанием и провоцируя реакцию со стороны вовлеченных социальных субъектов, например политиков, жертв, служб спасения и т. д. [21. Р. 73]. В условиях нарастающей конкуренции между медиаисточниками целью становится привлечение аудитории в более короткий срок, что влечет за собой «уменьшение доли содержания (особенно в сегменте общественно-политической проблематики), предполагающего линейное — последовательное — восприятие, опирающееся

на причинно-следственные связи как необходимый элемент рационального осмысления событий и явлений» [5. С. 106]. Среди разнообразия форматов освещения событий наиболее эффективными становятся эмоционально насыщенные форматы. При нарративном изложении текст обладает способностью быть эмоциогенным, вызывать эмоции у читающего, воздействуя на адресата, для чего в нарратив намеренно внедряются эмотивные высказывания с помощью средств лексики, синтаксиса и интонации [11. С. 40]. Нарратив может послужить удобной формой реализации этого воздействия, так как обладает достаточным потенциалом для построения текста таким образом, чтобы эмотивность текста была эффективной, но неочевидной для читателя.

В наше время общество находится в узле кризисов — постоянно нарастают и затихают кризисы фондовых рынков, межгосударственных отношений, экологические, технологические и естественные кризисы. Любое кризисное событие в значительной степени зависит от раскрытия темы в массмедиа для признания кризисной ситуации в статусе «глобальной», значимой для общества [18. Р. 17], так как кризис имеет социальную форму и большая часть его формирования происходит через текст и устную коммуникацию, в организационных, политических и медийных дискурсах, в публичных и частных пространствах [13. Р. 5].

Понятие «кризис» представляет собой сложный, динамичный, многогранный феномен для исследования междисциплинарного характера. Исследуя изменения концепции понятия во времени и его функционирование в различных дискурсах, Р. Козеллек утверждает, что данное понятие изучается во всех гуманитарных и социальных науках, но именно в медиадискурсе понятие нашло широкое применение. В медиакommunikации раскрылся потенциал понятия, расширились границы и проявилась его многозначность: означавший прежде неизбежное, жестокое и неотвратимое событие, «кризис» включил в себя все неопределенное, подстраиваясь под контекст [22. Р. 398]. Кризис определяется как жизненно важный или решающий этап в развитии чего-либо; поворотный момент, а также состояние дел, в котором неизбежны решительные перемены к лучшему или худшему [13. Р. 6]. В настоящее время данное понятие особенно часто употребляется по отношению к разногласиям, состоянию незащищенности и неопределенности в политике или коммерческой деятельности.

Изучая характер представлений о кризисе в общественных науках, экономике, политологии,

И. А. Соколова выделяет особые общие свойства кризиса. Кризис характеризуется состоянием изменения, сопряженностью с тяжелыми решительными переменами. При этом изменения имеют резкий, неожиданный, внезапный характер и сопровождаются состоянием нестабильности, незащищенности. Качественно данные изменения проявляются глубоко и интенсивно, угрожая существованию или непрерывности устоявшихся процессов, а также отличаясь тяжестью их негативных последствий [7. С. 34].

Кризис может быть не только реальным или потенциальным, но также и мнимым. Некоторые события объективно воспринимаются как реальные или потенциальные кризисы, в то время как мнимые кризисы создаются искусственно без реальных на то оснований: они не несут в себе непосредственную угрозу нормальному образу жизни, не наносят серьезного ущерба, не требуют быстрых и решительных действий. В средствах массовой информации мнимый кризис может возникать на фоне освещения некризисных событий в новостях кризисного типа, что приводит к тому, что Д. Грабер называет «псевдокризисами» [13. Р. 19]. В политике и СМИ часто важнее сама идея кризиса и распространение этой идеи в общественной сфере, чем конкретные события, оправдывающие использование этого термина [28. Р. 17]. Учитывая роль массмедиа в определении места проблемы в обществе, освещение псевдокризиса может, в свою очередь, стать составной частью реального или потенциального кризиса.

Кризис, спровоцированный эпидемией коронавируса, развивается в данный момент стремительно и многосторонне и, конечно, является поводом для различных спекуляций информацией в медиадискурсе. Во всевозможных источниках информации к официальным рекомендациям медицинских экспертов часто приписывают домашние советы, народные средства лечения, ложные теории заговоров, нагнетая страх и сея панику среди читателей. Сомнительная информация распространяется со скоростью света, обеспечивая подписки и просмотры недобросовестным СМИ, которые пользуются тревожностью переживающих о своем здоровье граждан. Внезапное появление нового коронавируса вызвало то, что генеральный секретарь ООН Антониу Гутерриш назвал «пандемией дезинформации» [30]. В начале эпидемии петербургская газета «Фонтанка» выпустила статью о студентах, изолированных в общежитии на карантин. Журналисты писали о страдающих в заточении жильцах общежития, которые «стоят

в масках в окнах своего жилища, прикладывают ладони к стеклу и запускают бумажные самолетики с надписью: «Помогите»» [8]. Позже корреспонденты телеканала «Россия 1» выпустили видеорепортаж об этом случае, однако вскоре в Сети появились кадры с камеры видеонаблюдения, на которых видно, как журналистка сама раскладывает эти самые самолетики на ступенях общежития. Эту тему подхватили многие СМИ Санкт-Петербурга, журналисты всячески преувеличивали масштабы страданий изолированных студентов, хотя нахождение в карантине во избежание распространения вируса стало нормой в эпоху разыгравшейся пандемии.

Тема коронавируса в СМИ сейчас является актуальной, интересной для читателя, что также используется для привлечения внимания аудитории с целью скрытой пропаганды. Так, несколько изданий выпустили статьи, обвиняющие Россию в «прокремлевской» дезинформации о коронавирусной пандемии в Европе. Ссылаясь на доклад Европейской службы внешнеполитической деятельности (EEAS), предназначенный для внутреннего пользования, авторы утверждают, что российские провокаторы распространяют ложную информацию с целью подорвать общественное доверие и посеять разногласия в Европе (*Russian trolls are spreading falsehoods about the coronavirus in Europe, using the health crisis to sow distrust and division*) [23]. Сообщения о дезинформации включают утверждения о том, что коронавирус был распространен мигрантами, что это биологическое оружие, разработанное США, Великобританией или Китаем, а также что он якобы связан с технологией 5G. По утверждениям экспертов EEAS, цель кампании — посеять вражду в Европе, усугубить кризис в сфере здравоохранения в западных странах и тем самым помешать эффективному ответу на вспышку заболевания. Авторы утверждают, что, хотя Российское правительство не являлось автором фальшивых новостных статей, оно распространяло ложные теории и дезинформацию, исходящую из других источников (*the Russian government wasn't authoring the fake news articles but rather had amplified false theories and disinformation that come from elsewhere, including from American far-right groups*) [23]. Нарратив насыщен негативными оценками, непроверенными фактами (*Russian government-funded media group*), необоснованными обвинениями (*pro-Kremlin' disinfo, false theories, spreading falsehoods, Kremlin-backed false reports*) [Ibid.]. Модальность псевдофактуальности, созданная при помощи лексических единиц: *claim* (to say that something is true or is a fact, although you

cannot prove it and other people might not believe it), *alert* (to warn someone of a possibly dangerous situation), *say* (to give (as) an opinion or suggestion about something) [16], — создает иллюзию достоверности информации, представленной в нарративе.

Этот нарратив получил развитие в последующих статьях, также ссылавшихся на доклад Европейской службы внешнеполитической деятельности (EEAS) *Assessing the Russian Disinformation Campaign During COVID-19* (ICDS, 13 ноября 2021 г.), *EU accuses Russia, China of COVID vaccine disinformation* (DW, 28 апреля 2021), *Russia, China sow disinformation to undermine trust in Western vaccines: EU* (Reuters, 29 апреля 2021 г.), *EU slams Russia and China for Western vaccines disinformation campaign* (Euronews 29 апреля 2021 г.), *Russia Launches COVID Disinformation Campaign, Targets Western Vaccines* (Voanews, 25 марта 2021 г.), *Meet the Russian 'Information Warrior' Seeking to Discredit COVID-19 Vaccines* (Time, 21 марта 2021 г.), *Russian Disinformation Campaign Aims to Undermine Confidence in Pfizer, Other Covid-19 Vaccines, U. S. Officials Say* (The Wall Street Journal, 7 марта 2021 г.), *Russian disinformation campaign working to undermine confidence in Covid-19 vaccines used in US* (CNN, 8 марта 2021 г.). В последующих статьях обвинения принимают все более широкий характер, события обрастают новыми подробностями, доказательствами, предполагаемыми причинами, появляются ответные обвинения с противоположной стороны, что формирует более крупное дискурсивное образование, которое З. З. Чанышева называет «меганарратив».

Меганарратив — это «функционально-коммуникативная совокупность тематически соотнесенных и событийно связанных медийных нарративов, отражающих конфликтность выражаемых позиций и вступающих друг с другом в определенные отношения конфронтационного типа с «чужими» или согласованного взаимодействия со «своими»» [9. С. 666]. Меганарратив представляется площадкой политического конфликта — конфликта интересов, целей, приоритетов, идеологий, где участники конфликта осуществляют политическое позиционирование, выстраивая наиболее выгодный образ в глазах читателя. В процессе позиционирования особое внимание уделяется способу представления события, форме, а не содержанию, где истина становится несущественной и главный фокус направлен на восприятие информации массовым читателем [25].

Обязательным условием для создания меганарратива является конфликт как базовый критерий,

разделяющий участников нарративной коммуникации по линии «свои — чужие». Триггером к возникновению меганарратива может послужить политическое заявление органа власти от лица государства или заявление международной организации, которые образуют ядро меганарратива. Формирование меганарратива происходит вокруг определенного новостного центра, который в дальнейшем обрастает откликами различных медийных источников, комментариями в социальных сетях, обсуждениями на новостных платформах. Таким образом, меганарратив образует центр и периферию, содержащую эксплицитные или имплицитные отсылки к ядру [9. С. 668].

Меганарратив представляет собой объединение нарративов, которые обладают тематическими, идеологическими, дискурсивными связями. Каждый конкретный текст — это автономный, цельный и законченный феномен, но в современном политическом дискурсе наблюдается тенденция к диалогичности текстов внутри дискурса, так как «автор развивает и детализирует высказанные ранее идеи, полемизирует с ними, дает свою интерпретацию фактов, подчеркивает собственную позицию» [10. С. 114]. Ю. Кристева называет связь между текстами «интертекстуальной» и рассматривает ее относительно двух осей: по горизонтали — связь текста с автором и читателем, по вертикали — связь текста с другими текстами. Интертекстуальность указывает на отношения между текстами, влияние на формирование смысла текста другим текстом, а также интерпретацию текста аудиторией [17]. А. П. Чудинов понимает под интертекстуальностью «присутствие в тексте элементов других текстов, что обеспечивает его восприятие как частицы общего политического дискурса и — шире — как элемента национальной культуры» [10. С. 114].

Ж. Женетт придерживается более узкого подхода к трактовке термина и считает интертекстуальность разновидностью более широкого понятия «транстекстуальность». Ж. Женетт определяет транстекстуальность как «все, что устанавливает связь, явную или скрытую, между текстами», а сам текст рассматривает как «место встречи различных высказываний, заимствованных из других текстов» [4. С. 339]. Среди видов взаимодействия текстов он выделяет *интертекстуальность* — эксплицитное содержание в одном тексте элементов другого (цитация, аллюзия, плагиат); *метатекстуальность* — взаимосвязь между текстом и комментариями к нему; *паратекстуальность* — соотношение текста со своим паратекстом (загла-

вием, эпиграфом, предисловием, послесловием и др.); *гипертекстуальность* — имитация одним текстом другого (пастиш, пародия); *архитекстуальность* — жанровая связь текстов, «отношение текста со своим архитекткстом», с родовой категорией [Там же. С. 470]. И. В. Арнольд также придерживается узкой трактовки интертекстуальности как «включения в текст либо целых других текстов с иным субъектом речи, либо их фрагментов в виде цитат, реминисценций и аллюзий» [1. С. 351]. В более узком понимании, интертекстуальность сводится лишь к формальным признакам межтекстовых связей, тогда как транстекстуальность включает в себя все разнообразие отношений между текстами, включая отношения части текста к целому, отношения между разными текстами, отношения текста с более обширными образованиями и т. д.

Транстекстуальные связи внутри меганарратива прослеживаются особенно явно и динамично, так как нарративы влияют друг на друга по ходу образования меганарратива, формируют его через связи одного нарратива с другим, частей нарратива между собой, связи нарратива с затекстовыми комментариями, его интерпретацией, ядра и периферии меганарратива, а также с дискурсом. Эти связи могут выражаться эксплицитно или имплицитно, в зависимости от локализации и типа связи; при этом признаки транстекстуальности не всегда обозначаются четко или имеют границы, так как один и тот же участок текста может нести разные функции транстекстуальной связи [6. С. 100].

Выступление Дональда Трампа 6 декабря 2017 г. о признании США Иерусалима столицей Израиля и переносе посольства в столицу стало триггером для образования меганарратива о вмешательстве США в международные конфликты. Выступление президента США повлекло за собой многочисленные отклики как со стороны участников конфликта — Израиля и Палестины, так и со стороны множества других стран, спровоцировав нарративизацию события в массмедиа. В прессе замечается расхождение нарративов по полюсам «свой — чужой» в оценке заявления Дональда Трампа, которое для Израиля и его сторонников является очевидным, разумным, смелым и справедливым, абсолютно верным решением, отражающим принятие реальности (*common sense to everyone, acknowledge the obvious, the right thing to do, nothing more or less than a recognition of reality, courageous and just decision* [19]), в то время как нарративы со стороны «чужих», в частности образованные ответной реакцией Палестины, критикуют это

решение как незаконное, безответственное и провокационное, лишаящее США права называться «мирным посредником» в международных конфликтах (illegal, irresponsible and provocative [29]; disapproval, criticise the move, abdicating its role as a peace mediator [15]). В политических нарративах активно используется оценочная лексика для убеждения аудитории в правильности своей точки зрения, широко применяются средства выразительности — метафорические выражения, эпитеты, повторы, которые придают убедительность манипулятивным высказываниям, искажая фактуальную информацию.

В данном меганарративе ядро образовано выступлением президента США Дональда Трампа, а периферийные нарративы объединяются по принципу поддержки мнения Трампа со стороны Израиля или его осуждения со стороны Палестины, образуя блоки «своих» и «чужих». Стороны конфликта выражают противоположные мнения в оценке воздействующего потенциала события. С одной стороны, наблюдаются утверждения о мирных намерениях, способствующих упрочению мирных соглашений, убеждения в правильности своего решения в качестве шага на пути к миру: We will arrive at a peace and place far greater in understanding and cooperation; commitment to facilitate a lasting peace agreement; decision is an important step toward peace [19]. С другой — решение рассматривается как принятие только одной стороны конфликта, которое может вызвать насилие и кровопролитие: Some warned of the potential for violence and bloodshed as a result [15]; it openly taking sides with Israel [29].

Однако нарративы периферии образуются не только непосредственными участниками конфликта, но и другими странами и организациями, заинтересованными в урегулировании конфликта. Например, заявление президента США вызвало широкое обсуждение на экстренном совещании Совета Безопасности ООН, где 14 из 15 членов совета осудили решение Дональда Трампа. Этот акт был признан нарушением резолюций ООН и международного права, которое идет вразрез со взглядами совета: violation of U.N. resolutions and international law; the statement goes against the plea of U.N.; U.S. position is not in line with Security Council resolutions and it is unhelpful in terms of prospects of peace in the region; It's not good for us collectively [Ibid.]. Постоянно обвиняя Россию, Китай и Иран в нарушении резолюций, США не заметили, как сами оказались в числе «нарушителей», создавая прецедент, позволяющий пренебрегать постановлениями

Совета Безопасности: U.S. decision set a dangerous precedent for disregarding international laws; U.S. is among the violators [Ibid.]. Решение заседания Совета Безопасности ООН мгновенно отразилось в меганарративе, заставив американское руководство использовать более широкие и обтекаемые фразы, попутно ссылаясь на неверную трактовку высказываний президента: President did not indicate any final status for Jerusalem; He was very clear that the final status, including the borders, would be left to the two parties to negotiate and decide; This is not something that is going to happen this year, or probably not next year [31]. Ответы и комментарии сторон конфликта мгновенно влияют на общую тональность меганарратива, провоцируя реакцию противоположной стороны и изменения во встречных нарративах, что свидетельствует о постоянном взаимодействии нарративов на периферии меганарратива.

Таким образом, меганарратив объединяет все множество взглядов и мнений относительно конфликта, раскрывая ситуацию с разных сторон. Вокруг ядра меганарратива группируются различные отклики медиаресурсов, отражающие позиции государств, задействованных в конфликте (США, Израиль, Палестина), международных организаций (ООН, Евросоюз), политических движений (ХАМАС, европейские политические партии, американские христианские и еврейские организации), а также личностные нарративы отдельных политических лиц и критиков.

Средствам массовой информации отводится центральная роль в процессах освещения политических конфликтов, их осознания, признания и привлечения средств для их решения. Политические конфликты в медиакоммуникации все чаще освещаются в нарративной форме, удобном пластичном формате для формирования политически ангажированных текстов, наиболее выгодно раскрывающих авторскую позицию. Используя язык как средство воздействия, авторы политических нарративов осуществляют скрытое воздействие с целью навязать идеологические установки. Неизбежное столкновение интересов в политических конфликтах находит отражение в сложном гибридном полидискурсивном образовании меганарратива.

Меганарратив как крупная транстекстуальная единица медиакоммуникации представляет собой объединение нарративов по общей конфликтной теме. Меганарратив освещает межгосударственные конфликты в кризисной коммуникации, отражая интересы сторон в дихотомии «свои — чу-

жие». Объединенные общей политической темой, нарративы способствуют глубокому и многостороннему раскрытию конфликта, представляя позиции всех участников конфликта. Внутри меганарратива происходит столкновение интересов сторон, осуществляющих манипулятивное воздействие с помощью приемов и тактик, отражающих политическое позиционирование средств

массовой информации. Транстекстуальные связи пронизывают меганарратив, связывая ядро и периферию меганарратива, а также объединяя различные институциональные и личностные нарративы периферии. Меганарратив позволяет видеть более целостную картину изображаемого события, которая раскрывается внутри него многосторонне, контрастно и неоднозначно.

Список источников

1. Арнольд И. В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. 448 с.
2. Божедай В. Личный сайт авторских работ. URL: <https://clck.ru/UХeZJ> (дата обращения 27.04.2021).
3. Брокмейер Й., Харре Р. Нарратив: проблемы и обещания одной альтернативной парадигмы // Вопросы философии. 2000. № 3. С. 29—42.
4. Женетт Ж. Фигуры: в 2 т. Т. 1. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1998. 472 с.
5. Назаров М. М. Политическая коммуникация в обществе постправды: граждане и доверие к информационным источникам // Власть. 2020. Т. 28, № 1. С. 105—114.
6. Корнеева В. А. Прагмалингвистические особенности феномена полифонии во французской прессе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2015. № 12 (723). С. 91—100.
7. Соколова И. А. Дискурс «Кризис»: способы структурно-тематической и языковой организации в текстах СМИ // МИРС. 2012. № 4. С. 33—43.
8. Фонтанка: Студенты таскают авоськи и запускают самолетики с криком о помощи. «Фонтанка» показывает, как выглядит закрытое на карантин общежитие в Петербурге. URL: <https://www.fontanka.ru/2020/03/05/69017158/> (дата обращения 08.05.2021).
9. Чанышева З. З. Меганарратив конфликта в медийной коммуникации // Вестник Башкирского университета. 2020. Т. 25, № 3. С. 665—669.
10. Чудинов А. П. Политическая лингвистика: учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2006. 256 с.
11. Шаховский В. И. Эмоции как объект исследования в лингвистике // Вопросы психолингвистики. 2009. № 9. С. 29—42.
12. Шмид В. Нарратология. М.: Языки славян. культуры, 2003. 312 с.
13. Antoon D. R., Zuraidah M. D. Discourse in Crisis, Crisis in Discourse // Discourse and Crisis: Critical Perspectives / ed. by A. De Rycker, M. D. Zuraidah. Amsterdam: John Benjamins, 2013. P. 3—65.
14. Badran D. Ideology through modality: PhD thesis. University of Nottingham, 2002. URL: <http://eprints.nottingham.ac.uk/12216/1/275961.pdf> (дата обращения 20.04.2021).
15. BBC Jerusalem: Trump move prompts negative world reaction. URL: <https://www.bbc.com/news/world-middle-east-42250340> (дата обращения 20.06.2021).
16. Cambridge dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru/> (дата обращения 25.12.2020).
17. Chandler D. Semiotics for Beginners. 2020. URL: <http://visual-memory.co.uk/daniel/Documents/S4B/sem09.html> (дата обращения 20.06.2021).
18. Cottle S. Global Crisis Reporting: Journalism in the Global Age. Maidenhead, Berkshire, UK: Open University Press: McGraw-Hill, 2009. 199 p.
19. Fox News: Trump officially recognizes Jerusalem as Israel's capital, orders embassy move for US. URL: <https://www.foxnews.com/politics/trump-officially-recognizes-jerusalem-as-israels-capital-orders-embassy-move-for-us> (дата обращения 21.06.2021).
20. Genette G. Palimpsestes: La littérature au second degré. P.: Éd. du Seuil, 1982. 576 p.
21. Islam R. Information and public choice: From media market to policy making. Washington, DC: The World Bank, 2008. 250 p.
22. Koselleck R., Richter M. W. "Crisis" Journal of the History of Ideas. 2006. Vol. 67, no. 2. P. 357—400. URL: www.jstor.org/stable/30141882 (дата обращения 13.05.2021).
23. Politico: EU warns of 'pro-Kremlin' disinfo on coronavirus pandemic. URL: <https://www.politico.eu/article/eu-warns-on-pro-kremlin-disinfo-on-coronavirus-pandemic/> (дата обращения 15.05.2021).

24. Prince G. *Narratology: the form and functioning of narrative*. Berlin: Mouton, 1982. 184 p.
25. Ries AL., Trout J. *The Positioning: The battle for your mind*. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01000506722> (дата обращения 23.05.2021).
26. Schlauffer C. Introduction to the Narratives Policy Framework and to the research project. НУГ Seminar 1. 21 January 2020. URL: <https://social.hse.ru/data/2020/02/08/1574160435/seminar%201%20NUG%20intro.pdf> (дата обращения 29.04.2021).
27. Shenhav R. S. Thin and thick narrative analysis // *Narrative Inquiry*. 2005. Vol. 15, no. 1. P. 75—99.
28. Stråth B., Wodak R. *Europe — Discourse — Politics — Media — History: Constructing ‘Crises’ // The European Public Sphere and the Media Europe in Crisis / ed. by A. Triandafyllidou, R. Wodak, M. Krzyzanowski*. London: Palgrave Macmillan, 2009. P. 15—33.
29. *The Wall Street Journal*: Fourteen of 15 Security Council Members Denounce U. S. Stance on Jerusalem. URL: <https://www.wsj.com/articles/fourteen-of-15-security-council-members-denounce-u-s-stance-on-jerusalem-1512777971> (дата обращения 07.05.2021).
30. UN News: Press freedom critical to countering COVID-19 ‘pandemic of misinformation’. URL: <https://news.un.org/en/story/2020/05/1063152> (дата обращения 07.05.2021).
31. *Washington Post*: U. S. Embassy’s move to Jerusalem should take at least two years, Tillerson says. URL: https://www.washingtonpost.com/world/tillerson-us-embassy-move-to-jerusalem-should-take-at-least-two-years/2017/12/08/83ec13ac-7170-4058-9972-11d4a8e8cc18_story.html (дата обращения 07.05.2021).

References

1. Arnol'd IV. *Semantika. Stilistika. Intertekstual'nost' = Semantics. Stylistics. Intertextuality*. St. Petersburg: Izd-vo SPbGU; 1999. 448 p. (In Russ.).
2. Bozhedaj V. *Lichnyj sajt avtorskih rabot = Personal site of author's works*. Available from: <https://clck.ru/UXeZJ> (accessed 27.04.2021). (In Russ.).
3. Brokmejer I, Harre R. *Narrative: Challenges and Promises of One Alternative Paradigm. Voprosy filosofii = Questions of Philosophy*. 2000;(3):29-42. (In Russ.).
4. Zhenett Zh. *Figury = Shape*. In 2 vol. Vol 1. Moscow: Izd-vo im. Sabashnikovyh; 1998. 472 p. (In Russ.).
5. Nazarov MM. *Political Communication in a Post-Truth Society: Citizens and Trust in Information Sources. Vlast' = Power*. 2020; 28(1):105-114. (In Russ.).
6. Korneeva VA. *Pragmalingvistic features of the phenomenon of polyphony in the French press. Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki = Bulletin of Moscow State Linguistic University. Humanities*. 2015;12(723):91-100. (In Russ.).
7. Sokolova IA. *Discourse “Crisis”: ways of structural-thematic and linguistic organization in the texts of the media. MIRS = MIRS*. 2012;(4):33-43. (In Russ.).
8. *Fontanka: Studenty taskajut avos'ki i zapuskajut samoletiki s krikom o pomoshhi. “Fontanka” pokazyvaet, kak vygljadit zakrytoe na karantin obshhezhitie v Peterburge = Fontanka: Students are dragging their bags and launching airplanes shouting for help. “Fontanka” shows how the quarantined hostel in St. Petersburg looks like*. Available from: <https://www.fontanka.ru/2020/03/05/69017158/> (accessed 08.05.2021). (In Russ.).
9. Chanysheva ZZ. *Meganarrative of conflict in media communication. Vestnik Bashkirskogo universiteta = Bulletin of the Bashkir University*. 2020;25(3):665-669. (In Russ.).
10. Chudinov AP. *Politicheskaja lingvistika = Political Linguistics*. Moscow: Flinta: Nauka; 2006. 256 p. (In Russ.).
11. Shahovskij VI. *Emotions as an object of study in linguistics. Voprosy psiholingvistiki = Psycholinguistics issues*. 2009;(9):29-42. (In Russ.).
12. Schmid B. *Narratologija = Narratology*. Moscow: Jazyki slavjanskoj kul'tury; 2003. 312 p. (In Russ.).
13. Antoon DR., Zuraidah MD. *Discourse in Crisis, Crisis in Discourse. Discourse and Crisis: Critical Perspectives*, ed. by ADe Rycker, MD Zuraidah. Amsterdam: John Benjamins; 2013. Pp. 3—65.
14. Badran D. *Ideology through modality*. PhD thesis. University of Nottingham; 2002. Available from: <http://eprints.nottingham.ac.uk/12216/1/275961.pdf> (accessed 20.04.2021).
15. *BBC Jerusalem: Trump move prompts negative world reaction*. Available from: <https://www.bbc.com/news/world-middle-east-42250340> (accessed 20.06.2021).
16. *Cambridge dictionary*. Available from: <https://dictionary.cambridge.org/ru/> (дата обращения 25.12.2020).

17. Chandler D. Semiotics for Beginners. 2020. Available from: <http://visual-memory.co.uk/daniel/Documents/S4B/sem09.html> (accessed 20.06.2021).
18. Cottle S. Global Crisis Reporting: Journalism in the Global Age. Maidenhead, Berkshire, UK: Open University Press/McGraw-Hill; 2009. 199 p.
19. Fox News: Trump officially recognizes Jerusalem as Israel's capital, orders embassy move for US. Available from: <https://www.foxnews.com/politics/trump-officially-recognizes-jerusalem-as-israels-capital-orders-embassy-move-for-us> (accessed 21.06.2021).
20. Genette G. Palimpsestes: La littérature au second degré. P.: Éd. du Seuil; 1982. 576 p.
21. Islam R. Information and public choice: From media market to policy making. Washington, DC: The World Bank; 2008. 250 p.
22. Koselleck R, Richter MW. "Crisis" Journal of the History of Ideas. 2006;67(2):57-400. Available from: www.jstor.org/stable/30141882 (accessed 13.05.2021).
23. Politico: EU warns of 'pro-Kremlin' disinfo on coronavirus pandemic. Available from: <https://www.politico.eu/article/eu-warns-on-pro-kremlin-disinfo-on-coronavirus-pandemic/> (accessed 15.05.2021).
24. Prince G. Narratology: the form and functioning of narrative. Berlin: Mouton; 1982. 184 p.
25. Ries AI, Trout J. The Positioning: The battle for your mind. Available from: <https://search.rsl.ru/ru/record/01000506722> (accessed 23.05.2021).
26. Schlauffer C. Introduction to the Narratives Policy Framework and to the research project // НУГ Семинар 1, 2020. Available from: <https://social.hse.ru/data/2020/02/08/1574160435/seminar%201%20NUG%20intro.pdf> (accessed 29.04.2021).
27. Shenhav RS. Thin and thick narrative analysis. Narrative Inquiry. 2005;15(1):75-99.
28. Stråth B, Wodak R. Europe — Discourse — Politics — Media — History: Constructing 'Crises'. In: Triandafyllidou A, Wodak R, Krzyzanowski M (eds). The European Public Sphere and the Media Europe in Crisis. London: Palgrave Macmillan; 2009. Pp. 15—33.
29. The Wall Street Journal: Fourteen of 15 Security Council Members Denounce U. S. Stance on Jerusalem. Available from: <https://www.wsj.com/articles/fourteen-of-15-security-council-members-denounce-u-s-stance-on-jerusalem-1512777971> (accessed 07.05.2021).
30. UN News: Press freedom critical to countering COVID-19 'pandemic of misinformation'. Available from: <https://news.un.org/en/story/2020/05/1063152> (accessed 07.05.2021).
31. Washington Post: U. S. Embassy's move to Jerusalem should take at least two years, Tillerson says. Available from: https://www.washingtonpost.com/world/tillerson-us-embassy-move-to-jerusalem-should-take-at-least-two-years/2017/12/08/83ec13ac-7170-4058-9972-11d4a8e8cc18_story.html (accessed 07.05.2021).

Информация об авторе

З. Г. Кудрявцева — аспирантка кафедры английского языка и межкультурной коммуникации факультета романо-германской филологии.

Information about the author

Zemfira G. Kudryavtseva — Postgraduate student of the Department of English and Intercultural Communication of the Faculty of Romano-Germanic Philology.

Статья поступила в редакцию 04.09.2021; одобрена после рецензирования 25.09.2021; принята к публикации 18.01.2022.

The article was submitted 04.09.2021; approved after reviewing 25.09.2021; accepted for publication 18.01.2022.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 81'42

doi: 10.47475/1994-2796-2022-10108

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ КОММУНИКАТИВНЫХ СТРАТЕГИЙ И ТАКТИК В «АНТИВИРУСНОМ» СОЦИАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ

Елена Валерьевна Шпар¹, Элина Марсовна Ризяпова²

¹Уфимский государственный авиационный технический университет, Уфа, Россия, eshpa@mail.ru

²Башкирский государственный университет, Уфа, Россия, sententia@inbox.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу специфики расширенного спектра стратегий и тактик коммуникативного воздействия в поликодовых текстах «антивирусного» социального дискурса «первой волны». Анализируются причины происходящих изменений, связанные с глобальным характером проблем и мер борьбы с ними в условиях пандемии, а также особенности приемов и средств реализации выявленных коммуникативных стратегий и тактик.

Ключевые слова: социальная реклама, «антивирусный» социальный дискурс, коммуникативные стратегии и тактики, поликодовый текст, агитационная стратегия, тактика призыва

Для цитирования: Шпар Е. В., Ризяпова Э. М. Особенности реализации коммуникативных стратегий и тактик в «антивирусном» социальном дискурсе // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 1 (459). Филологические науки. Вып. 127. С. 67—76. doi: 10.47475/1994-2796-2022-10108.

Original article

SPECIFIC FEATURES OF IMPLEMENTING COMMUNICATIVE STRATEGIES AND TACTICS IN ANTI-VIRUS SOCIAL DISCOURSE

Elena V. Shpar¹, Elina M. Rizyapova²

¹Ufa State Aviation Technical University, Ufa, Russia, eshpa@mail.ru

²Bashkir State University, Ufa, Russia, sententia@inbox.ru

Abstract. The paper considers the specific features of an expanded range of communication strategies and tactics in polycode texts of the “antiviral” social discourse of the “first wave”. The prerequisites for the changes associated with the global nature of the problems in a pandemic are revealed and their impact on social advertising is analysed. It is noted that due to an increase in borrowing communication strategies and means of their implementation from commercial advertising, political, media and network discourses, the appeal to positive emotions came to the fore and took the place of the appeal to negative emotions, which used to be dominant in social advertising. At the same time, the formerly prevailing frustration strategy and its tactics turned out to be insufficient to reach multiple and versatile target audience. They gave way to outreach campaign strategy and call-to-action tactics, tactics of advice or recommendation, enforced by supplementary argumentation strategy and appropriate persuasion tactics. To enhance the impact and mitigate the straightforwardness of the call-to-action tactics a wide variety of game techniques and humour of various types came to be used.

Keywords: social advertising, “antiviral” social discourse, communication strategies and tactics, polycode text, outreach campaign strategy, call-to-action tactics

For citation: Shpar EV, Rizyapova EM. Specific features of implementing communicative strategies and tactics in anti-virus social discourse. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2022;1(459), Philological Sciences, 127:67-76. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2022-10108.

В условиях пандемии (в связи глобальным характером проблем и мер борьбы с ними) дискурс

социальной рекламы не только значительно расширился, но и кардинально видоизменился. Стирание границ между коммерческим и социальным дискурсом, между институциональными

и неинституциональными дискурсами стало очевидно уже на ранних этапах, когда коммерческие компании по всему миру включились в процесс формирования общественного мнения и занялись популяризацией мер борьбы с коронавирусом, используя свой опыт рекламирования товаров и услуг, а социальные сети продемонстрировали свои потенциально безграничные возможности транслировать как созидательные и благие, так и контрпродуктивные, панические послы индивидов, групп, движений. Цель данной работы — выявить и изучить произошедшие изменения и особенности реализации расширенного спектра стратегий и тактик речевого (коммуникативного) воздействия в «антивирусном» социальном дискурсе «первой волны» (первой половины 2020 г., то есть до создания вакцин).

Материалом исследования послужили 500 экземпляров креолизованной печатной рекламы (постеры, плакаты, баннеры, билборды) мер борьбы с коронавирусом (собственно социальной и коммерческой с социальным дискурсом), полученные методом сплошной выборки из тематической коллекции рекламных сообщений *Covid-19 Ads* сайта *Ads of the World*, принадлежащего международной программе премий за инновации и творческие достижения в области рекламы и дизайна [https://www.adsoftheworld.com/collection/covid19_ads].

Методологической основой исследования являются работы по теории речевого (коммуникативного) воздействия О. С. Иссерс и Е. В. Шелестюк (общая теория на материале дискурса СМИ) [2; 3; 13], О. Н. Паршиной (в политическом дискурсе) [5], Ю. К. Пироговой и П. Б. Паршина (в дискурсе коммерческой рекламы) [6; 7; 8], М. В. Терских (в дискурсе социальной рекламы) [10; 11; 12].

Основные предпосылки изменений в социальном дискурсе:

1. Цель антивирусного социального дискурса «первой волны» — призвать людей всего мира соблюдать меры самоизоляции, чтобы дать ученым и системам здравоохранения время подготовиться к массовому лечению заболевших и профилактике распространения вируса путем вакцинации. Охват аудитории должен был быть максимальным, в связи с чем уже известная исследователям и практикам проблема функциональной ограниченности традиционного арсенала средств социальной рекламы приобрела особую актуальность. Так, по мнению Ю. К. Пироговой, кампании социальной рекламы значительно реже (чем коммерчески ориентированные) учитывают «модель последовательного поведения целевой

аудитории» и, как следствие, «реже оказывают воздействие на все типы ролей участников ситуации» [7. С. 40]. При этом преобладающих в социальной рекламе стратегий и тактик, а именно: фрустрационной стратегии и тактик нагнетания отрицательных эмоций, шокирования «фактами», негативного прогнозирования [подробнее см.: 10. С. 147—148] — вполне ожидаемо оказалось недостаточно. Более того, как отмечают многие исследователи, в их числе и М. В. Терских, «апелляция к страху является сомнительным с точки зрения эффективности методом воздействия (особенно на социально нестабильные группы людей) и имеет альтернативы, которые действительно способны помочь изменить отношение и даже поведение реципиентов» [12. С. 234]. В создавшихся условиях процесс заимствования методов воздействия из коммерческой рекламы, политического дискурса, дискурса СМИ и сетевого дискурса значительно ускорился. Таким образом, наряду с апелляцией к отрицательным эмоциям (запугать, усомниться), в антивирусном дискурсе стали активнее использовать апелляцию к положительным эмоциям (заинтересовать, найти плюсы, предложить приятное; представить его не вынужденным, а собственным выбором: вы это любите (общаться в соцсетях, слушать музыку, читать, смотреть фильмы, лениться), это истинные ценности (дети, семья), это возвышает (сознательный моральный выбор, забота об окружающих)).

2. «Антивирусный» социальный дискурс, нацеленный на формирование сознательного поведения всех людей в условиях пандемии, имеет по сравнению с традиционным дискурсом социальной рекламы более широкие границы и более разнороден. Он включает 1) собственно социальную рекламу (государственную и негосударственную, то есть от различных общественных организаций и фондов), 2) тематические обращения или сообщения в СМИ и социальных сетях, а также 3) коммерческую рекламу с социальным дискурсом (от производителей товаров, поставщиков услуг и рекламных агентств в качестве самопрезентации (self-promo)). Именно в рамках двух последних составляющих на передний план вышла *агитационная стратегия* воздействия, реализуемая в первую очередь посредством *тактики призыва* (термины О. Н. Паршиной [5]).

Призывы ученых к правительствам и общественности (Flatten the Curve, Stop the Spread of COVID-19), властей к гражданам (Stay at home, Keep the distance, Wear a mask, Stop COVID-19), различных общественных организаций и движений, в том числе в виртуальной среде (Save lives, Go Viral

to stop the Virus, Let kindness go viral), усиленные хештегами, объединили все сферы социального воздействия и вернулись в печатную креолизованную рекламу социальной направленности, придав ей новый импульс и направление развития. О силе этих языковых новообразований можно судить и по уже предложенным специальным терминам для их обозначения — «слова-вирусы» (по аналогии со «словами-паразитами»), включаются в группу так называемых вирусных дискурсов, характеризующихся специальными стратегиями и языковыми средствами выражения [9. С. 113].

На основе изучения собранного языкового материала можно сделать следующие обобщения: 1) все слоганы и значительная часть основных информативных составляющих антивирусной социальной рекламы (caption ± clarification) являются именно призывами (выраженными императивами) или, по крайней мере, рекомендациями или советами (то есть смягченными вариантами призыва); 2) агитационная стратегия и тактика призыва не маскируются, а наоборот, выдвигаются на передний план, становятся ведущими, а также дублируются и/или усиливаются в основной (информативной) части рекламного сообщения вербально или визуально при помощи вспомогательной аргументативной стратегии и соответствующих тактик убеждения, 3) в качестве вспомогательных выступают стратегии и тактики, а также приемы их реализации широкого спектра, заимствованные как из политического дискурса, так и из дискурса коммерческой рекламы; 4) для реализации (усиления воздействия и смягчения прямолинейности) тактики призыва используется большое разнообразие игровых приемов, более характерных для коммерческой рекламы, и юмор различных типов. (Повышение степени лингвокреативности современного антиковидного дискурса уже было отмечено О. Н. Соколовой в ходе исследования на материале основных антивирусных кампаний XX в. [Там же. С. 117].)

Рассмотрим выявленные особенности более подробно на конкретных примерах реализации различных тактик превалирующей в антиковидном социальном дискурсе *агитационной стратегии*.

1. Тактика призыва

1.1. Игровые приемы (визуальные, вербальные и смешанные)

- Визуализация узнаваемого растиражированного призыва (слогана-вируса), в основном на основе игры с визуальными прецедентными феноменами.

Крупнейшие автоконцерны (Audi, Volkswagen, Mercedes Benz) и пищевые компании (Coca Cola, McDonalds) поддержали призыв *Keep the distance* визуальной игрой с собственными логотипами, увеличив расстояние между их составляющими частями. Призыв *Stay at home* был визуализирован сходным образом — из логотипов многих компаний исчезли изображения людей (KFC, Starbucks, Wendy's, Chiquita, DreamWorks).

Призыв *Make your payments non-cash* в рекламе с социальным дискурсом от азербайджанского Rabitabank визуализирован масками на лицах членов королевских семей и политических деятелей на валютах мира [Azerbaijan].

- Усложнение узнаваемого призыва или создание нового посредством языковой игры.

В коммерческой рекламе с социальным дискурсом, созданной в Израиле для Smart (автомобили особо малого класса), призыв *Keep distance* превратился в слоган-призыв *Keep smart distance*, усиленный игрой слов: эпитет smart (умный, благоразумный) и название автомобильной марки [Israel].

В наружной социальной рекламе на билбордах (США): *BE AGGRESSIVELY PASSIVE. Stay at home. Stop the Spread of COVID-19* — узнаваемые слоганы привлекают внимание благодаря соседству с новым призывом, содержащим оксюморон [USA]. Кампания в целом проходила под слоганом *Clean Out Coronavirus Not Shelves*, также основанным на языковой игре (зевгме) с двумя значениями глагола *clean out* (вычищать, избавляться от ненужного, вредного, проблемного и сметать все товары с полок в магазинах).

Немало новых слоганов-призывов антиковидной интернет-рекламы были сформулированы при помощи языковой игры. Например, бельгийский журнал мод *Flair* выпустил серию рекламных сообщений под общим слоганом *Touch with words*, развивая его ситуативно: *If you want to touch someone, use words* (каламбур, основанный на прямом и переносном значении глагола *touch*) или *Will you be my quarantine?* (неологизм *quarantine* с новым ударением по аналогии с *valentine* в контексте узнаваемого романтического вопроса) [Belgium].

Многие известные компании поиграли со своими постоянными слоганами. Например, призыв японского автоконцерна Toyota: *Let's go places* — посредством замены компонента в этом устойчивом выражении превратился в новый социальный призыв: *Let's dream places. Stay home now. Go later* [USA], визуальный ряд остался тем же (разнообразные природные пейзажи).

• *Вербально-визуальная игра (дублирование игровых элементов вербального призыва в визуальном компоненте сообщения).*

Интернет-сервис потокового аудио Spotify в своей коммерческой рекламе с социальным дискурсом использовал как визуальные игровые приемы (его логотип, зеленый круг с тремя радиоволнами, изменил силуэт и превратился в маску со складками), так и языковую игру в обращениях-призывах: *Safe and sound. Spread music not Covid-19* и *Safe and sound. Wear your essentials*. Средство реализации языковой игры в данном случае — каламбур, игра с омонимами *sound* (звук) и *sound* (здоровый) [Israel].

Традиционный рекламный слоган *Explore the great outdoors* американской марки автомобилей Jeep обыгран посредством замены компонента: *Explore the great indoors* и *It's time to explore the great indoors*, — при этом в обоих случаях языковая игра поддержана и в визуальной части рекламного сообщения: в первом случае крупный план каменных столешниц выглядит как съемка природных ландшафтов с высоты птичьего полета [UAE], во втором — силуэт автомобиля Jeep угадывается во всевозможных комбинациях предметов домашнего обихода (кухонная утварь, фломастеры и скотч, пульта дистанционного управления домашней техникой и кружки с напитками и т. п.) [Australia].

В социальной рекламе из Индии метафора *balloon out of control* из обращения-призыва *Don't let it balloon out of control. Stay home. Stay safe. Stop the spread* продублирована/поддержана изображением воздушного шарика со множеством горлышек, в результате чего он визуально напоминает вирус [India].

Социальная кампания от Организации Объединенных Наций с общим названием: *World, Stay Home! Stay Safe*, — обращенная к жителям трех стран (*America/Brazil/India, Stay Home!*) построена на метонимии (страна = ее граждане), которая продублирована на визуальном уровне: пустые постаменты с пунктирными силуэтами главных национальных памятников (статуи Свободы, статуи Иисуса Христа, статуи Единства), выступающих в качестве символов стран [India].

Грузинское рекламное агентство использовало в социальной рекламе неологизм *Stayhomicilin* (*Сидидомицилин*), визуализированный изображением многоквартирного дома в виде блистера с лекарством и капсул-балконов с людьми, соблюдающими режим самоизоляции: *Heal the world with self-isolation. Stayhomicillin* [Georgia].

Израильская сеть кондитерских и кафе *Roladin Bakery & Café* создала свой социальный слоган на основе прецедентного текста (песни *Queen*), заменив сходное по звучанию слово на контекстуально необходимое: *Show mask go on!*, — визуальная часть серии рекламных плакатов содержит изображения девушек-моделей с пирожными и в масках со стилизованной под сладости отделкой. В результате неправильный с языковой точки зрения императив-слоган вполне понятен и выполняет двойную функциональную нагрузку (рекламирует товар и популяризирует меру профилактики ковида) [Israel].

Зачастую связь между визуальным и вербальным компонентами сложнее, чем дублирование или многослойность, а сообщение существует только в их взаимосвязи. Так, в кампании для ВОЗ рекламное агентство из Армении использовало визуальную игру — изображение мозга человека из множества кусков мыла, в результате чего слоган: *Use it. Wash your hands frequently. Stop the spread* — превратился в ситуативный каламбур (*it = brain = soap*) [Armenia].

1.2. Юмор как прием реализации тактики призыва

Роль юмора как механизма преодоления трудностей известна давно, и вполне ожидаемо, что благодаря полифункциональности комического [1. С. 177; 4. С. 25—28] юмор может использоваться в социальных кампаниях, одновременно усиливая воздействие и смягчая его прямолинейность.

Как показало исследование, наиболее распространенным видом применения юмора в антиковидном дискурсе является юмористическая визуализация (в большинстве случаев на основе эффекта обманутого ожидания). Так, в серии рекламных сообщений, созданных в Перу для ООН, общий слоган-призыв: *Keep your distance. Stop chaos. Help control COVID-19* — представлен несколько неожиданными в данном контексте парными изображениями воздушного шарика и кактуса, голой ступни человека и детальки лего, фена и ванны с водой [Peru]. Аналогии с повседневностью делают призыв понятнее и ближе.

Социальная реклама от Агентства национальных парков и дикой природы Австралии построена на эффекте обманутого ожидания как в вербальной, так и визуальной части сообщения — известный слоган расширен за счет неожиданных включений: *Keep your distance at least 1 adult kangaroo apart* и *Keep your distance at least 3 adult koalas apart*, а изображением служит узнаваемый постер-

предупреждение (желтый фон, силуэты людей, обозначение рекомендуемой дистанции), «оживленный» фигурками одного взрослого кенгуру и трех взрослых особей коалы [Australia].

В серии наружной социальной рекламы (США) задействованы юмористические сравнения (языковой и ситуативный юмор, также основанный на эффекте обманутого ожидания): *Act like 90% of belly buttons. Stay in.* | *Act like you have an ankle monitor on. Stay home.* | *Act like a mom in a 50's sitcom. Stay at home.* | *Act like a Red Sox fan at a Yankee game. Practice social distance.* | *Act like your ex just walked into the party. Practice social distance* [USA].

Производитель мотоциклов Honda в своей рекламной кампании с социальным дискурсом с общим доверительным обращением: *Riders. We know how you feel these days* — также использует юмор для смягчения тактики призыва: *Wash your hands as if they were your bike* [Honda].

Юмор и языковая игра породили новые призывы — например, слоган для целой социальной кампании в Малайзии, призывающей соблюдать режим самоизоляции: *Be a chicken. Be safe*, а также призывы в рамках отдельных сообщений серии, например: *Seize the daybed* и *Live life to the emptiest* (игра с прецедентными высказываниями) [Malaysia].

Более того, в антиковидном социальном дискурсе нашлось место даже черному юмору. В постах от художников, работающих в рамках всемирного благотворительного проекта *Artists giving back*, слоган-призыв *Save lives. Stay at home* был проиллюстрирован прецедентными визуальными образами Франкенштейна и маньяка-убийцы из фильма ужасов «Пятница, 13», занятых безобидными домашними делами (глажкой белья и приготовлением овощного рагу) [USA].

2. Тактика совета/рекомендации

Совет (наставление, указание, как поступить) и рекомендация (совет, пожелание, *син.*: консультирование, назначение, разъяснение) в рамках антиковидного социального дискурса являются, по сути, смягченной формой призыва. Данная тактика использована в целом ряде социальных кампаний, уточняющих собственно призыв при помощи совета/указания/напоминания, как это можно сделать, или изначально основанных на рекомендации/совете (смягченном призыве). В большинстве случаев тактика совета/рекомендации реализуется посредством вспомогательной *аргументативной стратегии* и ряда соответствующих приемов.

2.1. Прием иллюстрирования, подтверждения примерами

В российской англоязычной коммерческой рекламе с социальным дискурсом для интернет-портала Yoga.ru предлагается способ разнообразить выполнение рекомендации ВОЗ мыть руки не менее 30 секунд: *Wash your hands not less than 30 seconds. And not to get bored you can repeat mudras on the picture* (изображение на постере показывает рекомендуемые мудры (ритуальное расположение кистей рук), что является визуальной игрой с прецедентными феноменами) [Russia].

Книжный онлайн-магазин LeYa предлагает способ уйти от карантина в мир книг: *Escape the Lockdown*. Визуализация идеи основана на игре с визуальными прецедентными феноменами: за окном комнаты человека в самоизоляции оказываются Дон Кихот, Маленький принц с Лисом, Кролик из «Алисы в Зазеркалье» [Portugal].

Национальная библиотека Люксембурга выпустила серию советов по чтению во время пандемии (*Reading Tips during Covid*) с общим слоганом *Reading is fascinating*. Отдельные постеры содержат узнаваемый слоган-призыв и его уточнение в виде совета-рекомендации: *STAY AT HOME and explore new worlds with a good book, DON'T MEET IN GROUPS except with your favorite authors, KEEP YOU DISTANCE except for history, science and many other fields, AIR OUT REGULARLY your mind with breathtaking books*. Во всех сообщениях задействована вспомогательная аргументативная тактика присвоения оценочных значений (в словах *fascinating, good, favourite, breathtaking*), а визуальный ряд (схематичные изображения домашних мест для чтения (диван, кровать, кресло, стол) и книг (стопками или раскрытых)) возвращает к исходному призыву соблюдать меры самоизоляции [Luxembourg].

Индийское рекламное агентство в попытке посоветовать, чем заняться, иронично описало в постах с хештегом *#QuarantineLife* предпочтения основной массы людей, обыграв названия социальных сетей и сервисов: *Let's Face it. Books are a great company and Stay busy and, the time will pass. TikTok. Tick-tock* [India].

В рамках социальной кампании от Misu (производителя кормов для животных в Венесуэле) совет подсказывает, как решить проблему одиночества во время самоизоляции: *If you are alone right now, hug, kiss, love. Adopt. They do not transmit the virus*, — вспомогательные приемы основаны на приемах апелляции к позитивным эмоциям

(обнимайте, целуйте, любите) и подтверждения научными фактами (не переносят вирус) [Venezuela]. Сходным образом построена и социальная кампания благотворительного фонда *Happy Tails* из Румынии: *Go outside again. Adopt* [Romania].

2.2. Прием апелляции к авторитету

Интернет-сервис потокового аудио Spotify в своей социальной кампании на территории Швеции под слоганом *Listen to music. Stay home* обратился к авторитету известных музыкантов, придавая убедительности призыву оставаться дома цитатами из известных песен: *Gotta Go Home* (Boney M.), *Home Sweet Home* (Mötley Crüe), *Mama, I'm Coming Home* (Ozzy Osborne), *Please Go Home* (The Rolling Stones), *Come Home* (One Republic), *Don't Leave Home* (Dido) [Sweden].

Англоязычная социальная кампания из Казахстана призвала читать в борьбе с ковидом (*Read vs Covid*) и обратилась к авторитету известных писателей. В визуальной части постеров на обложках книг, которые люди держат в непосредственной близости от лица как защитные маски (визуальный игровой прием), содержатся цитаты о ценности и важности времени наедине с собой: *The chief, unwitnessed and alone, Now yields him to his bosom's smart* (Alexander Pushkin, *The Fountain of Bakhchisaray*); *Being able to endure loneliness and enjoy it is a great gift* (Bernard Shaw, *Pygmalion*); *In your seclusion contemplate what you have learned among people* (Leo Tolstoy, *Path of Life*) [Kazakhstan].

Журнал *Rolling Stone* выпустил в Германии социальную кампанию под общим названием *Defeat Coronavirus Like a Rockstar*, проиллюстрировав рекомендации ВОЗ при помощи обложек культовых музыкальных альбомов: *Avoid handshakes and hugs* (Pink Floyd, *Wish You Were Here* — рукопожатие двоих мужчин в полный рост, один из них в огне), *Practice social distancing* (The Beatles, *Abbey Road* — знаменитая четверка, переходящая улицу на расстоянии друг от друга), *Examine alternative ways to say hello* (David Bowie, *Heroes* — загадочные жесты руками Дейвида Боуи, по мотивам картин немецкого художника-экспрессиониста Эриха Хеккеля), *Avoid crowds and large gatherings* (The Beatles, *Sgt. Pepper's Lonely Hearts Club Band* — большое скопление разномастной публики), *Stay at home if you can* (Arctic Monkeys, *Favourite Worst Nightmare* — затемненные панельный дом и двор с ярко освещенными окнами квартир) [Germany].

2.3. Прием связывания с важными для целевой группы ценностными понятиями (религия, семья, кумиры)

Религия. Социальные кампании *Support the doctors* в разных странах обратились для иллюстрации послыла к религии. Румынская социальная кампания изобразила медицинских работников в виде ликов святых-чудотворцев по канонам разных религий мира [Romania]. В индийской серии социальной рекламы работники жизненно важных сфер (полицейский, медицинский работник и работник коммунальной службы) изображены в спецодежде и золотом головном уборе индуистского божества, что усилено общим заголовком: *Finally I can see God!* [India].

Семья. Британская антиковидная социальная реклама, приуроченная ко Дню матери, основана на приеме связывания с важной для аудитории ценностной категорией — семьей и любовью к матери: *Mum, I'm sorry we can't spend Mother's Day together. Stay home, don't let guests in and wash your hands. Now it's my turn to keep you safe.* Основная информативная часть рекламного сообщения в этой серии вполне серьезна, однако для привлечения внимания и смягчения категоричности используется вспомогательный прием игры с прецедентными высказываниями (типичными родительскими фразами): *Stay home. Why? Because I said so. That's why!* и *I don't care if everyone is doing it. You are not everyone*, визуальный компонент при этом символически — минималистическое изображение цыпленка яйцеобразной формы в позе «руки в боки» [UK].

Похожая российская англоязычная социальная реклама рекомендует молодым людям соблюдать меры самоизоляции ради пожилых членов семьи: *Stay home for your loved ones.* Связывание с ценностными понятиями семьи и заботы о ближних усиливается вспомогательными игровыми приемами: игрой с прецедентными высказываниями *Where do you think you are going, young lady?* и *Over my dead body will you go out, young man!* (переосмысленными ситуативно) и стилизацией под социальную рекламу Всемирного фонда дикой природы (WWF), что нашло отражение как в тексте рекламы: *Coronavirus puts our elderly at risk of going extinct*, — так и в визуальном компоненте — логотип выдуманной создателями рекламы организации (Всемирный фонд человека — World Human Fund, WHF) со схематичным изображением старушки с палочкой [Russia].

Кумиры. Социальная реклама от радиоволны Kiss FM в Бразилии обыграла известный клич *Long Live Rock n' Roll. Stay at Home*, сопроводив

послание сценическими фотографиями прославленных рок-музыкантов с указанием их возраста: Кит Ричардс (76), Патти Смит (73) и Пол Маккартни (77). В данном контексте восстановлено прямое значение словосочетания *long live* (да здравствует), что напомнило поклонникам о тех, ради кого стоит оставаться дома [Brazil].

Герои. Связывание с ценностными понятиями геройство и мужество, отвага и доблесть во всем их многообразии нашли отражение в социальных кампаниях в поддержку врачей *Support the Doctors*. В Албании медицинские работники предстали в виде доблестных рыцарей: *The Knight with Cotton Armour, The Lady Knight with FFP Helmet* [Albania]; в Сербии — в виде супергероев вселенной комиксов Marvel (на лицах изможденных медиков следы масок супергероев) [Serbia].

2.4. Прием сопоставительного/контрастного анализа (логическое и/или образное сопоставление/противопоставление)

Следует отметить, что в силу специфики жанра социальной рекламы, для которой краткость и эмотивность являются отличительными чертами, рациональная оценка в социальном дискурсе почти всегда подкреплена, а в отдельных случаях и подменена эмоциональной оценкой. Кроме этого, во многих случаях использования приема сопоставления задействован вспомогательный прием присвоения оценок: обоснованных (объективных, рациональных) и необоснованных (обычно субъективных, эмоциональных).

Американская наружная реклама на билбордах призывала граждан проявить сознательность и соблюдать масочный режим, используя прием логического сопоставления: *Nurses do for 12 hr. You can for 12 min. Wear the mask; 100% more effective than complaining. Wear the mask; Grandpa fought for us. Let's fight for him. Wear the mask* [USA].

Серия социальной рекламы, приуроченная ко Дню медсестер, от американского спортивного клуба с общим посланием: *Nurses and front liners defeat pandemics. Respect* в целом построена на приеме противопоставления: *Working out is easy, saving lives is hard; Running a mile is easy, running a hospital is hard; Completing all sets is easy, keeping someone alive is hard*, — а вспомогательный прием присвоения оценок (respect, easy/hard) является неотъемлемой частью его реализации [USA].

Параллели проводятся и с другими социальными проблемами, обостряющимися в ходе борьбы с пандемией: бездомные — *You would give anything*

to leave your house, they would give everything to have one, в канадской социальной рекламе с видоизмененным логотипом *Stay home* (сердце+дом) на *No home* [Canada]; домашнее насилие — *Not all who stay home, stay safe #UnmuteTheAbuse* [India] или *Thousands of abusers were confined in wrong places #ReportYourAbuser* [Chile]; от правозащитных общественных организаций Индии и Чили: нищета — *We won't stay home; We won't keep 1 meter apart, We won't wash our hands*, от благотворительной организации, нацеленной на обеспечение чистой питьевой воды во всем мире [France].

Образное сопоставление также применяется достаточно широко и обладает не меньшей убедительностью. Так, например, в социальной кампании, созданной в Аргентине для ООН, ложная информация сравнивается с заразой: *Disinformation is also contagious. If you don't have a source, don't share*, — в визуальном компоненте облако слов в виде вируса, состоящее из обрывков непроверенных и пугающих сообщений, распространяемых в соцсетях и неблагонадежными СМИ (*doctors can't find cure, virus spreads through seafood, etc.*) [Argentina].

Испанский спортивный новостной портал *Líbero* создал рекламную кампанию с социальным дискурсом под общим слоганом: *It's easier to win at home*. Серия постеров стилизована под винтажные плакаты со статистикой по числу побед футбольных клубов (Real Madrid, Atletico de Madrid, etc.) и забитым легендарными игроками голам (Lionel Messi, Jan Oblak, etc.) [Spain].

Используется и основанная на контрастивном сопоставлении игра с прецедентными феноменами. Серия рекламных сообщений из Хорватии под общим слоганом *Stop non-domestic violence* привлекает внимание к проблеме перегрузки медицинской системы, представляя ее как «домашнее насилие» в прямой зависимости от наших действий: *Every time you get out of you home, medical staff takes a hit* [Croatia]. Сообщение усилено игрой слов *take a hit* (принимать удар на себя в прямом и переносном смысле) и реальными фотографиями медиков с ранами на лицах от длительного ношения защитной спецодежды.

3. Тактика указания на перспективу

Указание на перспективу является достаточно распространенной в социальной рекламе тактикой, при этом в период антиковидного социального дискурса произошел заметный сдвиг в сторону приема апелляции к положительным эмоциям. В период глобального кризиса позитивный взгляд на ситуацию оказался более конструктивным и в большей

степени способствующим решению проблем, а прием апелляции к положительным эмоциям приобрел особую значимость не только в качестве вспомогательного инструмента, но и самостоятельно.

3.1. Прием апелляции к положительным эмоциям (обещание)

Так, социальная кампания от рекламного агентства из Индии обещает нам, что все, что мы любим и ценим, лишь приостановлено, а не прекратилось навсегда: *Celebration is paused II not over. Have patience. Stay home, stay calm* (знак паузы в виде двух кружек с пивом); *Career is paused II not over* (знак паузы в виде двух галстуков); *Enjoyment is paused II not over* (знак паузы в виде двух надувных плавательных матрасов); *Exploring is paused II not over* (знак паузы в виде двух автомобилей) [India].

Для масштабной британской социальной кампании — *All Dressed Up for the NHS: decency, humour and resilience of the nation in lockdown, a snapshot of positivity celebrating the human spirit* — прием апелляции к положительным эмоциям не только средство, но и цель. Жители Лондона позировали перед своими домами в праздничной одежде (in their Sunday best) и делились позитивным отношением к сложившейся ситуации, своими открытиями и достижениями в период карантина: *You realise you spend more time without kids than with them in normal times, I've learnt a lot about mine* или *We've learned how to plant radishes and it's better to pluck your own nasal hair* [UK].

3.2. Прием апелляции к негативным эмоциям (страху)

Рекламное агентство из Перу в социальной кампании для ООН обратилось к узнаваемой фразе (ознакомление с правами при задержании подозреваемого полицией): *Anything you say may be used against you* — с ситуативной заменой одного слова и в сочетании с не менее узнаваемыми слоганами антиковидной кампании: *Anything you touch may be used against you. Wash your hands. Disinfect your stuff. Stop COVID-19* [Peru]. В визуальном компоненте рекламы использованы изображения телефона,

кошелька и связки ключей со множеством отпечатков пальцев в ультрафиолетовом излучении. Параллели между невидимыми невооруженному глазу отпечатками и вирусами, призваны вызвать чувство страха и побудить дезинфицировать поверхности предметов.

Рекламное агентство из Индии также строит свою рекламную кампанию на основе приема апелляции к страху, используя изображения, стилизованные под сцены из фильмов ужасов и предупреждение: *You don't know what is coming with you / what you are taking with you / what you are playing with / what is following you / if it is living in you. Stay home* [India].

3.3. Прием альтернативы (предоставления выбора) в сочетании с приемом апелляции к негативным или позитивным эмоциям

Бразильская социальная реклама использует прием альтернативы, предлагая аудитории выбор между больничной койкой и кроватью в спальне, гробом и диваном в гостиной в сочетании с риторическим вопросом: *Where would you rather be? Stay home* [Brazil]. В другой серии происходящее представлено в виде игры в крестики-нолики между вирусом и человеком в маске или человеком, моющим руки: *It's your turn. Self-preservation protects everyone* [Brazil]. Прием альтернативы также стал чаще реализовываться в сочетании с апелляцией к позитивным эмоциям.

Проведенное исследование позволило выявить основные тенденции в развитии дискурса социальной рекламы под влиянием глобальности происходящих процессов и необходимости охвата максимально широкой и разнообразной целевой аудитории. В целом, выделенные и описанные тактики убеждения (и особенно некоторые сравнительно новые для социального дискурса), нацелены на конструктивное общение и демонстрируют широкие возможности их использования в целях речевого воздействия. Однако, насколько они будут приняты социальным дискурсом в долгосрочной перспективе, пока остается неясным.

Список источников

1. Воркачев С. Г. «Антипафос»: карнавализация в лингвокультуре // Вестник Северо-Осетинского государственного университета им. К. Л. Хетагурова. 2014. № 1. С. 174—178.
2. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи: монография. Омск: Омск. гос. ун-т им. Ф. М. Достоевского, 1999. 285 с.
3. Иссерс О. С. Речевое воздействие: учеб. пособие. М.: ФЛИНТА, 2009. 224 с.

4. Кулинич М. А. Лингвокультурология юмора (на материале английского языка): учеб. пособие. Самара: Самар. гос. пед. ун-т, 1999. 264 с.
5. Паршина О. Н. Стратегии и тактики речевого поведения современной политической элиты России: монография / под ред. О. Б. Сиротининой. Астрахань: Астрахан. гос. техн. ун-т, 2004. 195 с.
6. Пирогова Ю. К., Баранов А. Н., Паршин П. Б. Рекламный текст: семиотика и лингвистика: монография / Ю. К. Пирогова. М.: Междунар. ин-т рекламы, 2000. 270 с.
7. Пирогова Ю. К. Стратегии воздействия социальной рекламы и потенциал их коммуникативной эффективности // Реклама и право. 2010. № 2. С. 40—41.
8. Пирогова Ю. К. Стратегии коммуникативного воздействия в рекламе: опыт типологизации // Текст. Интертекст. Культура / ред.-сост.: В. П. Григорьев, Н. А. Фатеева. М.: Азбуковник, 2001. С. 543—553.
9. Соколова О. В. Языковые технологии «антивирусной» социальной рекламы: от «Испанского гриппа» до «Covid-19» // Вопросы психолингвистики. 2020. № 4 (46). С. 102—121.
10. Терских М. В. Реализация стратегий коммуникативного воздействия в текстах социальной рекламы // Научный диалог. 2020. № 5. С. 146—157.
11. Терских М. В. Типология стратегий коммуникативного воздействия в дискурсе социальной рекламы // Научный диалог. 2020. № 4. С. 164—175.
12. Терских М. В. Апелляция к юмору vs апелляция к страху в дискурсе социальной рекламы // Лингвокультурология. 2015. № 9. С. 230—255.
13. Шелестюк Е. В. Речевое воздействие: онтология и методология исследования. 2-е изд., испр. и доп. М.: ФЛИНТА, 2014. 343 с.

References

1. Vorkachev SG. “Antipathos”: Carnavalesque in linguoculture. *Vestnik Severo-Osetinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of North Ossetia State University*. 2014;(1):174-178. (In Russ.).
2. Issers OS. Kommunikativnye strategii i taktiki russkoj rechi = Communication strategies and tactics in Russian. Omsk; 1999. 285 p. (In Russ.).
3. Issers OS. Rechevoe vozdejstvie = Communicative impact. Moscow; 2009. 224 p. (In Russ.).
4. Kulinich MA. Lingvokul'turologiya yumora (na materiale anglijskogo yazyka) = Linguistic and cultural aspect of humour (a case study of the English language). Samara; 1999. 264 p. (In Russ.).
5. Parshina ON. Strategii i taktiki rechevogo povedeniya sovremennoj politicheskoy elity Rossii = Strategies and tactics of speech behaviour of contemporary political elite in Russia. Astrakhan; 2004. 195 p. (In Russ.).
6. Pirogova YuK, Baranov AN, Parshin PB. Reklamnyj tekst: semiotika i lingvistika = Advertising text: semiotics and linguistics. Moscow; 2000. 270 p. (In Russ.).
7. Pirogova YuK. Strategies of persuasion in social advertising and their communicative efficiency potential. *Reklama i pravo = Advertising and Law*. 2010;(2):40-41. (In Russ.).
8. Pirogova YuK. Strategii kommunikativnogo vozdejstviya v reklame: opyt tipologizacii = Communicative strategies of persuasion in advertising: classification attempt. In: Grigor'ev VP, Fateeva NA (eds). *Tekst. Inter-tekst. Kul'tura = Text. Intertext. Culture*. Moscow; 2001. Pp. 543-553. (In Russ.).
9. Sokolova OV. = Language techniques of “antiviral” social advertising: from “Spanish flu” to “Covid-19”. *Voprosy psikholingvistiki = Issues of psycholinguistics*. 2020;4(46):102-121. (In Russ.).
10. Terskih MV. Implementation of communication strategies in social advertising texts. *Nauchnyj dialog = Scientific dialogue*. 2020;(5):146-157. (In Russ.).
11. Terskih MV. Typology of communication Strategies in the Discourse of Social Advertising. *Nauchnyj dialog = Scientific dialogue*. 2020;(4):164-175. (In Russ.).
12. Terskih MV. Appeal to humour vs appeal to fear in social advertising discourse. *Lingvokul'turologiya = Cultural linguistics*. 2015;(9):230-255. (In Russ.).
13. Shelestyuk EV. *Rechevoe vozdejstvie: ontologiya i metodologiya issledovaniya = Communicative impact: ontology and methodology of research*. 2nd ed. Moscow; 2014. 343 p. (In Russ.).

Информация об авторах

Е. В. Шпар — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры языковой коммуникации и психолингвистики.

Э. М. Ризяпова — кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка и межкультурной коммуникации.

Information about the authors

Elena V. Shpar — Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Language Communication and Psycholinguistics.

Elina M. Rizyarova — Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of English and Intercultural Communication.

Статья поступила в редакцию 09.11.2021; одобрена после рецензирования 16.12.2021; принята к публикации 18.01.2022.

The article was submitted 09.11.2021; approved after reviewing 16.12.2021; accepted for publication 18.01.2022.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests.

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЯЗЫКОВ И ДИСКУРСОВ

COMPARATIVE ANALYSIS OF LANGUAGES AND DISCOURSES

Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 1 (459). Филологические науки. Вып. 127. С. 77—82. ISSN 1994-2796 (print).

Bulletin of Chelyabinsk State University. 2022;1(459), Philological Sciences, 127:77-82. ISSN 1994-2796 (print).

Научная статья

УДК 81-2

doi: 10.47475/1994-2796-2022-10109

СХОДСТВА И ОТЛИЧИЯ В РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТА «СЕМЬЯ» В АНГЛИЙСКОЙ И ТУРЕЦКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

Алина Мавлитовна Зарипова

Филиал ВУНЦ ВВС «Военно-воздушная академия им. профессора Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина» в Челябинске, Челябинск, Россия, alzaripova@yandex.ru

Аннотация. Проводится сопоставительный анализ английских и турецких пословиц о семье, что позволяет выявить универсальные и национально-культурные особенности. Актуальность исследования обусловлена интересом лингвистов к исследованиям языковой репрезентации концепта «семья» в структуре национальных языковых картин. Результаты анализа дают возможность по-новому взглянуть на стереотипы и ценности рассматриваемых картин мира английского и турецкого обществ. А результаты сравнения этих двух картин мира позволяют выделить основные сходства и различия в отношении концепта «семья», что позволяет повысить эффективность межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: пословица, поговорка, английская и турецкая лингвокультуры, концепт, семья, паремия

Для цитирования: Зарипова А. М. Сходства и отличия в репрезентации концепта «семья» в английской и турецкой лингвокультурах // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 1 (459). Филологические науки. Вып. 127. С. 77—82. doi: 10.47475/1994-2796-2022-10109.

Original article

SIMILARITY AND DIFFERENCES IN THE REPRESENTATION OF THE CONCEPT OF “FAMILY” IN THE ENGLISH AND TURKISH LINGVOCULTURES

Alina M. Zaripova

Military Educational Scientific Center of Military Air Force “Military Air Force Academy named after Professor N. E. Zhukovsky and Y. A. Gagarin”, Chelyabinsk branch, Chelyabinsk, Russia. alzaripova@yandex.ru

Abstract. The article conducts a comparative analysis of English and Turkish proverbs about the family, which makes it possible to identify universal, national and cultural peculiarities. The relevance of the study is due to the interest to the linguistic representation of the concept “family” in the structure of national linguistic worldviews. The results of the analysis provide an opportunity to take a fresh look at the stereotypes and values of the considered pictures of the world of English and Turkish society. And the results of comparing these two pictures of the world make it possible to highlight the main similarities and differences in relation to the concept of “family”, which makes it possible to increase the effectiveness of intercultural communication.

Keywords: proverb, saying, English and Turkish linguocultures, concept, family, paremia

For citation: Zaripova AM. Similarity and differences in the representation of the concept of “family” in the English and Turkish linguocultures. *Bulletin of Chelyabinsk State University. 2022;1(459), Philological Sciences, 127:77-82. (In Russ.).* doi: 10.47475/1994-2796-2022-10109.

Одним из самых актуальных вопросов на сегодняшний день является вопрос межкультурной коммуникации. Этой теме посвящены исследования различных наук, в том числе и лингвистические исследования В. Н. Телии, Ю. С. Степанова, С. Г. Тер-Минасовой, В. А. Масловой. Не стоит недооценивать влияние языкового фактора в процессе межкультурного общения. Ведь неправильное толкование концептов, заключенных в словицах и поговорках может привести к так называемому «конфликту культур», что на сегодняшний день является одной из основных в мире проблем, связанных с увеличивающимися потоками мигрантов. Тема концептов и языковой картины мира всегда рассматривалась широким кругом специалистов. Тем не менее эта тема остается недостаточно раскрытой на материале многих языков, в том числе на материале турецкого языка. Это связано с отсутствием доступа к источникам языкового материала.

Актуальность выбранной темы определяется тем, что репрезентация такого основополагающего концепта, как «семья», позволяет понять языковую картину мира того или иного этноса. А знание и понимание языковых картин разных этносов, их сопоставительный анализ, в свою очередь, облегчают межкультурное общение.

Целью нашей работы является проведение сопоставительного анализа репрезентации концепта «семья» в английской и турецкой лингвокультурах.

Традиционный для языкознания вопрос о взаимосвязи языка и культуры в последние годы вызывает массовый и глубокий интерес. Несмотря на существенные расхождения в подходе к отношениям между культурой и языком, тезис о том, что язык является частью культуры народа, почти не вызывает возражений среди лингвистов. Все это стало причиной появления лингвокультурологии на стыке лингвистики и культурологии как науки, исследующей проявление культуры определенного народа в языке. Язык для тех, кто занимается лингвокультурологией, есть «путь, по которому мы проникаем не только в современную ментальность нации, но и в воззрения древних людей на мир, общество и самих себя» [4. С. 3].

Известный отечественный исследователь Н. Ф. Алефиренко утверждает, что «лингвокультурология — научная дисциплина, предметом изучения которой является репрезентация в языке фактов культуры, своеобразным продуктом которой является так называемая лингвокультура» [1. С. 9].

Б. Уорф наиболее четко сформулировал зависимость культуры от языка: «Система моделей языка принуждает нас так, а не иначе членить мир и распределять значения в нем» [8. С. 8]. Согласно Б. Уорфу, во взаимоотношениях «язык — культура основополагающую роль играет язык. Восприятие окружающих людей, явлений действительности происходит под влиянием определенной структуры языка, что детерминирует полную зависимость развития этноса, его культуры, от развития языка этого этноса.

Для нашего исследования мы воспользовались определением В. А. Масловой. В ее работе «Лингвокультурология» встречается сразу несколько определений, дополняющих друг друга: «отрасль лингвистики, возникшая на стыке лингвистики и культурологии» [4. С. 9]; «гуманитарная дисциплина, изучающая воплощенную в живой национальный язык и проявляющуюся в языковых процессах материальную и духовную культуру» [Там же. С. 30]; «интегративная область знаний, вбирающая в себя результаты исследований в культурологии и языкознании, этнолингвистике и культурной антропологии» [Там же. С. 32]. Таким образом, можно сделать вывод, что лингвокультурология изучает не только язык, но и его влияние на культуру того или иного этноса, то, как это влияние выражается. Следовательно, для ее изучения, необходимо знать не только структуру языка того или иного этноса, но и культурные особенности этого этноса.

В ходе нашего исследования мы обнаружили как отличия, так и сходства в репрезентации концепта «семья» английским и турецким этносами. В первую очередь рассмотрим подробнее сходства в репрезентации данного культурного концепта в рассматриваемых нами лингвокультурах.

Во-первых, самым заметным сходством в понимании семьи в английских и турецких поговорках говорится об исключительной роли семьи в жизни каждого человека. Это позволяет нам сделать вывод о том, что институт семьи является значимой составляющей жизни общества, как английского, так и турецкого.

Bekarin parasını it yer, yakasını bit. Деньги холостого ест пес, а воротник — вши [9; 10].

His hat covers his family. Его шляпа покрывает его семью [5; 6].

Но мало просто вступить в брак. Для того чтобы семейная жизнь стала поистине счастливой, полной смысла, необходимы дети, несмотря на все трудности, всю ответственность, которые падают на плечи родителей. Пословицы и поговорки ан-

глийского и турецкого народов говорят о том, что дети — «цветы нашей жизни», «дрова для семейного очага». В паремиях мы наблюдаем осуждение со стороны народа тех семей, в которых детей нет. Благодаря этому можно сделать вывод о том, что дети также занимают важное место в каждой картине мира.

Çocuk olmayayın eve melek girmez. В бездетный дом ангелы не заходят.

Evladin varsa bin derdin var, evladin yoksa bir derdin var. Есть ребенок — тысяча бед, нет ребенка — одна беда. В данной пословице говорится, что лучше иметь детей и трудности их воспитания, нежели горевать об их отсутствии.

Evlatsız yurt odunsuz ocağa benzer. Бездетный дом похож на очаг без дров [9; 10].

The house without children is a cemetery. Дом без детей — могила.

A babe in the house is a well-spring of pleasure. Маленький ребенок в доме — неиссякаемый источник радости [5; 6].

Следующей чертой, характерной для каждой из исследуемых культур, является единство и взаимопонимание в семье. Все ссоры, конфликты, которые, безусловно, имеют место в ходе семейной жизни, супруги должны решать самостоятельно, не привлекая к этому людей со стороны. Способность найти компромисс, с помощью которого можно решить проблему, есть еще одна значительная составляющая счастливой семейной жизни.

Karı koca ipektir, araya giren köpektir. Муж и жена — одна сатана (дословно: муж и жена — шелк, между ними собака).

Atın hulusunun açlık, erkeğin huysuzunu karı yola getirir. Норовистую лошадь умирят голод, а мужчину с характером — жена [9; 10].

Put not your finger between the bark and the tree. Муж с женой бранятся, чужой не вяжись.

One bone, one flash. Муж и жена — одна сатана [5; 6].

В английских и турецких пословицах и поговорках явно прослеживается патриархальность в семье. Паремии говорят о четком распределении мужских и женских обязанностей в доме: жена — хранительница очага, она ведет хозяйство, в то время как муж является добытчиком в семье.

Yuvayı yaran dişi kuştur. Гнездо вьет птица-мать, то есть дом держится на хозяйке [9].

Men make houses, women make homes. Хозяйкою дом стоит, а мужем — хозяйство [5; 6].

Что касается взаимоотношений детей и родителей, то здесь также присутствуют черты, характерные и для английского, и для турецкого

этноса. В ходе нашего исследования было обнаружено большое количество пословиц и поговорок в турецком и английском языках, говорящих нам о важности родителей в жизни человека, об их исключительности и неповторимости. Данный факт учит тому, что родителей нужно почитать, уважать, любить и всегда оставаться рядом с ними. Однако в английском языке некоторые пословицы несут отрицательный оттенок.

İnsana ata ana gibi yar olmaz. У человека ближе отца и матери никого нет [9].

You may choose your friends, your family is thrust upon you. Родителей не выбирают [5; 6].

Следующим сходством в отношениях между родителями и детьми является привязанность детей к родителям по гендерному признаку. Все это, скорее всего, связано с последующим распределением их обязанностей в доме согласно патриархальному семейному устройству.

Oğlan babadan öğrenir sofraya açmayı, kız anadan öğrenir dikiş dikmeyi. Мальчик у отца учится на стол накрывать, дочь у матери учится вышивку шить, то есть сын у отца учится зарабатывать деньги, а дочь у матери — вести домашнее хозяйство [9; 10].

Like father, like son. Каков отец, таков и сын.

Like mother, like daughter. Какова мать, такова и дочь [5; 6].

Заключении хотелось бы отметить, что родители и дети неотделимы друг от друга как в английском обществе, так и в турецком:

Armut ağaçından uzak düşmez. Груша от дерева не далеко падает [9].

The fruit of a good tree is also good. Плоды с хорошего дерева тоже хороши [5; 6].

Следующим этапом нашей работы стало выявление основных отличий репрезентации концепта «семья» в сознании турецкого и английского этносов, знание которых способно облегчить межкультурную коммуникацию и избежать так называемого конфликта культур.

Во-первых, несмотря на то что в лингвокультурах существует представление об особой и уникальной роли семьи в жизни каждого человека, в английских паремиях семья предстает в форме дома — материального воплощения семейной жизни.

There is no place like home. Нет места, подобного дому.

My house is my castle. Мой дом — моя крепость.

Every man is a king in his own home. В своей семье и сам большой [5; 6].

Также большое внимание в английских паремиях уделяется процессу выбора будущей

супруги. Таким образом, следует подчеркнуть, что при выборе своей спутницы жизни торопиться не стоит, так как сама возможность развода отсутствует.

Несоблюдение этих неписаных правил может привести к беде — жена может попасться «злая». Предостережения о жизни со «злыми женами» также встречаются нам в английских поговорках.

A saint abroad, a devil at home. В людях ангел, не жена. Дома с мужем — сатана.

Marry in haste and repent at leisure. Женишься в спешке, потом долго раскаиваешься на досуге [5; 6].

Турецкие пословицы и поговорки также предупреждают о возможных бедах, которые жены могут принести. Однако там не говорится именно о «злых женах». Речь идет о том, что жены — источник любого конфликта в принципе вне зависимости от своей доброты или злости.

Bal arıdan, kavga karıdan çıkar. Мед бывает от пчел, а ссоры — от жен [9].

Следующее важное отличие связано непосредственно с выбором будущего супруга или супруги. В английских пословицах и поговорках наблюдается тенденция веры в сверхъестественное предназначение будущих супругов, то есть у каждого в этой жизни есть свой муж или своя жена, которая суждена ему небом. Также большое влияние на заключение брака оказывает любовь, как сила, пред которой не властны никакие препятствия. Однако для турецкого этноса характерна существенная роль родителей в выборе супругов для своих детей. И браку зачастую предшествует договоренность родителей, которая могла быть заключена, когда будущие супруги были еще совсем детьми. Но не всегда такие браки делают детей счастливыми.

Bezi daha kozadayken kızına koca arar. Ищи для дочери мужа, пока она еще в пленках.

Ana kızına taht kurmuş, baht kuramamış. Мать сделала дочь богатой, но не сделала ее счастливой [9; 10].

Love will creep where it cannot go. Гони любовь хоть в дверь, она влетит в окно.

Marriage comes by destiny. Браки заключаются на небесах [5; 6].

Большая часть турецких пословиц и поговорок, связанных с детьми, уделяют внимание процессу воспитания ребенка: сыновей уже с детских лет готовят к тому, что они должны зарабатывать деньги в семью, приучают к труду, дочь готовят к замужеству, учат правильно вести хозяйство. Отсюда можно сделать вывод о том, что семей-

ные ценности, характерные именно для турецкого этноса, детям прививают с детства.

Anadan gören inci dizer babadan gören sofra yazar. От матери видит, как нанизывать жемчуг, от отца видит, как принимать гостей.

Oğlan babaya, kız anaya yarar. Сын отцу, дочь матери сгодится [9; 10].

Характерной чертой турецкого общества являются предпочтения отца по отношению к своим детям: сыну как новому работнику в семье, продолжателю рода, его дела, отец радуется сильнее, чем дочери.

Oğlu olan sevinsin, kızı olan dövünsün. Пусть радуется тот, у кого есть сын, пусть горюет тот, у кого дочь.

Devlet oğul, mal tahıl, mülk değirmen. Счастье — сын, товар — зерно, имущество — мельница. Самое большое счастье и богатство иметь сына, самый необходимый товар — зерно, самое ценное имущество — мельница.

Babanın sanatı oğula mirastır. Искусство отца наследуется сыном [9].

В английских пословицах и поговорках в отличие от турецких большое внимание уделяется не непосредственно процессу воспитания, а его важности, ответственности, которую предполагает воспитание. Также стоит отметить, что главное в воспитании — это собственный пример. Ну и самое главное, чему могут научить английские пословицы, — это то, что ребенка своего надо любить, каким бы он ни был.

Little children, little sorrows; big children, great sorrows. Маленькие детки — маленькие бедки, а вырастут велики — большие будут.

The best colt needs breeding. И лучшего жеребенка нужно воспитывать [5; 6].

В заключение хотелось бы отметить, что, несмотря на разницу английской и турецкой, католической и мусульманской культур, сопоставительный анализ их поговорок показал, что в понимании такого основополагающего культурного концепта, как семья, у данных этносов существует немало общего, а именно: особая роль семьи в жизни каждого человека, осуждение отсутствия детей в семье, подходы к воспитанию, единство и взаимопонимание в семье, важность родителей в жизни человека, патриархальность в семейной жизни. Все эти сходства объясняются, во-первых, тем, что и католичество, и ислам в своей основе постулируют патриархальное семейное устройство. А во-вторых, тем, что традиционные базовые компоненты концепта «семья» продолжают оставаться важнейшими

ценностными ориентирами языковой картины мира любого народа.

Таким образом, отличительными характеристиками концепта «семья» являются: для англичан ключевым понятием представляется дом как материальное воплощение семейной жизни, важность правильного выбора будущей супруги, определенность браков свыше и роль любви при заключении брака, ответственность за воспитание собственного ребенка; для турецкого этноса характерна существенная роль родителей в выборе супругов для своих детей, семейные ценности детям прививают с детства, сыновья предпочтительнее, чем дочери.

Отсюда можно сделать вывод, что для представителей обеих культур дети являются продолжателями рода, хранителями традиций, которые должны прославить свою фамилию, свою семью. Именно поэтому необходимо уделить особое внимание воспитанию своего ребенка, чтобы в будущем он оправдал ожидания родителей.

Изучение данных различий может позволить нам избежать культурных конфликтов, связанных с формированием различных культурных стереотипов в отношении концепта «семья», увеличить количество межкультурных контактов, напрямую помочь во взаимоотношениях этих двух этносов.

Список источников

1. Алефиренко Н. Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка. М.: Флинта, 2010. 288 с.
2. Красных В. В. Грамматика лингвокультуры: система координат, система таксонов, система ментефактов // Русский язык и культура в формировании единого социокультурного пространства России: сб. тр. СПб., 2008. С. 333—344.
3. Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов. М., 2000. 856 с.
4. Маслова В. А. Лингвокультурология. М.: Академия, 2001. 208 с.
5. Райдаут Р. Толковый словарь английских пословиц. СПб., 1997. 256 с.
6. Словарь английских пословиц и фразеологических выражений. Смоленск: Русич, 2001. 560 с.
7. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. М., 2000. 264 с.
8. Уорф Б. Отношение норм поведения и мышления к языку // Зарубежная лингвистика I. М., 1999. С. 59—91.
9. Aksoy Ö. A. Atasözleri ve Deyimler Sözlüğü, Atasözleri Sözlüğü. Istanbul: Inkılap Kitabevi, 2013. 486 s.
10. Türk Dil Kurumu Sözlükleri. URL: <http://sozluk.gov.tr> (дата обращения 12.07.2021).

References

1. Alefirenko NF. Lingvokul'turologija: cennostno-smyslovoe prostranstvo jazyka = Cultural linguistics: value-semantic space of language. Moscow; 2010. 288 p. (In Russ.).
2. Krasnyh VV. Grammatika lingvokul'tury: sistema koordinat, sistema taksonov, sistema mentefaktov = Grammar of linguoculture: coordinate system, taxa system, system of mentefacts. In: Russkij jazyk i kul'tura v formirovanii edinogo sociokul'turnogo prostranstva Rossii = Russian language and culture in the formation of a single socio-cultural space of Russia. St. Petersburg; 2008. Pp. 333—344. (In Russ.).
3. Krysin LP. Tolkovyy slovar' inozazychnyh slov = Explanatory dictionary of foreign words. Moscow; 2000. 856 p. (In Russ.).
4. Maslova VA. Lingvokul'turologija = Cultural linguistics. Moscow; 2001. 208 p. (In Russ.).
5. Rajdaut R. Tolkovyy slovar' anglijskih poslovic = Dictionary of English Proverbs. St. Petersburg; 1997. 256 p. (In Russ.).
6. Slovar' anglijskikh poslovic i frazeologicheskikh vyrazheniy = Dictionary of English Proverbs and phraseological expressions. Smolenck; 2001. 560 p. (In Russ.).
7. Ter-Minsova SG. Yazyk i mezhkul'turyfya kommunikaciya = Language and intercultural communication. Moscow; 2000. 264 p. (In Russ.).
8. Uorf B. Otnoshenie norm povedenija i myshlenija k jazyku = The relation of norms of behavior and thinking to language. In: Zarubezhnaja lingvistika I = Foreign Linguistics I. Moscow; 1999. Pp. 59—91. (In Russ.).
9. Aksoy Ö. A. Atasözleri ve Deyimler Sözlüğü, Atasözleri Sözlüğü = Dictionary of Proverbs and Idioms, Dictionary of Proverbs. Istanbul: Inkılap Kitabevi; 2013. 486 p. (In Turkish).

10. Türk Dil Kurumu Sözlükleri = Turkish Language Institution Dictionaries. Available from: <http://sozluk.gov.tr> (accessed 12.07.2021). (In Turkish).

Информация об авторе

А. М. Зарипова — доцент, кандидат филологических наук, доцент 5-й кафедры иностранных языков.

Information about the author

Alina M. Zaripova — Associate Professor, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the 5th Department of Foreign Languages.

Статья поступила в редакцию 16.08.2021; одобрена после рецензирования 24.09.2021; принята к публикации 18.01.2022.

The article was submitted 16.08.2021; approved after reviewing 24.09.2021; accepted for publication 18.01.2022.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 81

doi: 10.47475/1994-2796-2022-10110

К ВОПРОСУ ОБ УПОТРЕБЛЕНИИ ПРЕДЛОГА «С» В РУССКОМ ЯЗЫКЕ В СОПОСТАВЛЕНИИ С ЕГО ЭКВИВАЛЕНТАМИ В ПЕРСИДСКОМ

Бахаре Чераги^{1✉}, Шахрам Набати²

¹ Университет «Алламэ Табатабаи», Тегеран, Исламская Республика Иран, bahareh.cheraghi@yahoo.com✉

² Гилянский университет, Гилян, Рашт, Исламская Республика Иран, shnabati@guilan.ac.ir

Аннотация. Статья посвящена употреблению предлога «с» в русском языке и способам его передачи на персидский язык. Сложность заключается в том, что в персидском языке система падежей отсутствует, и синтаксические связи выражают служебные слова. Материалом исследования выступает переведённый «Русско-персидский словарь И. К. Овчинникова и др.». Целью настоящей работы является выявление разных значений предлога «с» в русском языке и его эквивалентов в персидском. Данному предлогу в разных падежах свойственна многозначность. Этот предлог употребляется с тремя падежами и передает такие значения, как исходный пункт, местонахождение лица или предмета, обозначение лица по его происхождению, месту работы, исходный момент во времени и т. п. В результате исследования выявлено, что русский предлог «с» передается на персидский язык различными простыми и сложными предлогами, а также наречиями и прилагательными в роли наречия.

Ключевые слова: предлог «с», падеж, эквивалент, русский язык, персидский язык

Для цитирования: Чераги Б., Набати Ш. К вопросу об употреблении предлога «с» в русском языке в сопоставлении с его эквивалентами в персидском // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 1 (459). Филологические науки. Вып. 127. С. 83—89. doi: 10.47475/1994-2796-2022-10110.

Original article

THE QUESTION OF THE USE OF THE PREPOSITION “С” IN RUSSIAN IN COMPARISON WITH ITS EQUIVALENTS IN PERSIAN

Bahare Cheraghi^{1✉}, Shahram Nabati²

¹ Allameh Tabatabaie University, Tehran, Islamic Republic of Iran, bahareh.cheraghi@yahoo.com✉

² Gilan University, Gilan, Rasht, Islamic Republic of Iran, shnabati@guilan.ac.ir

Abstract. The present article is reviewing specifications of preposition «с» in Russian Language and their equivalents in Persian Language. The problem is that in Persian language, unlike Russian, the category of case does not exist and syntactic relationships are expressed by means of auxiliary words. Russian-Persian dictionary Ovchinikova has been used conducting in this research. The aim of this article was pointing out different concepts of the preposition «с» in Russian and its Persian equivalents. This preposition conveys various meanings in three different cases. Different conveyed meanings are starting point, place or person's place, starting time etc. According to this study Persian equivalent of this preposition are simple and compound prepositions and also sometimes adverbs and adjectives as adverbs do the same.

Keywords: preposition “с”, case, equivalent, Russian language, Persian language

For citation: Cheraghi Bahare, Nabati Shahram. The question of the use of the preposition «с» in Russian in comparison with its equivalents in Persian. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2022;1(459), Philological Sciences, 127:83-89. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2022-10110.

Введение. В результате того, что предлог «с» в русском языке управляет творительным, родительным и винительным падежами и выражает разнообразные значения, следовательно, персоязычным студентам-русистам тяжело уловить различия и сходства между значениями этого предлога. В этой связи нами была предпринята попытка провести подробный анализ значений этого предлога и выявить способы их адекватной передачи в персидском языке. **Актуальность** работы объясняется практическими потребностями студентов-русистов Ирана, так как их учебная, а также будущая профессиональная деятельность требует хорошего владения языковым материалом. **Новизна** нашего исследования заключается в том, что в нем впервые предпринята попытка подробно и детально собрать много примеров и выявить способы передачи значений предлога «с» в сопоставительном аспекте двух языков.

Как отмечает В. И. Бычков в своей статье, русские предложные сочетания являются одной из тем, которые вызывают трудности у иностранных студентов из-за структурных несоответствий грамматики родного и русского языков, а также разнообразных семантических особенностей употребления русских предлогов. Он добавляет, что предлоги как служебные слова очень часто употребляются в текстах русского языка, и это обуславливает необходимость улучшения методик их изучения [1. С. 31—32].

Несмотря на то что русский язык и персидский язык относятся к одной языковой семье, грамматически они различаются. Отсутствие системы падежей в персидском языке является одним из этих различий. Те грамматические значения, которые в русском языке выражаются формой падежа или сочетанием падежной формы с предлогом, в персидском языке передаются аналитически [3. С. 14].

Н. М. Шанский отмечает, что предлоги выражают падежные значения. Падежные формы имен выражают общие значения отношения, а предлоги же конкретизируют такие отношения. Значение предлога и падежа семантически соответствуют, т. е. предлоги обслуживают падеж определенной семантики [10. С. 236].

Матюшенко разделяет предлоги по форме на первообразные и непервообразные, а также на простые и составные. Первообразные предлоги не связаны со знаменательными словами, в то время как непервообразные предлоги имеют словообразовательные и семантические связи с знаменательными словами как существительными, наречиями и глаголами. Число русских неперво-

образных предлогов больше, чем первообразные [5. С. 1738].

Ю. А. Рубинчик отмечает, что в персидском языке, где получили распространение аналитические конструкции и отсутствует система падежей, важную роль играют служебные слова, которые различны по семантике и функциям. Они отличаются от полнозначных слов тем, что их значение несамостоятельное и нуждается в наличии какого-то другого значения, выраженного знаменательным словом [7. С. 311].

По мнению А. Дехода, в персидском языке существуют постоянные и общие предлоги. *حروف اضافہ ثابت* *хорурфэ эзафэйэ сабэт* ‘постоянные предлоги’ всегда употребляются в роли предлога, в то время как *حروف اضافہ مشترک* *хорурфэ эзафэйэ моштәрәк* ‘общие предлоги’ могут употребляться и в роли наречия или существительного. Предлоги *از* *аз* «обычно» в значении «от» или «с», *در* *дәр* обычно в значении «в» и «на» и др. входят в число постоянных предлогов. Предлоги же *زیر* *зир* ‘под’, *رو* *ру* ‘над, на’ *پیش* *пиш* обычно в значении к «к» или «у», *نزد* *а нәздик* «близко, около, к» и др. являются общими предлогами. В предложении *کتاب روی میز است* *кәтаб руйэ миз әст* ‘Книга лежит на столе’, слово *روی* *руйэ*, которое стоит перед существительным, выполняет функцию предлога, в то время как в предложении *پیش آمد* *пиш амәд* ‘Он подошел поближе’ слово *پیش* *пиш* не имеет при себе существительного и является наречием [2. С. 1377].

Х. Рәхбәр в своей книге указывает на то, что предлоги и послелогои стоят перед существительным или после него и выражают его зависимость от другого слова. Они многозначны и по структуре делятся на простые и составные. Простые предлоги являются одним словом, а составные — больше чем одно слово. [9. С. 3].

Ж. Лазар определяет персидские предлоги таким образом: «В персидском языке предлоги разделяются на собственные предлоги (*бәсит*) *حروف اضافہ ی بسیط* *хорурфэ эзафэйэ басит* как *به* *бә*, *در* *дәр*, *بر* *бәр*, *از* *аз*, *با* *ба* и др. и составные предлоги *حروف اضافہ ی مرکب* *хорурфэ эзафэйэ моракаб*, которые часто образованы из наречия или прилагательного вместе с одним собственным предлогом как *از پیش* *аз, پیش* *пиш* *аз*, *بیرون* *бирун* *аз* и т. п.» [4. С. 99—100].

Следует отметить, что словосочетания с предлогом «с» в разных падежах и их персидские эквиваленты отобраны из переведённого русско-персидского словаря «Русско-персидский словарь И. К. Овчинникова и др.». На основе данных в этом словаре значений будем анализировать и класси-

фицировать все значения предлога «с». Некоторые примеры взяты из учебника «Учебник русского языка для студентов-иностранцев» с переводами, представленными самими авторами. Контекстуальный анализ предлога «с» в персидском языке вследствие отсутствия корпусных данных, аналогичных Национальному корпусу русского языка, проводился на основании аутентичных контекстов, извлеченных из текстов разных жанров в переведённом русско-персидском словаре.

Обсуждение. Как известно, предлог «с» употребляется не только в родительном падеже, но и в творительном и винительном падежах. Много студентов, изучающих русский язык как иностранный, думают, что предлог «с» свойствен только творительному падежу, а некоторые связывают этот предлог с родительным падежом, но они не учитывают употребление этого предлога и в винительном падеже. Кроме того, их знание о разнообразных значениях, выражаемых этим предлогом, очень мало, и иностранные учащиеся часто сталкиваются с проблемой при понимании их точных значений и переводе их на родной язык. Поэтому в этой части детально рассматриваем предлог «с» в этом аспекте.

М. А. Шелякин [11. С. 199—212] разделяет разные значения, выражаемые предлогом «с», на пространственное, временное, причинное, количественное значение, значение источника, значенные орудия, средства и т. д.

Дальше мы подробно перейдём к рассмотрению разных значений предлога «с» в родительном, винительном и творительном падежах и способы их передачи в персидском языке на основе русско-персидского словаря И. К. Овчиниковой и других учебников русского языка.

Предлог «с» в родительном падеже употребляется в следующих значениях:

При глаголах движения обозначает исходный пункт [8. С. 809]. Данное значение предлога «с» передаётся персидскими простыми и сложными предлогами, такими как *از* **āz** ‘из’, *از روی* **āz ruyē** ‘с поверхности’, *از بالای* **āz balāyē** ‘с вершины’:

(1) Вернуться с вокзала	از ایستگاه راه آهن برگشتن	āz <i>istgāhē rāhāhān bārgāshān</i>
(2) Взять со стола	از روی میز برداشتن	āz ruyē miz <i>bārdāshān</i>
(3) Спустить с горы	از بالای کوه پایین آمدن	āz balāyē kuh <i>pāyīn amādan</i>

По мнению И. М. Пулькина [6. С. 57—58], предлог «с» обозначает направление движения. Существительное с предлогом «с» здесь отвечает на вопрос «откуда?» и соответствует персидским

предлогам *از* **āz** ‘из’, *از روی* **āz ruyē** ‘с поверхности’:

(4) Студент взял книгу с полки	دانشجو کتاب را از روی قفسه برداشت	<i>Dāneshjū kētab rā āz ruyē gāfāsē bārdāshān</i>
(5) Он пришёл с улицы	او از خیابان برگشت.	<i>Ū āz hīyāban bārgāshān.</i>

Употребляется при обозначении местонахождения лица или предмета, производящего какого-либо действие [8. С. 809]. Эквивалентом предлога «с» в этом случае являются предлоги *از* **āz** ‘из’, *از بالای* **āz balāyē** ‘с вершины’.

(6) С этого места я всё хорошо слышу	از اینجا همه چیز را خوب می شنوم.	āz <i>injā hēme chīz rā khob mī shānom</i>
(7) С горы виден город.	از بالای کوه شهر دیده می شود.	āz balāyē kuh <i>shahr dīdē mī shūd</i>

Употребляется при обозначении местонахождения чего-л. относительно какого-л. предмета или лица [8. С. 809]. Данное значение предлога «с» передаётся в персидском языке посредством предлога *در* **dār** ‘в, на’ или предлог не переводится:

(8) С левой стороны от...	... در سمت چپ	dār <i>sāmtē chāpē ...</i>
	... سمت چپ	<i>sāmtē chāpē</i>

Обозначает «место, откуда исходит что-л.» [8. С. 809]. Данное значение предлога «с» соответствует персидскому простому предлогу *از* **āz** ‘из’ (пример 9) или передаётся с помощью изафетной конструкции (пример 10):

(9) Письмо с родины	نامه از وطن	<i>nāmē āz vātān</i>
(10) Шум с улицы	شلوغی خیابان	<i>sholugīe hīyāban</i>

Обозначает лицо по его происхождению, месту работы и т. п. [8. С. 809]. В этом случае русский предлог передаётся на персидский предлогом *از* **āz** ‘из’ или передаётся с помощью изафетной конструкции.

(11) Рабочие с машиностроительного завода	کارگران از کارخانه ی ماشین سازی	<i>karēgāran āz karhānēyē māshīnsāzi</i>
	کارگران کارخانه ی ماشین سازی	<i>karēgāranē karhānēyē māshīnsāzi</i>

Обозначает предмет, который служит образцом, оригиналом чего-л. [8. С. 809]. При этом предлог «с» соответствует предлогу *از* **āz** ‘из’ (пример 12)

или передаётся с помощью изафетной конструкции (пример 13):

(12) <i>Перевод с персидского языка</i>	ترجمه از زبان فارسی	<i>тәрджомэ әз зәбанэ фарси</i>
(13) <i>Он пишет с меня портрет</i>	او تصویر مرا می کشد	<i>у тәсвирэ мара микешәд</i>

Обозначает предмет или лицо, с которого требуется что-л., от которого отнимается что-л. [8. С. 809]. При этом эквивалент предлога «с» бывает предлог *аз әз 'из'*.

(14) <i>С плохой овцы хоть шерсти клок (посл.)</i>	از خرس مویی کنند غنیمت است	<i>әз хәрс муйи кәндән гәнимәт әст.</i>
(15) <i>Братъ с кого-л. деньги</i>	از کسی پول گرفتن	<i>әз кәси пул гәрәфтән</i>

Обозначает предмет или лицо, с которого начинается что-л. [8. С. 809]. Эквивалент данного значения выражается в персидском языке предлогом *аз әз 'из'*:

(16) <i>начать читать с третьей страницы</i>	از صفحه ی سوم شروع به خواندن کردن	<i>әз сәфхәйэ сәввом шору бэ хәндән кәрдән</i>
--	-----------------------------------	--

Указывает на достаточность чего-л. для кого-л. [8. С. 809]. Это значение выражается персидским предлогом *бәрайэ 'для'*.

(17) <i>Довольно с вас</i>	برای شما کافیست	<i>бәрайэ шома кафист</i>
----------------------------	-----------------	---------------------------

Обозначает исходный момент во времени [8. С. 809]. Такое значение соответствует персидскому предлогу *аз әз 'из'*.

(18) <i>С утра до вечера</i>	از صبح تا غروب	<i>әз собх та горуб</i>
------------------------------	----------------	-------------------------

И. М. Пулькина [6. С. 57—58] замечает, что существительное с предлогом «с» обозначает время — начало действия. В этом случае предлог «с» также соответствует предлогу *аз әз 'из'*:

(19) <i>Он готовится к экзамену с понедельника</i>	او از روز دوشنبه برای امتحان آماده می شود.	<i>У әз рузэ дошәнбэ бәрайэ әмтәхан амадэ мишәвәд.</i>
(20) <i>Дети с утра гуляют в саду.</i>	بچه ها از صبح در باغ گردش می کنند	<i>Бәчәха әз собх дәр баг гәрдәш микәнд.</i>

И. М. Пулькина также добавляет, что предлог «с» часто вместе с предлогом *до* обозначает *конец действия*:

(21) <i>На полях с утра до вечера кипит работа</i>	در دشت ها از صبح تا عصر کار در جریان است.	<i>Дәр дәштха әз собх та әср кар дәр джәрийән әст.</i>
(22) <i>Врач принимает с десяти до трёх часов.</i>	پزشک از ساعت ده تا سه بیماران را پذیرش می کند	<i>Пэзәшк әз сәйтэ дәх та сә бимаран ра нәзирәш микәнд.</i>

Выражает значение «по причине, вследствие» [8. С. 810]. Такое значение может соответствовать персидским предлогам *аз әз 'из'*, *аз әз руйэ 'по причине, вследствие'*, *бэ сәбәбэ 'по причине, вследствие'*:

(23) <i>Сказать со злости</i>	از روی عصبانیت گفتن	<i>әз руйэ әсәбәниәт гофтән</i>
(24) <i>Устать с дороги</i>	از مسافرت خسته شدن	<i>әз мосәфәрәт хәстә шодән</i>

В этой связи в книге «Учебник русского языка» [6. С. 57—58] отмечено, что существительное с предлогом «с» может указывать на **причину действия** в нескольких сочетаниях. В этом значении этот предлог соответствует персидскому предлогу *аз әз*:

(25) <i>Закричать с испугу</i>	از ترس فریاد زدن	<i>әз тәрс фәрийад зәдән</i>
(26) <i>Сказать со злости</i>	به سبب خشم سخن گفتن	<i>Бэ сәбәбэ хәшм сохән гофтән</i>
(27) <i>Заплакать с горя</i>	از روی غم گریستن	<i>әз руйэ гәм гәристән</i>

Выражает значение «на основании чего-л., следуя чему-л.» [8. С. 810]. Такое значение может соответствовать персидскому предлогу *ба 'с'*:

(28) <i>С вашего разрешения</i>	با اجازه شما	<i>ба әджәзәйэ шома</i>
---------------------------------	--------------	-------------------------

Предлог «с» в винительном падеже употребляется в следующих значениях:

Выражает значение «приблизительно, почти» [8. С. 810]. Такое значение может соответствовать персидскому наречию *тагрибән 'приблизительно, почти'*, прилагательному в роли наречия *гәриб 'приблизительно, почти'* и сочетанию предлога и существительного *дәр дәр ходудэ 'приблизительно, почти'*:

(29) <i>С неделю</i>	تقریبا یک هفته	<i>тәгрибән йәк хәфтэ</i>
(30) <i>С месяца</i>	تقریبا یک ماه	<i>тәгрибән йәк мах</i>

И. М. Пулькина также в своей книге [6. С. 76] указывает, что предлог «с» в сочетании с винительным падежом выражает значение *тагрибән 'приблизительно, почти'*:

(31) С километр мы или молча	ما با سکوت تقریباً یک کیلومتر در راه بودیم.	Ма ба сокут тйґрибйн ек километр дәр рах будим
------------------------------	---	---

Выражает значение «как кто-что-л., величиною с кого-что-л.» [8. С. 810]. Такое значение в персидском выражается с помощью изафетной конструкции:

(32) величиною с дом	به بزرگی خانه	бэ бозоргийэ ханэ
----------------------	---------------	-------------------

Предлог «с» в творительном падеже обозначает следующие значения:

Обозначает «наличие кого-л. или чего-л. у лица или предмета» [8. С. 810]. Данное значение то выражается предлогом **ба** ‘с’ (пример (33)), то не переводится (примеры (34), (35), (36)):

(33) Сидеть с книгой в руках	با کتاب نشستن	ба кэtab нэйшйстән
(34) Человек с добрым сердцем	آدم مهربان	адәмэ мэхрйбан
(35) Он идёт с книгой в руках	او کتاب در دست راه می رود	у кэtab дәр дәст рах мйрйвәд
(36) Человек с ружьём	آدم تفنگ بدست	адәмэ тофәнг бэдәст

И. М. Пулькина [6. С. 89—90] отмечает, что существительное с предлогом «с» может обозначать признак предмета и отвечать на вопрос какой?]. В этом случае часто выражается предлогом **ба** ‘с’:

(37) Мы жили в комнате с большими окнами	ما در اتاقی با پنجره های بزرگ زندگی می کردیم.	Ма дәр отаги ба пәнджәрхәйэ бозорг зэндэги микәрдим.
(38) Автомобиль остановился около дома с колоннами	اتوموبیل در نزدیکی خانه ای با چند ستون متوقف شد.	Отomobil дәр нәздикие ханэи ба чәнд сотун мотэвәгэф шод.
(39) Я запомнил этого высокого человека с бородой.	من این فرد بلند قد ریشو را به یاد آوردم.	Мән ин фәрдэ болән гәдде ришу ра бэ йад дарәм.

Обозначает совместность [8. С. 810]. Такое значение передаётся в персидском языке предлогами **ба** ‘с’, **вә** ‘и’, **бэ** хәмрахэ ‘вместе’, **ба** хәм ‘вместе’:

(40) Я работаю вместе с ним	من و او با هم کار می کنیم.	мән вә у ба хәм кар миконим
(41) Мы с Хасаном друзья	من و حسن با هم دوست هستیم.	мән вә Хасан ба хәм дуст хәстим
(42) Вы с нами пойдёте?	شما با ما می آید؟	шома ба ма миаим?

(43) Сын с отцом пошли в кино	پسر به همراهی پدر (پسر و پدر با هم) به سینما رفتند.	пэсәр бэ хәмрахийэ пэдәр (пэсәр вә пэдәр ба хәм) бэ синәма рәфтәнд
-------------------------------	---	--

В этой связи И. М. Пулькина [6. С. 89—90] отмечает, что существительные с предлогом «с» обозначают лицо, совместно с которым совершается действие:

(44) Брат пришёл домой с товарищем.	برادر با دوستش به خانه آمد.	Бәрадәр ба дустйш бэ ханэ амәд.
(45) Я разговаривал с преподавателем.	من با استاد صحبت می کردم.	Мән ба оstad сохбәт микәрдәм.

Указывает на соединение одного предмета или лица с другим [8. С. 810]. Эквивалент данного значения выражается персидским предлогом **ба**:

(46) Связать один пакет с другим	یک بسته را با بسته ی دیگر بستن	йәк бәстэ ра ба бәстәйэ дигәр бәстән
----------------------------------	--------------------------------	---

Указывает на наличие чего-л. в чем-л. [8. С. 810]. В некоторых случаях такое значение передаётся предлогом **вә** ‘и’, а в других случаях передаётся изафетной конструкцией или не переводится.

(47) Хлеб с маслом	نان و کره	нан вә кәрэ
(48) Кофе с молоком	شیر قهوه	шир гәхвэ
(49) Суп с рисом	سوپ برنج	супэ бэрәндж

Обозначает явления или состояния, с которыми сопровождается какое-л. действие [8. С. 810]. Такое значение выражается в персидском языке предлогами **ба** ‘с’ и **бэ** ‘с’:

(50) Слушать с улыбкой	با تبسم گوش کردن	ба тәбәссом гуш кәрдән
(51) Найти с трудом	به زحمت (یا زحمت) پیدا کردن	бэ зәхмәт (ба зәхмәт) пәйда кәрдән

Согласно «Грамматике русского языка» предлог «с» употребляется для обозначения образа действия:

(52) Студенты слушали лекцию с интересом.	دانشجویان با علاقه به سخنرانی گوش می دادند.	Данешджуян ба әләгэ бэ сохәнрани гуш мидәхәнд.
(53) Он руководит работой со знанием дела.	او با تسلط کار را سرپرستی می کند.	У ба тәсәллот кар ра сәрпәрәсти миконәд.

Выражает значение “при посредстве” [8. С. 810]. Такое значение передаётся в персидском языке предложениями *وسيله (به) با* **ба (бэ) вәсилэйэ** ‘посредством’:

(54) <i>Послать кому-л. письмо с курьером</i>	بوسيله ی (با) نامه رسان برای کسی نامه فرستادن	бэ (ба) вәсилэйэ намэрэсан бәрайэ кси намэ фэрэстадан
---	---	---

Обозначает время или какое-л. событие [8. С. 810]. Это значение выражается в персидском языке предложениями *با* **ба** и *به* **бэ**:

(55) <i>Со временем</i>	به مرور زمان، با گذشت زمان	бэ морурэ зәман, ба <i>гозәйтэ зәман</i>
-------------------------	----------------------------	---

Надо добавить, что предлог «с» употребляется при обозначении времени. Предлог «с» в значении времени указывает на одновременность. Существительное в творительном падеже с предлогом «с» отвечает на вопрос «когда?» и обозначает явление, одновременное с другим явлением [6. С. 89—90].

(56) <i>Птицы просыпаются с зарёю.</i>	پرندگان با سپیده صبح بیدار می شوند.	<i>Пәрәндэган ба сәпидэйэ собх бидар мишәванд.</i>
(57) <i>Летом я вставал с восходом солнца.</i>	در تابستان با طلوع خورشید بیدار می شدم.	<i>Дәр табэстан ба толуэ хоршид бидар мишәвәм.</i>

Заключение. Завершая рассмотрение предлога «с» в разных падежах, можно сказать, что сочетаемость предлогов с другими словами часто определяют их значения. Предлоги как служебные слова очень часто употребляются в текстах русского языка и их грамматическое значение связано со значением падежных форм. После сопоставления разных значений предлога «с» в трёх падежах и их эквивалентов в персидском языке мы пришли к выводу, что значения этого предлога разнообразны, в том числе «местонахождение лица или предмета, обозначение лица по его происхождению, месту работы, исходный момент во времени и т. п.», и эти значения передаются на персидский язык простыми и сложными предложениями, наречием, прилагательным в роли наречия, сочетанием предлога и существительного. Среди персидских эквивалентов данного предлога в родительном падеже, предлог *با* «бэ» употребляется чаще других. Предлог *اب* «ба» является самым частотным и употребительным эквивалентом предлога «с» в творительном падеже. Кроме того, во всех трёх падежах русский предлог иногда не переводится или выражается изафетной конструкцией. Результаты данной статьи могут активно применяться в вузовской практике на разных уровнях преподавания русского и персидского языков (как родного, так и иностранного).

Список источников

1. Бычков В. И. Об особенностях обучения предлогам русского языка в иноязычной аудитории // Педагогическое образование в России, 2016, № 11. С. 31—35.
2. Дехода А. Словарь дехода. Т. 6. 1999. 8851 с. = Dehkhoda A. Loghatname dehkhoda. Jelde 6. 1999. 8851 p.
3. Захраи С. Х., Хеммат-заде Ш. Проблема перевода персидских предлогов на русский язык и наборот // Исследования иностранных языков. 2008. № 44. С. 13—22.
4. Лазар Ж. Современная грамматика персидского языка. Тегеран : Хэрмэс, 2005. 334 с.
5. Матюшенко У. А., Селиверстова М. А., Смирнова Г. В. Некоторые особенности функционирования предлогов в современном русском языке // Научно-методический электронный журнал «Концепт». — 2017. — Т. 39. — С. 1736—1740. — URL: <http://e-koncept.ru/2017/970674.htm>.
6. Пулькина И. М., Захава-Некрасова Е. Б. Учебник русского языка для студентов-иностранцев. М. : Русский язык, 1960. 518 с.
7. Рубинчик Ю. А. Грамматика современного персидского литературного языка. М. : Восточная литература, 2001. 311 с.
8. Русско-персидский словарь / сост.: И. К. Овчинникова, Г. А. Фуругян, Ш. М. Бади; под ред. А. Асадуллаева, Л. С. Пейсикова. Мешхед : Джаведане херад, 2002. 1091 с.
9. Хәтиб Рәхбәр Х., Грамматика персидского языка (предлоги и союзы). Тегеран, 1993. 563 с.
10. Шанский Н. М., Тихонов А. Н. Современный русский язык. М. : Просвещение, 1987. 256 с.
11. Шелякин М. А., Справочник по русской грамматике. М. : Русский язык, 2000. 356 с.

References

1. Bychkov VI. On the peculiarities of teaching the prepositions of the Russian language in a foreign language audience. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii*. 2006;11:31—35. (In Russ.).
2. Dehkhoda A. Dictionary of Dehkhoda. 1999;6. (In Russ.).
3. Zahrai SKh, Hemmat-zade Shahram. The problem of translating Persian prepositions into Russian and vice versa. *Issledovaniya inostrannykh yazykov*. 2008;44:3—22. (In Russ.).
4. Lazar Zh. Modern Persian grammer. Tehran: hjermjes; 2005. (In Russ.).
5. Matyushenko UA, Seliverstova MA, Smirnova GV. Some features of the functioning of prepositions in modern. *Nauchno-metodicheski elektronny j zhurnal «Koncept»*. 2017;39:1736—1740. (In Russ.).
6. Pul'kina IM, Zahava-Nekrasova EB. Russian language textbook for foreign students. Moscow: Russkij jazyk; 1960. (In Russ.).
7. Rubinchik YuA. Grammer of modern Persian literary language. Moscow: Vostochnaja literatura; 2001 (In Russ.).
8. Asadullaeva A, Pejsikova LS. (ed.) Russian-Persian dictionary. Mashhad: Dzhavedane kherad; 2002. (In Russ.).
9. Khätib Rähbär H. Persian grammer. Tehran; 1993. (In Russ.).
10. Shanski NM, Tihonov AN. Modern russian language. Moscow: Prosveshhenie; 1987. (In Russ.).
11. Sheljakin MA. Russian grammer reference book. Moscow: Russkij jazyk; 2000. (In Russ.).

Информация об авторах

Б. Чераги — кандидат филологических наук, ассистент профессора.

Ш. Набати — кандидат филологических наук, ассистент профессора, преподаватель.

Information about the authors

B. Cheragi — candidate of philological sciences, professor's assistant.

Sh. Nabati — candidate of philological sciences, assistant professor, lecturer.

Статья поступила в редакцию 16.08.2021; одобрена после рецензирования 15.09.2021; принята к публикации 18.01.2022.

The article was submitted 16.08.2021; approved after reviewing 15.09.2021; accepted for publication 18.01.2022.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья

УДК

doi: 10.47475/1994-2796-2022-10111

ГОСТЕВОЙ ЭТИКЕТ И ПРИГЛАШЕНИЕ-ЦЕРЕМОНИЯ В ИРАНСКОЙ И РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

Марьям Шафаги^{1✉}, Асгар Годрати²

^{1,2} Университета им. Алламе Табатабаи, Иран, Тегеран,

¹ shafaghi@atu.ac.ir✉, ORCID: 0000-0003-0244-0651

² asghar_ghodrati@atu.ac.ir

Аннотация. Ситуации приглашения в гости бывают следующие: приглашение встретиться, прийти в гости, приглашение на обед, приглашение войти, приглашение сесть, взаимное приглашение при прощании, обоюдное приглашение. В персидской лингвокультурной общности гиперпохвала (гипервежливость) и комплимент употребляются с большой частотностью в ситуации церемонии (таарофа): с помощью указанной языковой стратегии проявляется вежливость к коммуниканту. В одной и той же речевой ситуации вежливый человек не раз использует стратегию ложного приглашения — таароф — в своей речи. При этом коммуникант заранее на основе общепринятого этикета в иранском обществе осведомлен, что нельзя принимать этого приглашения. Следовательно, отказ в ответ на сделанное приглашение есть характерная черта иранской культурной среды. Для русской лингвокультурной среды специфичен показатель искренности в озвучивании языковых формул приглашения в гости. Для них чуждым и непонятным оказывается ситуация ложной церемонии в речевом акте приглашения. В обеих культурных средах гостеприимство диктует определенный арсенал формул приглашения среди друзей и родственников. В обеих лингвокультурах приглашения в гости могут обладать чисто фатическим характером, что можно сопоставить с иранским ложным приглашением. Фактор ложной скромности играет важную роль в оформлении формул приглашения в иранской культуре.

Ключевые слова: лингвокультурология, приглашение-церемония, просьба, гостевой этикет, комплимент, скромность, перевод на фарси

Для цитирования: Шафаги М., Годрати А. Гостевой этикет и приглашение-церемония в иранской и русской лингвокультурах // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 1 (459). Филологические науки. Вып. 127. С. 90—99. doi: 10.47475/1994-2796-2022-10111.

Original article

GUEST ETIQUETTE AND INVITATION-CEREMONY IN IRANIAN AND RUSSIAN LINGUISTIC CULTURES

Maryam Shafaghi^{1✉}, Asghar Ghodrati²

Allameh Tabataba'i University, Tehran, Iran

¹ shafaghi@atu.ac.ir✉, ORCID: 0000-0003-0244-0651

² asghar_ghodrati@atu.ac.ir

Absrtact. Situations of invitation to visit are as follows: an invitation to meet, to come to visit, an invitation to come to dinner, an invitation to come in, an invitation to sit down, a mutual invitation at parting, a mutual invitation. In the Persian linguocultural community, hyper-praise (hyper-politeness) and compliments are used with great frequency in a ceremony (taarofa) situation: with the help of this language strategy, politeness to the communicant is manifested. In the same speech situation, a polite person often uses a false invitation strategy like taaroph in his speech. At the same time, the communicant is aware in advance, on the basis of generally accepted etiquette in Iranian society, that invitations cannot be accepted. Consequently, refusal to respond to an invitation made is a characteristic feature of the Iranian cultural environment. For the Russian linguocultural environment, the indicator of sincerity in the design of the invitation formulas is specific. For them, the situation of a false ceremony in the

speech act of the invitation turns out to be alien and incomprehensible. In both cultural environments, hospitality dictates an arsenal of formulas for inviting friends and family. In both linguocultures, invitations to visit can have a purely phatic character, which can be compared with an Iranian false invitation. The factor of false modesty plays an important role in the design of invitation formulas in Iranian culture.

Keywords: cultural linguistics, invitation-ceremony, request, guest etiquette, compliment, modesty, translation into Farsi

For citation: Shafaghi Maruam, Ghodrati Asghar. Guest etiquette and invitation-ceremony in Iranian and Russian linguistic cultures. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2022;1(459), Philological Sciences, 127:90-99. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2022-10111.

Концепт «лингвокультура». Сегодня наука о методике преподавания иностранных языков все больше и больше привлекает внимание лингвистов, что придает важность превосходству семьи культуры в любом отдельном языке. Язык представляет собой ту область культуры, в которой воплощаются когнитивные и коммуникативные функции языка [10. С. 85]. Родной язык каждого определенного этноса обособляет его от других соседних этносов. Язык есть олицетворение культуры своего носителя. Он отражает образ мышления носителя, психологическую систему данного этноса и выделяет определенную нацию как своеобразную, неповторимую, отличающуюся от других наций. Отсюда появляется концепт «лингвокультура», который выявляет отношение языка и культуры, языка и этноса, языка и народного менталитета [1. С. 1].

В лингвокультуре каждого определенного этноса заложены ценности, ритуалы и традиции народа, образ его мышления и мировоззрения. И. А. Стернин ввел в научный оборот термин «лингвокультурная специфика языковых явлений» и «лингвокультурная интерпретация» [6, с. 8—22]. О. Х. Мирошникова и А. Г. Бермус указывают на актуальность формирования языковых и межкультурных компетенций специалистов неязыкового профиля [7]. Внимание Е. А. Юриной и М. В. Грековой обращено на актуальность составления лингвокультурного словаря [8. С. 126—143]. Ф. Г. Фаткуллина рассматривает соотношение понятий «лингвокультурология» и «лингвокультура» [9. С. 102—112]. Согласно ее исследованию, в лингвокультуре проявляется фактор «личности» говорящего [9. С. 103].

Культурные ценности и этикет общения в любом определенном этносе диктуют набор определенных формул речевых актов в вертикальной и в горизонтальной иерархии, официальном и фамильярном общении коммуникантов.

Мы очень часто слышим такие фразы, как: «вся наша беда выходит из плохой культуры», «у нас неправильная культура», «пока наша культура не исправляется, ничего хорошего не выходит из

нее», что само по себе указывает на утверждение народной мудрости о важности компонента культуры в родном языке [16. С. 48].

Язык есть олицетворение взаимоотношений, взаимодействий и верований в определенной этнической среде. Следовательно, в той языковой культуре, где меньше принято отражать эмоции, там меньше проявлений языкового запаса, содержащего эмоции, между коммуникантами.

Речевой акт «приглашение» и «приглашение-церемония». *Приглашение* понимается в рамках таких актов, как *призыв*, *просьба* и *требование*. «*Приглашение*: 1. Наименование этикетной ситуации, когда говорящему желательно появление адресата где-либо (или какое-либо его действие), и он побуждает собеседника к этому; 2. Сумма выражений — стереотипов общения, составляющих коммуникативно-семантическую группу речевого этикета со значением приглашения; 3. Каждое из выражений, с помощью которых осуществляют речевое действие (акт) приглашения» [12. С. 273].

Речевой акт *приглашение* является гибридным речевым актом. В нем выделяются признаки директивных и комиссивных речевых актов. Хотя *приглашение* считается косвенным речевым актом, но оно не угрожает позитивного лица [4. С. 42].

С помощью речевого акта *приглашения* говорящий приглашает коммуниканта туда, где он сам находится, или пойти вместе куда-нибудь (*обоюдное приглашение*). Приглашение передает чувства симпатии и уважения приглашающего к своему приглашенному. Оно содержит побудительный (директивный) характер [5. С. 395].

Приглашение реализуется с помощью принятых стереотипов на основе гостевого этикета и порядка поведения в каждом определенном социуме. *Приглашение в гости* охватывает в себя *дружеское приглашение* и *семейное приглашение*. В каждом из них выделяется своеобразный арсенал языковых средств. В дружеском приглашении господствует дружеская фамильярная атмосфера общения, а в семейном приглашении — в зависимости

от существующих иерархий и отношений между коммуникантами можно выделять либо фамильярную, либо официальную обстановку общения.

Речевой акт *приглашения* в своем обширном значении и *приглашение-церемония* в узком значении образуют один из главных понятий в иранской и русской средах — *гостеприимство*. С целью соблюдения норм гостеприимства нужно быть знакомым с принимаемым гостевым этикетом в каждом из указанных социумов.

Ситуации приглашения в гости разделяется на: а) приглашение встретиться, б) прийти в гости, в) приглашение прийти на обед; г) приглашение войти, д) приглашение сесть [2. С. 106], е) взаимное приглашение (при прощании), ж) обоюдное приглашение.

С целью прагматического анализа приглашения Г. В. Салимьянова и Р. И. Камалов представляют следующие критерии: «1) фактор свободы выбора у адресата; 2) фактор ситуации; 3) фактор социального статуса адресата; 4) фактор степени знакомства между коммуникантами». Они рассматривают речевой акт *приглашения* на основе очевидности/неочевидности приглашения и его искренности/неискренности [5, С. 396]. На самом деле, *согласие/отказ* на сделанное предложение/приглашение зависит от восприятия слушающего критерия искренности/неискренности речи коммуниканта.

Г. А. Балакай перечисляет формулы приглашения в общей группе с речевым актом *просьбы* [об этом см.: 3. С. 615—625]. И. В. Винантова считает, что речевой акт *приглашения* является разновидностью *просьбы*. Главное отличие между *просьбой* и *приглашением* она видит в том, что при *приглашении* выполнение казулируемого действия либо в интересах обеих сторон, либо в интересах слушающего [4. С. 42], а при *просьбе* — оно в интересах говорящего. С семантической стороны значение речевого акта *приглашения* связано с речевым актом *просьбой*: *Я прошу!* (значит: мне нужно); *Я приглашаю!* (значит: мне приятно) [2. С. 105]. Е. Б. Щелчкова в статье: «Речевой акт приглашения в американской и русской коммуникативных культурах (результаты эмпирического исследования)» подтверждает тот факт, что незнание лингвокультурных особенностей иностранного языка может привести к неправильно пониманию, и следовательно, к неистинному толкованию коммуникативного намерения адресанта [14. С. 109]. Данный вопрос имеет место и в ситуациях *приглашения-церемонии*, где *приглашение* обладает формальной, фатической ролью, в ответ на него не ожидается прихода гостей или готовности хозяина к угощению. Как утверждает

Е. Б. Щелчкова, данное явление выделяется в американском культуре, но в русской лингвокультурной среде оно толкуется как неискреннее речевое действие. То же самое встречается при сравнении персидской и русской лингвокультур в образовании речевого акта *приглашения*: иранцы очень любят в речи использовать элементы *таарофа* (церемониальную речь), где проявляется глубокую *ложную скромность* в знак уважения к своему ситуативному коммуниканту. Отсюда *приглашения* разделяются на две основные группы: *ложное приглашение* и *искреннее приглашение*. Явление ложной скромности и ложного приглашения отсутствуют в русской лингвокультуре. Русские любят быть искренними, непритворными, правдивыми. Иранцы же используют стратегию ложной скромности и ложное приглашение как языковые стратегии проявления вежливости в обществе. С указанными стратегиями они знакомятся с самого детства. Поэтому, в данном конкретном случае сильно отличаются языковые стратегии и прагматическая функция русской и иранской лингвокультурных общностей. В кругу иранцев ложное приглашение выявляет фатическую коммуникацию [Об этом см.: 13. С. 130—138]. Приглашающий заранее знает ответа коммуниканта на свое ложное приглашение: *отказ*. Такой отказ тоже считается вежливой поступком на ложное приглашение в иранское культурной среде.

Качество настойчивости и императивности играют важную роль в оформлении формул приглашения. Они делают формулы приглашения более вежливыми и приятными. В иранской лингвокультурной среде указанные качества рассматриваются в рамках проявления церемонии и ложного приглашения, иными словами, оформляют формулы *фатического приглашения*. В русской культурной среде настойчивость и императивность в формулах приглашения носит правдивый, искренний характер и не играет чисто церемониальную фатическую роль. Говорящий демонстрирует свое желание видеть коммуниканта у себя [4. С. 42]. Подобные приглашения характерны как и в официальной обстановке общения, так и в фамильярной коммуникации: *Будем рады Вас видеть!* / *از دیدن تان خوشحال می شوم* / *Обязательно приходите к нам в гости!* / *احتما پیش ما بیاید* / *Будем ждать Вас!* / *منتظر تان هستیم* / *Не придешь — обидимся!* / *اگر نیای از دستت ناراحت می شوم*.

Понятия *гостеприимство* и *хлебосольство* являются важными концептами для русской и иранской культур. Следовательно, в обеих культурных средах с высокой частотностью слышатся приглашения, о попутном приходе друзей, родственников, «своих». Данное приглашение содержит

минимальные усилия для его осуществления обеими сторонами коммуникации: как и со стороны приглашающего, так и со стороны приглашенного: *Заходи (-те) к нам!*, *Забегу (-те) к нам!* *به ما سر بزید!*, *پیش ما بیاید!* При этом действие приглашенного имеет попутный характер. Формулы приглашения *Приходи (-те)!* (а) и *Заходи (-те)!* (б) отличаются тем, что при формуле (а) приглашающий заранее готовится к приему гостей, а при случае (б) формула не к чему не обязывает ни гостя, ни хозяина [4. С. 42]. С этой точки зрения, можно сопоставлять формулу приглашения (б) с ложным приглашением в иранской культурной среде.

Выражение особого уважению к *гостю/гостям* и соблюдение этикета угощения подчеркивают народные пословицы и поговорки: *Гости на двор, так и ворота на запор*, *Гость в дом, а бог в доме*, *Гостю почет — хозяину честь*, *Гость доволен — хозяин рад*. и *многие другие*. [6. С. 13].

Как специфичное качество речевого акта *приглашения* можно считать *взаимное действие приглашения* при *прощании* хозяина с гостем. Данное взаимное приглашение относится к формулам *приглашения-церемонии*: *И Вы тоже приходите к нам!* *شما هم پیش ما بیاید!*

Обоюдное приглашение куда-нибудь оформляется в формах объединения говорящего и слушающего. Такое приглашение может содержать либо настойчивый, категоричный характер, либо побудительный характер. Дружеское обоюдное приглашение, как правило, обладает побудительным характером. Вопросительные формы приглашения формируют приглашения с побудительной тональностью пойти куда-нибудь вместе с коммуникантом. Обоюдное приглашение образуется с помощью:

а) глагольной формы *давай (-те)*. После данной формы глагол либо стоит в форме 1 лица множественного числа (*Давай (-те) сходим куда-нибудь*), либо в форме императива (*Пойдем (-те)*). В первом случае фраза имеет побудительный характер, придает речи дружеский, доброжелательный оттенок, а во втором случае — значение категоричности и настойчивости;

б) 1 лица множественного числа глагола движения *идти*: *Пошли с нами!*;

в) вопрос о желании, возможностях или согласии коммуниканта пойти куда-нибудь вместе с говорящим. Такой вопрос, как правило, оформляется с помощью следующей конструкции: *Вы согласитесь пойти со мной ...?* Более вежливую тональностью обладает конструкция с отрицательной частицей *не*: *Вы не согласитесь пойти со мной?..* К последней конструкции также может

добавляться вопросительная частица *ли*: *Не согласитесь ли Вы пойти со мной...?;*

г) отрицательной инфинитивной формы глаголов движения *сходить/пойти* с вопросительной тональностью: *Не сходить ли нам?/ Не пойти ли нам?;*

д) первое лицо множественного числа глаголов движения *сходить/пойти* с вопросительной тональностью: *Сходим? / Пойдем?* [4. С. 42]. Последняя форма образует стилистически-сниженное обоюдное приглашение.

Формулы приглашения войти бывают следующие: *Добро пожаловать!* *خوش آمدید!* (а), *Милости просим!* *محبت میفرماید!* (б), *Входите!* *داخل بشوید!* (д). При этом формулы (а) и (б) описывают вежливую тональность общения при приеме гостей, а императивные формулы (г) и (д) — характеризует административную ситуацию в общении.

К формулам приглашения сесть можно перечислять следующие: *Прошу садиться!*, *Прошу — присядьте!*, *Извольте садиться!*, *Присядьте!*

Приглашение в гости. Как правило, слушающего приглашают либо к себе домой, либо в какой-нибудь ресторан, кафе и другие подобные места. При этом атмосфера общения может обладать как фамильярной, так и официальной тональностью. Данный жанр приглашения не охватывает *рабочие приглашения*. Коммуниканты либо друзья, либо родственники, то есть «свои».

Формулы *приглашения-церемонии* в персидском языке носят этикетную тональность. Они характерны для речи интеллигентов, людей среднего и старшего возраста. В персидской лингвокультуре *دعوت* (da'vat) [приглашение (в гости)] обозначает *позвать кого-нибудь на трапезу, попросить кого-нибудь прийти в гости/покушать, просьба принять угощения. Его целью является угощение или выполнение какого-нибудь дела*. [20. С. 10928-10929]. С семантической стороны ряд формул «приглашения» содержат в себе значение *просьбы прийти* к говорящему. *از شما دعوت میشود*. [Вас приглашают принять приглашение в гости], что обозначает: «Вас просят пожаловать в гости». При переходе от формулы *просьбы* к формуле *приглашения* в персидском языке происходит сокращение используемых языковых средств. При этом значение *просьбы* передается имплицитно. Данная речевая ситуация есть результат подчинения правилу сокращения используемых языковых средств. Следовательно, отсюда в иранской лингвокультуре образуется имплицитная передача *просьбы* в формулах *приглашения в гости*.

В иранской лингвокультурной общности указанные формулы этикета приглашения, как

правило, образуются с помощью императивной формы сложного глагола قدم رنجه بفرمايد (ghadam ranje befarmāid) [Заходите, пожалуйста, (к нам домой в гости) / Дайте, пожалуйста, страдать своим ногам (приходите к нам в гости)].

Самые высокочастотные, популярные формулы приглашения в гости в персидском языке с вежливой этикетной тональностью следующие:

(1) قدم رنجه بفرمايد.

(Qadam ranjeh befarmāid.) [Дайте, пожалуйста, страдать своим ногам.]

(2) قدم رنجه ميفرمايد؟

(Qadam ranjeh mifarmāid?) [Страдают ли Ваши ноги?]

(3) تشریف بیاورید. قدم به کلبه حقیر ما بگذارید.

(Tašrif biāvarid. Qadam be kolbeh-ie haqir-e mā bezārid.)

[Приходите, пожалуйста (выражение высокого стиля, как русское выражение *Ваше превосходительство*). Шагайте в наш скромный домик.]

(4) تشریف بیاورید. قدم سر چشم ما بگذارید.

(Tašrif biāvarid. Qadam sar-e češme mā bezarid.)

[Приходите, пожалуйста, Ваше превосходительство, шагайте перед нашими глазами!]

(5) منت بر سر ما بگذارید و به کلبه حقیر (کوچک) ما تشریف بیاورید.

(Mennat bar sar-e mā bezārid va be kolbeh-ie haghir-e (kočak-e) mā tašrif biāvarid.)

[Делайте, пожалуйста, меннат над нашей головой. Приходите в наш скромный домик.]

Меннат — это перечисление своих добрых деяний относительно кого-нибудь и осознание, что благодетельствованный человек обязан перед своим благодетелем, т. е., совершив благодеяния, нужно рассказать о нем на словах. **Меннат го-заиштан* означает: считать кого-нибудь обязанным перед собой, иначе говоря, должником *перед собой*. Например, сделать что-то хорошее и постоянно напоминать об этом, тому, кому помог. Ю. А. Рубинчик определяет слово *меннат* следующим образом: 1) милость, благодеяние, одолжение; 2) благодарность, признательность; 3) любезность; 4) чувство долга (перед кем-либо). *Меннат-дар будан* означает относиться к кому-нибудь с чувством благодарности; *меннат nahadan* (кому) означает намекать кому-нибудь об оказанной услуге (благодеянии); *меннат каси ра кешидан* обозначает считать себя в долгу перед кем-либо, считать себя обязанным кому-либо; *бе-диде меннат габул дарам* передает значение «с благодарностью принимаю» [19. С. 562]. *Меннат кешидан* — это сильно стараться поддерживать связь с кем-нибудь хотя он / она не хочет этого и отворачивается от тебя, то есть унижить себя ради другого. Слово *меннат* и образуемые от него обо-

роты являются реалией культурной жизни иранцев, и они отсутствуют в русской лингвокультурной среде.

(6) تشریف بیاورید. کلبه حقیر (درویشی) ما را نورانی کنید.

(tašrif biāvarid. kolbeh-ie haghir-e (darviši) mā rā rošan konid.)

[Приходите в гости! Освещайте нашу маленькую скромную избушку.]

(7) تشریف بیاورید ما را مشرف بفرمايد.

(tašrif biāvarid mā rā mošaraf konid.)

[Приходите в гости. Сделайте нам честь своим посещением.]

(8) تشریف بیاورید. نان و پنیری هست با هم میخوریم.

(tašrif biāvarid. Nān va paniri hast bā ham mixorim.)

[Приходите в гости. У нас найдется хлеб с сыром, чтобы покушать вместе]

(9) تشریف بیاورید. مقداری آب آبگوشت را زیاد میکنیم.

(tašrif biāvarid. Meghdāri āb-e goošt rā ziaād mikonim.)

[Приходите в гости. Чуть добавим воду к мясу (абгушту).]

**Аб-гусит* — это иранское блюдо. К мясу и фасоли добавляют воду и ставят в печь примерно на 5—6 часов. Это очень вкусное блюдо можно попробовать в иранских традиционных ресторанах. Но сейчас гостям такое блюдо не подают: это считается оскорбление в адрес гостей. Хотя одновременно формально такую фразу употребляют как форму приглашения в гости. Употреблением указанной формулы говорящий показывает свою искренность и восторг от прихода слушающего в гости. Данную формулу употребляют, когда гости приходят неожиданно (рус. эквивалент: *(Милости) прошу к нашему шалашу!*).

Перечисленные формулы для иранской лингвокультурной среды не имеют полного эквивалента в русской лингвокультурной среде. Основная сложность возникает при переводе указанных формул с персидского языка на русский. Найти соответствия таким сложным формам вежливости в русском языке почти нереально и персидские формы просто переводятся на русский язык близко к смыслу. В старину в русском языке существовали подобные формулы-церемонии, но сегодня от них практически ничего не осталось. Как эквивалент в русской лингвокультуре в ситуациях приглашения в гости / приглашения-церемонии можно слышать фразу: *Приходи (-те) к нам в гости!*

Формулы приглашения-церемонии в гости со значением разделения того, что у хозяина есть, передается с помощью концепта понятия *богатство*. При этом, как правило, данный концепт со-

четається с понятієм *радіості*: *Чем хата богата, тем и рада. / Чем богаты — тем и рады. / Не тем богат, что есть, а тем богат, чем рад. / Хоть не богат, а гостям рад.* Например, *Конечно, принимаешь их с радушием, по обычаю: чем хата богата, тем и рада.* (Буланцов «Записки лазутчика во время усмирения мятежа в Польше в 1863 г.»); *Прогудел хозяин, деликатно подталкивая Гутова к столу. — Чем богаты, тем и рады! Не откажите рюмочку...* (А. Макеев, Н. Леонов «Гроссмейстер сыска»).

Понятие *радіості* в ситуациях приглашения-церемонии содержит комплимент говорящего в адрес слушающего при встрече или угощении гостей, а также употребляется в ситуациях прощания: *(Мы) гостям (Вам) (всегда) рады.* Синонимической конструкцией в ситуациях прощания служит форма *Буду (был бы) рад видеть вас (у себя в гостях).* (Балакай, 394).

В русском языке *Разделите с нами нашу скромную трапезу* является формой просьбы к гостю отнестись со снисхождением к скромному угощению [3. С. 394].

Императивная форма *Принимай (-те) гостя / гостей, хозяева!* И соответствующая его перформативная форма *Гостей принимаете?* образуют шуточные ответы в ситуациях приветствия-обращения, когда гость входит в дом. (...) *Тетья Мавруша, принимайте гостей! — Ах ты господи, приехали!* (В. А. Каверин «Открытая книга»).

Выражение *Не обессудьте!* — *просьба об извинении*, означает: не относиться строго, не осуждать коммуниканта. Данное выражение содержит переносное значение, связанное, скорее всего, с нормами выражения этикета в обществе (знак вежливости) и носит иронический характер [3. С. 282]: *Не обессудьте за угощение!, Не обессудьте за наше скромное угощение!* В русской культурной среде данные выражения характеризовали щедрого, хлебосольного хозяина. Знак иронической скромности к прекрасно сервированным блюдам.

Милости просим! является вежливым приглашением, содержащим радушие говорящего [2. С. 110]. В ситуациях приглашения присесть к столу и разделить трапезу в русском языке в неофициальной тональности речи, как эквивалент формы *كلبه حقییر* (kolbeh-ie haghir) [скромное жилище] употребляется слово *шалаш*: *(Милости) прошу к нашему шалашу.* Например, *Да что же мы стоим! Милости прошу к нашему шалашу. В компании веселее.* (Н. Э. Гейнце «В тине адвокатуры»). *К нашему шалашу* приглашают, когда гости появились неожиданно и это имеет просторечную неофициальную тональность общения. В иранской

культурной среде при приглашении-церемонии используются следующие синонимические конструкции для русского *шалаша*: а) *كلبه حقییر* (kolbeh-ie haghir) [скромная / маленькая избушка]; б) *كلبه خرابه* (kolbeh kharabeh) [наш разрушенный дом]; в) *كلبه درویشی* (kolbeh-ie darviši) [дервиш-шалаш].

Как синонимические конструкции к русскому обороту *(Милости) прошу к нашему шалашу* в русском языке употребляются и следующие обороты: *Пирогов накрошу и откушать приглашу!, Милости прошу на нашу лапшу, наша лапша для всех хороша!* Последнее выражение сегодня в русском языке относится к скороговоркам.

В персидской лингвокультуре значение того, что приход гостя / гостей приносит хозяину *большую гордость* образует этикетные формулы приглашения-церемонии:

كلبه ما را نورانی میکنید
kolbeh-ie mā rā noorāni mikonid.

[Освещайте наш домик
(нашу избушку).]

В иранской среде гордость хозяина от прихода гостей передается также с помощью стратегии ложной скромности в знак проявления вежливости к коммуниканту. Данное значение невозможно перевести на русский язык и его перевод только делает атмосферу общения непонятной, удаляет говорящего от слушающего. В иранской атмосфере слушающий хорошо знаком с таким употреблением и знает, что хозяин не имеет *كلبه حقییرانه* [маленькой избушки], а его дом может быть очень красив и богат, и приготовленная еда не *نان و پنیر* *хлеб с сыром* или *мясная вода* (аб-гушть), как говорит хозяин при приглашении, а он предлагает вкусные разнообразные блюда:

تشریف بیاورید. نان و پنیری هست با هم میخوریم.
(Tašrif biāvarid. Nān va paniri hašt bā ham mixorim.)

[Приходите в гости. У нас найдется хлеб с сыром, чтобы поесть.]

تشریف بیاورید. مقداری آب آبگوشت را زیاد میکنیم.
(Tašrif biāvarid. Meghdāri āb ābgoošt rā ziād mikonim.)

[Приходите в гости. Чуть добавим воду к аб-гушту.]

В русско-персидском словаре значение русского слова «пожаловать» дается следующим образом: а) при приходе гостей: *تشریف آوردن* (tašrif āvardan) [дать честь, оказать честь, удостоить своим посещением], б) при уходе гостей: *تشریف بردن* (tašif bordan) [дать честь, оказать честь, удостоить своим посещением] [21. С. 674]. Среди устаревших формул официального приглашения в русской лингвокультурной общности возможно употребление следующих формул: *Просим Вас*

пожаловать к нам в гости. (1), *Извольте пожаловать к нам в гости.* (2). См. произведение А.С. Пушкина «Каменный гость»:

*Ступай же, Лепорелло,
Проси ее пожаловать ко мне —
Нет, не ко мне — а к Доне Анне, завтра.*

Реакция коммуниканта на приглашении-церемонии в иранской фразеологии

Иранская пословица دعوت شایده العظیمی (daavat-e šābdol-azimi) [приглашение (по манере жителей города Рея, Шабдолазими)]. Одним из языковых традиций и стилей, используемых в народных пословицах и поговорках является применение сокращенной формы (ذولفقاری، 8831: 57). В данной пословице мы видим, что часть *жителей города Рея* пропущена с целью придания фонетической красоты пословице. تعارف شایده العظیمی (taarof-e šābdol-azimi) [церемония Шабдол-азими] охватывает такое приглашение (церемонию), которое совершается только вербально, и говорящий на самом деле не намерен пригласить коммуниканта [20. С. 10928—10929]. В действительности в большинстве случаев, особенно в современном мире, приглашения в иранской лингвокультурной общности носят вербальный характер (ценность уважения) и обе стороны коммуникации знают, что не ожидается положительный ответ на него. Такое приглашение носит свойство церемонии (taarof). Собеседник вполне прекрасно понимает такое приглашение как знак уважения к нему и воспринимает его несерьезно и не обижается (не считает его за оскорбление). Однако не всегда наш акт при вербальном действии носит уважительную тональность. Наконец иногда действие должно быть серьезно! Отсюда появилась фразеология «приглашение (по манеру жителей) Шабдолазими!».

Священный Абдолазим Хасани (شاهعبدالعظیم) Шах-Абдол-Азим) был похоронен в городе Рея. Сегодня его могила является священным местом для народа Ирана (шиитов). Фразеология «церемония Шабдол-Азими» — название известного народного сказания. В старину, когда город Рей не был частью Тегерана, и добираться туда и ночевать в городе было тяжело паломникам мавзолея из города Тегерана: жители Рея пригласили паломников из Тегерана ночевать у них. Такое приглашение носило вербальный характер (лишь церемония), и посещающие мавзолей из Тегерана, стали называть такое приглашение «церемония Шабдолазими». Оно употребляется когда, коммуникант прекрасно знает, что принять приглашения нельзя (یکی بود...).

Синонимом указанного выше оборота является фразеологизм تکلا فراعت taarof-e alaki [поддельная церемония/ поддельное приглашение].

Фразеологизм تعارف (دعوت) آمد نیامد دارد. (taarof (daavat) oomad naiomad dareh.) [Ответ на тароф не всегда должно быть положительным! Тароф не всегда принимают]. Данная фразеология употребляется, когда коммуникант принимает приглашение-церемонию, которое вербализованно в знак уважения к нему и говорящий не ожидает положительного ответа на сделанное вербальное приглашение. К ситуациям приглашения-церемонии относятся, например, когда церемониально приглашают знакомого прохожего к себе домой (на пороге входной двери), церемониально призывают попробовать еду.

دعوت حق را اجابت گفتن (daavat-e hagh rā ejabat kardan) или به ندای حق لیبیک گفتن (be nedāi-e hagh labbeil goftan) [положительно ответить на Божье приглашение: умереть, покинуть сию жизнь] [20. С. 10928—10929].

Дополнительно к объяснению определения церемонии в иранской культуре добавим, что данное языковое средство в ряде случаев демонстрируется в виде комплиментов в адрес коммуниканта. Если сделанный комплимент в адрес коммуниканта не в его пользу и применяется с целью уменьшить стоимость оплаты услуг, то применяется императивная форма — пословица: (از / ز) تعارف کم کن (az / ze) taarof kam kon-o ba mablagh afzā! (Уменьшите церемонию и увеличивайте на цену!) [18. С. 1388]. В данной пословице иногда производится исключение предлога از / z (краткая форма предлога) / az (полная форма предлога) / ze (поэтическая форма предлога)] в значении «из». Данная пословица используется в случаях, когда коммуникант вместо того, чтобы в полном размере оплачивать сделанную услугу, начинает делать церемонию (комплимент). В ответ на такую церемонию, слушающий требует свои права: *Уменьшите церемонию и увеличивайте на цену!*

Заключение. *Приглашение в гости*, или, точнее, *приглашение-церемония*, рассматривается в рамках речевого акта *приглашения*. Данный тип приглашения можно разделить на следующие основные ситуации: приглашение встретиться, прийти в гости, приглашение прийти на обед, приглашение войти, приглашение сесть, взаимное приглашение при прощании, обоюдное приглашение.

Очень вежливые персидские формы в русском языке сейчас не приняты и будут звучать при переводе крайне архаично и даже с оттенком сарказма. При применении таких вежливых форм персидского языка в формулах приглашения в переводе на русский язык они приобретают юмо-

ристический устаревший оттенок. Подобные формулы характерны только для официальных письменных приглашений на семейные праздники.

Тема ложного приглашения как знак проявления уважения к коммуниканту специфична с большой частотностью для иранской культурной среды. В русской культуре большое значение придается компоненту искренности в речевом акте

приглашения. Поэтому ложные приглашения как показатель иранской культуры непонятны для русских и воспринимаются как неискреннее отношение коммуниканта.

В оформлении формул приглашения в гости играет немалую роль концепт *хлебосольства, гостеприимства* и то понятие, что приход гостей приносит хозяину *радость, богатство, гордость*.

Список источников

1. Ангелова М. М. «Концепт» в современной лингвокультурологии // Актуальные проблемы английской лингвистики и лингводидактики : сб. науч. тр. Вып.3. М., 2004. С. 3—10.
2. Анчимиук О. Речевой этикет в произведениях русской литературы XIX века. Białystok, 2020. 406 с.
3. Балакай А. Г. Толковый словарь русского речевого этикета. М. : Астрель, 2004. 681 с.
4. Винантова И. В. Структурно-синтаксические закономерности выражения речевого акта «приглашение (в гости)» в русском языке // Филологические науки, Вопросы теории и практики. 2010. № 3 (7). С. 41—44.
5. Салимьянова Г. В., Камалов Р. И. Прагматические факторы употребления речевого акта приглашение (на материале английского и башкирского языков) // Доклады Башкирского университета. 2016. Т. 1, № 2. С. 395—402.
6. Стернин И. А. О понятии лингвокультурной специфики языковых явлений // Язык. Словесность. Культура. 2011. № 1. С. 8—22.
7. Мирошникова О. Х., Бермус А. Г. Статус и методологические принципы лингвокультурной педагогики высшей школы // Мир науки. 2017. Т. 5, № 1. URL: <http://mir-nauki.com/PDF/31PDMN117.pdf>.
8. Юрина Е. А., Грекова М. В., Культурологический комментарий в «словаре русской кулинарной метафоры» (на материале тематической группы «молочные продукты») // Язык и культура. 2014. С. 126—143.
9. Фаткуллина Ф. Г. Лингвокультурология и лингвокультура: соотношение понятий // Казанский лингвистический журнал. 2020. Т. 3, № 1. С. 102—112.
10. Федоров М. А. Термин «лингвокультура» в аспекте теории культуры // Вестник Бурятского государственного университета. 2014. № 6 (2). С. 83—86.
11. Формановская Н. И. Речевое взаимодействие: коммуникация и прагматика. М. : ИКАР, 2007. 480 с.
12. Формановская Н. И. Речевой этикет в русском общении. Теория и практика. М. : ВК, 2009. 334 с.
13. Шафаги Марьям, Загидуллина М. В. Церемония как речевой жанр в аспекте эмотивности (на материале персидского и русского языков) // Вестник Челябинского государственного университета. 2020. № 3 (437). Филологические науки. Вып. 120. С. 130—138.
14. Щелчкова Е. Б. Речевой акт приглашение в американской и русской коммуникаивных культурах (результаты эмпирического исследования) // Вестник РУДН. Серия Лингвистика. 2013. № 4. С. 109—115.
15. امير قلی رفیعی. فرهنگ عوام. تهران: انتشارات مازیار، 1387
16. پیشقدم. رضا. معرفی «زبانگ» به عنوان ایزاری تحولگرا در فرهنگ کای زبان. فصلنامه مطالعات زبان و ترجمه دانشکده
17. ادبیات و علوم انسانی، علمی پژوهشی، شماره چهارم، زمستان 1931. صص 26—54.
18. تعارف شاهعبدالعظیمی. سایت "یکی بود...". <http://seirost/ri.doobikey.www//:ptth>
19. حسن ذولفقاری. ضرب المثل های فارسی در دو سطح واژگانی و نحوی. فنون ادبی (علمی — پژوهشی). دانشگاه اصفهان. سا
20. ول، شماره 1، پاییز و زمستان 1388، صص 57—80
21. روبینچیک یوری، عثمانوف یوری. فرهنگ فارسی به روسی. تهران: انتشارات بشارت، ج. دوم. 8731
22. علیاکبر دهخدا. لغت نامه دهخدا. جلد هفتم (خدیجه — دودیه). تهران: موسسه انتشارات و چاپ دانشگاه تهران. 7731
23. واسکانیان گرانٹ آوانسوویچ. فرهنگ روسی به فارسی. تهران: انتشارات بشارت، 7731

References

1. Angelova MM. «Concept» in modern linguoculturology. In: Aktual'nye problemy anglijskoj lingvistiki i lingvodidaktiki. Iss. 3. Moscow, 2004. (In Russ.).
2. Anchimiuk O. Speech etiquette in the works of Russian literature of the XIX century. Bialystok, 2020. 406 p. (In Russ.).
3. Balakay AG. Tolkovyj slovar' russkogo rechevogo jetiketa. Moscow: Astrel; 2004. 681 p. (In Russ.). (In Russ.).
4. Vinantova IV. Structural and syntactic regularities of the expression of the speech act “invitation (to visit)” in Russian. *Filologicheskie nauki, Voprosy teorii i praktiki*. 2010;3(7);41—44. (In Russ.).
5. Salim'yanova GV, Kamalov RI. Pragmaticheskie faktory upotrebleniya rechevogo akta priglasenie (na materiale anglijskogo i bashkirskogo yazykov). *Doklady Bashkirskogo universiteta*. 2016;1(2): 395—402. (In Russ.).
6. Sternin IA. On the concept of linguistic and cultural specificity of linguistic phenomena. *Yazyk. Slovesnost'. Kul'tura*. 2011;1: 8—22. (In Russ.).
7. Miroshnikova OH, Bermus AG. Status and methodological principles of linguocultural pedagogy of higher education. *Mir nauki*. 2017;5(1). Available at: <http://mir-nauki.com/PDF/31PDMN117.pdf> (dostup svobodnyj). (In Russ.).
8. Yurina EA, Grekova MV. Culturological commentary in the “dictionary of Russian culinary metaphor” (based on the thematic group “dairy products”). *Yazyk i kul'tura*. 2014: 126—143. (In Russ.).
9. Fatkullina FG. Linguistic culture and linguistic culture: correlation of concepts. *Kazanskij lingvisticheskij zhurnal*. 2020;3(1): 102—112. (In Russ.).
10. Fedorov MA. The term «linguoculture» in the aspect of the theory of culture. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2014;6(2): 83—86. (In Russ.).
11. Formanovskaya NI. Speech etiquette in Russian communication. Theory and practice. Moscow: IKAR; 2007. 480 p. (In Russ.).
12. Formanovskaya NI. Rechevoj etiket v russkom obshchenii. Teoriya i praktika. Moscow: VK; 2009. (In Russ.).
13. Shafaghi M, Zagidullina MV. Ceremony as a speech genre in the aspect of emotiveness (based on Persian and Russian languages). *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2020;3(437). *Filologicheskie nauki*;120:130—138. (In Russ.).
14. Shchelchkova EB. Speech act invitation in American and Russian communicative cultures (results of empirical research). *Vestnik RUDN, seriya Lingvistika*. 2013;4:109—115. (In Russ.).
15. Amir-gholi Rafiee. Farhang-e Avam. Tehran: entesharat-e Maziar; 2009. (In Arabian).
16. Pishghadam Reza. Moarefi zabahang be onvan-e abzari tahavolgara dar farhang-kavi-e zaban. Faslnameh-ie motaleat-e zaban va tarjomeh daneshkadeh adabiat va ooloom-e ensani. *Elmi-pazhooheshi, shomareh*;4(1391):45—62. (In Arabian).
17. Tarof-e shabdolazimi. Site: ieki bood... Avaiklable from: <http://www.yekibood.ir/stories>. (In Arabian).
18. Hasan Zolfaghari. Zarbolmasalhaie farsi dar do sath-e vazhghani va nahvi. Foonoon-e adabi (elmi-pazhooheshi). Daneshgah-e Esfehan. *Sal avval, shomareh 1, paiiz va zemestan*. 2010(1388):57—80. (In Arabian).
19. Roobinchik U, Osmanov U. Farhang-e farsi be roosi. Tehran: entesharat-e besharat. (In Arabian).
20. Ali-Akbar Dekhoda. Loghatnameh-ie Dekhoda, jeld haftom (khadijeh — dodieh). Tehran: moasseseh-ie entesharat-e daneshgah-e Tehran; 1999. (In Arabian).
21. Vaskanian Grant Avanseevich. Farhange roosi be farsi. Tehran: entesharat besharat. (In Arabian).

Информация об авторах

М. Шафаги — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы.

А. Годрату — старший преподаватель кафедры русского языка.

Information about the authors

M. Shafaghi — Associate Professor of Russian Language and Literature.

A. Ghodrati — Assistant professor of Russian department at Allameh Tabataba'i university, Tehran, Iran. Email: asghar_ghodrati@atu.ac.ir

Статья поступила в редакцию 25.07.2021; одобрена после рецензирования 07.12.2021; принята к публикации 18.01.2022.

The article was submitted 25.07.2021; approved after reviewing 07.12.2021; accepted for publication 18.01.2022.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

**КОНЦЕПТОЛОГИЯ, ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ,
ТЕОРИЯ НОМИНАЦИИ**

CONCEPTOLOGY, LINGUOCULTUROLOGY, THEORY OF NOMINATION

Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 1 (459). Филологические науки. Вып. 127. С. 100—108. ISSN 1994-2796 (print).

Bulletin of Chelyabinsk State University. 2022;1(459), Philological Sciences, 127:100-108. ISSN 1994-2796 (print).

Научная статья

УДК 811.512.31

doi: 10.47475/1994-2796-2022-10112

**НАИМЕНОВАНИЯ ИМУЩЕСТВА В БУРЯТСКОМ ЯЗЫКЕ XVIII—XIX ВВ.
(на материале памятника «Обычное право хоринских бурят.
Памятники старомонгольской письменности»)**

Арюна Лопсоновна Брюханова^{1✉}, Екатерина Александровна Бардамова²

^{1,2} Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, Улан-Удэ, Россия

¹ bryuxanowa@yandex.ru ✉

² bardam_k@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению имущественной лексики бурятского языка XVIII—XIX вв. Прослеживается функционирование терминов имущества: *зөөри*, *зэмсэг*, *юумэн*, *бууса*, проводится контекстуальный и дефиниционный анализ. Ядерную зону лексико-семантического поля имущества составляет термин *зөөри*. К околядерной зоне относится термин *зэмсэг*. К наименованиям недвижимого имущества относится *бууса* ‘стойбище, стан’.

Ключевые слова: имущественная лексика, обычное право хоринских бурят, движимое имущество, недвижимое имущество, термины, номадный образ жизни, семантический анализ

Для цитирования: Брюханова А. Л., Бардамова Е. А. Наименования имущества в бурятском языке XVIII—XIX вв. (на материале памятника «Обычное право хоринских бурят. Памятники старомонгольской письменности») // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 1 (459). Филологические науки. Вып. 127. С. 100—108. doi: 10.47475/1994-2796-2022-10112.

Original article

**PROPERTY NAMES IN BURYAT LANGUAGE OF THE 18—19th CENTURIES
(a case study of “Common Law of the Khorinsk Buryats.
Monuments of the old Mongolian writing”)**

Aryuna L. Bryukhanova^{1✉}, Ekaterina A. Bardamova²

^{1,2} Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude, Russia

¹ bryuxanowa@yandex.ru ✉

² bardam_k@mail.ru

Abstract. The article considers the property vocabulary in the Buryat language of the 18—19 centuries. Traces the functioning of the identified terms of property: *Zөөri* (зөөри), *Zemseg* (зэмсэг), *Yuumen* (юумэн), and *Buusa* (бууса); apart from that the contextual and definitional analysis has been carried out. Due to the nomadic nature of life, the property of the Buryats is understood as the complex of things that can be transported — *Zөөri* (зөөри) derived from the word *zөөhe* (зөөхэ) meaning ‘to carry, to transport’. The authors attribute this term to invariant lexical units. Moreover, in the 18—19 centuries there was a property differentiation, dating back to the gender differences, for example, the term “*zemseg*” (зэмсэг) was functioning meaning armor, weapons, horse harness, and an instrument that assumed the right of ownership. The names of real estate include “*buusa*” (бууса) meaning “camping ground”, “nomad camp”.

Keywords: property vocabulary, Customary Law of the Khorinsky Buryats, movable and real property, terms, nomadic lifestyle, semantic analysis

For citation: Bryukhanova AL, Bardamova EA. Property names in Buryat language of the 18—19th centuries (a case study of the “Common Law of the Khorinsk Buryats. Monuments of the old Mongolian writing”). *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2022;1(459), Philological Sciences, 127:100-108. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2022-10112.

Введение

Сфера имущественных отношений бурят представляет безусловный интерес в плане презентации особенностей быта, хозяйствования, правовых отношений. При изучении лексики, обозначающей предметы материальной культуры и быта прошлого, а также различных терминосистем, относящихся к определенным видам производства и хозяйственной деятельности, необходимо совмещение двух аспектов исследования — лингвистического и культурно-исторического. «Язык можно рассматривать как ключ к изучению правосознания. Взаимосвязь языка, сознания и культуры позволяет использовать лингвистические методы для исследования этнокультурного базиса правосознания» [14]. В. В. Виноградов справедливо полагал, что «История терминологии — это проблема интернациональная, проблема истории мировой науки и проблема истории человеческих цивилизаций, история культурных взаимодействий и группировок народов» [3. С. 10]. По мнению А. А. Дарбеевой, с формированием и развитием литературного бурятского языка связано возникновение и становление терминологической системы бурятского языка. «История развития бурятской терминологии, отражающая процесс становления лексической нормы языка, свидетельствует о характере стабилизации самого литературного бурятского языка...» [8. С. 20]. Терминологии бурятского языка посвящены работы Д. Г. Дамдинова, исследовавшего бурятскую земледельческую лексику [7], У.-Ж. Ш. Дондукова, рассмотревшего историю развития ряда терминов бурятского языка [9], А. А. Дарбеевой, предметом изучения которой послужил процесс формирования смыслового ядра бурятских наименований понятий специальных областей знаний [8]. Имущественная лексика бурятского языка не подвергалась монографическому исследованию. В русистике лексику имущественной сферы в диахроническом аспекте описала К. П. Смолина, используя контекстно-функциональный метод [15], лексико-семантическое поле «Отношение человека к собственности» в русском языке в своем диссертационном исследовании рассматривает

А. А. Едалина [10], описи имущества среднерусских монастырей XVII в. в своей диссертации рассматривал М. Д. Мазурин [13].

Правовому аспекту имущественных отношений бурят посвящено диссертационное исследование Е. С. Гылыковой «Обычное право бурят (историко-правовое исследование)», в котором установлено, что земля не являлась объектом собственности; автор включила в круг имущественных отношений только вещи, деньги и услуги [6. С. 12].

Анализ текстов «Обычного права хоринских бурят» позволяет сделать вывод о том, что в качестве имущественных наименований функционируют следующие лексические единицы — *зэмсэг*, *юумэн*, *зөөри*, *бууса*, реализующие один инвариантный дифференциальный признак обладания чем-либо, отнесенный А. Вежбицкой к семантическим универсалиям [2]. Основанием выборки терминов изучаемой предметной области послужили такие признаки, как общепринятость, соответствие логико-понятийной системе, о которых писал А. С. Герд, касаясь вопроса отбора терминов для лексикографирования [4. С. 24], относительная семантическая однозначность и высокая степень внедрения — признаки, выделенные Д. С. Лотте в качестве критериев специальной лексики [12. С. 31]. Для анализируемых слов следует отметить невозможность установить строго очерченное специальное понятие с его эксплицитно выраженной дефиницией в связи с неразработанностью института права собственности в бурятском обществе того времени. В то же время очевидно, что к этому времени сформировалась имущественная терминология, содержащая в своей семантической структуре представление о ценности предметов обладания. При отборе материала также учитывался принцип системности, учитывающий степень охвата и отражения всей понятийной области, в данном случае правовых имущественных отношений. Данный принцип был подробно описан С. В. Гринев-Гриневичем: по мнению автора, учет степени внедрения обеспечивает полноту словаря [5].

Цель данной статьи — выявить состав имущественной лексики бурятского языка XVIII—

XIX вв. на материале «Обычного права хоринских бурят». Собственно лингвистическая сторона имущественной сферы этнической культуры бурят не подвергалась комплексному изучению. Предметом исследования данной статьи является семантика наименований собственности в бурятском языке XVIII–XIX вв., таких как *зөөри* ‘имущество’, *бууса* ‘усадыба’, *зэмсэг* ‘упряжь, оружие, мелкий инвентарь’, *юумэн* ‘вещи’, манифестирующих в старомонгольских памятниках того времени. Исследование строится на наблюдении над функционированием наименований имущества в бурятском языке, в первую очередь в законодательных сводах, что наряду с фиксированным содержанием, инвариантностью, непротиворечивостью семантики служит признаком их терминологического статуса.

Материалы и методы

Материалом исследования послужил сборник «Обычное право хоринских бурят. Памятники старомонгольской письменности». Данные законодательные акты регулировали общественную жизнь хоринских бурят на протяжении XVIII–XIX вв. В состав данных памятников вошли следующие документы: Указ 1759 г., Уложение 1763 г., Устав 1788 г., летнего среднего месяца 28-го дня, Наказ главного тайши Ширав Дамба-Дугар Ринцено, Согласительный устав 1800 г., Положение 11 хоринских родов 1808 г. по управлению внутренними делами и судопроизводству, Приговор 1817 г. об упорядочении управления внутренними делами 11 хоринских родов, Приговор 1818 г., Приговор от 27 октября 1820 г. о взыскании податей, Уложение 1823 г. 11 хоринских родов, Хоринское положение 1851 г.

В результате сплошной выборки было сформировано лексико-семантическое поле имущества в бурятском языке XVIII–XIX вв., в которое вошли 4 родовых наименования имущества: *зөөри*, *зэмсэг*, *юумэн*, *бууса*.

Зөөри. В бурятском языке XVIII–XIX вв. в связи с актуальностью норм обычного права функционирует *зөөри*, которое выступало в роли терминологического наименования имущества. Установлено, что в «Степных уложениях хоринских бурят» слово *зөөри* функционирует как родовое наименование движимого имущества и представлено в ядерной зоне изучаемого лексико-семантического поля. Данное слово образовано от глагола *зөөхэ* ‘возить, перевозить; таскать, перетаскивать’, и им обозначалось то имущество, которое как предмет собственности следовало

за номадом. Под *зөөри* понималась совокупность вещей, принадлежащих его обладателю, а также скот и переносное жилище кочевника. Осознание имущества как такового у бурят происходило в результате понимания, что собственностью признается та часть принадлежащих кому-либо вещей, которые он способен перевозить с собой от летней стоянки к зимней и наоборот. Для бурят того времени имели ценность вещи, которые они могли увезти с собой.

В семантике слова *зөөри* в современном бурятском языке представлены дифференциальные признаки имущества, специфики имущественных отношений, типов имущества и др. Так, в «Бурятско-русском словаре» Л. Д. Шагдарова, К. М. Черемисова находим, что *зөөри* служит для обозначения государственной, частной и личной собственности, ср.: *гүрэнэй зөөри* — ‘государственные средства’; *социалистическая собственность*, <...>, *өөрын, хубиин, гүрэнэй, муниципальна, кооперативна, хамтын зөөри* ‘личная, частная, государственная, муниципальная, коллективная’ [18. С. 320].

Термин *зөөри* использовался в деловых текстах XVIII–XIX вв. как родовое наименование имущества с инвариантной семой ‘обладания определенной вещью’, напр., в «Уложении 1823 г. 11 хоринских родов» находим в следующих контекстах:

(1) *Аха дүү үгы хубараг хара хэн хүн ондоо нютагай хэн хүндэ зөөри эдүүлхэ гэжэ гэришэ бэшигтэй болбол нютагай ахалагша сэйд мэдэн хэһэн гэришэ бэшиг үгы болбол өөрын гарай бэшиг үгы боложо зөөринь өөрын нютагта абаха. ‘Если хуварак или человек у которого нет родственников, оставил в наследство имущество, которое он имел, человеку из другого места, но не написал письменного подтверждения, с подписью главы отока, то признать данный документ не имеющим законной силы, и данное имущество должны забрать в свой оток. [УХР, 1823].*

Названная ядерная сема служит источником формирования других семантических признаков — ‘владения’ и ‘распоряжения’, последний из которых предполагает, что имущество может быть передано в наследство или отдано в качестве приданого:

(2) *Эсэгэ хүн ехэ хүбүүгээ гэрлүүлээд, үмс зөөри үгэжэ гаргаад бэшиг хүбүүдын гэрлээгүй байтар эсэгэ эхэн наһан болоһоной хойно зөөри үгы үлдэн хүбүүд үгэтэйдэ тоологдохо ахайн тэдэниие гэрлүүлжэ болохогүй. Зөөри үгэжэ болохогүй. ‘Если старшего сына женили*

родители и предоставили данной семье имущество, но затем мама и папа умерли, не успев женить других сыновей и не обеспечив их имуществом, то старший брат не обязан помогать им и передавать им имущество' [УХР, 1823].

(3) Эрээ үхүүлэн бэлбээн эхэнэр түрхэмдөө харижа бусаха болбол, анхан түрхэмһөөн ерэхэдээ мори, эмээл, хубсаһа, шэмэгтэй ерэн болбол, моритой, дэгэлтэй, эмээлтэй, хубсаһанһаан һайнишень абажа, зэмсэгтэй бусаха түрхэмһөөн ерэхэдээ морин, эмээл, хубсаһан, зэмсэг үгы ерэн бол, эрынь **зөөри** элбэг байгаа бол моритой, эмээлтэй, үмдэн хубсанһаан абаха, зүүжэ ябаһан шэмэгүүдээ абаха **зөөри** үгы байгаа хаань, үмдэн хубсаһанһаан абаад, ондоо юумэ абажа болохогүй. 'Если после того, как скончался муж, его жена изъявит желание вернуться к своим родителям, и если на момент замужества у неё было приданое: лошадь, конская упряжь, одежда и украшения, возвращаясь в родительский дом вдове следует забрать с собой лошадь, пожитки, конскую упряжь, по одной лучшей паре одежды. В ситуации если при замужестве не было приданого в виде конской упряжи, пожиток, одежды и если у супруга много имущества, вдова имеет право взять лошадь, конскую упряжь, по одной паре добротной носимой одежды и украшений, но при условии недостаточного состояния у мужа, то за исключением одежды, которую она носит, не должна ничего забирать' [УХР, 1823].

Анализ приведенных примеров позволяет сделать вывод о том, что в правовой практике, нашедшей отражение в «Уложениях 1823 г. 11 хоринских родов», наблюдается дифференциация термина имущества как такового и права владения и распоряжения им. Как видим, сочетания **үмс зөөри** үгэжэ выделители ему имущество, **зөөри** үгэжэ болохогүй не должен передавать имущество демонстрируют правовые отношения владения и передачи имущества.

Следует отметить, в этом и в других примерах **зөөри** употребляется для наименования движимого имущества. Это дает основание предположить существование на тот момент разграничения между движимым и недвижимым имуществом в бурятском обычном праве [1. С. 12], что находит подтверждение в следующем примере:

(4) Эрэгүй гэргэн хүн түрэн үриэ түрхэм эсэгынгээ нэрэ дээрэ бэшэхэ, үргэмжишень арбан найман наһа хүрэтэрнь тэрэ эсэгын даабарида үгэ. Зүгөөр энэ эсэгын хүдэлхэ ба хүдэлхэгүй **зөөридэ** тэрэ хүбүүн хабаагүй болохо. 'Если жен-

щина не замужем и родит ребенка, то следует записать данного ребенка на имя её отца, и её отец должен заниматься воспитанием ребёнка пока ему не исполнится 18 лет. Однако, этот ребенок не может претендовать на движимое и недвижимое имущество отца.' [УХР, 1823].

Зэмсэг в бурятском языке актуализирует наименования мелкого движимого имущества.

В документах обычного права бурят XVIII—XIX вв. прослеживается определенное разграничение движимого имущества. На этом основании чрезвычайно ценные в быте и культуре бурят того времени убранство верхового коня, конская упряжь, используемая как часть приданого, обобщенно называются термином **зэмсэг**:

(5) Эрээ үхүүлэн бэлбээн эхэнэр түрхэмдөө харижа бусаха болбол, анхан түрхэмһөөн ерэхэдээ мори, эмээл, хубсаһа, шэмэгтэй ерэн болбол, моритой, дэгэлтэй, эмээлтэй, хубсаһанһаан һайнишень абажа, зэмсэгтэй бусаха түрхэмһөөн ерэхэдээ морин, эмээл, хубсаһан, зэмсэг үгы ерэн бол, эрынь **зөөри** элбэг байгаа бол моритой, эмээлтэй, үмдэн хубсанһаан абаха, зүүжэ ябаһан шэмэгүүдээ абаха **зөөри** үгы ... 'Если после того, как скончался муж, его жена изъявит желание вернуться к своим родителям, и если на момент замужества у неё было приданое: лошадь, конская упряжь, одежда и украшения, возвращаясь в родительский дом вдове следует забрать с собой лошадь, пожитки, конскую упряжь, по одной лучшей паре одежды. В ситуации если при замужестве не было приданого в виде конской упряжи, одежды, скарба ...' [УХР, 1823].

Как видим из примера (5), имущество, которое обозначается словом **зэмсэг**, могло передаваться в качестве приданого и оставалось собственностью женщины, на которую она имела полное право владения. Обращает на себя внимание тот факт, что контексты с **зэмсэг** актуализируют не только идею имущественной и гендерной принадлежности, но и имплицитно отсылают к социальному статусу, материальному благосостоянию, социальным обязанностям (например: быть призванным участвовать в военных действиях).

Обозначение предметов движимого имущества **зэмсэг** стилистически нейтральное, в современном бурятском языке уже не употребляется в значении родового наименования движимого имущества. Это связано с изменением жизненного уклада людей — исчезновением кочевнического животноводства, появлением нового способа хозяйственной деятельности с использованием

высокотехнологичной техники и интенсивного производства, в котором конная тяга вытесняется сельхозмашинами.

Юумэн. Юумэн ‘вещь’ — наиболее частотное наименование имущества в «Обычном праве хоринских бурят», это связано с общим положением, что именно вещи как предметы материального мира, представляющие ценность, в первую очередь выступают объектом имущественных отношений. В контекстах с юумэн владение вещью предполагает возможность ее перемещения наряду с другой собственностью номада, распоряжения ею в соответствии с принятыми правовыми нормами.

Данное слово в бурятском языке многозначно: 1. Вещь, вещи, имущество, пожитки. 2. употр. в знач. мест. что-то, что-нибудь, нечто; иногда все, с отриц. Ничто. 3. Употребляется как слово-заместитель. 4. Употребляется для обозначения предмета или явления, о котором идет речь. Общая сема, которая объединяет все данные значения ‘вещь, предмет’. Как видим, семантика бурятского слова юумэн предельно широка и в высшей степени динамична.

(6) *Эрэ эмэ хоёр хайн ябаха сагтаа угырөөд, эмын эмээл, хазаар, хоолобшо, алибаа юумые худалдажа эдеэд, хүүлээрнь эрэнъ эмэээ хаябалнь, эмын түрхэмүүд нэхэхэ эрхэгүй. Эрэ эмэ хоёр сугтаа эдihэн тула нэхэхэ эрхэгүй. Харин эрын эмэтэйгээ халаха үедэнь булта юумэнэй эдигдээ, худалдагдаа болбол, эрэнъ юумэнэй үнөөрнь түлэжэ бусааха ёһотой. Хэрбээ эрэ эмэээ хаябал, тэрэ эмэээ байһан энжэ, тоног, хубсаһатайнь бусааха ёһотой. Эмэээ хаяһан хүн малаар энжэшье, түлөөһэшье абаха ёһогүй. ‘Если муж и жена, во время семейной жизни обедают, продадут конскую упряжь, украшения и прочее имущество жены и на эти деньги будут жить, а затем муж уйдет от жены, то родственники жены не должны требовать назад эти деньги. Они должны не требовать деньги потому, что жена и муж вместе эти деньги тратили. Если же они продадут имущество жены тогда, когда муж уходил от супруги, то супруг обязан заплатить. В том случае, если супруг хочет развестись с женой, то обязан отправить супругу пожитками и одеждой, которыми она владеет. Если муж покинул жену, то не может брать скотом ни андзу, ни выкуп’ [У, 1788].*

Понятие юумэн ‘вещь’ сформировалось в результате осмысления вещи как рукотворного предмета, имеющего ценность, способного вы-

ступать предметом наследования, дарения и пр. Дальнейший путь семантического развития слова шел по пути семантического перехода *конкретное* → *абстрактное*. В уложениях хоринских бурят юумэн используется для обозначения правовых имущественных отношений и служит для обозначения конкретных вещей, находящихся в собственности. Сочетание *юумые худалдажа* (продавать имущество, пожитки) показывает нам, что в данном случае юумэн выступает в значении движимого имущества, которое можно продавать или передавать.

Бууса. В бурятском языке исследуемого периода наблюдается формирование специального понятия недвижимого имущества, актуализируемого термином *бууса*. Слово *бууса* в бурятском языке XVIII—XIX вв. употреблялось для обозначения недвижимого имущества — земельного участка под пастьбу.

(7) *Хэн хүн альба бууса болон үбһэн талханай модни хэн хүн абаишэжэ эб дэжэ түлэжэ орхибал түлэжэ үгэхэ тэрэ хуни бурагаһаар сохихо. ‘В случае, если кто бы то ни был возьмет что-то на чужой усадьбе или из хлебной или покосной городьбы, затем уничтожит, он обязан покрыть. К тому же, виновного человека должны наказать розгами’ [ПХР, 1808].*

Земля являлась одним из видов недвижимого имущества в имущественном праве бурят в силу распределенного права кочевников на земельные наделы, которые находились в родовой собственности и использовались для удовлетворения хозяйственных потребностей. Так, Б. Ц. Жалсанова и Л. В. Курас справедливо полагают, что «Земли общества распределялись следующим образом: часть назначалась для общественных пастбищ, остальная удобная земля делилась между сородичами по числу рабочих душ для покосов, пашен и стойбищ» [11. С. 11]. Бурятский язык XVIII—XIX вв. демонстрирует этноспецифическую дифференциацию движимого и недвижимого имущества. К объектам недвижимого имущества буряты причисляли в том числе ту собственность, которую нельзя было передавать в собственность другому в обладание и использовать в силу определенных представлений, касающихся религиозных предпочтений. Так, нельзя было изъять и предоставить другому человеку статуэтки бурханов, священные книги и их обложки, которые представляли ценность для его обладателя.

(8) *Хэрбэээ хэн хүн уялга бэишэ болон гардаамалтай хэн хүнһөө мүнгэ ба али бэишэ*

юмэ абаад түлэжэ болохо шадалтай зөөритэй байгаад зорюутаар үгын үгы зөөрии нюужа даража байһанинь мэдэгдэбэл тэрэнэй гардаамал абажа байгаад тэрээгээр гэршэлүүлэн али байха зөөриень бэшижэ абалха: бурханай ном болон дансын зүйлэй үнгын тоног <...> 'Если кто взял в долг имущество или деньги у другого человека и написал расписку, затем если у него имелось достаточно денег, чтобы покрыть долг, намеренно будет избегать оплаты, утаив свои деньги или имущество, и это вскроется, то в присутствии его поручителя в качестве понятия все его имущество, не включая бурханов, священных книг и их оберток, <...>'

Результаты

Анализ языка исследуемых источников «Обычного права хоринских бурят» позволил сформировать лексико-семантическое поле имущества в бурятском языке XVIII—XIX вв., в которое вошли 4 термина *зөөри*, *юмэн*, *зэмсэг*, *бууса*. Установлено, что ядерную зону исследуемого лексико-семантического поля занимает лексема *зөөри*, основанием является частотность воспроизведения, однозначность, выводимость общего значения, нейтральность и гиперонимические свойства. На основании функционирования и внутренней формы слова можно заключить, что формирование понятия обусловлено номадным видом хозяйственной деятельности, в условиях которого буряты осознают имущество как собственность, необходимую при кочевом образе жизни: скот, домашний скарб, жилищные постройки (юрта) и пр. Выявлено, что категориальным семантическим признаком данного имущественного термина являются 'обладание'. В материалах обычного права бурят отразилась специфика этнических имущественных отношений, так, например, к отдельному виду имущества причислялось *зэмсэг*: оружие, конская упряжь, наличие которого определяет уровень материального благосостояния обладателя, социальный статус и пр. Наблюдение над употреблением *зэмсэг* в памятниках старомонгольской письменности дает основание отнести термин к околядерной зоне. Гиперсема 'владение' в семантической структуре термина уточняется в аспекте ценности, возможности дарения, наследования. На периферии лексико-семантического поля представлен термин *юмэн*, эксплицирующий представление о вещи, находящейся в собственности. Следует отметить, что семантическое развитие данной лексической единицы

шло по пути дальнейшего расширения, в современном бурятском языке оно достигло высшей степени абстракции и используется для номинации вещи как таковой. В имущественном праве бурят XVIII—XIX вв. не представлено четкого понятия недвижимого имущества. Земля выступает в качестве объекта общего пользования, как источник осуществления витальных возможностей рода в целях удовлетворения потребностей скотоводческого хозяйства.

Заключение

В данной статье подверглись рассмотрению основные родовые наименования имущества бурят XVIII—XIX вв.: *зөөри*, *юмэн*, *зэмсэг*, *бууса*, зафиксированные в уложениях хоринских бурят, законодательных актах, которые регулировали правовые общественные отношения хоринских бурят на протяжении XVIII—XIX вв. Изучение наименований имущества в деловых документах изучаемого периода позволяет углубить знания о природе формирования правового сознания представителей данной культуры, выявить концептуальные основы вербализации представлений об имуществе в бурятском языке.

Определено, что в семантической структуре термина *зөөри*, родового наименования имущества, представлены три дифференциальных признака: обладания определенной вещью, владения и распоряжения ею. В семантической структуре слова *зэмсэг* представлены компоненты «оружие», «конская упряжь», оно эксплицирует нейтральный оттенок. Данное представление подразумевало не только обладание, но и наследование, служило для передачи в качестве приданого или удовлетворения в счет взаимообразного долга. Номадный характер ведения хозяйства послужил причиной распространения наименований движимого имущества, предопределил мотивированность и внутреннюю форму терминов, среди которых *зөөри* демонстрирует понимание собственности как некоей материальной ценности, которую можно *зөөхэ* 'перевести'. Другой термин *зэмсэг* номинирует вид движимого имущества в виде конской упряжи и оружия в качестве находящихся в чьем-то владении и представляющих значимость для обладателя. Наименования недвижимого имущества практически не встречаются в текстах «Степных уложений хоринских бурят». Также можно утверждать, что с изменением образа жизни бурят не все наименования имущества того времени дошли до наших дней именно в том значении, какое они имели в XVIII—XIX вв.

Сокращения

УХР, 1823 — Уложение 1823 г. 11 Хоринских родов.

ПХР, 1808 — Положение 11 Хоринских родов 1808 г. по управлению внутренними делами и судопроизводству № 80.

У, 1788 — Устав 1788 г., летнего среднего месяца 28-го дня.

Список источников

1. Брюханова А. Л., Майоров А. П. Слово зөөри как терминологическое наименование имущества в бурятском языке в XVIII–XIX вв. (на материале «Степных уложений хоринских бурят» и «Степных уложений селенгинских бурят») // Вестник Бурятского государственного университета. Язык. Литература. Культура. 2018. № 2. С. 8–16.
2. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. М. : Языки русской культуры, 1999. 776 с.
3. Виноградов В. В. Проблема авторства и теория стилей. М. : Гослитиздат, 1961. 613 с.
4. Герд А. С. Основы научно-технической лексикографии (как работать над терминологическим словарем). Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1986. 72 с.
5. Гринев-Гриневич С. В. Терминоведение. М. : Академия, 2008. 304 с.
6. Гылыкова Е. С. Обычное право бурят (историко-правовое исследование) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 21 с.
7. Дамдинов Г. Д. О земельной терминологии бурятского языка // Вопросы литературного бурятского языка. Улан-Удэ, 1963. С. 100–108.
8. Дарбеева А. А. Историческая преемственность в терминологии бурятского языка // История и культура монголоязычных народов: история и традиции : тез. докл. и сообщ. междунар. круглого стола монголоведов. Улан-Удэ, 1989. С. 19–22.
9. Дондуков У.-Ж. Ш. О развитии терминологии в бурятском языке. Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1970. 79 с.
10. Едалина А. А. Особенности лексико-семантического поля «Отношение человека к собственности» // Известия Уральского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2010. Т. 72, № 1. С. 93–101.
11. Жалсанова Б. Ц., Курас Л. В. Имущественное право бурят в XIX — начале XX в. // Сибирский юридический вестник. 2017. № 4. С. 11–17.
12. Лотте Д. С. Основы построения научно-технической терминологии. М. : Изд-во АН СССР, 1961. 158 с.
13. Мазурин М. Д. Описи имущества среднерусских монастырей XVII века как источник исторической лексикологии : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2000. 29 с.
14. Попова Л. В. Правда-справедливость и закон в русской языковой картине мира: диахронический аспект // Вестник Челябинского государственного университета. Филологические науки. 2021. № 9 (455). С. 128–134.
15. Смолина К. П. Лексика имущественной сферы в русском языке XI–XVII вв. М. : Наука, 1990. 204 с.
16. Суперанская А. В., Подольская Н. А., Васильева Н. В. Общая терминология: Вопросы теории. М. : URSS, 2009. 243 с.
17. Цибилов Б. Д. Обычное право хоринских бурят: Памятники старомонгольской письменности. Новосибирск : Наука, Сиб. изд. фирма, 1992. 312 с.

Лексикографические источники

18. Бурятско-русский словарь : в 2 т. / отв. ред. Л. Д. Шагдаров, К. М. Черемисов. Т. 1 : А-Н. У-У : БНЦ СО РАН, 2010. 636 с.

References

1. Bryukhanova AL, Mayorov AP. The word zoori as a terminological name of property in the Buryat language in the XVIII–XIX centuries (based on the material of “Steppe codes of the Khorinsky Buryats” and “Steppe codes of the Selenginsky Buryats”). *The Buryat State University bulletin*. 2018;4:8-16. (In Russ.).

2. Vejбickaya A. Semanticheskie universalii i opisaniye yazikov = Semantic universals and language description. Moscow; 1999. 776 p. (In Russ.).
3. Vinogradov VV. Problema avtorstva i teoriya stilej = Authorship Problem and Style Theory. Moscow: Goslitizdat; 1961. 613 p. (In Russ.).
4. Gerd AS. Osnovi nauchno-tehnicheskoi leksikografii kak rabotat nad terminologicheskim slovarem = Fundamentals of scientific and technical lexicography (how to work on a terminological dictionary). Leningrad: Izdatelstvo LGU; 1986. 72 p. (In Russ.).
5. Grinev-Grinevich SV. Terminovedenie = Terminology. Moscow: Akademiya; 2008. 304 p. (In Russ.).
6. Gilikova ES. Obichnoe pravo buryat istoriko-pravovoe issledovanie = Buryat customary law (historical and legal research). Abstract of thesis. Moscow; 2005. 21 p. (In Russ.).
7. Damdinov GD. On the agricultural terminology of the Buryat language. *Voprosi literaturnogo buryatskogo yazika = Questions of the literary Buryat language*. Ulan-Ude; 1963. pp. 100-108. (In Russ.).
8. Darbeeva AA. Historical continuity in the terminology of the Buryat language. In: *Istoriya i kultura mongoloyazichnih narodov, istoriya i tradicii: tezisi dokladov i soobscheniy Mejdunarodnogo kruglogo stola mongolovedov = History and culture of the Mongolian-speaking peoples: history and traditions : abstracts of reports and reports of the international round table of Mongolologists*. Ulan-Ude; 1989. pp. 19-22. (In Russ.).
9. Dondukov UJSh. O razvitiy terminologii v buryatskom yazike = On the development of terminology in the Buryat language. Ulan-Ude; 1970. 79 p. (In Russ.).
10. Edalina AA. Features of the lexico-semantic field “The relation of a person to property”. *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Setiya 2: Gumanitarnyye nauki = Izvestia of the Ural State University. Series 2: Humanities*. 2010;1:93-101. (In Russ.).
11. Jalsanova BC, Kuras LV. Buryat property law in the XIX — early XX century. *Sibirskii yuridicheskii vestnik = Siberian Legal Bulletin*. 2017;4:11-17. (In Russ.).
12. Lotte DS. Osnovi postroeniya nauchno_tehnicheskoi terminologii = Fundamentals of building scientific and technical terminology. Moscow; 1961. 158 p. (In Russ.).
13. Mazurin MD. Opisi imuschestva srednerusskikh monastirei XVII veka kak istochnik istoricheskoi leksikologii = Inventories of the property of Central Russian monasteries of the 17th century as a source of historical lexicology. Abstract of thesis. Moscow; 2000. 29 p. (In Russ.).
14. Popova LV. Pravda-justice and law in the Russian Language picture of the world: diachronic aspect. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2021;9(455):128-134. (In Russ.).
15. Smolina KP. Leksika imuschestvennoi sfery v russkom yazike XI—XVII vv. = The vocabulary of the property sphere in the Russian language of the XI—XVII centuries. Moscow: Nauka; 1990. 204 p. (In Russ.).
16. Superanskaya AV, Podolskaya NA, Vasileva NV. Obschaya terminologiya: Voprosi teorii = General Terminology: Theoretical Issues. Moscow: URSS; 2009. 243 p. (In Russ.).
17. Cibikov BD. Obichnoe pravo horinskih buryat: Pamyatniki staromongolskoi pismennosti = Customary Law of the Khorin Buryats: Monuments of Old Mongolian Written Language. Novosibirsk: Nauka; 1992. 312 p. (In Russ.).
18. Shagdarov LD, Cheremisov KM. (ed.). Buryatsko-russkii slovar v 2 tomahk = Buryat-Russian Dictionary in 2 volumes. Ulan-Ude; 2010. 636 p. (In Russ.).

Информация об авторах

А. Л. Брюханова — ассистент кафедры филологии стран Дальнего Востока.

Е. А. Бардамова — доктор филологических наук, доцент кафедры русского языка и общего языкознания.

Information about the authors

A. L. Bryukhanova — Assistant of the Department of Philology of the Far East.

E. A. Bardamova — Doctor of Philology, Associate Professor of the Department of Russian Language and General Linguistics.

Статья поступила в редакцию 16.10.2021; одобрена после рецензирования 24.10.2021; принята к публикации 18.01.2022.

The article was submitted 16.10.2021; approved after reviewing 24.10.2021; accepted for publication 18.01.2022.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 811.581.11

doi: 10.47475/1994-2796-2022-10113

ИНФОРМАЦИЯ О КУЛЬТУРЕ НАРОДА В СЕМАНТИКЕ УСТОЙЧИВЫХ ВЫРАЖЕНИЙ С КОМПОНЕНТОМ-ФИТОНИМОМ «СЛИВА» И «ДУБ»

Ван Ци

Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия, Bond-elena@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению семантических и структурных особенностей устойчивых выражений с компонентом-фитонимом в китайском и английском языках с учетом культурного аспекта. Установлено, что восприятие окружающего мира и его отдельных элементов играет важную роль в онтогенезе лингвокультурологии. На неязыковом уровне образы растений связаны с эмоциональным фоном, на лингвистическом уровне — с трансляцией этих эмоций в виде коннотаций в семантике устойчивых выражений. Выявлено, что устойчивые выражения передают знания о культуре народа, зафиксированные в национальном сознании, транслируют фрагменты языковой картины мира, выражают отношение к определенным объектам, явлениям или событиям. Доказано, что способность устойчивых выражений транслировать культурные знания позволяет получить доступ к сознанию и менталитету нации через анализ лингвистических данных.

Ключевые слова: лингвокультурология, лингвокультурологический аспект, устойчивые выражения с компонентом-фитонимом

Для цитирования: Ван Ци. Информация о культуре народа в семантике устойчивых выражений с компонентом-фитонимом «слива» и «дуб» // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 1 (459). Филологические науки. Вып. 127. С. 109—116. doi: 10.47475/1994-2796-2022-10113.

Original article

INFORMATION ABOUT THE CULTURE OF A PEOPLE IN THE SEMANTICS OF SET EXPRESSIONS WITH THE PHYTONYMIC COMPONENTS “PLUM” AND “OAK”

Wang Qi

Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia, Bond-elena@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the semantic and structural features of set expressions with a phytonym component in the Chinese and English languages, taking into account the cultural aspect. It has been established that the perception of the surrounding world and its individual elements plays an important role in the ontogenesis of cultural linguistics. At the non-linguistic level, the images of plants are associated with the emotional background, at the linguistic level — with the translation of these emotions in the form of connotations in the semantics of stable expressions. It was revealed that stable expressions convey knowledge about the culture of the people, recorded in the national consciousness, broadcast fragments of the linguistic picture of the world, express an attitude towards certain objects, phenomena or events. It has been proven that the ability of stable expressions to transmit cultural knowledge allows access to the consciousness and mentality of the nation through the analysis of linguistic data.

Keywords: linguoculturology, linguoculturological aspect, stable expressions with a phytonym component

For citation: Wang Qi. Information about the culture of a people in the semantics of set expressions with the phytonymic components “plum” and “oak”. *Bulletin of Chelyabinsk State University. 2022;1(459), Philological Sciences, 127:109-116. (In Russ.).* doi: 10.47475/1994-2796-2022-10113.

Введение

Наука, как и любая саморазвивающаяся система, находится в состоянии относительного равновесия, которое сменяется состоянием динамического развития. Постоянное накопление и осмысление новых эмпирических данных вносит определенный вклад в пополнение научных данных, уточняет результаты научных исследований и приводит к развитию науки. Развитие науки основывается на дополнении и изменении научных парадигм. Старые научные парадигмы постепенно утрачивают свое значение: на первый план выходят новые. Эти изменения называются «сдвигом парадигм»: «коренным изменением основных концепций и экспериментальных практик научной дисциплины» [2. С. 141].

Лингвокультурология является одной из новых научных парадигм. На современном уровне развития научного знания она находится в процессе формирования теоретической базы и понятийного аппарата. Это направление является междисциплинарным, так как оно образовалось на стыке нескольких научных направлений. Ф. Шарифиан отмечает, что «новая область культурной лингвистики — это мультидисциплинарная область исследований, изучающая взаимосвязь между языком и культурными концептуализациями» [14. С. 29]. Это произошло в процессе накопления и осмысления опыта смежных дисциплин, когда в научном мире возникла необходимость применения нового подхода к изучению научных данных, отличающихся иными характеристиками, что послужило толчком к формированию нового научного направления.

Опыт исследований смежных дисциплин послужил основой для конкретизации исследований в лингвокультурологии. Он стал основой для изучения языковых единиц разных уровней с учетом культурологических знаний. В трудах 10-го Международного конгресса лингвистов отмечалась «...необходимость сочетать внутреннюю консолидацию лингвистики со значительным расширением ее кругозора, которая была четко сформулирована Эдвардом Сапиром вскоре после Гаагского конгресса. Он утверждал, что лингвисты, хотя бы того или нет, должны интересоваться антропологическими, социологическими и психологическими проблемами, которые вторгаются в сферу языка» [10. С. 75]. Современная лингвокультурология уже способна предоставить информацию о собственных исследованиях, теоретической базе и терминологическом аппарате.

Следует особо подчеркнуть, что «лингвокультурология» как общий термин для исследуемого культурного компонента в семантике языковых единиц используется в работах российских лингвистов. Ученые Китая, которые изучают взаимосвязь языка и культуры, работают в рамках культурологии как научной дисциплины. Через язык можно получить доступ к культурным ценностям народа. Гуанян Чен утверждает, что «语言作为文化和文化作为语言表明文化是通过语言记录、表现、解释和中介的» (язык как культура и культура как язык указывает на то, что культура записывается, проявляется, интерпретируется и опосредуется через язык) [7. С. 59]. Лингвисты Великобритании, занимающиеся выявлением знаний о культуре народа в семантике языковых единиц, проводят исследования в рамках научной парадигмы «этнолингвистика». Одним из ключевых направлений исследований этих дисциплин является установление специфики взаимосвязи между языком и культурой. Язык является хранилищем культурных традиций, он фиксирует и передает их последующим поколениям. Исследователи Э. Стратхэрн и П. Стьюарт пишут: «What is the relationship of language and culture? Answers to this classic question take various forms depending on whether we seek to identify the place of language in culture or the place of culture in language. Language is not separate from culture, but a part of it, although it has a special capacity and role within the formation of culture patterns themselves» (Какая связь между языком и культурой? Ответы на этот классический вопрос принимают различные формы в зависимости от того, стремимся ли мы определить место языка в культуре или место культуры в языке. Язык не отделен от культуры, но является ее частью, он играет особую роль в формировании самих культурных паттернов) [14. Preface].

Человек является важным звеном в цепи понятий «язык» и «культура». Он находится в центре, поскольку непосредственно участвует в формировании как культурных, так и языковых норм. «Языковая практика является частью человеческой социальной практики и познавательной деятельности. Люди в своей социальной практике и познавательной деятельности продолжают использовать систему знаков, созданную ими самими. Итак, люди важны. Их следует включать в научные исследования языка» [12. С. 57]. Общество состоит из отдельных людей. Каждый человек является важной частью общества, он связан с определенным обществом различными типами отношений. Помимо этого, человек

связан с окружающим его миром. Живя в этом мире, человек оценивает его и высказывает свое мнение о мире при помощи языка. Человек оценивает предметы и явления окружающего мира, даёт им названия, в которых может быть заложена как субъективная, так и объективная оценка. Давая названия предметам, явлениям и процессам окружающего мира, человек вкладывает в них собственные представления о них. Но необходимо отметить, что на процесс номинации оказывают влияние некоторые другие факторы: ценностные ориентиры общества, его философские и морально-этические нормы и др. У каждого народа указанные ориентиры разные, но все они дискретно заложены в языке, в семантике языковых единиц.

Методы

В процессе исследования были использованы как общенаучные, так и специальные методы анализа языковых данных. Теоретические работы были осмыслены с помощью общенаучных методов анализа и синтеза и метода обобщения полученных результатов. Фактическим материалом исследования стал корпус устойчивых выражений китайского и английского языков, в состав которых входит компонент-фитоним «слива» и «дуб». Для анализа языкового фактического материала были использованы специальные методы. Дефиниционный метод применялся в процессе выяснения семантики устойчивых выражений. Данные лексикографических источников стали основой для выяснения процессов в семантике. В ходе их изучения использовался описательный метод. Таксономический метод помог объединить устойчивые выражения в группы с определенным фитонимом и изучить их структурно-семантические особенности в соответствии с разработанным алгоритмом анализа.

Результаты и обсуждения

Многие исследователи отмечали, что взаимодействие человека и природы, то есть среды, в которой он живет, многогранно. Человек влияет на окружающий его мир и природу, но окружающий мир и природа оказывают воздействие на человека и его жизнь [11. С. 51]. Сосуществуя с природой, человек наблюдает природные явления, объекты и со временем наделяет их характеристиками, свойствами и т. д. В древности люди обожествляли природные явления и объекты, создавали ритуалы, обычаи и праздники, посвященные им. Постепенно формировалась система

ценностей народа, его культура. Системы ценностей народов отличались друг от друга, поскольку были созданы в разных обществах, при определенных условиях, под воздействием многочисленных факторов. Все данные о культуре народа сохранены в его языке, дискретно заложены в семантике языковых единиц, особенно в семантике устойчивых выражений.

Цель статьи — провести анализ системно-структурных и семантических характеристик устойчивых выражений с компонентом-фитонимом «слива» в китайском языке и компонентом-фитонимом «дуб» в английском языке. Для достижения цели необходимо определить место двух фитонимов в системе культуры китайского и британского народов, выявить связь между ботаническим объектом и его символом в культуре народа.

Два фитонима нашего исследования (слива и дуб), являясь биологическими объектами, представляют собой деревья. Китайский ученый утверждает, что «树木作为森林生态系统的主要代表·不仅有益于其他生物·也带来了危害» (Дерево как главный представитель лесной экосистемы не только приносит пользу другим живым организмам, но и представляет опасность) [8. С. 9]. С древних времён люди понимали ценность деревьев, использовали их в хозяйстве. Наблюдая за деревьями, предки установили, что деревья обладают силой противостоять погодным условиям, выживают и вновь зеленеют после суровой зимы. И эти качества деревьев учили людей силе, способствовали пониманию необходимости иметь характер и проявлять твердость духа в трудных ситуациях. Деревья помогали пережить зимние холода, ими отапливались жилища. Деревья давали плоды, некоторые их части использовались в лечении болезней, из других частей делалась домашняя утварь, инструменты и мебель.

Деревья становятся предметом культов. Им поклоняются, их обожествляют. Появляются сказания о том, что дерево уникально, оно — мост, соединяющий наш и потусторонний мир. Изображения деревьев встречается во всех древних китайских рукописях, с VII в. изображения деревьев, особенно ветвей, листьев и цветов можно найти на так называемых ковровых страницах, украшавших британские рукописи. «Самый частый вид орнамента — растительный, где листья и цветы карабкаются вдоль полей, отмечают начало главы и стиха или ковром покрывают двойной фронтиспис в пышном райском саду золотых роз, листья и соцветий» [1. С. 160].

В своем исследовании мы используем два термина: «фитоним» — общий термин, название для всех объектов растительного происхождения и «дендроним» — названия деревьев. Фитонимы и особенно дендронимы составляют один из наиболее древних пластов языка. Исследователи указывают, что «Дендронимы, названия древесных растений, деревьев и кустарников, представляют собой древний пласт словарного запаса, отражающий изменения во времени окружающего мира, климата и экологии» [11. С. 15]. Изучая семантику дендронимов, становится возможным получить доступ к информации о культурных ценностях народов.

Китайцы традиционно выделяют четыре «благородных» растения: слива (мейхуа), орхидея (ланьхуа), бамбук (чжужи) и хризантема (джухуа). Древние китайцы называли их джунзы — человеком с доброй и высокой духовностью. В древнем Китае люди стремились стать такими. Считается, что эти растения символизируют качества, которыми должен обладать «настоящий» мужчина: сила духа, характер, искренность мыслей. Предъявляя к себе высокие требования, китайцы стремились к духовному совершенству.

Слива — символ зимы: китайская слива мейхуа цветет зимой. На севере Китая зимы холодные и часто идёт снег. В связи с этим с незапамятных времён слива является символом силы и стойкости. Благородный мужчина должен быть сильным и сохранять спокойствие духа перед лицом неприятностей. Считается, что родиной сливы мейхуа является район реки Янцзы, где ее цветение было зафиксировано при низких минусовых температурах. Цветы сливы мейхуа бывают разного цвета: желтые, белые и розовые. Слива мейхуа покрывается цветами в канун наступления китайского нового года, праздника Весны, дата которого каждый год высчитывается по лунному календарю и часто выпадает на конец января или начало февраля. Деревья сливы мейхуа долговечны, некоторые из экземпляров живут несколько сотен лет. «Цветение сливы символизирует конец зимы и наступление весеннего сезона, который начинается во второе новолуние после зимнего солнцестояния» [2. С. 83].

В китайской культуре слива мейхуа считается символом многих качеств, информация о которых заложена в устойчивых выражениях чэньюй. Как правило, чэньюй — это старинные изречения, цитаты из известных классических и современных романов китайской литературы. Чэньюй составляют золотой фонд китайского

языка, их учат наизусть с младшего школьного возраста. В нашей статье мы проведем анализ нескольких чэньюев, в состав которых входит компонент-фитоним «слива». Анализ будет проводиться по пяти параметрам, которые мы считаем наиболее важными: словарное определение, образная интерпретация значения, культурная коннотация, вершинность и функция выражения чэньюй в коммуникативной ситуации контекста. Структурно-семантический анализ чэньюй сопровождается культурологическим комментарием, данными о культурных ценностях китайского народа, которые содержатся в семантике чэньюй.

標梅之年 «Год цветения сливы, спелые сливы падают на землю, пора собирать сливы»: (образно) женщина достигла брачного возраста, пора устраивать свадьбу. 梅子成熟后落下来。比喻女子已到了出嫁的年龄。(Сливы падают, когда созреют. Аналогия состоит в том, что женщина достигла возраста замужества) [18].

В Восточной Азии слива — излюбленный символ ранней девичьей юности, так как цветение сливы происходит еще до появления листьев. По-китайски слива — это мэйхуа, а фамилия китайского клана Мэй (буквально «дикая слива») говорит о популярности этого символа. Девочку, достигшую брачного возраста, называют спелой сливой, готовой к тому, что она упадет, но ее подхватит на руки жених.

Выражение представляет собой цитату из одного из старейших произведений китайской литературы — Книги песен (X век). Тип выражения — чэньюй. Выражение состоит из четырех иероглифов, это одна из основных характеристик выражений чэньюй. Выражение состоит из трех понятий, составляющих три вершины: 標梅 (падающая (увядающая) переспелая слива (образно о старой деве; также в значении: пора выходить замуж) + 之 (служебное слово) + 年 (год, годовой, годовой). В коммуникативной ситуации выражение выполняет номинативную функцию.

Контекст, в котором содержится изучаемое выражение, был найден в романе современного китайского писателя Би Ду. Главная героиня романа — молодая девушка Би Вэйвэй, в жизни которой произошли большие перемены, вынудившие ее покинуть страну и уехать за границу, в Европу, к другу детства.

医院里有很多標梅之年的女护士,我得替她们把。» «你呢?怎么没把自己算进去?» «我答自己已婚,老公是耳鼻咽喉的郑医生» «郑之龙?那个医界翘楚?» 他睁大眼睛问。

«Многие медсестры в больнице были готовы выйти замуж, как спелые сливы, и мне нужно поговорить о них.» «А как насчет тебя? Почему ты не считаешь себя?» Я ответила, что я была замужем, и моим мужем был доктор Чжэн из лорд-отделения. «Чжэн? Этот директор?» — спросил он, с широко раскрытыми глазами) [3].

Контекст представляет собой разговор двух главных героев романа. Они говорят о том, что многие девушки, работающие медсестрами в больнице, давно достигли брачного возраста и мечтают выйти замуж. Описывая этих девушек, автор романа использует знаменитый чэньюй, в состав которого входит компонент-фитоним «слива», указывающий на возраст девушек и на факт достижения ими брачного возраста.

投桃报李 «брось персик, верни сливу»: (образно) вернуть одолжение. 意思是他送给我桃儿 · 我李子回赠他。比喻友好往来东西。(Это означает, что он дал мне персики, и я дал ему сливы взамен. Это метафора дружеских обменов или подарков друг другу) [19].

В культуре Китая существует множество деревьев и их плодов, которые являются символами ценных качеств характера. В китайском национальном сознании они используются при создании портрета «идеального» человека. С древних времен персик и слива — это символы ценных вещей. Именно эти деревья, как и их плоды, используются в самых разных ритуалах, сопровождая человека всю его жизнь.

Семантика устойчивого выражения чэньюй основана на древних культурных традициях китайского народа. Дайте кому-нибудь персик, и вы получите сливу. По мере развития языка фраза постепенно становится устойчивой. Ее семантика трансформируется, приобретая метафорическое значение: поделитесь с другом чем-то ценным, и что-то ценное вернется к вам.

Устойчивое выражение представляет собой цитату из Книги песен Дая Йи. Тип устойчивого выражения — чэньюй. Классически он состоит из четырех иероглифов, которые представляют четыре понятия: 投 (бросить, бросить) + 桃 (персик (символ долголетия и женской любви)) + 报 (отплатить, вознаградить, поблагодарить, отдать дань) + 李 (слива (плод)). Понятия, входящие в состав чэньюя, выражаются знаменательными частями речи (глаголом и именем существительным), они образуют четыре вершины. В коммуникативной ситуации, чэньюй выполняет номинативно-коммуникативную функцию, поскольку его основным компонентом является глагол.

Чэньюй был найден в книге писателя Д. Крейга, где описаны различные приемы, которые спецслужбы используют для борьбы с террористами. Эти приемы предназначены для выявления скрытой информации от собеседника, который хочет полностью ее утаить.

这位丈夫投桃报李, 也说自己有了外遇。(Муж отомстил и сказал, что у него роман) [6. С. 128].

Контекст интересен тем, что в нем используется изучаемый чэньюй. Автор специально использует стилистически окрашенную языковую единицу, чтобы уточнить: муж делится информацией, которую долго скрывал, и надеется, что благодаря этому ему будет предоставлена другая ценная информация, которая ему нужна.

В культуре Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии (далее: Великобритания) также существует много идиом, в состав которых входит компонент-фитоним. Одной из самых больших групп является группа идиом с компонентом-фитонимом «дуб». Дуб всегда считался национальным деревом Англии. Его большой рост, способность расти несколько столетий и сила сделали его королем английского леса и символом выносливости. Дуб известен в Великобритании с древних времен. Он изображается в рукописях, его изображение вырубается на скалах. Дерево было священным для друидов и англосаксов.

Самый знаменитый дуб Великобритании — это «Великий дуб» — огромное дерево в Шервудском лесу, который расположен в графстве Ноттингемшир, Англия. Старинная легенда повествует о том, что дуб был местом встреч Робин Гуда и его людей. «В 2002 году Совет по деревьям объявил Великий дуб одним из 50 деревьев национального наследия Великобритании» [8].

Поэтому в английском языке много идиом, которые включают компонент-фитоним «дуб».

All oak and iron bound and sound as a barrel: (образно) в добром здравии; чувствовать себя хорошо [5].

Культурная коннотация идиомы положительная. Ее семантика содержит информацию, которая является отсылкой к ценностям британской культуры. Чтобы понять выражение, необходимо знание культурных фактов: в культуре страны дуб является символом силы — силы тела и духа. Установление происхождения идиомы затруднено, лексикографические источники не содержат информации об этом. В коммуникативной ситуации идиома выполняет номинативную функцию.

Контекст, в котором встречается идиома, — это заголовок статьи на новостном сайте. Статья посвящена борьбе за восстановление старинного забора, которому несколько сотен лет.

All oak and iron bound: Restoration of historic fence complete [3. Title].

Н. Брэдфорд использует изучаемую идиому в названии своей статьи, чтобы привлечь внимание читателей. Идиоматические выражения всегда эмоционально окрашены, на них всегда обращают внимание. Этот стилистический прием помогает автору сосредоточить внимание читателей на самой важной идее текста: волонтерам удалось остановить процесс сноса древнего сооружения и доказать, что оно является культурным наследием и должно охраняться государством. Идиома в начале названия подчеркивает идею автора: теперь древнему строению ничего не угрожает.

Heart of oak: фраза «сердце из дуба» обозначает человека с сильным, отважным характером, особенно храброго и преданного солдата или моряка, а также отважного или доблестного духа. Его буквальное значение — сердцеви́на дуба. Сердцевина — это плотная внутренняя часть ствола дерева, из которой получается самая твердая древесина. Образное использование впервые упоминается английским драматургом и переводчиком Энтони Мандеем в первой части истинной и благородной истории жизни сэра Джона Олд-Касла, доброго лорда Кобэма (1600 г.).

Культурная коннотация идиомы положительная. В её основе лежит система ценностей британского народа, в мировосприятии которого дуб считается священным деревом. Деревья, которые

живут веками, часто приобретают культовый статус, что характерно для предметов с многовековой историей. Деревья стали местом поклонения и считались обладающими магической силой, и теперь к ним совершают паломничества туристы. В коммуникативной ситуации идиома выполняет номинативную функцию, так как её основным компонентом является имя существительное.

Заключение

Язык людей отражает не только картину мира. Язык — это хранилище знаний о культуре народа. Язык и культура тесно связаны. Язык — это часть культуры, а культура — часть языка. В системе каждого языка выделяются языковые единицы, которые отличаются от других языковых единиц набором особых качественных характеристик. Это устойчивые выражения, самые распространённые из которых в науке Китая называются чэньюй. В научной традиции Великобритании — это идиомы. Они структурно стабильны. Расположение составляющих компонентов имеет значение для их семантики и не может быть изменено. В семантике идиом наблюдаются процессы расширения, когда свободное выражение становится устойчивым. Процесс расширения семантики происходит за счёт появления коннотативного значения, которое складывается из сем, содержащих отсылки к культурным ценностям народа. Изучая семантику идиом, исследователь получает доступ к культуре. Чтобы правильно понимать идиому, мы должны знать её культурный фон.

Список литературы

1. Мартино Дж., Ланди М. Сакральное искусство. Тайны древних символов. Постижение вселенной через фигуры и линии. М. : Эксмо, 2016.
2. Розова А. Книга символов удачи. Древний Китай. М. : Эксмо, 2016.
3. Bibri S. Big Data Science and Analytics for Smart Sustainable Urbanism. Switzerland : Springer International Publishing, 2019.
4. Bi Du, В杜, 情定布拉格 (Love in Prague). Beijing : Luyi Publishing, 2020. 408 p.
5. Bradford N. All oak and iron bound: Restoration of historic fence complete. Dailysentinel. URL: <https://www.dailysentinel.com>. (Date of access: 15.02.2021).
6. CALD — Cambridge Advanced Learner's Dictionary. Cambridge : Cambridge University Press, 2020. 1856 с. URL: <https://dictionary.cambridge.org> (Date of access: 11.02.2019).
7. Craig D., 大卫克雷格. 超强问话术 (Super Interrogation). China, Guangdong Huacheng Publishing House, 2016.
8. Guangyan Chen. Performed Culture in Chinese Language Education: A Culture-Based Approach for U. S. Collegiate Contexts. USA, Lanham, Maryland, 2020.
9. Historic UK. URL: <https://www.historic-uk.com/CultureUK/Great-British-Inventions>. (Date of access: 15.02.2021).

10. Hooke D. *Trees in Anglo-Saxon England: Literature, Lore and Landscape*. UK : Suffolk, 2010.
11. Jakobson R. *Linguistics in its relation to other sciences // Proceedings of the 10th International Congress of Linguists*, Bucharest: Éditions de l'académie de la république socialiste de roumanie, 1969.
12. Khismatova A. R. *Dendronyms in Bashkir and German*. Cand. Ufa, 2005.
13. Klyuchevskij V. O. *Russian History*. Vol. 1. Moscow, 2003.
14. Mingyu Wang. *Linguistic Semiotics*. USA, New York City, Springer Publishing, 2020.
15. Sharifian F. *Cultural Linguistics: Cultural conceptualisations and language (Cognitive Linguistic Studies in Cultural Contexts)*. Amsterdam, The Netherlands : John Benjamins Publishing Company, 2017.
16. Strathern A. J., Stewart P. J. *Language and Culture in Dialogue*. UK, Routledge, 2019.
17. Tan Ruwei. 谭汝为, 民俗文化语汇通论·天津:天津古籍出版社, (General theory of folk culture). Tianjin : Tianjin Ancient Book Publishing House, 2004.
18. Wordhistory. Meaning and origin of the phrase 'heart of oak'. URL: <https://wordhistories.net/2017/01/05/heart-of-oak/>(date of access: 05/09/2021).
19. Zhonga. Explanatory dictionary of the Chinese language. URL: <https://www.zhonga.ru/chinese-russian/%E6%9C%BD%E6%9C%BD/> (date of access: 05/09/2021).

References

1. Martino J, Landi M. *Sacred art. Secrets of ancient symbols. Comprehension of the universe through figures and lines*. Moscow: Eksmo; 2016. 280 p. (In Russ.).
2. Rozova A. *Book of symbols of good luck. Ancient China*. Moscow: Eksmo; 2016. 183 p. (In Russ.).
3. Bibri S. *Big Data Science and Analytics for Smart Sustainable Urbanism*. Switzerland: Springer International Publishing, 2019. 386 p.
4. Bi Du. *情定布拉格 (Love in Prague)*. Beijing: Luyi Publishing; 2020. 408 p. (In Chinese).
5. Bradford N. *All oak and iron bound: Restoration of historic fence complete*. URL: <https://www.dailysentinel.com> (accessed 15.02.2021).
6. CALD — Cambridge Advanced Learner's Dictionary. Available from: <https://dictionary.cambridge.org> (accessed 11.02.2019).
7. Craig D. *大卫克雷格. 超强问话术 (Super Interrogation)*. China: Guangdong Huacheng Publishing House; 2016. 412 p. (in Chinese).
8. Guangyan Chen. *Performed Culture in Chinese Language Education: A Culture-Based Approach for U. S. Collegiate Contexts*. USA, Lanham, Maryland; 2020. 450 p.
9. Historic UK. Available from: <https://www.historic-uk.com/CultureUK/Great-British-Inventions> (accessed 15.02.2021).
10. Hooke D. *Trees in Anglo-Saxon England: Literature, Lore and Landscape*. UK, Suffolk; 2010. 219 p.
11. Jakobson R. *Linguistics in its relation to other sciences. Proceedings of the 10th International Congress of Linguists*. Bucharest: Éditions de l'académie de la république socialiste de roumanie; 1969. 417 p.
12. Khismatova AR. *Dendronyms in Bashkir and German*. 2005. 184 p.
13. Klyuchevskij VO. *Russian History*. Vol. 1. Moscow: Nauka; 2003. 338 p.
14. Mingyu Wang. *Linguistic Semiotics*. USA, New York City, Springer Publishing; 2020. 281 p.
15. Sharifian F. *Cultural Linguistics: Cultural conceptualisations and language (Cognitive Linguistic Studies in Cultural Contexts)*. The Netherlands, John Benjamins Publishing Company; 2017. 285 p.
16. Strathern AJ, Stewart PJ. *Language and Culture in Dialogue*. UK, Routledge; 2019. 318 p.
17. Tan Ruwei. 谭汝为, 民俗文化语汇通论·天津:天津古籍出版社, (General theory of folk culture). Tianjin, Tianjin Ancient Book Publishing House; 2004. 511 p. (In Chinese).
18. Wordhistory. Meaning and origin of the phrase 'heart of oak'. Available from: <https://wordhistories.net/2017/01/05/heart-of-oak/> (accessed 05/09/2021)
19. Zhonga. Explanatory dictionary of the Chinese language. Available from: <https://www.zhonga.ru/chinese-russian/%E6%9C%BD%E6%9C%BD/> (accessed 05/09/2021) (In Chinese).

Информация об авторе

Ван Ци — аспирантка второго года обучения, ассистент кафедры второго иностранного языка.

Information about the author

Wang Qi — a graduate student of the second year of study, assistant of the Department of the second foreign language.

Статья поступила в редакцию 29.08.2021; одобрена после рецензирования 04.09.2021; принята к публикации 18.01.2022.

The article was submitted 29.08.2021; approved after reviewing 04.09.2021; accepted for publication 18.01.2022.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 81'276.5:355.11

doi: 10.47475/1994-2796-2022-10114

ОБРАЗЫ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ, ПОСТРОЕННЫЕ НА ИДЕЕ СОЦИАЛЬНОГО ПРОТИВОБОРСТВА (на материале военного жаргона)

Анатолий Петрович Василенко

Брянский государственный университет имени академика И. Г. Петровского, Брянск, Россия, a.p.vasilenko@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются способы организация образного основания фразеологизмов на материале военного жаргона, используемого в вооруженных силах США. Отнесение социолексем к разряду фразеологических сочетаний языка автор объясняет с опорой на конституционные признаки фразеологизма — устойчивость, образность, идиоматичность, воспроизводимость (в данном случае — военная среда). Автор говорит о возможности классификации фразеологизмов указанной группы в социокультурном ключе. Установлено, что фразеологизмы военной тематики явным образом транслируют тему межличностного противоборства между представителями армейской профессии. Доказано, что образ фразеологизмов, созданный на основе военного жаргона, содержит символическую, мифологическую, социальную референцию к фактам армейского бытия и формирует карикатурное представление о тех или иных представителях рода войск.

Ключевые слова: *фразеологизм, семантика, социолингвистика, модель построения образа фразеологизма, символ, военный жаргон, культуросносный смысл, противоборство, гендер, иерархия*

Для цитирования: Василенко А. П. Образы фразеологизмов, построенные на идее социального противоборства (на материале военного жаргона) // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 1 (459). Филологические науки. Вып. 127. С. 117—128. doi: 10.47475/1994-2796-2022-10114.

Original article

PHRASEOLOGICAL UNITS BASED ON THE IDEA OF SOCIAL CONFRONTATION IN MILITARY SLANG

Anatoliy P. Vasilenko

Bryansk State University named after Academician I. G. Petrovsky, Bryansk, Russia, a.p.vasilenko@mail.ru

Abstract. The article discusses the ways of organizing the figurative basis of phraseological units based on the material of military jargon used in the US armed forces. The author explains the attribution of socioloxemes to the category of phraseological combinations of language based on the constitutional features of phraseology — stability, imagery, idiomaticity, reproducibility. The author speaks about the possibility of classifying the phraseological units of this group in a socio-cultural way.

It is established that the phraseological units of military subjects clearly convey the theme of interpersonal confrontation between representatives of the army profession. It is proved that the image of phraseological units created on the basis of military jargon contains a symbolic, mythological, social reference to the facts of army life and forms a caricature representation of certain representatives of the armed forces.

Keywords: *phraseology, semantics, sociolinguistics, model of phraseology image construction, symbol, military jargon, cultural meaning, confrontation, gender, hierarchy*

For citation: Vasilenko AP. Phraseological units based on the idea of social confrontation in military slang. *Bulletin of Chelyabinsk State University. 2022;1(459), Philological Sciences, 127:117-128. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2022-10114.*

Введение

Устойчивые обороты языка, как свидетели фрагментов жизни этноса — жизни политической, бытовой, культурной, экономической, — транслируют специфику того, что составляет повседневность, сложившиеся с ходом времени существующие либо существовавшие модели жизнеуклада народа [20. С. 215].

Совокупность таких проявлений дает основание говорить о тех статических критериях (запечатленных в образах фразеологизмов), которые являются средством сплоченности отдельной общности людей, их социальных и межличностных адаптивных механизмов с целью создания/сохранения уже сложившихся (если фразеологизм используется на протяжении долгого времени, например: *бить баклуши, спустя рукава*) или формируемых устоев (фразеологизм, который стал использоваться сравнительно недавно, например: *перезагрузка отношений, банановая республика*).

Среди таких формируемых со временем устоев можно назвать военную тематику, которая раскрывает специфику профессии, повседневных армейских устоев, демонстрирует показатель обороноспособности страны, место нации на социально-политической арене планетарного уровня и пр.

Говоря о военной тематике в области фразеологии, мы имеем в виду прежде всего использование образных структур, которые получили распространение именно в данной — военной — социальной группе носителей языка.

Следует принимать во внимание и тот факт, что военная фразеология (как и все жаргоны) рестриктивна: 1) не находит широкого употребления в повседневной речи; 2) не отличается узнаваемостью среди большинства носителей языка (где 1 и 2 — конститутивные признаки фразеологизма). Однако социальный критерий, лежащий в основе дифференциации данного пласта номинативных единиц, становится основополагающим, поскольку не всегда можно встретить фразеологизмы военного обихода в лексикографических изданиях общей тематики, отражающих наиболее употребительную и узнаваемую (в частотных показателях) систему устойчивых выражений.

В связи с этим будем придерживаться общих конституционных показателей фразеологизмов, представленных в [23. С. 6, 22] и, учитывая признанную в военной сфере распространенность метафорической структуры с закрепленной

за ними значением, будем относить упоминаемые в работе обороты к разряду фразеологических.

Объектом исследования послужили слова и словосочетания языка профессиональной группы. Предметом исследования становится американский военный жаргон, рассматриваемый как мотивирующее основание в создании устойчивых оборотов, как транслятор культуросного смысла, как инструмент создания фразеологического объединения «латентное противоборства внутри социума».

Методы и материалы

Материалом исследования послужили фразеологические, культурологические, социолингвистические словари, а также словари жаргонизмов русского и английского языков. Применяемый в статье метод исследования базируется на использовании основополагающих критериев лингвокультурологического анализа фразеологизма, выявлении мотивирующего основания оборота, раскрытия механизмов передачи семантического и прагматического наполнения фразеологического знака.

Результаты исследования: выявлены основные закономерности в построении образа фразеологизмов-жаргонизмов военной сферы; рассмотрена основная типология внутрисоциального противоборства, которая запечатлевается, хранится и передается планом выражения фразеологизмов, относящихся к военной тематике.

Обсуждение. Военная сфера достаточно разнообразна с точки зрения ее изучения в лингвистической области. Можно назвать работы, посвященные особенностям терминологии в отдельной отрасли военно-оборонного комплекса страны [3], характеру использования документального отражения военных распорядительных документов [8], деривационному потенциалу военной терминологии [10], устно-речевой коммуникации представителей военной профессии [14], лингвокультурологическому потенциалу военной терминологии [17], диахроническому аспекту военного номинативного инструментария [22] и др.

Анализируя использование образных конструкций в военном дискурсе, стоит отметить, что большинство оборотов отражают социальный статус объекта речи, а также поведенческие мотивы, которые всегда становятся темой для обсуждения другими членами коллектива (и, как правило, не только военного).

Нетрудно заметить, что социальный статус — это прежде всего роль, которая отводится члену

коллектива. Так, иерархическая структура военного социума отличается детерминированностью, перманентностью устоев, реализацией доминантных и субдоминантных ролей, накладывает отпечаток на представителей самого общества. Социальная роль, установленная для определенного члена коллектива, предполагает определенный набор поведенческих стереотипов, что подчеркивает статус индивида [6. С. 199].

Как и любая культура, военная культура отличается генерализацией существующего общепотребительного языка, проявляющейся в манифестации специфики социально-группового диалекта, построенного на когерентности мышления представителя военной профессии с тем, что является эталоном измерения по шкале интенсивности проявления какого-либо признака. Причем эталоны измерения, по которым шкалируется мировоззрение военнослужащих, может несколько отличаться от привычных для обычного носителя языка образов [2. С. 52].

В ходе определения статуса фразеологической единицы военной тематики могут возникнуть пересечения с термином «военный жаргон». Стоит полагать, что *жаргон* — это термин из социолингвистики, он становится в один ряд с такими определениями, как *арго*, *социолект*. Будем придерживаться общего определения, приведенного в [15. С. 205–206], согласно которому *социальный диалект* рассматривается как система лексического и фразеологического инвентаря, широко применяемого в национальном языке, но дифференцирующаяся в силу особенности гендерного окружения, возрастной группы, сословных признаков, профессиональной ориентированности.

Примем к сведению и термин *сленг*, который также может применяться в случае социальной дифференциации лексического состава языка. Согласно [1], под этим термином следует принимать лексико-фразеологическую сферу, формируемую за границами литературного языка, ориентированную преимущественно на реализацию оценочных характеристик, экспрессивной коннотации.

Подытожив, скажем, что фразеологизм — это, по сути дела, микротекст, ситуация речи, знаковое событие из жизни народа, конкретной группы людей, что, несомненно, следует рассматривать, как источник появления оборота. Источником возникновения фразеологизма может оказаться любая жизненная ситуация, которая характеризуется образностью, смысловой отнесенностью, значительной частотой употребления в повсед-

невной речи носителя языка [16]. Поэтому здесь целесообразно говорить о мотивационном источнике фразеологизма, об этимологическом параметре образа (подробно об этом [11]), а термины *сленг*, *жаргон*, *социолект* не являются жизненной ситуацией (то есть мотивационным параметром), а выступают лишь дифференцирующим критерием в речевом использовании существующих номинативных единиц.

Следовательно, социальная разновидность лексики может активно включаться в создание плана выражения фразеологизма, но выступать только лишь конститuentом, формальной строительной базой, но не мотивирующим основанием устойчивого выражения, в то время как собственно мотивация образа обусловлена социальными устоями, закономерностями, значимыми обстоятельствами из жизни индивида.

Итак, рассматривая фразеологизм военной тематики, придерживаемся точки зрения, изложенной в [19. С. 13], и понимаем данную группу устойчивых оборотов как образную конструкцию с включенными жаргонизмами из военной сферы и распространенную (прежде всего понятную) в военной сфере общения. В состав фразеологизма входят элементы военного сленга, реалии военного дела, организация и руководство военного аппарата.

Рассматриваемые фразеологизмы (есть основания предполагать, что и другие тоже), в образный состав которых входят элементы из армейской жизни, обладают выраженной экспрессией с резко отрицательным (презрительно-циничным, грубо-пренебрежительным, в лучшем случае — саркастичным) коннотативным показателем происхождения.

Ранее уже было упомянуто, что военная сфера — это строго упорядоченная, иерархически организованная и отлаженная система взаимодействия участников. Каждому участнику отводится своя роль (статус) в этом микросоциуме. Межличностное взаимодействие участников может отображаться в метафорическом основании фразеологизма, который, по своей сути, запечатлевает яркие события происходящего в жизни любой общности и становится образным квалификативно-номинативным достоянием этого общества. В связи с этим мы выделяем следующие группы фразеологизмов, которые наиболее частотны в обозначении реалий военного быта: 1) обороты речи, которые показывают сопряжение разных видов войск, 2) обороты речи, которые показывают уставные отношения в войсках,

3) обороты речи, которые показывают фемининную сторону войск.

Итак, взаимоотношения разных видов войск, внутриуставные отношения и женщина в армии — вот основная типология социального противоборства во фразеологических образах военной тематики. Данная типология построена на основе главного социального критерия — борьбы за выживаемость. Каждый представитель военного сообщества, входя в общий состав и занимая в то же время свою нишу на иерархической лестнице, постоянно осознает свое формально принимаемое место на этой иерархической лестнице [6. С. 140]. Возникает перманентная борьба за поддержание значимости своего статуса (от низшего чина — к высшему), что и порождает внутриличностную борьбу (конфликт), скорее, психологического характера, во избежание когнитивного диссонанса или, что также бывает нередко, межличностную борьбу (конфликт) — отстаивание собственных убеждений в кругу других индивидов.

Безусловно, что в каждом сообществе наблюдается иерархическое поведение его представителей, но военная сфера, думается, наиболее показательна в плане фиксации образными структурами такого типа поведения и состояния.

На примерах из американского английского языка рассмотрим отдельно каждую группу фразеологизмов с точки зрения внутриличностной и межличностной борьбы.

1-й тип социального противоборства: ОБОРОТЫ РЕЧИ, ПОКАЗЫВАЮЩИЕ СОПРЯЖЕНИЕ РАЗНЫХ ВИДОВ ВОЙСК

Данную группу устойчивых оборотов формируют фразеологизмы, образное основание которых представляют переосмысленные наименования родов войск.

Так, в американской армии существуют образный жаргонизм *trench monkey* (букв.: траншейная обезьяна) [5]. Данная структура используется для наименования представителей сухопутных войск — пехоты.

Как представляется, данный оборот может быть отнесен к разряду фразеологических на том основании, что структура является устойчивой в военной среде американских войск и носит переосмысленный характер. Идиоматический статус структуры объясняется непрозрачностью семантики самого субстантивного сочетания.

Приведем некоторый комментарий образной составляющей структуры *trench monkey*.

Метафора, положенная в основу фразеологизма, достаточно понятна: есть обезьяна, которая совершает свойственные ей хаотичные движения на территории выкопанной кем-то ямы (траншеи). Обратим внимание на анималистический компонент *обезьяна*. Согласно [12. С. 344], *обезьяна* и ее действия (движения) олицетворяют бессознательную, подражательную активность. Но образ обезьяны противоречив, двупланов. К примеру, на Востоке этому млекопитающему приписывают функцию обеспечения благополучия людей, вот почему именно на Востоке обезьяна занимает почетное место в ряду представителей фауны.

Однако в западной мифологии *обезьяна* не обладает такими священными характеристиками, не имеет особо почетного статуса. Скорее всего, это буффонадный образ, искусство подражания кому-либо, но отсутствие собственного начала [21. С. 243–244]. Возможно, по этой причине в американском военном социолекте образ *обезьяны*, запечатленный во фразеологизме *trench monkey*, позволяет подчеркнуть пейоративную коннотацию всего образа и всей той группы людей (пехотинцы), которую он номинирует.

Остается непонятной другая часть оборота — субстантивный компонент *trench*. Стоит полагать, что локализация образа с указанием топоимического *trench* позволяет очертить сферу концентрации данного рода войск — земля — и основной вид передвижения — пешком (то есть по земле). Пехотинцы, мобилизуясь в окопах (как место укрытия и ведения боя) и траншеях (путь для безопасного прохождения пехоты во время наземного боя), ведут наступательные и оборонительные действия.

В связи с этим образ *trench monkey* следует понимать как аллюзивный перифраз хаотичного движения (*monkey*) в рамках ограниченного пространства (*trench*).

Общая когнитивная схема образа *trench monkey*: поведение + пространство.

Другой фразеологизм, обозначающий этот же вид войск в американском военном сленге, — *stump-jumper* (букв.: прыгун через пеню) [24. С. 2180]. Пехота может быть и такой в американском менталитете! Есть одно уточнение. В словаре [Там же. С. 2180] имя существительное *stump* — жаргонная лексема для обозначения слова *нога*. В таком случае оборот *stump-jumper* имеет иное прочтение: ‘прыгун на ноге’ — то есть акцент на способе перемещения в пространстве: скачкообразное движение с опорой на нижнюю конечность. Кстати, нейтральное прочтение

stump-jumper (букв.: прыгун через пень) тоже дает семантику ‘движения’, но резко переходящего в вертикальное направление с обратным движением вниз. В любом случае возникает образ движения объекта по заданной траектории, вырисовывается амплитудно-частотная характеристика объекта.

Общая когнитивная схема построения образа *stump-jumper*: поведение + траектория.

Фразеологизм *stick jockey* (букв.: палочный наездник) [24. С. 2148] — так говорят о пилотах воздушных войск США. Образ устойчивого оборота опосредованно связан со значением структуры. Тем не менее субстантивный компонент *jockey* с общим денотативным значением ‘профессиональный всадник’ может наводить на мысль о некотором субъекте, который распоряжается другим субъектом либо управляет объектом.

Стоит полагать, что именно субстантивный компонент *jockey* является ключевым в данном сочетании, а зависимый *stick* выступает аддитивным элементом, раскрывающим способ воздействия, инструмент руководства. С точки зрения образной мотивации, речь идет о метонимическом переносе — *палка* (и далее ассоциативный ряд: *рычаг, штурвал, руль, правило*).

Палка в мифологии [12. С. 380] выполняет интегративную функцию между архетипами *верх—низ*, но не выступает противоречием между двумя данностями, а лишь указывает на них, является связующим звеном, мировой осью, поддерживающей баланс. Эзотерический подтекст *палки* часто реализуется в оккультных практиках на страницах литературных произведений, художественных фильмов, в поселениях, удаленных от цивилизации (неотъемлемый атрибут волшебников, магов, чародеев, колдунов, шаманов).

Общая когнитивная схема построения образа *stick jockey*: поведение + инструмент.

Фразеологизм *chair force* (букв.: сила стула) [27] — ироническое название пилотов военно-воздушных сил США. Жаргонизм используется для наименования локализации действующего лица. По сути дела, образ фокусируется на метонимическое место, с которого осуществляется действие, — кресло пилота (*chair*). Согласно словарю [24. С. 416], вокабула *chair*, как инструментальный социолекта, реализует значение ‘смертная казнь’. С этой точки зрения очевидно усиление степени воздействия субъекта на объект при использовании в образе субстантивного компонента *chair*.

Если компонент *force* (сила) является транспа-

рентным с точки зрения семантики и прагматики знака, то компонент *chair*, ассоциируясь с местом восседания (как например, *трон*), имеет патристическую направленность, атрибут верховной власти, величия [4. С. 495, 497]. Общая когнитивная схема построения образа *chair force*: поведение + место.

Сопоставляя когнитивные схемы построения приведенных [а также других. — *Примеч. автора*] фразеологических образов для наименования сухопутных (*trench monkey, stump-jumper*) и воздушных (*stick jockey, chair force*) войск и выявляя очевидную разницу в моделях организации разного основания оборотов, следует сказать, что такое различие обусловлено исторически.

Но для начала скажем, что для «сухопутной» фразеологии характерны поведенческие мотивы, характер действий (ср. модели: поведение + пространство; поведение + траектория). Вероятнее всего, это связано с большей мобильностью участников на поверхности земли (пространственный показатель и его влияние на действие участника также принимается в расчет при создании образа устойчивого оборота). С другой стороны, военный жаргон, составляющий образную основу «военно-воздушной» фразеологии, нацелен прежде всего на то, чтобы очертить господствующий показатель участника, управленческий механизм в действии данного представителя войск (об этом когнитивные модели: руководство + инструмент; руководство + место). На этой почве возникает противоборство по вопросу статуса рода войск, выраженность архетипического *верх — низ*, и далее: *сильный — слабый, значимый — второстепенный, блёклый* (форменная одежда камуфляжного типа, скрытая, не особо приметная — по роду деятельности) — *яркий* (форменная одежда всегда нарядная, приметная, броская).

Итак, выделенные противопоставления крайне условны, но они возникают в результате выстраивания ассоциативного ряда и ни в коем случае не умаляют достоинства каждого рода американских войск — каждый род войск важен и необходим. Однако субъективная оценочность присуща любому индивиду и, несомненно, реализуется в любой сфере деятельности человека, в том числе и среди представителей рассматриваемых родов американских войск — пехотинцев и летчиков. Возникающее умозрительное социальное противоборство отражается в номинативном инструментарии языка. И сам первый тип противоборства может быть рассмотрен как противобор-

ство престижа разновидности самой профессии (управление — подчинение), ее внешней стилистики (в том числе и дресс-код) в глазах общест-венности.

А вот с точки зрения истории действительно подтверждается факт противоборства американской пехоты и пилотов в XX столетии. Нежелание совместного принятия стратегических решений привело в тому, что в 1940-х гг. американские войска потерпели ряд наступательно-оборонительных неудач [25]. Думается, что это могло стать мотивирующим основанием для создания фразеологических оборотов на основе военного социолекта, демонстрирующих условно конфликтное сопряжение разных видов войск в современном жаргонном языке.

Обороты формируются в двустороннем порядке: основываясь на диспозиции конкретного рода войск, каждый представитель военной профессии видит свое поле деятельности и поле деятельности представителя другой профессии. Прежде всего поле деятельности ассоциируется со стихиями (*вода* и связанная с ней символика *чистоты* [21. С. 43], *земля* — *темноты* [Там же. С. 110], *воздух* — *свободы* [Там же. С. 45]) в общей оборонительной системе страны — отсюда и происходит столкновении интересов по вопросу большей значимости и участия.

Когнитивная модель построения образа фразеологизмов, относящихся к данному типу, является следующей: *поведение + локализация* (образ действия лица, напрямую связанный с тем, что организует само действие: место, инструмент, траектория, пространство и пр.).

2-й тип социального противоборства: ОБОРОТЫ РЕЧИ, ПОКАЗЫВАЮЩИЕ УСТАВНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ВОЙСКАХ

Данную группу устойчивых оборотов составляют переосмысленные жаргонные наименования должностного лица в рамках отдельно взятого рода войск. В наименовании принимается в расчет послужной список военнослужащего: степень полученного образования во время учебы, достигнутый ранг, выслуга лет, боевой опыт, награды, уважение в коллективе.

Говоря о втором типе противоборства, сразу возникает иерархия трудовых отношений: цепь «начальник — подчиненный», «старший по званию — младший по званию». В действительности данный тип противоборства ориентирован именно на такой тип взаимоотношений, который

формируется по результатам определения работника в один из перечней штатного расписания.

Так, в американском военном сленге существует оборот *dog face* (букв.: собачья морда) [24. С. 702], именуя недавно призванного на военную службу молодого человека, — *новобранец*. По всей вероятности, субстантивный компонент *face* (лицо, морда) является опорным для создания образа. Лицо прежде всего — это то, что видно кому-то, денотативная семантика ‘очевидности’ (в этой связи русские фразеологизмы *на лице написано, показать товар лицом* [18. С. 286, 287]; английские фразеологизмы: *on the face of it, stare smb in the face* [13. С. 258, 259]).

Выражение лица — важный индикатор в трансляции внутреннего состояния его обладателя. Мимические движения отражают психоэмоциональную сферу человека [9. С. 183]. Психомоторика новобранца (как и любого другого человека, прибывшего в незнакомое место) значительно отличается от людей, имеющих некоторый опыт от пребывания в заданном пространстве, а именно: нерасторопность в действиях, неритмичность в движениях, собственная нескоординированность в общем русле действий и т. п., поэтому при формировании образа ставка делается на видимый показатель — *лицо*.

Что касается компонента *dog*, то в том же словаре [24. С. 699] находим «*a freshman, or first-year college student*», где образ новичка связывают с американской социолексемой *собака*. Думается, что новоприбывшего в американские вооруженные силы ассоциируют с собакой именно в изначально проявляемой юношеским гипертрофированным чувством ответственности, исполнительности (*собачья преданность*) по факту вступления в вооруженные ряды — то есть смены привычного уклада жизни, осознанного выбора пути взросления, удаления от родительского контроля, а следовательно, высвобождения личностного пространства. Отсюда и стремление безропотно принимать иные (отличные от домашних) условия быта.

Генерализующая символика *собаки* — преданность [12. С. 476]. Однако в мифологии *собаку* рассматривают и как слугу, проводника, спутника, жертвенника, послушника [21. С. 344–345]. Скорее всего, мифологическая подоплека образа *друга человека* повлияла на формирование означаемого и означающего фразеологизма. Общая когнитивная схема построения образа *dog face*: поведение + статус.

Другой образ, связанный с новобранцами, — *yard bird* (букв.: дворовая птица) [24. С. 2455]. Та-

кой же второстепенный статус личности подчеркивается компонентом-жаргонизмом *bird* со значением 'an ordinary fellow' [Там же. С. 182]. В мифологии *птица* выступает союзником человека, посланником первобытных людей как проявление монизма [12. С. 423]. В связи с этим образ устойчивой структуры говорит о примитивности, начинательности явления. Образ *дворовой птицы* связывается с дополнительностью, безусловной необходимостью, но не особой важностью в общем объеме существующего на сегодняшний день, и, несомненно, подчеркивается ординарность (невывыразительность) обладателя такого статуса. Общая когнитивная схема построения образа *yard bird*: поведение + статус.

Насмешливый образ сержанта *top kicker* (букв.: главный, кто ударяет ногой) [30] можно встретить в американской системе воинских званий. Перевод образа на русский язык может быть разнообразным: *kicker* — это и брыкун, и критик, и футболист, тренирующий чеканку (набивание мяча), — дериват глагола *to kick* (например, английское *A boy is kicking a ball*). Разнообразие в переводе на русский язык объясняется некоторыми исследователями рядом терминологических и стилистических слаженностей.

Согласно должностным инструкциям, сержант обязан обучать (ироническая метафора *to kick*) новобранцев базовым премудростям военного дела: от соблюдения внешнего вида до автоматизации элементарных боевых навыков. Образ *top kicker*, во многом, говорящий сам за себя: *to kick* — пинать, подталкивать (в положительном смысле), назидать, побуждать к действию.

В иерархическом плане образ *сержанта* является первостепенным по отношению, скажем, к образу предыдущему второстепенному *yard bird* или *dog face*. Общая когнитивная схема построения образа *top kicker*: поведение + статус.

Итак, поднимаясь вверх по иерархической лестнице от *dog face* до *top kicker*, несложно заметить шаблонное представление о существующей субординации между указанным воинским статусом, первостепенность или второстепенность которого, разумеется, условная. Создаваемая социальная установка «начальник — подчиненный» и, как результат, формируемая внутри социума манера поведения относятся к разряду предрассудков. Возникает недружелюбность и даже враждебность, которая вносит свою негативную оценочность в уставные отношения и которой быть не должно в принципе, поскольку основная идея закладывается не в уставные отно-

шения, а в реализацию главной позитивной цели военного дела — демонстрацию силы, мужества, стойкости, обороноспособности. Тем не менее статусность наличествует, но в подавляющем большинстве случаев лишь с той целью, чтобы перераспределить сферу деятельности подчиненных и соподчиненных для равномерной и слаженной работы всего механизма.

Тема социального противоборства в данном типе фразеологизмов военной тематики может быть рассмотрена в поле социальной ниши, занимаемой или отведенной представителю сообщества. Противоборство, как и в первом типе, достаточно условно: нет физически выраженного противопоставления между лицами с разной степенью образованности, разным набором наград (поощрений и привилегий), степенью профессионального опыта, достигнутого уровня уважения и серией достижений, но отмечается негласная доминанта и субдоминанта в поведении (в зависимости от статуса), которое демонстрирует некую форму социальной дифференциации между представителями группы.

В данной группе происходит цикличность (двусторонность) в распределении образного номинативного корпуса: представитель низкого статуса иронично говорит о представителе высокого статуса в то время, как представитель высокого статуса иронично высказывается о представителе низкого статуса. Когнитивная модель построения образа фразеологизмов данного типа: поведение + статус (образ действия лица, который напрямую зависит от текущей социальной стратификации).

3-й тип социального противоборства: ОБОРОТЫ РЕЧИ, ПОКАЗЫВАЮЩИЕ ФЕМИНИННУЮ СТОРОНУ ВОЙСК

Социолингвистика определяет гендерные отношения в обществе как такой тип самопрезентации, который формируются исходя из закрепленного в обществе набора действий, а также характерного перечня поведенческих норм, напрямую зависящих от биологического пола представителя социума [7. С. 15].

Итак, данную группу оборотов составляют структуры, в образное основание которых включен метафорический образ женщин, защищающих наравне с мужчинами свое отечество. В последнее время наблюдается значительный рост числа женщин, служащих в армии, которые выполняют идентичные мужским боевые задачи.

Однако традиционно считается, что профессия военнослужащего — исключительная привилегия мужчин, поэтому появление в мужской среде женщин-военнослужащих неизбежно приводит к появлению различного рода насмешек, закрепляемых в образных единицах языка.

В третьем типе идет очевидное отстаивание своих прав представительницами прекрасного пола, и армия — не исключение. Женщина, работающая в воинских частях и подразделениях, становится обыденным явлением, хотя и до конца непривычным вследствие жесткости армейского уклада и высокой степени физической активности.

Так, возникновение иронических высказываний в американском сленге связано прежде всего с неоднозначной (временами — пейоративной) реакцией мужчин на тесное профессиональное сотрудничество с женщиной в той сфере, где женщина априори уступает мужчине по многим показателям. Например, оборот *sea donkey* (букв.: морской осел) [29] — говорит о женщине, которая служит в американских военно-морских подразделениях.

Образ *осла* достаточно известен: в подавляющем большинстве языков это животное выступает синонимом 'глупому человеку'. Кроме того, осел является объектом насмешек, ущербности, лености, упрямства [21. С. 260]. Что касается лености образа *sea donkey*, то могут возникнуть сомнения, поскольку женщина, решившая связать свой профессиональный путь с военно-морскими силами, вряд ли ленива. А вот ослиное упрямство — достаточно весомый аргумент в этой связи: упрямство как признак доказать себе и другим, что есть возможность реализовывать собственные планы.

Коннотация ущербности *sea donkey* может проявиться в субъективном ощущении собственной неполноценности в исторически сложившемся гендерном окружении, что и становится причиной насмешек в коллективе по отношению к *sea donkey*. Общая когнитивная схема построения образа *sea donkey*: поведение + воплощение.

В образе фразеологизмов, отображающих фемининную сторону американской армии, можно встретить прецедентные имена: *Sea Hag* [28] — морская ведьма, высокая мужеподобная женщина, женщина-пират, вымышленный персонаж американских комиксов, который плавает по морям на собственном корабле; *Jane Wayne Day* [26] — событие, во время которого жены, мужья которых служат в военной пехоте США, приглашаются в специально отведенное место, чтобы

дать женщинам возможность пройти ту серию физических и тактических упражнений, которые ежедневно проходят их мужья. Цель такого мероприятия — показать женам военнослужащих сложность армейской жизни их супругов.

Думается, что использование прецедентных имен усиливает присутствие гендерного стереотипа в американской армии уже потому, что прецедентное имя — это собирательный образ, сложившийся в культуре относительно какого-либо явления. Женщина в армии — это не просто явление профессионального характера, но и неоднозначная реакция общества, проявляющаяся в создании культуросообразных образов (*Sea Hag*) или значимых событий (*Jane Wayne Day*) в повседневной жизни народа.

Тема социального противоборства в данном типе фразеологизма усматривается в том, что возникает необходимость преодоления гендерных предубеждений относительно роли и места женщины в армейском мастерстве. С одной стороны, молчаливое (принятие без возражения — в жаргонах не обнаруживается специфическая ответная реплика) противоборство исходит от самой женщины, которая, выступая против гендерной стандартизации ремесел, пытается укрепить свой статус и волей-неволей оказывается участником феминистских настроений в обществе. С другой стороны, словесное (создание лингвокультурных образов) противоборство исходит и от мужчин, которые, желая упрочить позиции свойственной, согласно социальной конвенции, им профессии, пытаются незримо посредством номинативных средств языка показать нелепость женщины при выборе мужского рода занятий.

В данной группе номинативный инвентарь все же односторонен, берет начало в мужском образном восприятии окружающей действительности, преимущество строится на базе мужского преобладающего представления о пребывании женщины армии, поэтому общая когнитивная схема построения образа фразеологизмов данного типа: поведение + воплощение (художественный образ женщины, появляющийся на фоне воинского антуража).

Заключение

Таким образом, можно заключить следующее:

1. Фразеологизмы военной тематики (на примере американского английского языка) представляют собой группу устойчивых выражений, организованные, в подавляющем большинстве случаев, на основе военных жаргонизмов, пред-

ставленные полностью или частично в компонентной структуре устойчивой номинации.

2. Тема социального противоборства в образном основании фразеологизма военной тематики воплощена в плане выражения устойчивых оборотов, как правило, в виде карикатурных образов пейоративной коннотации и может быть представлена следующей разновидностью: 1) обороты речи, показывающие сопряжение разных видов войск; 2) обороты речи, показывающие уставные отношения в войсках; 3) обороты речи, показывающие фемининную сторону войск.

3. Устойчивые структуры, показывающие сопряжение разных видов войск, содержат в образе метафорическую референцию к типу военного дела, в котором проявляются действия нападающего, оборонительного и тренировочного характера в воздухе, на воде и земле. Вызываемые представления с местом активации профессиональных навыков (*вода* — чистота, *земля* — темнота, *воздух* — свобода) порождают, в свою очередь, тему социального двустороннего противоборства (каждый род войск оценивает себя и сравнивает себя с другим видом войск), связанную с эстетикой внешнего вида в зависимости от рода занятия и, как результат, связанное с этим социальное поведение. Ведущая когнитивная модель построения образа фразеологизма данной группы: поведение + локализация.

4. Устойчивые структуры, показывающие уставные отношения в войсках, содержат в образе метафорическую информацию из послужного

списка военных (от уровня полученного образования до выслуги лет и наград), в котором проявляется иерархия трудовых отношений согласно штатному расписанию (начальник — подчиненный), формирующая определенную манеру поведения индивида в задаваемых условиях (руководитель — исполнитель) и, как результат, раскрывает тему социального двустороннего противоборства (руководитель дает оценку исполнителю, а исполнитель — руководителю). Ведущая когнитивная модель построения образа фразеологизма данной группы: поведение + статус.

5. Устойчивые структуры, показывающие фемининную сторону войск, содержат метафорические сведения о несообразности пребывания женщины как боевой единицы в рядах вооруженных сил. В данном типе образа фразеологизма отражен мизансценический ракурс, где женщина, являясь единственной ключевой фигурой на фоне абсолютно мужского окружения, вступает в одностороннее (не особо стараясь высказывать свое мнение, рискуя попасть в еще более неловкую ситуацию) социальное противоборство с создаваемым мужским коллективом неподобающим представлением о том, как женщина занимается мужской профессией. Ведущая когнитивная модель построения образа фразеологизма данной группы: поведение + воплощение.

Работа представляется перспективной с точки зрения изучения типологии социального противоборства, представленного во фразеологии военной тематики на материале других языков и культур.

Список источников

1. Арнольд И. В. Стилистика. Современный английский язык : учебник для вузов. М. : Флинта : Наука, 2002. 384 с.
2. Бойко Б. Л. Основы теории социально-групповых диалектов : монография. М. : Военный университет, 2008. 184 с.
3. Бойко М. Г. Структурно-семантические особенности формирования бронетанковой терминологии в английском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2011. 26 с.
4. Вовк О. В. Энциклопедия знаков и символов. М. : Вече, 2006. 528 с.
5. Военный жаргон. Словарь молодого бойца. URL: <http://www.rpgplay.ru/index.php?showtopic=5404> (дата обращения 11.06.2021).
6. Горелов И. Н. Основы психолингвистики : учебное пособие. М. : Лабиринт, 2001. 304 с.
7. Денисова А. А. Словарь гендерных терминов. М. : Информация-XXI в., 2002. 256 с.
8. Дуброва Ю. Ю. Структурно-содержательная специфика многокомпонентных терминов (на материале военных документов) : дис. ... канд. филол. наук. М., 2015. 201 с.
9. Дудьев В. П. Психомоторика : словарь. М. : Владос, 2008. 366 с.
10. Захарчук О. А. Универсальные характеристики и национально-культурная специфика военного жаргона : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2007. 21 с.
11. Зимин В. И. Этимологический параметр в описании пословиц и поговорок // Фразеология в Машинном фонде русского языка : сб. науч. тр. М., 1990. С. 160–167.

12. Керлот Х. Э. Словарь символов. М. : Refl-book, 1994. 608 с.
13. Кунин А. В. Англо-русский фразеологический словарь. М. : Русский язык, 1984. 994 с.
14. Махов А. С. К вопросу о лексико-семантических особенностях сленга военнослужащих корпуса морской пехоты Вооружённых Сил США // Научный альманах. 2015. № 11. С. 337–341.
15. Словарь социолингвистических терминов / РАН, Институт языкознания. М., 2006. 312 с.
16. Никонов Д. О. О фразеологическом словаре и разработке словарной статьи (на примере русских и английских фразеологизмов с компонентом-технонимом) // Вестник Челябинского государственного университета. 2017. № 12 (408). С. 143–153.
17. Степанов Е. А. Языковая картина мира военной сферы (лингвокультурологический и терминологический аспекты) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2012. 18 с.
18. Степанова М. И. Фразеологический словарь русского языка. СПб. : Виктория плюс, 2003. 608 с.
19. Судзиловский Г. А. Англо-русский словарь военного сленга. М. : Воениздат, 1973. 182 с.
20. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М. : Языки русской культуры, 1996. 288 с.
21. Тресиддер Дж. Словарь символов. М. : Фаир-пресс, 1999. 448 с.
22. Уланов А. В. Русский военный дискурс XIX — начала XX века: структура, специфика, эволюция : дис. ... д-ра филол. наук. Омск, 2014. 494 с.
23. Шанский Н. М. Фразеология современного русского языка : учеб. пособие для вузов. СПб. : Специальная литература, 1996. 192 с.
24. Dalzell T. The New Partridge Dictionary of Slang and Unconventional English. 2nd ed. New York: Routledge, 2013. 2506 p.
25. Fischer S. A. Army and Air force subcultures: effects on joint operations. URL: <http://www.dtic.mil/cgi-bin/GetTRDoc?AD=ADA449436> (дата обращения: 17.05.21).
26. Jane Wayne Day. URL: <https://www.dvidshub.net/news/297676/day-life-marine-jane-wayne-day#:~:text=Marine%20Corps%20Logistics%20Base%20Barstow,-Subscribe&text=Once%20a%20year%20Jane%20Wayne,the%20modified%20Combat%20Fitness%20Test> (дата обращения: 18.05.21).
27. Military Terms of the Modern Era. URL: <http://www.combat.ws/S4/MILTERMS/MT-C.HTM> (дата обращения: 27.05.21).
28. Sea Hag. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Sea_Hag (дата обращения: 17.05.21).
29. Slang Define. URL: <https://slangdefine.org/s/sea-donkey-4845.html> (дата обращения: 29.05.21).
30. Top kicker // Conversation vocabulary and slang. English-Russian. URL: https://slang_en_ru.academic.ru/4575/top_kicker_%5Bknocker%5D (дата обращения: 27.05.21).

References

1. Arnol'd IV. Stilistika. Sovremennyj anglijskij jazyk = Stylistics. Modern English. Textbook for universities. Moscow; 2002. 384 p. (In Russ.).
2. Bojko BL. Osnovy teorii social'no-grupповых dialektov = Fundamentals of the theory of socio-group dialects. Monograph. Moscow; 2008. 184 p. (In Russ.).
3. Bojko MG. Strukturno-semanticheskie osobennosti formirovanija bronetankovoj terminologii v anglijskom jazyke = Structural and semantic features of the formation of armored terminology in the English language. Abstract of thesis. Omsk, 2011 26 p. (In Russ.).
4. Vovk OV. Jenciklopedija znakov i simvolov = Encyclopedia of signs and symbols. Moscow; 2006. 528 p. (In Russ.).
5. Voennyj zhargon. Slovar' = Military jargon. Dictionary of a young fighter. Available from: <http://www.rpgplay.su/index.php?showtopic=5404> (accessed 11.06.2021). (In Russ.).
6. Gorelov IN. Osnovy psiholingvistiki = Fundamentals of psycholinguistics. Textbook. Moscow: Labirint; 2001. 304 p. (In Russ.).
7. Denisova AA. Slovar' gendernyh terminov = Dictionary of gender terms. Moscow; 2002. 256 p. (In Russ.).
8. Dubrova JuJu. Strukturno-soderzhatel'naja specifika mnogokomponentnyh terminov = Structural and content specifics of multicomponent terms (based on the material of military documents). Thesis. Moscow; 2015. 201 p. (In Russ.).
9. Dud'ev VP. Psihomotorika = Psychomotorics. Dictionary. Moscow: Vlados; 2008. 366 p. (In Russ.).

10. Zaharchuk OA. Universal'nye harakteristiki i nacional'no-kul'turnaja specifika voennogo zhargona = Universal characteristics and national-cultural specifics of military jargon. Abstract of thesis. Chelyabinsk; 2007. 21 p. (In Russ.).
11. Zimin VI. Etimologicheskij parametr v opisani poslovic i pogovorok = Etymological parameter in the description of proverbs and sayings. Moscow; 1990. (In Russ.).
12. Kerlot HJe. Slovar' simvolov = Dictionary of symbols. Moscow: Refl-book; 1994. 608 p. (In Russ.).
13. Kunin AV. Anglo-russkij frazeologicheskij slovar' = English-Russian phraseological dictionary. Moscow: Russkiy yazyk; 1984. 994 p. (In Russ.).
14. Mahov AS. On the question of lexical and semantic features of slang of the military personnel of the Marine Corps of the Armed Forces of the USA. *Nauchnyy al'manah*. 2015;11:337-341. (In Russ.).
15. Slovar' sociolingvisticheskikh terminov = Dictionary of sociolinguistic terms. Moscow; 2006. 312 p. (In Russ.).
16. Nikonov DO. About phraseological dictionary and dictionary article development (on the example of Russian and English phraseological units with a technonym component). *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2017;12(408):143-153. (In Russ.).
17. Stepanov EA. Jazykovaja kartina mira voennoj sfery (lingvokul'turologicheskij i terminologicheskij aspekty) = Language picture of the world of the military sphere (linguoculturological and terminological aspects). Abstract of thesis. Moscow; 2012. 18 p. (In Russ.).
18. Stepanova MI. Frazeologicheskij slovar' russkogo jazyka = Phraseological dictionary of the Russian language. St. Petersburg: Viktoriya plus; 2003. 608 p. (In Russ.).
19. Sudzilovskij GA. Anglo-russkij slovar' voennogo slenga = English-Russian dictionary of military slang. Moscow: Voenizdat; 1973. 182 p. (In Russ.).
20. Telija VN. Russkaja frazeologija. Semanticheskij, pragmaticheskij i lingvokul'turologicheskij aspekty. Moscow: Jazyki russkoj kul'tury; 1996. 288 p. (In Russ.).
21. Tresidder Dzh. Slovar' simvolov. Moscow: Fair-press; 1999. 448 p. (In Russ.).
22. Ulanov AV. Russkiy voyennyj diskurs XIX — nachala XX veka = Russian Military Discourse of the XIX — early XX century: structure, Specifics, Evolution. Thesis. Omsk; 2014. 494 p. (In Russ.).
23. Shanskij NM. Frazeologija sovremennogo russkogo jazyka. St. Petesburg: Special'naja literatura; 1996. 192 p. (In Russ.).
24. Dalzell T. The New Partridge Dictionary of Slang and Unconventional English. New York: Routledge; 2013. 2506 p.
25. Fischer SA. Army and Air force subcultures: effects on joint operations. Available from: <http://www.dtic.mil/cgi-bin/GetTRDoc?AD=ADA449436> (accessed: 17.05.21).
26. Jane Wayne Day. Available from: <https://www.dvidshub.net/news/297676/day-life-marine-jane-wayne-day#:~:text=Marine%20Corps%20Logistics%20Base%20Barstow,-Subscribe&text=Once%20a%20year%20Jane%20Wayne,the%20modified%20Combat%20Fitness%20Test> (accessed: 18.05.21).
27. Military Terms of the Modern Era. Available from: <http://www.combat.ws/S4/MILTERMS/MT-C.HTM> (accessed: 27.05.21).
28. Sea Hag. Available from: https://en.wikipedia.org/wiki/Sea_Hag (accessed: 17.05.21).
29. Slang Define. Available from: <https://slangdefine.org/s/sea-donkey-4845.html> (accessed: 29.05.21).
30. Top kicker. Conversation vocabulary and slang. English-Russian. Available from: https://slang_en_ru.academic.ru/4575/top_kicker_%5Bknocker%5D (accessed: 27.05.21).

Информация об авторе

А. П. Василенко — доктор филологических наук, профессор института русской и романо-германской филологии.

Information about the author

A. P. Vasilenko — Doctor of Philology, Professor of the Institute of Russian and Romano-Germanic Philology.

Статья поступила в редакцию 16.06.2021; одобрена после рецензирования 01.08.2021; принята к публикации 18.01.2022.

The article was submitted 16.06.2021; approved after reviewing 01.08.2021; accepted for publication 18.01.2022.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 8127

doi: 10.47475/1994-2796-2022-10115

ПОНЯТИЙНЫЕ ПРИЗНАКИ КОНЦЕПТА ЦАРЬ ПЕРИОДА XX—XXI ВЕКОВ

Евгения Евгеньевна Демидова

Институт иностранных языков, Санкт-Петербург, Россия, Demidova_Eu@mail.ru

Аннотация. Анализ словарей и языкового материала привел к обнаружению 52 понятийных признаков концепта *царь*, объединенных в группы: 1. Статус; 2. Земное/небесное; 3. Власть; 4. Особенный; 5. Исторические персоналии; 6. Девушка; 7. Функции; 8. Царство природы; 9. Место управления; 10. Владелец, собственник; 11. Персона, человек; 12. Климатические особенности; 13. Способ жизни.

Ключевые слова: *концепт, понятийные признаки, концептуальная структура, языковая картина мира, лингвокультурология, концептология*

Для цитирования: Демидова Е. Е. Понятийные признаки концепта *царь* периода XX—XXI веков // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 1 (459). Филологические науки. Вып. 127. С. 129—136. doi: 10.47475/1994-2796-2022-10115.

Original article

CONCEPTUAL FEATURES OF THE TSAR CONCEPT IN THE 20—21 CENTURIES PERIOD

Eugenia E. Demidova

Institute of Foreign Languages, Saint Petersburg, Russia, Demidova_Eu@mail.ru

Abstract. The purpose of the article is to identify and characterize the conceptual signs of the *tsar* concept that exist in its structure in the modern period. There are no works deals with the study of the *tsar* concept structure in the scientific literature, which determines the scientific novelty of the study. The conceptual structure is formed from primary — motivating signs, developing to conceptual ones. 37 conceptual signs of the *tsar* concept were identified as a result of the 12 explanatory dictionaries analysis and 15 signs as a result of the analysis of language material. There is a gradual expansion of cognitive signs (from 18 motivating to 52 conceptual ones) in the diachrony of the Russian language. They are grouped into 13 blocks: 1. Status; 2. Terrestrial / celestial; 3. Power; 4. Special; 5. Historical personalities; 6. Girl; 7. Functions; 8. The kingdom of nature; 9. Place of management; 10. Owner; 11. Person. 12. Climatic features; 13. Way of life. There is an almost threefold increase in the number of the concept *tsar* signs (18 motivating versus 52 conceptual).

Keywords: *concept; conceptual signs, conceptual structure, language picture of the world, linguoculture, conceptology*

For citation: Demidova EE. Conceptual features of the TSAR concept in the 20—21 centuries period. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2022;1(459), Philological Sciences, 127:129-136. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2022-10115.

Введение

Последнее десятилетие XX в. можно назвать многообразием бифуркации, когда одновременно появилось несколько новых направлений в рос-

сийской науке о языке: когнитивная лингвистика, лингвокультурология, политическая лингвистика. Обращение политической лингвистики к концептам власти объясняется пристальным вниманием к этой сфере жизни общества. Актуальность проблемы концептуализации власти

заключается в анализе таких важных тем, как управление страной и система общественного взаимодействия. Возникла необходимость исследования способов вербализации и специфики концептуализации такого фрагмента мира, как власть.

К политическим концептам относится *царь*, обойденный вниманием концептологов. Первое обращение к изучению базовых — мотивирующих и понятийных — признаков концепта *царь* и составляет научную новизну проводимого исследования. Основными методами в статье являются дескриптивный, интерпретативный, метод компонентного анализа словарных дефиниций, концептуальный. Национальный корпус русского языка (www.ruscorgo.ru), 12 толковых и энциклопедических словарей русского языка стали источником языкового материала. Цель статьи — выявить и охарактеризовать понятийные признаки концепта *царь*, существующие в его структуре в период XX—XXI вв. В научной литературе отсутствуют работы по изучению структуры концепта *царь*, чем обусловлена научная новизна исследования. Концептуальная структура формируется от первичных — мотивирующих признаков, развиваясь следующим этапом до понятийных.

Рабочими терминами в статье являются два: *мотивирующие признаки*¹ и *понятийные признаки*² концепта. В. В. Колесов пишет: перво-смысл слова появляется в форме первообраза — концептума (лат. *conceptum* ‘зерно, зародыш’) [6. С. 438]. Перво-смысл и есть первопризнак концепта. Развиваясь в концептуальной системе, на основе первопризнака появляются новые образы, формируются понятия, сгущая смыслы до символа³. Обратимся к лексикографическим источникам.

Словарные статьи «царь» как источник определения понятийных признаков

Выявление понятийных признаков концепта *царь* происходит путем анализа соответствующих

¹ «Мотивирующим называется такой признак, который послужил основанием для именованя некоего фрагмента мира» [10. С. 18–19].

² «Под понятийными понимаются признаки концепта, актуализированные в словарных значениях в виде семантических компонентов (сем) слова — репрезентанта концепта» [10. С. 314].

³ В. В. Колесов так и определял концепт: образ — понятие — символ [5. С. 30–40].

щих словарных статей в словарях русского языка современного периода. Были исследованы словарные статьи «царь» в 12 толковых и энциклопедических словарях.

В современном русском языке наблюдается «возвращение» мотивирующих признаков в структуру концепта *царь*. Ряд словарей указывает у слова, репрезентирующего концепт, значения, в которых приведены такие семы, как «титул», «монарх», «господин», «властитель», встреченные еще в этимологических словарях⁴ [1–3].

В словаре Д. В. Дмитриева в первом значении приводится толкование с гендерным признаком, не указанным ни в одном из изученных словарей⁵ [4. С. 1503]. В словаре С. А. Кузнецова в первом значении приводятся официальные даты существования этого титула в России⁶ [7. С. 1457–1458]. В МАС используется юридический термин «лицо»⁷ [12. С. 633]. «Популярный толково-энциклопедический словарь» указывает этот же термин, отмечая, что форма правления царя — единовластие⁸ [13]. Д. Н. Ушаков упоминает синоним слова *царь* — *монарх*⁹ [15]. С. И. Ожегов к первому и второму значениям слова *царь* приводит толкование, объединяющее все вышеуказанные¹⁰ [8] (см. также: [9]).

Ряд словарей отмечает устойчивые выражения со словом *царь*. В их значениях актуализируются смыслы господства¹¹, старины¹², животного цар-

⁴ «Титул монарха в некоторых странах», «Тот, что господствует надо всем или всеми, превосходит всех или всё; владыка, властитель», «Употребляется как приложение, указывая на исключительность, превосходство определяемого среди ему подобных» [1–3].

⁵ «В России и в некоторых других странах царём называли мужчину, который являлся главой монархической семьи какого-либо государства и правил этим государством, а также официальный титул монарха» [4. С. 1503].

⁶ «В России (с 1547 по 1721 гг.) и в некоторых других странах: титул монарха; лицо, носящее этот титул» [7. С. 1457–1458].

⁷ «Титул монарха в некоторых странах, а также лицо, носившее этот титул» [12. С. 633].

⁸ «Титул монарха, единовластного государя, высшего правителя в некоторых странах, а также лицо, носящее этот титул» [13].

⁹ «Название монархов в некоторых странах» [15].

¹⁰ «Единовластный государь, монарх, а также официальный титул монарха; лицо, носящее этот титул. 2. перен., чего. Тот, кто безраздельно обладает чем-н., властитель (устар. и книжн.)» [8].

¹¹ *Царь и бог* «тот, кто безраздельно господствует».

¹² *При царе Горохе* (разг. шутол.) «очень давно».

ства¹, природы², брани³, ума и сообразительности⁴, глупости и тупости⁵.

В современный период происходит трансформация некоторых значений слова *царь*. Так, существовавшее в период XVIII—XIX вв. значение «растение» в XX—XXI в. конкретизируется⁶ [11. С. 556–559]. Значение «сказочное создание (змейка)» трансформируется в два варианта: 1. сказочный⁷ [14] и 2. мифологический⁸ [11. С. 559].

Временем правления царей являются первая половина XVI — первая четверть XVIII в.; если быть точнее, то это время измеряется 174 годами. Эти годы привязаны к конкретным историческим деятелям. Начало царствованию на Руси положено Иваном Грозным. Конец царствования определяется временем правления Петра I, когда титул царя меняется на императора.

Интересны лингвокультурологические наблюдения. Изменения наблюдаются в соматическом коде. Если в этимологических словарях к слову *царь* даются такие синонимы, как *голова*, *глава*, то в современных словарях они заменяются на *лицо*. При этом акцентируются ментальные характеристики, ассоциирующиеся с головой, — ум, сообразительность и, наоборот, глупость и тупость. Признак ‘голова’ «прячется» в оценочном признаке ‘главный’.

Пространственный код также претерпевает изменения. Если в XVIII—XIX вв. встречается указание на *верх* в иерархии правителей (*верховный*), то в XX—XXI вв. понятие верха дифференцируется: *всевышний*, *высший*. Подчеркивается *превосходство*. К пространственному и соматическому кодам добавляются категории: 1. Оценка (*выдающийся*, *лучший*); 2. Квантитативность (*первый*); 3. Имущество (*владыка* букв. тот, кто владеет); 4. Родство (*отец*, *батюшка*); 5. Насилие (*подчиняет*).

Приведём полученные данные толковых и энциклопедических словарей в таблице.

¹ Царём зверей называют льва.

² Человек — это *царь природы*.

³ Поднять на царя «разбранить».

⁴ Царь в голове или с царём в голове (устар.) «тот, кто умен, сообразителен».

⁵ Олух царя небесного «глупый, тупой человек, который не понимает того, что ему говорят». Человек без царя в голове «неумный, глупый».

⁶ «Царь-трава. Наименование травы купальницы» [11. С. 556–559].

⁷ «Лесной царь — сказочное существо, владыка леса» [14].

⁸ «Птичий/звериный/водяной государь» [11. С. 559].

Анализ толковых и энциклопедических словарей показал следующие результаты. В словарях современного русского языка всего было выявлено 37 понятийных признаков у концепта *царь*.

Группа понятийных признаков концепта *царь* расширилась за счет появления новых признаков: ‘безраздельно обладает’, ‘владыка’, ‘влияние’, ‘выдающийся’, ‘город/место’, ‘единовластный’, ‘лицо’, ‘любимый’, ‘монархическая семья’, ‘мужчина’, ‘отец/батюшка’, ‘Петр I’, ‘первый/лучший’, ‘птицы/звери/растения/камни’, ‘ум’, ‘человек’.

Некоторые понятийные признаки предшествующего периода трансформировались. Понятийный признак ‘властвующий’, трансформировавшийся в период XVIII—XIX вв. из мотивирующего ‘властитель/властелин’, сохраняет свою актуальность в XX—XXI вв. Эта же трансформация происходит с признаками ‘главный в своем роде’ — ‘голова/глава’ (мотив.), ‘подчиняет’ — ‘повелитель’ (мотив.), ‘официальный титул’ — ‘титул’ (мотив.), ‘царь небесный (о боге)’ — ‘царь небесный (об Иисусе Христе)’ (мотив.).

В результате предшествующего анализа этимологии слова *царь* — основного репрезентанта изучаемого концепта — было выделено 18 мотивирующих признаков. Период XVIII—XIX вв. развития русского языка показал наличие в структуре концепта *царь* 33 понятийных признака. 25 понятийных признаков были указаны в толковых словарях этого периода; восемь признаков, которые оказались «пропущенными» в проанализированных словарях русского языка, перешли из разряда мотивирующих в понятийные в данный период.

Согласно проанализированным словарям, в структуре концепта *царь* исчезло 15 понятийных признаков, бывших в его структуре в предшествующие периоды до XIX в.: ‘защищать/охранять’ (мотивирующий), ‘кайзер’ (понятийный признак XVIII—XIX вв.), ‘коноводка/зачинщица всему в девицах’ (понятийный признак XVIII—XIX вв.), ‘король’ (мотивирующий и понятийный признак XVIII—XIX вв.), ‘область’ (понятийный признак XVIII—XIX вв.), ‘мороз/стужа’ (понятийный признак XVIII—XIX вв.), ‘пасти’ (мотивирующий), ‘питать’ (мотивирующий), ‘пышно/роскошно’ (понятийный признак XVIII—XIX вв.), ‘самодержец’ (понятийный признак XVIII—XIX вв.), ‘сильный/могучий’ (понятийный признак XVIII—XIX вв.), ‘старший’ (понятийный признак XVIII—XIX вв.), ‘султан’ (мотивирующий), ‘Татарский хан’ (мотивирующий), ‘царский престол (о ханской власти)’ (мотивирующий). Часть мотивирующих признаков концеп-

**Понятийные признаки концепта *царь* в толковых и энциклопедических словарях
русского языка XX–XXI веков**

**Conceptual signs of a *царь* (tsar) concept in explanatory and encyclopedic dictionaries
of the XX–XXI centuries Russian language**

№ п/п	Понятийные признаки концепта <i>царь</i>	БРЭС	БТСРЯ	Ефремова Т. Ф.	Дмитриев Д. В.	Кузнецов С. А.	Ожегов С. И.	Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.	ПТЭСРЯ	МАС	БАС	ТСРЯ	Ушаков Д. Н.
1	‘безраздельно обладает’	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	+	-
2	‘всевышний/ высший’ — ‘верховный правитель/ владелец земли/ народа/ государства’	-	-	-	-	-	-	-	+	-	+	-	-
3	‘владыка’	-	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-
4	‘властвующий’ — ‘властитель/ властелин’ (мотив.)	-	+	+	-	-	+	-	-	-	+	+	-
5	‘влияние’	-	-	-	-	+	-	-	-	+	-	-	-
6	‘выдающийся’	-	-	-	-	+	+	-	-	-	-	+	-
7	‘главный в своем роде’ — ‘голова/ глава’ (мотив.)	+	-	-	+	-	-	-	-	-	+	-	-
8	‘город/ место’	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-
9	‘господин’ (мотив.)	-	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	+
10	‘страна’ — ‘государство/ страна’	+	+	+	-	+	-	-	+	-	+	-	+
11	‘государь’ (мотив.)	-	-	-	-	-	+	-	+	-	+	+	-
12	‘единовластный’	-	-	-	-	-	+	-	+	-	+	+	-
13	‘Иван Грозный (с 1547 г.)’ (мотив.)	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
14	‘император’ (мотив.)	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
15	‘лицо’	-	-	-	-	+	+	-	+	+	-	-	-
16	‘любимый’	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-
17	‘матерая, зрелая и засидевшаяся красавица’	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	+
18	‘монарх’ (мотив.)	-	+	+	+	+	+	-	+	+	-	+	+
19	‘монархическая семья’	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-
20	‘мужчина’	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-
21	‘орел’	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	+
22	‘отец/ батюшка’	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-
23	‘Петр I’	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
24	‘первый/ лучший’	-	-	-	-	-	+	-	+	-	-	+	-
25	‘птицы/ звери/ растения/ камни’	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-
26	‘подчиняет’ — ‘повелитель’ (мотив.)	-	-	-	-	+	-	-	-	+	-	-	-
27	‘правитель’	-	-	-	+	-	-	-	+	-	+	-	-
28	‘растение: Petasites offic. / Aconitum Lycoctonum’ ¹	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+
29	‘птичий/ звериный/ водяной государь’ — ‘сказочное создание (змейка)’	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-
30	‘превосходство/ исключительность’ — ‘славнейший/ отличнейший между своими/ имеющий превосходство над другими’	-	+	+	+	+	+	-	+	+	+	-	+
31	‘официальный титул’ — ‘титул’ (мотив.)	+	+	+	+	+	+	-	+	+	+	+	-
32	‘ум’	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	+	+
33	‘управлять’	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-
34	‘хозяин/ распорядитель’	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-
35	‘царь небесный (о боге)’ — ‘царь небесный (о Иисусе Христе)’ (мотив.)	-	+	-	+	-	-	-	-	-	+	+	-
36	‘человек’	-	-	-	+	-	-	-	-	-	+	-	-
37	‘Юлий Цезарь’ (мотив.)	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-

та *царь* сохранила свою актуальность до нового времени. Среди таких признаков: ‘господин’, ‘государь’, ‘Иван Грозный (с 1547 г.)’, ‘император’, ‘монарх’, ‘Юлий Цезарь’ (мотив.).

Используя данные Национального корпуса русского языка, проверим актуальность понятийных признаков, не обнаруженных в проанализированных словарях современного периода:

1. мотивирующий признак ‘защищать/ охранять’¹;
2. понятийный признак XVIII—XIX вв. ‘кайзер’²;
3. понятийный признак XVIII—XIX вв. ‘ководка/зачинщица всему в девицах’³;
4. мотивирующий и понятийный признак XVIII—XIX вв. ‘король’⁴;
5. понятийный признак XVIII—XIX вв. ‘область’⁵;
6. понятийный признак XVIII—XIX вв. ‘мороз/ стужа’⁶;
7. мотивирующий признак ‘пасти’⁷;
8. мотивирующий признак ‘питать’⁸;

¹ ...*Царей* как раз душили те, кто должен был их охранять. Блог 2008. Освобождение от условностей; Он-то, *царь*, лес охранять умел... С. Залыгин. Комиссия. 1976.

² И не во имя красиво-жертвенных слов о «благородной миссии», которые будут расточать немецкий *кайзер*, австрийский император, английский король, французский президент и русский *царь*. Д. С. Данин. Нильс Бор. 1969–1975.

³ Сказка Державина начинается: «*Царь* жила-была *девица*, Шепчет русска старина...» — отсюда весь тмесисный стиль цветаевской «*Царь-девицы*». М. Л. Гаспаров. Записи и выписки. 2001.

⁴ Представим на минуту, что Владислав стал русским *царем*, а затем по праву наследования — и *королем* Речи Посполитой. Ю. Магаршак. Филарет. 2006.

⁵ *Царь* взял себе из *областей*, которые не покорились мирно, 300 000 пленных... А. Савинов. Чужие в нашем городе. 2012.

⁶ Будут стоять его чугунные памятники *царей* и полководцев, возвышаться Исаакий, в *морозы* белый от инея, и в туманы черный, окутанный темною сыростью. М. Криницкий. Свобода. 1917; ср.: Весел и доволен *царь Мороз*. Т. Поташинская. Краткое содержание оперы «Снегурочка». 1964.

⁷ Обращение «отец», принятое для священства, устанавливало «новое значение *царя* как духовного отца своей *паствы*». О. Кошелева. Пигмалион, отец отечества. 2011.

⁸ ...Аркадский *царь* не может питать симпатий к тому, кто погубил его дочь. Л. Юзефович. Дом свиданий. 2001.

9. понятийный признак XVIII—XIX вв. ‘пышно/ роскошно’⁹;

10. понятийный признак XVIII—XIX вв. ‘самодержец’¹⁰;

11. понятийный признак XVIII—XIX вв. ‘сильный/могучий’¹¹;

12. понятийный признак XVIII—XIX вв. ‘старший’¹²;

13. мотивирующий признак ‘султан’¹³;

14. мотивирующий признак ‘Татарский хан’¹⁴;

15. мотивирующий признак ‘царский престол (о ханской власти)’¹⁵.

Как показал анализ языкового материала, все мотивирующие признаки и понятийные признаки XVIII—XIX вв., не обнаруженные в словарях современного периода, сохраняют свою актуальность в XX—XXI вв., а, следовательно, входят в структуру концепта *царь*.

Заключение

Исследование толковых словарей русского языка XX—XXI вв. привело к определению 37 понятийных признаков концепта *царь*. Изучение языкового материала из Национального корпуса русского языка подтвердило актуальность «пропущенных» в словарях еще 15 понятийных признаков, сформировавшихся в структуре концепта *царь* в предшествующие периоды. Таким образом, в период XX—XXI вв. у концепта *царь* отмечается 52 понятийных признака. В диахронии русского языка происходит постепенное расширение когнитивных признаков (от 18 мотивирующих до 52 понятийных признаков).

⁹ Мужичкий *царь* со свитой, с частью войска *пышно* приближался к городку. В. Я. Шишков. Емельян Пугачев. 1934–1945.

¹⁰ ...*Царь-самодержец* заваливает на плаху сторонника парламентской республики... А. Проханов. Как Ходорковскому пролезть сквозь игольное ушко. 2003.

¹¹ Жил в Сибири своенравный *могучий царь* Енисей. Из писем читателей // Наука и жизнь, 2008.

¹² ...Менелай обратился за советом к Агамемнону, своему *старшему* брату, ... первому по могуществу *царю* всей Эллады... Ф. Ф. Зелинский. Сказочная древность. 1921.

¹³ ...Гвидо, считавшийся побочным сыном турецкого *султана (царя Салтана)*. А. М. Городницкий. Тайны и мифы науки. 2014.

¹⁴ Они были приучены преклоняться перед *татарскими ханами, которых именовали царями*. А. Алексеев. Как строился «Третий Рим». 2009.

¹⁵ ...*На престоле «ложный царь»*. Э. Радзинский. Лжедмитрий. 1999.

Понятийные признаки концепта *царь* этого периода можно представить в виде тринадцати блоков: 1. Статус ('владыка', 'верховный правитель/владелец земли/народа/государства', 'господин', 'государь', 'император', 'кайзер', 'король', 'монарх', 'повелитель', 'правитель', 'самодержец', 'султан', 'Татарский хан', 'титул'); 2. Земное/небесное ('царь небесный (о боге)' — 'царь небесный (о Иисусе Христе)' (мотив.)); 3. Власть ('властвующий', 'единовластный', 'управлять'); 4. Особенный ('выдающийся', 'первый/лучший', 'сильный/могучий', 'славнейший/отличнейший между своими/ имеющий превосходство над другими', 'старший'); 5. Исторические персоналии ('Иван Грозный', 'Юлий Цезарь', 'Петр I'); 6. Девушка ('коноводка/зачинщица всему в девицах', 'матерая, зрелая и засидевшаяся красавица'); 7. Функции ('влияние', 'защищать/ охранять', 'питать', 'пасти'); 8. Царство природы ('орел', 'сказочное создание (змея)', 'растение: Petasites offic. / Aconitum Lysoctonum'; 'птицы/ звери/ растения/ камни'); 9. Место управления ('город/ место', 'царский престол' (о ханской власти)); 10. Владелец, собственник ('безраздельно обладает'); 11. Персона, человек ('лицо', 'любимый', 'монархическая семья', 'мужчина', 'отец/ батюшка', 'ум', 'человек'); 12. Климатические особенности ('мороз/ стужа'); 13. Способ жизни ('пышно/ роскошно'). Наблюдается увеличение почти втрое количества понятийных признаков концепта *царь* (18 мотивирующих против 52 понятийных).

Заметно качественное изменение состава понятийных признаков. Некоторые блоки увеличились за счет новых признаков: «Власть» (за счет появления нового признака 'единовластный'); «Царство природы» (появился признак 'птицы/звери/растения/камни').

Трансформируются в сторону расширения количества признаков блоки «Статус» (приходит новый признак 'владыка') и «Особенный» (появляются признаки 'выдающийся', 'первый/лучший'). Трансформацию претерпевает блок «Место управления» (возникает признак 'город/место').

Появляются такие два блока признаков, как «Владелец, собственник» ('безраздельно обладает') и «Персона, человек» ('лицо', 'любимый', 'монархическая семья', 'мужчина', 'отец/ батюшка', 'ум', 'человек').

Лингвокультурологические наблюдения за изменением структуры концепта *царь* показывают трансформацию соматического и пространственного кодов. Появляются новые признаки, которых не было в предыдущие периоды. Новые признаки относятся к таким категориям, как оценка, количественность, имущество, родство, насилие.

Особый интерес представляют признаки восточной культуры: 'султан', 'Татарский хан', 'царский престол (о ханской власти)', которые были обнаружены еще в этимологических словарях; они сохранили свою актуальность в XX—XXI вв. Первопризнак исследуемого концепта имеет исторический прообраз: 'Юлий Цезарь'. От этого признака развились следующие понятийные признаки: 'кайзер' и 'титул'.

Перспективами проведенного анализа могут быть исследования концептов правителей разных лингвокультур: немецкой, французской, английской, турецкой, индийской, японской, корейской, китайской и т. д. Отдельную группу концептов, требующих внимания концептологов, составляют те, которые символизируют власть царя: *корона, скипетр, держава, трон*. В современной научной литературе эти концепты не изучены.

Список источников

1. Большой российский энциклопедический словарь. 2000. URL: <https://slovar.cc/rus/tolk/2012.html>.
2. Большой современный толковый словарь русского языка. 2012. URL: <https://slovar.cc/rus/tolk/126370.html>.
3. Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка. 2005. URL: <https://gufo.me/search?term=царь>.
4. Дмитриев Д. В. Толковый словарь русского языка. М. : Аст, Астрель, 2003.
5. Колесов В. В. Концепт культуры: образ — понятие — символ // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. Серия 2, История, языкознание, литературоведение. 1992. Вып. 3. С. 30—40.
6. Колесов В. В. «Первосмысл» концепта // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2018. Т. 15, вып. 3. С. 438—452. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2018.309>
7. Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка. СПб. : Норинт, 2000. 1536 с.
8. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. URL: <http://endic.ru/ozhegov/Car-38584.html>.
9. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. 1949—1992. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/oghegova/46998>.

10. Пименова М. В. Концепт *сердце*: образ, понятие, символ. Кемерово: КемГУ, 2007. 500 с. (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 9).
11. Словарь современного русского литературного языка (БАС): в 17 т. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1954. Т. 17. (X—Я).
12. Словарь современного русского языка (МАС) : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. 3-е изд., стер. М. : Русский язык, 1988. Т. IV.
13. Популярный толково-энциклопедический словарь русского языка. URL: <https://slovar.cc/rus/tolk-enc/1463280.html>.
14. Толковый словарь русского языка. URL: <https://www.vedu.ru/expdic/38246>
15. Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка. 1935–1940. URL: <https://slovar.cc/rus/ushakov/466409.html>.

References

1. Bol'shoj rossijskij enciklopedicheskij slovar' = Big Russian Encyclopedic Dictionary. 2000. Available from: http://endic.ru/church_slav/Car-6898.html; <https://slovar.cc/rus/tolk/2012.html> (In Russ.).
2. Bol'shoj sovremennij tolkovyj slovar' russkogo yazyka = A large modern explanatory dictionary of the Russian language. 2012. Available from: <https://slovar.cc/rus/tolk/126370.html>. (In Russ.).
3. Efremova TF. Sovremennij tolkovyj slovar' russkogo yazyka = Modern explanatory dictionary of the Russian language. 2005. Available from: <https://gufo.me/search?term=king>. (In Russ.).
4. Dmitriev DV. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka = Explanatory dictionary of the Russian language. Moscow; 2003. (In Russ.).
5. Kolesov VV. Koncept kul'tury: obraz — ponyatie — simvol = The concept of culture: image — concept — symbol. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 2, Istoriya, yazykoznanie, literaturovedenie* = Bulletin of St. Petersburg University. Series 2, History, linguistics, literary criticism. 1992;3:30-40. (In Russ.)
6. Kolesov VV. «Pervosmysl» koncepta = “Primal meaning” of the concept. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Yazyk i literatura* = Bulletin of St. Petersburg University. Language and Literature. 2018;15(3): 438-452. (In Russ.). <https://doi.org/10.21638/spbu09.2018.309>
7. Kuznetsov SA. Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo yazyka = Great Dictionary of Russian language. Saint Petersburg; 2000. (In Russ.).
8. Ozhegov SI. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka = Explanatory dictionary of the Russian language. Available from: <http://endic.ru/ozhegov/Car-38584.html>. (In Russ.).
9. Ozhegov SI, Shvedova NYu. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka = Explanatory dictionary of the Russian language. 1949—1992. Available from: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/46998>. (In Russ.)
10. Pimenova MV. Koncept *serdce*: obraz, ponyatie, simvol [Concept *heart*: image, concept, symbol]. Кемерово; 2007. 500 p. (Series “Conceptual studies”. Iss. 9). (In Russ.)
11. Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka (BAS) [Dictionary of the modern Russian literary language (BAS)]. Moscow; Leningrad; 1954. Vol. 17. (In Russ.)
12. Slovar' sovremennogo russkogo yazyka (MAS) = Dictionary of the modern Russian language (MAS). Ed. AP Evgenieva. Moscow; 1988. Vol. IV. (In Russ.)
13. Populyarnyj tolkovo-enciklopedicheskij slovar' russkogo yazyka = Popular explanatory and encyclopedic dictionary of the Russian language. Available from: <https://slovar.cc/rus/tolk-enc/1463280.html>. (In Russ.)
14. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka = Explanatory dictionary of the Russian language. Available from: <https://www.vedu.ru/expdic/38246/>. (In Russ.)
15. Ushakov DN. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka = Explanatory dictionary of the Russian language. 1935—1940. Available from: <https://slovar.cc/rus/ushakov/466409.html>. (In Russ.)

Информация об авторе

Е. Е. Демидова — кандидат филологических наук, преподаватель кафедры лингвистики.

Information about the author

E. E. Demidova — Candidate of Philological Sciences, lecturer of the Department of Linguistics.

Статья поступила в редакцию 25.09.2021; одобрена после рецензирования 08.11.2021; принята к публикации 18.01.2022.

The article was submitted 25.09.2021; approved after reviewing 08.11.2021; accepted for publication 18.01.2022.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 81'27

doi: 10.47475/1994-2796-2022-10116

ФОРМИРОВАНИЕ ПОНЯТИЙНЫХ ПРИЗНАКОВ В СТРУКТУРЕ КОНЦЕПТА «НАСТАВНИК» В ПЕРИОД XX—XXI ВЕКОВ

Марина Геннадьевна Юрченко

Кыргызско-Российский Славянский университет, Бишкек, Киргизия, m4rinaiurchenko@yandex.ru

Аннотация. Рассматривается концепт наставник с целью выявления и описания его понятийных признаков в период XX—XXI веков. Опыт первого обращения к изучению понятийных признаков концепта «наставник» составляет научную новизну работы. Анализ языкового материала показал, что не все понятийные признаки концепта «наставник» указаны в толковых словарях современного русского языка. А именно: 'навык', 'научный руководитель', 'тьютор', 'умение' и 'шеф'.

Ключевые слова: ментальное образование, концепт наставник, макроконцепт, понятийный признак концепта, лингвокультурология

Для цитирования: Юрченко М. Г. Формирование понятийных признаков в структуре концепта «наставник» в период XX—XXI веков // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 1 (459). Филологические науки. Вып. 127. С. 137—144. doi: 10.47475/1994-2796-2022-10116.

Original article

ON THE FORMATION OF CONCEPTUAL FEATURES IN THE STRUCTURE OF THE MENTOR CONCEPT IN THE 20—21 CENTURIES

Marina G. Yurchenko

B. N. Yeltsin Kyrgyz-Russian Slavic university Bishkek, Kyrgyz Republic, m4rinaiurchenko@yandex.ru

Abstract. The article analyzes the *mentor* concept in order to identify and describe its conceptual features in the period of the 20—21 centuries. The scientific novelty of the conducted research lies in the first appeal to the study of the basic conceptual features of the mentor concept. The analysis proves that not all the conceptual features of the *mentor* concept are indicated in the explanatory dictionaries of the modern Russian language. Namely: 'skill', 'scientific advisor', 'tutor', 'skill' and 'chief'.

Keywords: mental formation, *mentor* concept, macro concept, concept conceptual sign, cultural linguistics

For citation: Yurchenko MG. On the formation of conceptual features in the structure of the MENTOR concept in the 20—21 centuries. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2022;1(459), Philological Sciences, 127:137-144. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2022-10116.

Введение. Концептуальный и метаязыковой аппарат лингвокультурологии XX века ознаменовался введением термина *картина мира*. Основой языковой картины мира выступает концептуальная система и являет собой «весь объем моделей осмысления и описания мира и его фрагментов» [7. С. 12]. Исследователь концептов, М. В. Пименова, характеризуя концеп-

туальную картину мира указывает на то, что она «представляет собой полную базу знаний о мире (донаучных и научных), накопленных за всю историю существования народа, говорящего на языке <...>. Концептуальная картина мира не совпадает с языковой» [2. С.73]. Рассмотрим два ведущих подхода к изучению концептов в современной лингвистической литературе: лингво-

когнитивный (Н. Д. Арутюнова, В. Н. Телия, Г. Г. Слышкин, И. А. Стернин и др.) и лингвокультурологический (Д. С. Лихачев, В. И. Карасик, В. Н. Нерознак, Ю. С. Степанов и др.). Сторонники первого подхода относят к концептам «любые языковые единицы, в значении которых просматривается способ семантического представления» [9]. Приверженцы второго подхода «к числу концептов относят семантические образования, отмеченные лингвокультурной спецификой, отражающие менталитет языковой личности данной этнокультуры» [9]. Говоря об отличиях между этими двумя подходами. С. Г. Воркачев отмечает, что «По существу отличия эти, говоря юридическим языком, ничтожны, поскольку отделить культуру от формы её языкового представления невозможно» [1. С. 6]. Концепты, как отмечает М. В. Пименова «отличаются от лексического значения тем, что сохраняют свою структуру, не теряют включенные в эту структуру признаки на всем протяжении истории народа» [4. С. 10]. В. Н. Телия утверждает, что «концепт — это то, что мы знаем об объекте во всей его экстенсии» [7. С. 8].

Целью представляемой работы является анализ понятийной характеристики концепта наставник в XX—XXI веке. Актуальность заключается в том, что концепт *наставник* не являлся до настоящего времени предметом каких-либо лингвистических исследований.

Основными методами исследования выступили: описательный, сравнительно-сопоставительный и интерпретативный метод обработки данных. Материалом исследования послужили толковые словари русского языка и информационно-справочная система — Национальный корпус русского языка (www.ruscorpora.ru).

Основная часть. Для исследования понятийных признаков данного этапа было проанализировано восемь толковых словарей русского языка.

Словарь С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой определяет слово *наставник* так: «учитель, воспитатель, руководитель» [13]. Д. Н. Ушаков дает похожее толкование: «(книж. устар.). Учитель, руководитель. Классный наставник (дорев.) — преподаватель в среднем учебном заведении, выполнявший работу классного воспитателя» [16].

В словаре Д. Н. Дмитриева приведено две словарные статьи: «наставить» («научить») и «наставлять» («учить»), уточняя во второй статье: «когда вы наставляете кого-либо, вы поучаете его, как следует поступать» [10. С. 645]. С. А. Кузнецов определяет слово *наставник* так: «воспитатель, учитель; мастер-наставник» [12. С. 601]. В «Энциклопедическом словаре» приводится та-

кое же определение к слову наставник [17]. В словаре Т. Ф. Ефремовой, к слову, *наставник* дается такое определение: «Руководитель, учитель» [11].

«Словарь современного русского литературного языка» к слову *наставник* приводит трактовку: «руководитель, учитель» [14. С.525]. В «Словаре русского языка» к этому слову предлагается более развернутое истолкование: «Руководитель, учитель. Очень опытный, знающий рабочий или колхозник и т. п., содействующий овладению профессиональными знаниями молодого рабочего или колхозника и т. п., а также росту его общественной активности» [15. С. 399]. Сведем данные в таблицу.

Толковые словари русского языка XX—XXI веков позволили определить тринадцать понятийных признаков в структуре концепта *наставник*. Обратимся к Национальному корпусу русского языка с целью определения этих актуальности понятийных признаков.

Первая группа понятийных признаков концепта *наставник* периода XX—XXI веков перешла из разряда мотивирующих — первичных признаков. Среди них признаки:

1. ‘воспитатель’ (признак трансформировался из понятийного признака ‘воспитывать/ воспитание’); (<...> она-то и стала моим главным **наставником, учителем и воспитателем**. Б. Васильев. Оглянись на середине);

2. ‘знаток закона’ (мотивирующий, сохранившийся и ставший понятийным в период XVIII—XIX веков). В период XX—XXI веков этот признак трансформировался в ‘знающий’ (*А настоящие правила знали только настоящие, а не случайно в Академию залетевшие наставники*. Б. Евсеев. Евстигней // «Октябрь», 2010).

3. ‘наставление/ наставлять’ (мотивирующий ‘наставлять’, сохранившийся и ставший понятийным в период XVIII—XIX веков). В период XX—XXI веков этот признак трансформировался в ‘наставление/ наставлять’ (*Я приеду к вам с наставниками Пижуриным и Маневичем, они вас будут наставлять*. П. Н. Краснов. Ложь). Этот признак является неизменным со времени образования концепта *наставник* (*Андрею Николаевичу Муравьеву, ученику Боратынского въ поэзии: не «наставнику и пророку» Пушкину указывает Боратынский съ укоризной на лавровый вѣнокъ и даетъ ему наставленія, а «наставникъ и пророкъ» Боратынский даетъ наставленія юному, начинающему поэту, своему ученику — А. Н. Муравьеву*. Гофманъ М. Л. Клевета на Боратынского // «Благонамѣренный» № 1, 1926).

4. ‘научить/ научать’ (мотивирующий и сохранившийся неизменным до нашего времени) (*Липкин старается поминать наставника*

**Понятийные признаки концепта
наставник, репрезентированные словами наставник/наставлять/наставить**

Признаки	Ушаков Д. Н. ТСРЯ	Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. ТСРЯ	Дмитриев Д. В. ТСРЯ	Кузнецов С. А. БТСРЯ	Ефремова Т. Ф. СТСРЯ	Словарь современного русского литературного языка	Энциклопедический словарь	СРЯ
‘вероучение’ ¹	-	-	-	-	-	-	-	-
‘вожатый’ (мотивир.)	-	-	-	-	-	-	-	-
‘вести/ приводить’ — ‘вождь’ (мотивир.)	-	-	-	-	-	-	-	-
‘возводить’ (мотивир.)	-	-	-	-	-	-	-	-
‘воспитатель’ ² — ‘воспитывать/ воспитание’ ¹	+	+	-	+	-	-	+	-
‘выпрямлять’ (мотивир.)	-	-	-	-	-	-	-	-
‘господствовать’ (мотивир.)	-	-	-	-	-	-	-	-
‘должность/ занятие’ ¹	-	-	-	-	-	-	-	-
‘занятия/ уроки/ лекции/ беседы’ ¹	-	-	-	-	-	-	-	-
‘заставить’ (мотивир.)	-	-	-	-	-	-	-	-
‘защитник’ ¹	-	-	-	-	-	-	-	-
‘знания’ ²	-	-	-	-	-	-	-	+
‘знаток закона’ (мотивир.) ¹ — ‘знающий’ ²	-	-	-	-	-	-	-	+
‘игумен’ (мотивир.)	-	-	-	-	-	-	-	-
‘инструкция’ ¹	-	-	-	-	-	-	-	-
‘мастер’ ²	-	-	-	+	-	-	+	-
‘навести/ направить’ (мотивир.)	-	-	-	-	-	-	-	-
‘надсмотрщик’ (мотивир.)	-	-	-	-	-	-	-	-
‘назидать’ ¹	-	-	-	-	-	-	-	-
‘назначить’ (мотивир.)	-	-	-	-	-	-	-	-
‘наказ’ ¹	-	-	-	-	-	-	-	-
‘налагать (пошлины, повинности и т. п.)’ (мотивир.)	-	-	-	-	-	-	-	-
‘наставление’ — ‘наставлять’ (мотивир.) ¹	-	-	+	-	-	-	-	-
‘настораживать’ ¹	-	-	-	-	-	-	-	-
‘настоятель (монастыря)’	-	-	-	-	-	-	-	-
‘научить/ научать’ (мотивир.) ¹	-	-	+	-	-	-	-	-
‘начальник’ (мотивир.)	-	-	-	-	-	-	-	-
‘нравоучение’ ¹	-	-	-	-	-	-	-	-
‘образование’ ¹	-	-	-	-	-	-	-	-
‘опытный’ ²	-	-	-	-	-	-	-	+
‘основатель (монастыря — св. Савва)’ (мотивир.)	-	-	-	-	-	-	-	-
‘оттачивать’ (о режущем инструменте) (мотивир.)	-	-	-	-	-	-	-	-
‘повелитель’ (мотивир.)	-	-	-	-	-	-	-	-
‘обучать/ обучение’ ¹	-	-	-	-	-	-	-	-
‘поучать (как следует поступать)’ ^{1, 2}	-	-	+	-	-	-	-	-
‘(поучительный) совет’ ¹	-	-	-	-	-	-	-	-
‘предводитель’ (мотивир.) ¹	-	-	-	-	-	-	-	-
‘предписание’ ¹	-	-	-	-	-	-	-	-
‘преподаватель’ ²	+	-	-	-	-	-	-	-
‘проводник’ (мотивир.)	-	-	-	-	-	-	-	-
‘рабочий/ колхозник’ ²	-	-	-	-	-	-	-	+
‘распоряжение’ ¹	-	-	-	-	-	-	-	-
‘рекомендация’ ¹	-	-	-	-	-	-	-	-
‘рост общественной активности’ ²	-	-	-	-	-	-	-	+
‘руководство/ руководствовать/ руководить’ ¹ — ‘руководитель’ (мотивир.) ²	+	+	-	-	+	+	-	+

Окончание табл.

Признаки	Ушаков Д. Н. ТСРЯ	Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. ТСРЯ	Дмитриев Д. В. ТСРЯ	Кузнецов С. А. БТСРЯ	Ефремова Т. Ф. СТСРЯ	Словарь современного русского литературного языка	Энциклопедический словарь	СРЯ
‘старшая монахиня’ (мотивир.)	-	-	-	-	-	-	-	-
‘сооружать’ (мотивир.)	-	-	-	-	-	-	-	-
‘ставить’ (мотивир.)	-	-	-	-	-	-	-	-
‘стать’ (мотивир.)	-	-	-	-	-	-	-	-
‘указывать путь или средство к достижению’ ¹ — ‘(давать) указания’ (мотивир.)	-	-	-	-	-	-	-	-
‘путеводитель’ ¹ — ‘указывающий путь’ (мотивир.)	-	-	-	-	-	-	-	-
‘учение’ ¹	-	-	-	-	-	+	-	+
‘учить’ ¹ — ‘учитель’ (мотивир.) ²	+	+	+	+	+	+	+	+

преимущественно хорошим: «Он **научил** меня понимать прекрасное и распознавать уродливое». С. Б. Рассадин. Книга прощаний). Научение, обучение, вовлечение в науку — основная функция наставника (Назначил тебя мой покойный отец моим главным советчиком и наставником; научи меня, как мне лучше царством управлять. С. Т. Семенов. Верный Иван).

5. ‘руководитель’ (мотивирующий, трансформировался в период XVIII — XIX веков в ‘руководство/ руководствоваться/ руководить’). Вернулся в исходной форме в качестве понятийного признака в XX—XXI веках: ‘руководитель’ (Это миры, связанные с духами-наставниками, руководителями <...>. Е. Коваленко. Шаманы спасают планету). Руководствуют наставники как в образовании (Хочется вспомнить словами благодарности своего учителя, **наставника, руководителя, женщину** <...>. К 90-летию со дня рождения А. Т. Корниловой // «Вопросы статистики», 2004.06.24), так и на духовном поприще (Это миры, связанные с духами-наставниками, **руководителями, духами — помощниками в духовном, нравственном направлении**. Е. Коваленко. Шаманы спасают планету // «Пятое измерение», 2003).

6. ‘учитель’ (мотивирующий, трансформировался в период XVIII—XIX веков в ‘учить’). Вернулся в исходной форме в качестве понятийного признака в XX—XXI веках: ‘учитель’ (Для воспитанника-ученика, с которым ведет диалог **наставник-учитель**, такое деление кажется странным, оно его «весьма беспокоит» (С. С. Неретина, А. П. Огурцов.).

Вторая группа понятийных признаков концепта **наставник** — структурные инновации, появившиеся в период XX—XXI веков. К ним относятся следующие признаки:

1. ‘знания’ (Многие машинисты <...> с благодарностью вспоминают своих преподавателей-наставников, **передавших им свои знания** и опыт.. Пусть им светит зеленый! // «Локомотив», 2001.07.26). Этот понятийный признак фиксируется в текстах XIX века (Тутъ я нашель тѣ же старанія **наставника** обогатить практическимъ **знаніемъ** своего питомца и тѣ же, вмѣстѣ съ тѣмъ, сердечныя заботы о страждущемъ **человѣкѣ**. И. Муромцевъ. Больница для приходящихъ въ Москвѣ // «Москвитянинъ», 1850), но не указывается в словарях того периода (Множество наставников, ревнующих каждый о своем предмете, могут начинить дитя всякими знаниями и умениями, но умственные глаза его останутся нераскрытыми. К. Д. Ушинский. Родное слово).

2. ‘мастер’ (Способом формирования практического знания являлось ученичество у опытного **наставника, мастера, умельца**. Учебник по обществознанию. Профильный уровень. 10 класс (2007). В спорте этот признак реализует значение звания (Экс-**наставники** киевского «Арсенала», заслуженные **мастера спорта СССР** <...>. П. Арабенов. Информпробежка // «Вечерняя Москва», 2002.07.18). Этот признак появился в XIX веке. Вероятнее всего, источником его появления были масонские ложи (И потому Пьер писал восторженные письма своему **наставнику-брату**, как он называл вели-

кого **мастера**. Л. Н. Толстой. Война и мир. Том второй. 1867—1869).

3. ‘опытный’ (Ведь у тебя вроде все было хорошо. И наставник вроде опытный... *Никто не жаловался. — И я не жалуясь*. В. Новиков. До первого снега). Именно опыт позволяет наставнику делиться им со своими учениками (*А сама привычно занималась учебными поединками с наставником — опытным дружинником*. Б. Васильев. Вещий Олег. 1996).

4. ‘поучать (как следует поступать)’ Поучение — одна из важных функций наставника (*Они увидят фигуру юноши студента, склонившегося в задумчивости над своей книгой; фигуру ученого, производящего свои опыты; фигуру мудрого наставника, поучающего своих учеников...* Н. Ф. Федоровский. Гомеопатия и государство // Доклад общему собранию членов С.-Петербургского Общества самопомощи в болезнях 13 мая 1901 г.). Этот понятийный признак отмечен в текстах XIX века (*Самое красноречивое поучение не подействует, если сам наставник не будет служить примером превосходства проповедуемых им правил*. А. О. Корнилович. Записки из Алексеевского равелина. 1828—1832). На него указывает «Словарь русского языка XVIII века».

5. ‘преподаватель’ (Из наших наставников я сблизился лишь с Иваном Ивановичем Козловым, преподавателем точных наук. М. Шишкин. Всех ожидает одна ночь). Преподавание — одна из основных функций наставника (*Из наших наставников я сблизился лишь с Иваном Ивановичем Козловым, преподавателем точных наук*. М. Шишкин. Всех ожидает одна ночь. 1993—2003). Этот признак реализуется в текстах XIX века, однако в словарях того периода не фиксируется (*Я расскажу русскому обществу про судьбу сирот моего наставника, преподавателя и друга <...>*. А. В. Жиркевич. Сонное царство великих начинаний).

6. ‘рабочий/ колхозник’. Это признак связан с особенностями обучения молодого поколения, трудящихся на фабриках, заводах и полях в колхозах и совхозах (*Все это результат поистине творческой работы наших педагогов — учителей школы, наставников молодежи в колхозах и совхозах*. С. Плеханов. Воспитывать хозяина земли // «Человек и закон», 1978).

7. ‘рост общественной активности’ (*Секретарь первичной партийной организации, депутат районного Совета, наставник молодежи — вот круг партийных и общественных обязанностей Веры Степановны, и выполнение каждой из них требует немало душевных сил, времени*. С. Владимова. Лауреат // «Человек и закон», 1978). Этот признак

объективирует составляющую советской идеологической системы, когда каждый педагог должен был передавать не только знания по своему предмету, но и воспитывать активность у своих воспитанников в общественных делах. Это понятийный признак обнаруживается в текстах XIX века, однако в словарях этого периода не упоминается (*Он стал наставником и учителем общественного строительства*). Е. А. Соловьев-Андреевич. Д. Писарев. Его жизнь и литературная деятельность. 1893).

Как видно из перечня, количество новых понятийных признаков больше тех, что сохранили свою актуальность с этапа формирования мотивирующих признаков (7 признаков новых против 5 признаков, сохранившихся в концептуальной структуре с этапа мотивирующих).

Обратимся к языковому материалу с целью выяснения вопроса об актуальности остальных понятийных признаков в современный период, сформировавшихся в период предшествующего этапа — в XVIII и XIX веках:

1. ‘вести/ приводить’ (восходит к мотивирующему ‘вождь’) (*Всякий духовный наставник должен приводить души к Нему (Христу), а не к себе...* А. И. Осипов. Ищущему спасения. Советы и предостережения // Церковь и время, 2005);

2. ‘вероучение’ (Ну, вот... И мы постановили задержать вашего наставника, чтобы лично допросить его о его вероучении... И. Ф. Наживин. Евангелие от Фомы);

3. ‘должность/занятие’ (*Желанным наставником был здесь известный кадровый казачий генерал-лейтенант <...>, сохранивший эту должность до своей смерти в Париже*. А. Г. Колмогоров. Мне доставшееся: Семейные хроники Надежды Лухмановой);

4. ‘занятия/уроки/лекции/беседы’ (*Теоретические занятия проводятся с наставником либо самостоятельно, с привлечением специальной литературы*. М. и С. Дяченко. Магам можно все. 2001; *Дальше он возвращается в ресурсный класс, садится за свой столик с наставником — и урок продолжается*. О. Тимофеева. Выход № 1465 // «Русский репортер», 2015; *Наставники Семинарии: Сенума обещал лекцию по Нравственному Богословию, Пантелеймон Сато — по Церковной Истории...* архиепископ Николай Японский (Касаткин). Дневники святого Николая Японского. 1902; *Артур привык доверять Ивану Петровичу, видя в нём наставника, и изредка вёл с ним душевные беседы, поверяя старому знакомому свои горести*. К. Шаинян. Рыбка. 2007);

5. ‘защитник’ (*Тем не менее она нуждалась в защитнике и духовном наставнике*. А. Павлова.

Фантом графини // «Новгородские ведомости», 2013.04.12);

6. ‘знаток (закона)’ (*Это вовсе не значит, что промыслу не нужны квалифицированные советчики и наставники в лице искусствоведов, оценщиков, подлинных знатоков.* Ю. Д. Черниченко. Помощник — промысел. 1966);

7. ‘инструкция’ (*Он закрыл глаза и стал вспоминать инструкции Наставника.* М. Милованов. Естественный отбор. 2000; *Они же — первые наставники новобранцев, инструктора. Братство краповых беретов // «Солдат удачи», 2004.04.07);*

8. ‘назидать/назидание’ (*Если древнерусское образование осуществлялось через проповедь, <...> личный пример и назидание наставника, то есть образование шло по пути убеждения и воспитания человека.* А. И. Осипов. Русское духовное образование // Журнал Московской Патриархии, 1998). Этот признак актуален для религиозных текстов (*Спасский становился другом, наставником тех, с кем духовно общался, посещал своих духовных детей, назидал и утешал.* Т. Манухина (литературная запись), митрополит Евлогий (Георгиевский). Путь моей жизни);

9. ‘наказ’ (...*Зря ли, Наставник, объясняя, наказывал, им быть друг, с дружкой особенно бережными...* М. Семенова. Волкодав: Знамение пути. 2003);

10. ‘настораживать’ (*Главный наставник космонавтов Каманин, опираясь на авторитет тех же медиков, проявлял осторожность и предлагал не более трех витков.* Б. Е. Черток. Ракеты и люди);

11. ‘научить/научать’ (*С таким наставником он многому научится, как же, дожидайся.* А. Маринина. Черный список. 1995);

12. ‘нравоучение’ (*Воспитанный, в греко-римском, духе, руководимый достойными наставниками, Александр свою политическую деятельность начал с исправления нравов<...>.* Т. Козлова. Кто был первым императором-христианином? // «Наука и религия», 2007);

13. ‘образование’ (*Вслед за великими церковными наставниками отец Неофит говорил о неотделимости образования от воспитания.* А. Гумеров, Д. Поздняев, М. Исаев. Патерик новоканонизированных святых // «Альфа и Омега», 2001; *Наши наставники педагогического образования не имели: в основном это были машинисты, ушедшие с работы по состоянию здоровья или по возрасту.* С. Мухин. Психи подземелья // «Столица», 1997.02.17);

14. ‘обучать/обучение’ (*Геракл убивает своего наставника мудреца Лина, который обучал бугая игре на кифаре.* Божественная уголовщи-

на // «Криминальная хроника», 2003.07.24). Этот признак реализуется в описаниях не только человеческого сообщества, но и сообщества умных животных (<...> *в Индии закупили четырех хорошо обученных слонов, которые могли бы стать наставниками для местных.* [С. Сахарнов. Про слонов и змей // «Наука и жизнь», 2006);

15. ‘поучать’ (<...> *вступить в общение с таким наставником народа не ради поучения, а ради удовлетворения своего любопытства.* Н. О. Лосский. Воспоминания: жизнь и философский путь. 1968);

16. ‘(поучительный) совет’ (*Светочка <...> очень тепло относилась к своему наставнику, часто просила у него совета и всячески демонстрировала уважение и преданность.* А. Маринина. Ангелы на льду не выживают);

17. ‘предводитель’ (<...> *по сей день в качестве наставника водит командиров атомыходов «под лёд».* В. Овчинников. Настоящий экипаж // «Родина», 2011);

18. ‘предписание’ (*Наставники шептуна давно предписали...* Н. К. Рерих. Листы дневника. 1943);

19. ‘распоряжение’ (*Вовлеченный член семьи подчиняется распоряжениям своего духовного наставника.* И. П. Пронин. «Вопросы психологии», 2004.08.10);

20. ‘рекомендация’ (*Петькин «наставник», Саша, попал к нам в дом по рекомендации кого-то из знакомых.* В. Белоусова. Второй выстрел. 2000).

21. ‘учение’ (*Наставник, которому за недолгое время учения он привык доверять <...>.* М. Семенова. Волкодав: Знамение пути).

Заключение. Как видим, все понятийные признаки, вошедшие в структуру концепта *наставник* в период XVIII—XIX веков, сохранили свою актуальность в наше время.

В толковых словарях XX—XXI веков в результате анализа словарных статей было определено 13 понятийных признаков концепта *наставник*, которые можно сгруппировать в три блока: 1. Понятийные признаки, сохранившиеся в структуре изучаемого концепта с момента его возникновения — этапа формирования мотивирующих признаков (‘знаток закона’ (мотивир.)¹ — ‘знающий’²; ‘наставление’ — ‘наставлять’ (мотивир.)^{1,2}; ‘научить/научать’ (мотивир.)^{1,2}; ‘руководитель²/руководство/руководствовать/руководить’¹ — ‘руководитель’ (мотивир.); ‘учить’¹ — ‘учитель’ (мотивир.)²). 2. Понятийные признаки, сформировавшиеся в предшествующий период: ‘учение’^{1,2}. 3. Новые понятийные признаки, появившиеся в структуре исследуемого концепта в период XX—XXI веков (‘воспитатель’,

‘знания’, ‘мастер’, ‘опытный’, ‘поучать (как следует поступать)’, ‘преподаватель’, ‘рабочий/колхозник’, ‘рост общественной активности’).

Языковой материал показывает, что не все понятийные признаки концепта *наставник* указаны в толковых словарях современного русского языка. Перечислим понятийные признаки концепта *наставник*, не учтенные в толковых словарях:

— ‘навык’ (*Талант учителей-наставников, целенаправленно обучающих ребенка, передающих ему знания и навыки*. Т. Г. Стефаненко. Этнопсихология. 1999);

— ‘научный руководитель’ (*Борис Викторович Раушенбах, <...> мой любимый и глубокоуважаемый учитель, наставник и научный руководитель*. В. Заико, Н. Николаева. В. Заико: из космоса — в физику живых систем! // «За науку», 2013);

— ‘тьютор’ (*Тьютор (в переводе с английского tutor) означает <...> наставник, опекун*). О. В. Борисова. Эффективные технологии про-

изводственного обучения // 2013); *Карьерный тьютор (от англ. tutor — учитель, наставник) в нашем понимании — не просто квалифицированный преподаватель, <...> а заинтересованный в их развитии специалист-наставник*. Карьерный тьюторинг — психологическое сопровождение карьеры // «Управление персоналом», 2004.11.15);

— ‘умение’ (*Мне кажется, что в Саше есть талант наставника, есть умение рискнуть*. В. Мелик-Карамов, Т. Тарасова. Красавица и чудовище. 1984—2001). Этот признак обнаруживается в текстах XIX века, однако не фиксируется ни одним словарем (*Множество наставников <...> могут начинить дитя всякими знаниями и умениями...* К. Д. Ушинский. Родное слово. Книга для учащихся. 1864);

— ‘шеф’ (*Из года в год десятилетиями неотступно пиявил он Зубра — своего учителя, наставника, шефа*. Д. Гранин. Зубр (1987).

Список литературы

1. Воркачёв С. Г. «Куда ж нам плыть?» — лингвокультурная концептология: современное состояние, проблемы, вектор развития // Язык, коммуникация и социальная среда. 2010. № 8. С. 5—27.
2. Когнитивная лингвистика и концептуальные исследования : сб. науч. ст. Вып. 17 / отв. ред. М. В. Пименова. Кемерово, 2012. 604 с.
3. Логический анализ языка: культурные концепты / под ред. Н. Д. Арутюновой. М. : Наука, 1991. 203 с.
4. Пименова М. В. Душа и дух: особенности концептуализации. Кемерово : Графика, 2004. 386 с.
5. Путилина Л. В., Нестерова Т. Г. Подходы и методы исследования концепта богатство в отечественной лингвистике // Вестник ОГУ. 2014. № 2 (172). С. 111—116.
6. Словарь русского языка : в 4 т. Т. 2 / под ред. А. П. Евгеньевой. М. : Русский язык. 1986. 795 с.
7. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М. Школа «Языки русской культуры», 1996. 286 с.
8. Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка : в 4 т. М. : Сов. Энцикл. : Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1935—1940. URL: <https://glosum.ru/Значение-слова-Наставник> (дата обращения: 15.09.2021).
9. Энциклопедический словарь. 2009. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/es/115862/наставник> (дата обращения: 15.09.2021).

Лексикографические источники

10. Дмитриев Д. В. Толковый словарь русского языка. М. : Астрель : АСТ, 2003. 1578 с.
11. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. Т. 2. М. : Русский язык, 2000. 1084 с. URL: <https://glosum.ru/Значение-слова-Наставник> (дата обращения: 15.09.2021).
12. Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка. СПб. : Норинт, 2000. 1536 с.
13. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. М. : А ТЕМП, 2006. 944 с. URL: <https://glosum.ru/Значение-слова-Наставник> (дата обращения: 15.09.2021).
14. Словарь современного русского литературного языка. Т. 7. Н / АН СССР, Ин-т русского языка. М. ; Л. : АН СССР, 1958. 1468 с.
15. Словарь русского языка : в 4 т. Т. 2 / под ред. А. П. Евгеньевой. М. : Русский язык. 1986. 795 с.
16. Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка : в 4 т. М. : Сов. Энцикл. : Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1935—1940. URL: <https://glosum.ru/Значение-слова-Наставник> (дата обращения: 15.09.2021).
17. Энциклопедический словарь. 2009. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/es/115862/наставник> (дата обращения: 15.09.2021).

References

1. Vorkachev SG. “Where can we go?” — linguocultural conceptology: current state, problems, vector of development. *Iazyk, kommunikatsiia i sotsial'naia sreda*. 2010;8:5—27. (In Russ.).
2. Cognitive linguistics and conceptual research. Iss. 17. Kemerovo; 2012. (In Russ.).
3. Logical analysis of language: cultural concepts . Moscow: Nauka; 1991. (In Russ.).
4. Pimenova MV. Soul and spirit: features of conceptualization. Kemerovo: Grafika; 2004. (In Russ.).
5. Putilina LV., Nesterova TG. Approaches and methods of researching the concept of wealth in domestic linguistics. *Vestnik OGU*. 2014;2(172):111—116. (In Russ.).
6. Dictionary of the Russian language: in 4 volumes. Vol. 2. Moscow: Russkii iazyk; 1986. (In Russ.).
7. Teliia VN. Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguoculturological aspects. Moscow: Iazyki russkoi kul'tury; 1996. (In Russ.).
8. Ushakov DN. Explanatory dictionary of the Russian language: in 4 volumes. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya; 1935—1940. Available from: <https://glosum.ru/Znachenie-slova-Nastavnik> [Accessed 15th September 2021]. (In Russ.).
9. Encyclopedic dictionary. 2009. Available from: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/es/115862/nastavnik> [Accessed 15th September 2021]. (In Russ.).
10. Dmitriev DV. Explanatory dictionary of the Russian language. Moscow: Astrel': AST; 2003. (In Russ.).
11. Efremova TF. New Dictionary of the Russian Language. Explanatory derivational. Vol. 2. Moscow: Russkii iazyk; 2000. Available from: <https://glosum.ru/Znachenie-slova-Nastavnik> [Accessed 15th September 2021]. (In Russ.).
12. Kuznetsov SA. Big explanatory dictionary of the Russian language. St. Petersburg: Norint; 2000. (In Russ.).
13. Ozhegov SI., Shvedova NYu. Explanatory dictionary of the Russian language: 80,000 words and phraseological expressions. Moscow: A TEMP; 2006. Available from: <https://glosum.ru/Znachenie-slova-Nastavnik> [Accessed 15th September 2021]. (In Russ.).
14. Dictionary of the modern Russian literary language. Vol. 7. N. Moscow, Leningrad: AN SSSR; 1958. (In Russ.).
15. Dictionary of the Russian language: in 4 volumes. Vol. 2. Moscow: Russkii iazyk; 1986. (In Russ.).
16. Ushakov DN. Explanatory dictionary of the Russian language: in 4 volumes. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya; 1935—1940. Available from: <https://glosum.ru/Znachenie-slova-Nastavnik> [Accessed 15th September 2021]. (In Russ.).
17. Encyclopedic dictionary. 2009. Available from: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/es/115862/nastavnik> [Accessed 15th September 2021]. (In Russ.).

Информация об авторе

М. Г. Юрченко — кандидат педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой иностранных языков.

Information about the author

M. G. Yurchenko — Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Foreign Languages.

Статья поступила в редакцию 27.09.2021; одобрена после рецензирования 10.10.2021; принята к публикации 18.01.2022.

The article was submitted 27.09.2021; approved after reviewing 10.10.2021; accepted for publication 18.01.2022.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

**СОЦИОЛИНГВИСТИКА, ЛИНГВОДИДАКТИКА,
ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ**
SOCIOLINGUISTICS, LINGUODIDACTICS, TRANSLATION

Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 1 (459). Филологические науки. Вып. 127. С. 145—153. ISSN 1994-2796 (print).

Bulletin of Chelyabinsk State University. 2022;1(459), Philological Sciences, 127:145-153. ISSN 1994-2796 (print).

Научная статья

УДК 81'282.8

doi: 10.47475/1994-2796-2022-10117

**ПЕРЕКЛЮЧЕНИЕ ЯЗЫКОВОГО КОДА
КАК ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН
(на примере территориального варианта английского языка Индии)**

Татьяна Геннадьевна Волошина

Белгородский государственный университет, Белгород, Россия, tatianavoloshina@rambler.ru

Аннотация. Рассматриваются лингвокультурологические особенности территориального варианта английского языка, функционирующего в Индии. В ходе осуществления контактного взаимодействия британского английского языка и автохтонных языков, а также под влиянием местных культур на территории Индии появился язык Hinglish, который представляет собой образование смешанного типа. В ходе исследования автор приходит к выводу, что адаптация британского английского языка к местным реалиям способствовала развитию в гибридном языке Hinglish трансформационных процессов на всех языковых уровнях: фонетическом, лексическом и грамматическом. Процесс адаптации к местным лингвокультурам привел к лингвокультурологической креолизации британского английского языка на территории Индии, в результате чего в гибридном языке Hinglish проявляются черты фонетической, лексической и грамматической креолизации, что продиктовано интерференционными процессами со стороны автохтонных языков.

Ключевые слова: *контактная лингвистика, территориальный вариант английского языка, гибридный язык Hinglish, лингвокультурологическая креолизация, фонетическая креолизация, лексическая креолизация, грамматическая креолизация*

Для цитирования: Волошина Т. Г. Переключение языкового кода как лингвокультурный феномен (на примере территориального варианта английского языка Индии) // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 1 (459). Филологические науки. Вып. 127. С. 145—153. doi: 10.47475/1994-2796-2022-10117.

Original article

**CODE SWITCHING AS A LINGUISTIC AND CULTURAL PHENOMENON
(case study of Indian English)**

Tatyana G. Voloshina

Belgorod State University, Belgorod, Russia, tatianavoloshina@rambler.ru

Abstract. The article deals with the analysis of the linguistic and cultural features of the territorial language variant of English functioning in India. During the implementation of the contact interaction of the British English language and autochthonous languages, as well as under the influence of local cultures, the unique language variant — Hinglish appeared on the territory of India. This language variant type presents the special mixed-type formation. According to the research work, the author comes to the conclusion that the adaptation of the British English language to local realities contributed to the development of transformational processes in the hybrid language Hinglish typical for all language levels: phonetic, lexical and grammatical. The process of adaptation to local linguistic cultures led to the linguistic and cultural creolization of British English in India, as a result of which the features of phonetic, lexical and grammatical creolization processes function in such hybrid language as Hinglish, creolization process is dictated by interference processes on the part of autochthonous languages.

Keywords: contact linguistics, territorial variant of English, hybrid language Hinglish, linguistic and cultural creolization, phonetic creolization, lexical creolization, grammatical creolization.

For citation: Voloshina TG. Code switching as a linguistic and cultural phenomenon (case study of Indian English). *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2022;1(459), Philological Sciences, 127:145-153. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2022-10117.

Введение

Активное исследование вопроса переключения кодов в рамках межкультурного взаимодействия продолжает интересовать исследователей различных отраслей науки. В последнее десятилетие в ходе изучения переключения кодов происходит интенсивный процесс осмысления собранных эмпирических данных и предпринимаются попытки построения единой теории. К сожалению, предлагаемые подходы не только полемичны по отношению друг к другу, но также оперируют совершенно разными терминологическими микросистемами. Следует отметить, что объем самого термина «переключение кода» неоднозначно рассматривается в отечественной и зарубежной науке. Под переключением кода в широком смысле понимается использование билингвами единиц, относящихся к разным языковым системам.

Вопросы изучения переключения кодов интересовали отечественных и зарубежных исследователей начиная с 1970—1980-х гг. Внушительный вклад в изучение мотивационных вопросов при переключении кодов был внесен зарубежным исследователем Д. Гамперцем, который первым разграничил «мы-код» и «они-код» (we-code and they-code), а также вычленил ситуационный и метафорический типы переключения кода. Другой зарубежный исследователь, К. Майерс-Скоттон, опровергая теорию Д. Гамперца, указывает на нечеткие критерии. Лингвист Ш. Поплак подчеркивает значимость двух структурных ограничений (structural constraints), к которым относятся ограничение эквивалентности и ограничение свободных морфем.

Одной из наиболее влиятельных гипотез в рамках вопроса переключения кода является теория триггеринга М. Клайна, согласно которой слова, имеющие сходную форму и значение в двух языках, могут способствовать переключению одного языка на другой, что было проанализировано на материале австралийского варианта английского языка.

В отечественном языкознании вопросу переключения кода посвящены труды Е. М. Верещагина, Т. П. Ильашенко; специфика диглоссии исследуется в работах В. П. Коровушкина, В. Т. Кло-

кова, А. М. Молодкина; анализ заимствований и межъязыковой интерференции проводится в исследованиях В. С. Клокова, Ж. Багана.

Чаще всего в рамках изучения специфики переключения кода в отечественной лингвистике исследуются так называемые вкрапления или изменения, появляющиеся в языке в ходе контактного взаимодействия.

В нашем исследовании анализу подвергается специфика процесса переключения кода на примере гибридного языка Hinglish, образованного в ходе влияния британского английского языка на состояние лингвокультуры Индии. Личный вклад автора заключается в осуществлении комплексного анализа языка Hinglish на трех уровнях: фонетическом, грамматическом, лексическом с учетом влияния лингвокультурных факторов.

Методы

В ходе исследования были использованы общенаучные и специальные методы. В группу общенаучных методов относятся *анализ*, синтез, абстрагирование, обобщение, индукция и дедукция. Рассматриваемые методы применяются в исследовании для осмысления соответствующего теоретического и практического материала. В группу специальных методов входит описательный метод, позволяющий выявить уникальные признаки гибридного языка Hinglish и определить взаимосвязи языковых единиц; таксономический метод, применяемый для структурных методик вычленения лингвистических единиц и объединения их в классы; моделирование, позволяющее опираться на вычленение лингвокультурных единиц, осуществление их анализа; метод компонентного анализа, при котором предоставляется исчерпывающее толкование языковой единицы, выделяются семантические признаки и лексико-семантические варианты многозначных слов), дефиниционный метод, который применялся при получении лексикографической информации о значении исследуемой языковой единицы.

Кроме того, в ходе анализа применялись приемы сбора и обработки языкового материала, в частности прием сплошной выборки и подбор-

ка иллюстративных примеров для определенных языковых явлений из письменных источников.

Результаты и обсуждение

В Индии существует совершенно особый тип территориального варианта английского языка, характеризующийся рядом уникалий на всех языковых уровнях: фонетическом, лексическом и грамматическом, что продиктовано влиянием местных языков и культур. Гибридный язык Hinglish отличается уникальным произношением, изобилием сленговых выражений, свойственных для индийской лингвокультуры, а также отсутствием строгих грамматических норм, например: «*Woman she finish thing me speak?*» — *Женщина, ты закончила делать то, что я сказал?*

В отечественной литературе выделяют следующие уникальные черты индийского английского языка:

1) использование архаичных слов, например:

«*What is the time by your time piece?*» — *Какой час?*;

2) применение слов, заимствованных из языков хинди, например:

«*He went to the temple to have a darsham of the deity*» — *Он пошел в храм, чтобы поклониться богам.* Для языка Hinglish характерно употребление уникального рода комбинаций двух слов английского языка, сочетание которых не соответствует норме британского английского языка, при этом полученное словосочетание приобретает новое значение, например:

mixy-grinder-food blender — *кухонный прибор для смешивания еды;*

3) употребление индийско-английских гибридов, например: *godown space* — *склад*, *newspaper wallah* — *газетный киоск*, *box-wallah* — *предприниматель;*

4) буквальный перевод фразеологизмов, отражающих средневековые традиции перевода с французского языка на английский, например:

a crocodile in a loin-cloth — *крокодил в набедренной повязке,*

as good as kitchen ashes — *хорош, как кухонный пепел;*

5) уникальные стилистические особенности выбора лексической единицы в процессе коммуникации, некоторые из которых появились в результате влияния местной лингвокультуры, другие же вызваны доминированием английских традиций преподавания британского английского языка, например, индеец предпочитает использовать в речи лексему «*demise*» вместо лек-

семы британского английского языка «*death*» — *смерть* [1. С. 112–118].

Интересно отметить, что говорящие на индийском варианте английского языка под влиянием родного языка стремятся создавать лексические единицы, адаптированные к реалиям местной культуры, например: *nation building* — *государственное правительство*, *change of heart* — *изменение взглядов*. Необходимо отметить, что порядок слов в словосочетании адаптируется к нормам автохтонных индийских языков и подвергается трансформации — сокращению слов в словосочетании относительно британского английского языка, например: *an address of welcome* — *welcome address* — *адрес, принимающей стороны*; *a bunch of keys* — *a key bunch* — *связка ключей* [11].

В современных болливудских фильмах, ориентированных на международную аудиторию, как ни в одной другой области, можно встретить различные выражения, представляющие собой гибридизацию британского английского языка и автохтонных языков Индии, появившихся вследствие влияния явления лингвокультурологической креолизации. Под креолизацией мы понимаем процесс изменения и адаптации британского английского языка к реалиям местной лингвокультуры, в данном случае к индийской лингвокультуре, например:

1) «*Mujye meri hu al express karna chahiye!*» — *Мне нужно выразить свое мнение!* [9].

В рассматриваемом примере мы наблюдаем пример лексической трансформации: после глагола британского английского языка «*express*» — *доставлять* находится глагол из языка хинди «*karna*» — *делать*. В данном случае словосочетание «*express karna*» означает «*выражать эмоцию*».

2) «*Mein bahot miss karta hu!*» — *Я очень скучаю!* [6. С. 32].

В этом примере мы находим словосочетание из языка Hinglish «*miss karna*» — «*скучать*».

3) «*Aj ka din bahot important hai!*» — *Сегодня очень важный день!* [11];

4) «*Driver ko kaho ki gari faster chhalao!*» — *Передай водителю, чтобы вел машину быстрее!* [9].

5) «*Kabhi late na ho!*» — *Никогда не опаздывай!* [10].

Сфера науки и образования является продуктивной для функционирования гибридных лексических единиц из британского английского языка, адаптированного к лингвокультуре Индии. Так, в последние годы язык Hinglish укрепляет свои позиции и становится всё более востребо-

ванним: в учебниках по языку хинди, написанных для иностранцев, встречаются следующие предложения:

— «*Mohan ji, aap hospital mein kam karte hai?*» — *Господин Мохан, Вы работаете в госпитале?*;

— «*Kripaya karke, ek minute hold kijiega, Sir!*» — *Будьте любезны, оставайтесь минуту на линии, сэр!*

— «*Ye bataiye, aaj raat ke dinner mein aapki beti rahegi?*» — *Скажите, пожалуйста, ваша дочь будет присутствовать сегодня на ужине?* [7. С. 34].

Продуктивной сферой применения языка Hinglish являются индийские вывески и названия многочисленных магазинов. Повсюду в Индии можно встретить такие вывески: «*Yoga school of Raju*» — *Школа йоги Раджу*, «*Balaji guest house*» — *Гестхаус господина Баладжи*, «*Laxmi sweets*» — *Сладости от Лакшми*, «*Kaylash clothes store*» — *Магазин одежды Кайлаша*, «*Gurunanak Hospital*» — *Госпиталь Гурунанак* и многие другие.

Представляя собой образование смешанного типа, Hinglish обладает уникальными особенностями на фонетическом, лексическом и грамматическом уровнях, вызванных влиянием креолизации [2. С. 76].

Фонетический строй гибридного языка Hinglish подвергается фонетической креолизации вследствие влияния интерференционных процессов со стороны автохтонных языков Индии.

На фонетическом уровне лексические единицы британского английского языка приобретают собственные вариации. Как замечает зарубежный исследователь Х. Бахри, согласные звуки британского английского языка /k/, /g/, /p/, /b/, /c/, /j/, /d/ утратили свою аспирацию, функционируя в языке Hinglish; также индийцы не делают различия между звуками британского английского языка /w/ и /v/. В процессе общения они произносят звук /v/, что продиктовано желанием индийцев следовать звукам, максимально приближенным к артикуляционной базе фонетического строя автохтонных языков. Однако конечный звук /r/ в словах британского английского языка индийцы стараются всегда озвучивать и произносить четко, из-за чего и получается уникальное звучание, типичное исключительно для языка Hinglish, например, английское слово *master* в языке Hinglish звучит как /mastar/, *water* — /vaitar/. Другие фонетические трансформации также свойственны англицизмам, функционирующим в языке Hinglish, например: *hospital* — /aspatal/, *April* — /apreil/, *driver* — /draivar/, *dinner* — /dinar/,

minute — /minat/, и так далее. Звук /p/ в языке Hinglish трансформируется в церебральный звук /d/, например, *father* — /fadar/, *brother* — /bradar/ [8. С. 22]. Следовательно, для языка Hinglish, подверженного фонетической трансформации, свойственны фонетические изменения, вызванные влиянием автохтонных языков. В целом, в языке Hinglish не существует жестких рамок или границ, поэтому фонетические особенности могут варьироваться в разных штатах и городах Индии.

Основные черты фонетической интерференции выражаются в изменениях и замещении звуков британского английского языка на максимально приближенные аналоги местных языков. Необходимо отметить, что при любом смешении языков наибольшему редуцированию подвергаются прежде всего гласные звуки. Также следует уточнить, что в системе гласных звуков Hinglish существует ограниченное количество отличий от британского английского языка, в связи с чем у индийцев, говорящих на гибридном языке Hinglish, не вызывает особых трудностей адаптация к фонетическому строю британского английского языка. В ранг фонетических трансформаций языка Hinglish входят:

— отсутствие дифтонга британского английского языка /eɪ/, который замещается в языке Hinglish долгим звуком /e:/, например, *rail* — /re:l/, *mail* — /me:l/;

— в нескольких штатах Индии, например, в Андхра Прадеш, некоторые звуки британского английского языка вытесняются аналогами автохтонных языков, например, дифтонги /ai/ и /ei/ переходят в /u:/;

— финальный звук /a/ в британском английском языке почти всегда остается немой но в языке Hinglish финальный звук /a/ произносится как долгий и открытый звук /a:/;

— в безударных слогах для британского английского языка не принято произносить финальный немой гласный звук /e/, индийцы склонны произнести полный звук, например, *above* — /ebuve/ [10]. Кроме трансформационных изменений гласных звуков, исследователи в области контактного взаимодействия отмечают целый ряд различий между британским английским языком и гибридным языком Hinglish при произношении согласных звуков. Фонетические трансформации согласных звуков продиктованы влиянием интерференционных процессов в процессе адаптации фонетической артикуляционной базы британского английского языка к фонетическому строю местных языков. В ранг трансформацион-

ных изменений согласных языка Hinglish входят:

— по причине отсутствия в автохтонных языках Индии согласных межзубных звуков британского английского языка /ð/ и /θ/ и вследствие влияния интерференционных процессов, рассматриваемые согласные трансформируются в фонетические аналоги, максимально приближенные к фонетическому строю местных языков, а именно преобразуются в неаспирированные ретрофлексные /t/ и /d/ или в аспирированные /tʰ/, /dʰ/ (так как в фонетической языковой системе Индии существуют придыхательные согласные звуки, играющие смысловоразграничительную роль), например, *then* — /ten/, *without* — /vitaut/, *thermometer* — /termometr/;

— звук /l/ британского английского языка индийцы произносят мягким;

— глухие согласные звуки британского английского языка /p/, /t/, /k/ теряют аспирацию в начальной позиции в языке Hinglish, хотя носители южных языков Индии произносят некоторые слова с придыханием, например слово *pin* звучит с характерным индийским придыханием — /phin/;

— все удвоенные согласные звуки в языке Hinglish намеренно произносятся отдельно и с четко выраженным удлинением [4; 5], например, *drilling* — /dril ling/;

— согласные звуки британского английского языка /l/, /m/, /n/ обычно заменяются кластерами «гласный-согласный», например, *button* — /ba ten/, *little* — /li tel/;

— согласный звук британского английского языка /r/ чаще всего произносится во всех позициях, включая позицию после гласных, а также в конце слов — *core* /ko: r/, *doctor* — /doktor/, *car* — /kar/;

— в ранг фонетических уникалий Южной Индии входит тенденция заворачивать язык (ретрофлексная акцентуация), произнося звуки /l/ и /n/;

— в некоторых случаях жители Индии не различают звуки /s/ и /z/, особенно в ходе образования множественного числа имени существительного;

— скопление согласных /sk/, /st/, /sl/ в начале слова вызывает затруднения у многих носителей индийского языка. В штате Кашмир в подобных случаях для облегчения произношения появляется дополнительный нейтральный звук /ə/, например: *station* — /səteifən/, *student* — /sətu: dənt/, *speech* — /səpi: t/.

— на севере Индии в штате Пенджаб в тех же случаях при сочетании согласных звуков /sk/, /st/,

/sl/ иногда появляется дополнительный согласный звук для удобства произношения, например: *station* — /dsəteifn/, *student* — /dsətudənt/, *speech* — /dsəpi: t/, *special* — /tspeʃl/ [3; 8; 9; 11].

Проведя анализ фонетического строя гибридного языка Hinglish, следует отметить, что фонетические трансформации продиктованы вынужденной адаптацией фонетической системы британского английского языка к реалиям местных лингвокультур. Лексический строй анализируемого языкового варианта характеризуется смешением лексики британского английского языка и локальных индийских языков. В результате такой гибридизации язык Hinglish приобретает ряд лексических уникалий, типичных исключительно для местной лингвокультуры, для которой характерно внушительное количество гибридных словосочетаний, лексическое значение которых подвергается изменению значений. Необходимо отметить, что при выборе подходящего языка ключевую роль играет коммуникативная компетенция. Выбор языка базируется на трех основных компонентах: участниках, социально-культурной среде и теме обсуждения [3]. Выбор языка общения часто определяется экстралингвистическими факторами, например, когда индийцы общаются с прислугой или молятся, они чаще используют язык хинди, так как этот язык является средством неформальной коммуникации. В свою очередь, новостные выпуски на телевидении и радио, разговоры на технические темы, а также лекции в университетах в основном требуют переключения на британский английский язык, так как такое общение является формальным, официальным. Когда индийцы пишут письма своим родным и близким или же общаются друг с другом в неформальной обстановке, они больше пользуются любимым из двух языков, но чаще употребляют смешение хинди и британского английского языка, так называемый гибридный язык Hinglish. Говоря же с партнерами по бизнесу или на деловых встречах, в Индии принято переходить на язык своего клиента или собеседника» [7. С. 25]. В процессе выбора средства общения в конкретной ситуации, главенствующую роль определяет фактор социальной принадлежности. Большая часть индийцев, проживающих в крупных мегаполисах и городах, а также получивших достойное образование, владеют как минимум двумя языками — хинди и английским. В случае если в семье отец и мать являются индо-английскими билингвами, то возникает уже не два семейных языка, а три:

язык отца, язык матери и английский язык, поскольку родители могут быть из разных штатов и общение происходит на родных языках. Неофициальная переписка между родственниками может вестись на языке хинди, однако между отцом и сыном-студентом или учащимся переписка ведется чаще на английском языке. В деревнях же основная масса населения малограмотна и владеет либо хинди, либо локальным говором или диалектом [11].

В ежедневной коммуникации индийцы используют в своей речи привычные слова из хинди, но иногда под влиянием британского английского языка в их речи появляются неологизмы, которые в большей степени являются характерной особенностью речи подростков и молодежи, влияющих на общее состояние языка. Став привычными при восприятии на слух, такие вновь созданные лексические единицы становятся частью лексического состава языка Hinglish, например:

- лексическая единица *prepone* буквально означает «сделать что-либо раньше, заранее» (данное выражение произошло путем замены приставки британского английского слова *postpone* в значении «откладывать на потом»);
- *co-brother* (вместо *brother-in-law*), означающего «зять»;
- *cousin brother* (вместо слова *cousin*), которое обладает значением *двоюродный брат* или *сестра*;
- *time-waste* — бесполезно потраченное время;
- *first-class* — что-либо очень хорошее, качественное;
- *filmi* — что-либо драматическое, чаще относящееся к индустрии кино;
- *changa* — что-либо потрясающее, замечательное [9; 11].

Подобным образом образованы и следующие слова в языке Hindish: *eve-teasing* — сексуальное домогательство; *time-pass* — бесполезное времяпрепровождение; *airdash* — путешествие на самолете; *freshie* — вновь прибывший эмигрант; *jungli* — грубиян, некультурный человек; *badmash* — хулиган, агрессивный человек; *innit* — сокращенное от *isn't it*.

Для лексического строя языка Hinglish характерной особенностью является употребление архаизмов, например: *What is your good name?* [11].

Рассматриваемый архаизм происходит от словосочетания хинди *shubh naam*, которое переводится как *честное имя* — *good name*.

Необходимо отметить, что в Индии индустрия кино Болливуда стремится использовать больше слов и словосочетаний британского английского языка, смешанных со словами и словосочетаниями упрощенных лексических единиц разговорного языка хинди в речи актеров, чтобы сделать диалоги в фильмах «богаче» и понятнее для молодого поколения (например, чей родной язык не хинди, а любой другой из множества национальных языков и диалектов Индии).

Приведем некоторые примеры диалогов из различных индийских кинофильмов. В перечисленных примерах представлены предложения, выявленные на материале фильмов на языке Hinglish:

1. *Mere paas ticket nahi hai.* — У меня нет с собой билета.

2. *Dekho, let's make a deal!* — Послушай, давай договоримся о сделке!

3. *Kya hogaya meri party mein?* — Что происходит на моей вечеринке?

4. *So wedding kab, yaar?* — Так когда будет свадьба, друг?

5. *Truck follow karo!* — Следуй за грузовиком! [9; 11].

Приведенные примеры содержат смешение лексического ряда единиц из британского английского языка и автохтонных языков Индии. Однако следует отметить, что не все лексемы британского английского языка обладают способностью адаптироваться под лингвокультурологическую специфику языка Hinglish; чаще всего такие адаптируемые лексические единицы входят в ранг применимых в ежедневном общении индийцев, например: *ticket* — билет, *airport* — аэропорт, *passport* — паспорт, *party* — вечеринка, *wedding* — свадьба, *truck* — грузовик [12].

В пятом примере мы прослеживаем влияние интерференции на состояние языка. В языке хинди комбинации из существительного или прилагательного, сочетающегося с вспомогательным глаголом *karna*, *dena* и *rakhna*, образуют составной глагол *jawab dena*, который буквально означает «ответ» + «давать» = *отвечать*, *kaam karna* означает «работа» + «делать», следовательно, получается составной глагол «работать». Таким образом, под влиянием лексической интерференции британский английский глагол *to follow* в языке Hinglish трансформируется в сочетание *follow karo!*, обозначающее волеизъявление говорящего к продолжению действовать в форме повелительного наклонения.

Наряду с гибридизацией на лексико-семантическом уровне существует значительная сте-

пень грамматических изменений в языке Hinglish. В ранг грамматических уникалий языка Hinglish входят:

- употребление в разговорной речи в разделительном вопросе сокращенной формы *innit* вместо *isn't it*, типичной для британского английского языка, например:

"It's going to rain innit?" — Будет дождь, не так ли? [8];

- инверсированный порядок слов при формировании общего типа вопроса, например:

"You will come tomorrow?" — Ты придешь завтра? [12].

В рассматриваемом предложении, представляющем собой общий вопрос, отмечается нарушение порядка слов, типичного для нормы британского английского языка, что продиктовано влиянием интерференционных процессов, а именно допустимостью в автохтонных языках гибкого порядка слов в вопросительных предложениях.

В ранг уникалий синтаксического строя языка Hinglish также входит особенность образования разделительного вопроса при помощи уточняющего маркера *"no?"* — «не так ли?», например:

"They really knowing each other well, no?" — Они знают друг друга очень хорошо, не так ли? [11].

Также в перечень грамматических трансформаций входит симплификация видовременных форм глагола. Тенденция к аналитизму и упрощению объясняется влиянием автохтонных языков, в которых различают три времени: настоящее, прошедшее и будущее, в отличие от британского английского, для которого характерно помимо этих временных промежутков еще и подразделение на четыре временные формы, а именно: Simple, Continuous, Perfect и Perfect Continuous.

Примеры:

1. *She left ghara just.* — Она только что уехала из родного дома.

2. *Festival nāsta was cooked for two o'clock.* — Праздничное лакомство (буквально праздничный завтрак) готовили два часа [12].

В первом примере речь идет о только что совершенном действии, поэтому, согласно норме — британскому английскому языку — необходимо употребить настоящее совершенное время (Pres-

ent Perfect). Однако в рассматриваемом примере применяется простое прошедшее время, что продиктовано влиянием автохтонного языка Hindi.

Во втором примере герой упоминает праздничное лакомство, процесс приготовления которого занял около двух часов. Учитывая длительность происходящего действия (*for two o'clock* — два часа), в британском английском языке необходимо употребить прошедшее длительное время (Past Continuous), но в языке Hinglish применяется простое прошедшее время (Past Simple), что говорит об упрощении видовременной формы глагола.

Выводы

Таким образом, в ходе осуществления контактного взаимодействия британского английского языка и других лингвокультур, в современном обществе появляется множество территориальных вариантов британского английского языка, одним из которых является гибридный язык Hinglish. Характерной особенностью языка Hinglish является наличие ряда уникалий на всех языковых уровнях: фонетическом, лексическом и грамматическом, что обусловлено явлением креолизации и объясняется влиянием интерференционных процессов со стороны местных языков.

В ранг фонетических уникалий, вызванных фонетической креолизацией, входят замена и добавление гласных и согласных звуков автохтонных индийских языков, что продиктовано фонетической базой местных языков. К лексическим уникалиям относится изменение значения лексических единиц в языке Hinglish, что продиктовано влиянием экстралингвистических факторов: уровнем образования индийцев, местом коммуникации, культурно-языковыми особенностями, возрастной дифференциацией носителя языка. Грамматический строй языка Hinglish подвержен креолизации в меньшей степени, чем фонетический и лексический уровни. Грамматические трансформации языка Hinglish включают такие уникалии, как гибкий порядок слов в повествовательных, вопросительных, отрицательных и побудительных типах предложения, что вызвано влиянием автохтонных языков, в которых отсутствует фиксированный порядок слов в предложении.

Список источников

1. Баранников А. П. Языковая ситуация в ареале языка хинди. Л. : Наука, 1984. 250 с.
2. Волошина Т. Г. Английский язык в Африке: лингвокультурологический аспект : монография. М. : Флинта, 2020. 188 с.

3. Волошина Т. Г. Лингвокультурологическая креолизация английского языка Нигерии : дис. ... докт. филол. наук. Белгород : Белгородский государственный национальный исследовательский университет, 2021. 472 с.
4. Майэрс-Скоттон К. Рамочная модель матричного языка и переключение кодов в речи билингов // Вестник Челябинского государственного университета. 2021. № 7 (453). С. 100–109.
5. Шелестюк Е. В. Проблемы двуязычия и трехязычия (на примере языковой ситуации в Индии) // Вестник Челябинского государственного университета. 2019. № 10 (432). С. 205–215.
6. Baghana J., Voloshina T. G., Novakova K. S. Morphological and syntactic interference in the context of Franco-Congolese bilingualism // *XLinguae. European scientific journal*. 2019. № 12 (3). P. 240–248.
7. Bambgose A. *New Englishes: A West-African perspective*. Ibadan : Nigeria, 2004. 67 p.
8. Crystal D. *English as the global language*. Cambridge, 2003. 45 p.
9. Hind/English dictionary. URL: <https://www.pdfdrive.com/hindi-english-dictionary-e6483218.html> (accessed: 03.07.2021).
10. Katchru B. *The handbook of World Englishes*. Malden : MA. 2006. 112 p.
11. The Oxford Hindi English dictionary. URL: <https://www.pdfdrive.com/the-oxford-hindi-english-dictionary-e175318935.html> (accessed: 01.07.2021).
12. Voloshina T. G., Koch K. I., Rodina L. I., Ostapova L. Y., Bocharova E. A. Interference peculiarities in the period of Globalisation // *Revista Dilemas Contemporáneos: Educación, Política*. 2019. № VI. Artículo no.: 148.

References

1. Barannikov AP. *Yazikovaia situatsia v areale yazika hindi = Language situation in the hindi language*. Leningrad: Nauka; 1984. 250 p. (In Russ.).
2. Vloshina TG. *Angliiiski yazil v Afrike: Lingvokulturologitcheski aspect = English in Africa: linguistic and cultural aspects*. Moscow: Flinta; 2020. 188 p. (In Russ.).
3. Vloshina TG. *Lingvokulturologitcheskaia kreolizatsia angliiskogo jazika Nigerii = Linguistic and cultural types of creolization of English in Nigeria*. Thesis. Belgorod: Belgorod State University; 2021. 472 p. (In Russ.).
4. Baghana J, Voloshina TG, Novakova KS. Morphological and syntactic interference in the context of Franco-Congolese bilingualism. *XLinguae. European scientific journal*. 2019;12(3):240-248.
5. Bambgose A. *New Englishes: A West-African perspective*. Ibadan: Nigeria; 2004. 67 p.
6. Crystal D. *English as the global language*. Cambridge; 2003. 45 p.
7. Hind/English dictionary. Available from: <https://www.pdfdrive.com/hindi-english-dictionary-e6483218.html> (accessed: 03.07.2021).
8. Katchru B. *The handbook of World Englishes*. Malden: MA; 2006. 112 p.
9. Myers-Scotton K. Framework model of matrix language and code switching in bilingual speech. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2021;7(453):100-109.
10. The Oxford Hindi English dictionary. Available from: <https://www.pdfdrive.com/the-oxford-hindi-english-dictionary-e175318935.html> (accessed: 01.07.2021).
11. Shelestyuk EV. Problems of bilingualism and trilingualism (on the example of the language situation in India). *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2019;10(432):205-215.
12. Voloshina TG, Koch KI, Rodina LI, Ostapova LY, Bocharova EA. Interference peculiarities in the period of Globalisation. *Revista Dilemas Contemporáneos: Educación, Política*. 2019;VI,148.

Информация об авторе

Т. Г. Волошина Татьяна Геннадьевна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры второго иностранного языка.

Information about the author

T. G. Voloshina — Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of the Second foreign language.

Статья поступила в редакцию 11.07.2021; одобрена после рецензирования 29.08.2021; принята к публикации 18.01.2022.

The article was submitted 11.07.2021; approved after reviewing 29.08.2021; accepted for publication 18.01.2022.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 81'23

doi: 10.47475/1994-2796-2022-10118

«ВСТРЕЧНЫЙ ТЕКСТ» КАК МЕТОД ИССЛЕДОВАНИЯ СМЫСЛОВОГО ВОСПРИЯТИЯ ИНОЯЗЫЧНОГО ТЕКСТА В ПРОЦЕССЕ ПЕРЕВОДА

Елизавета Леонидовна Заводникова

Пермский национальный исследовательский политехнический университет, Пермь, Россия,
lizaz2@yandex.ru

Аннотация. Представлены результаты психолингвистического эксперимента по изучению этапов смыслового восприятия иноязычного текста при переводе. Эксперимент проводился с использованием метода встречного текста. Основу для планирования эксперимента составили реакции, выявленные в исследованиях А. И. Новикова и уфимской школы психолингвистики, соотнесенные в данной работе с тремя этапами смыслового восприятия — интерпретацией, толкованием и пониманием.

Ключевые слова: метод встречного текста/контртекста, понимание, интерпретация, смысл, перевод

Для цитирования: Заводникова Е. Л. «Встречный текст» как метод исследования смыслового восприятия иноязычного текста в процессе перевода // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 1 (459). Филологические науки. Вып. 127. С. 154—165. doi: 10.47475/1994-2796-2022-10118.

Original article

“INTERNAL TEXT” AS A METHOD OF INVESTIGATION OF FOREIGN LANGUAGE TEXT SEMANTIC PERCEPTION IN THE PROCESS OF TRANSLATION

Elizaveta L. Zavodnikova

Perm National Research Polytechnic University, Perm, Russia, lizaz2@yandex.ru

Abstract. The article represents the results of conducted psycholinguistic experiment aimed at investigation of steps of semantic perception of foreign language text during translation. The study was carried out on the material of English poem “A Parable of the Old Man and the Young” by W. Owen that is the text of high degree of interpretability as every parable. The experiment was conducted by using “internal text” method. The base for experiment’s planning was types of reactions revealed in the studies of A. I. Novikov and the school of psycholinguistics in Ufa which were correlated with three steps of text semantic perception (interpretation, explanation, understanding). The results allow making preliminary conclusions on correlation of types of “internal texts” and steps of perception, as well as to presuppose that certain step dominates depending on text type. As the experiment has shown, interpretation represents such dominating step in case of the texts of high interpretability.

Keywords: internal/counter text method, understanding, interpretation, meaning, translation

For citation: Zavodnikova EL. “Internal text” as a method of investigation of foreign language text semantic perception in the process of translation. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2022;1(459), Philological Sciences, 127:154-165. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2022-10118.

Введение

Проблема интерпретации и понимания текста, как известно, связана с феноменом текста, его внешней и внутренней формой. Внутренняя, или психолингвистическая природа текста проявля-

ется в том, что в процессе работы переводчика языковая структура подвергается смысловой обработке и происходит восприятие и понимание текста.

В психолингвистике различают статическое и динамическое состояние текста. И. Р. Гальперин подчеркивает, что текст «обладает двойствен-

ной природой — состоянием покоя и движения» [4. С. 19]. Текст как отражение в действительности совокупности единиц языка является статичным, а при воспроизведении ему присуща динамика, в процессе чего сообщение перекодируется и воспринимается реципиентом.

А. И. Новиков определяет статическое состояние текста как итог и результат речемыслительной деятельности человека, а динамическое состояние отождествляет с процессом порождения, восприятия и понимания текста человеком — воспринимающим и осмысливающим субъектом. Результатом восприятия является формирующееся в сознании мыслительное образование, которое соответствует содержанию и смыслу текста [14. С. 27—28]. Нужно сразу же указать, что в концепции А. И. Новикова содержание — это проекция текста на сознание, а смысл — обратная проекция сознания на текст [Там же. С. 112—113]. При этом ученый подчеркивает, что соотношение содержания и смысла может быть различным в зависимости от вида текста, к которому он принадлежит [Там же. С. 143].

Метод «встречного текста» при изучении вопросов восприятия и понимания

Проблема понимания, несомненно, относится к разряду вечных, требующих новых методик изучения. Одной из таких методик является методика «встречного текста», предложенная и впервые использованная А. И. Новиковым. Затем она была неоднократно использована в исследованиях, выполненных в уфимской психолингвистической школе под руководством Н. П. Пешковой.

Сам А. И. Новиков определил «встречный текст» как любую информацию, возникающую в сознании человека в результате понимания очередного предложения, которая включает в себя то, что содержится, и то, что подразумевается в тексте. В основу экспериментов А. И. Новикова была положена гипотеза об активной роли реципиента, который не фиксирует имеющуюся информацию, а индивидуально порождает «встречный текст», таким образом при восприятии строится как проекция текста на сознание, так и проекция сознания на текст. Предполагалось, что полученный материал отражает внутренний процесс восприятия текста [14. С. 202—203]. Испытуемыми А. И. Новикова выступили студенты-лингвисты, а материалами экспериментов были художественный и научно-популярный тексты на русском языке. Полученные в экспериментах реакции были интерпретированы ученым, в результате был составлен первый перечень возможных реакций.

Затем он был расширен благодаря исследованиям И. В. Кирсановой, А. В. Моисеевой, Я. А. Давлетовой, А. С. Титловой. Ниже представлены определения некоторых реакций, данные в названных исследованиях и необходимые для практической части настоящей работы.

Ассоциация — реакция, представленная в виде связи слов, независимой от содержания предложения и существующей в сознании.

Визуализация — вербализация конкретного предмета, явления.

Вывод — реакция — умозаключение на выражение исходного предложения.

Интертекст — реакция — цитата из другого известного текста, произведения, отсылка к произведению.

Инфиксация — реакция — продолжение предложения, его самостоятельное дополнение.

Констатация — согласие со сказанным в предложении.

Мнение — личное отношение реципиента к излагаемому.

Ориентировка — реакция как вопрос на предложение.

Оценка — реакция — оценка излагаемого.

Перевод — смысловая интерпретация предложения и его выражение в краткой форме иными средствами языка.

Предположение — суждение о прошлых событиях; может быть представлено вопросом.

Прогноз — суждение о развитии действий, о будущем сюжета.

Перефразирование — предложение в виде пересказа, в котором возможны дополнения информации или пропуски.

Собственный ответ — реакция, не вытекающая из содержательной стороны предложения [Там же. С. 208—209].

Оценочное мнение — испытуемый выражает оценочное отношение к излагаемому [13. С. 16].

Констатация отсутствия знаний — реакция, в которой индивид признаёт отсутствие пресуппозиции и дает самооценку [5. С. 13].

В рамках проведенного эксперимента в данной статье реакция «перевод» используется как традиционный межъязыковой перевод.

Мы предположили, что реакции, экспериментально обнаруженные и описанные А. И. Новиковым и в уфимской психолингвистической школе, можно соотнести с этапами смыслового восприятия как «сложной перцептивно-мыслительно-мнемической деятельности» [9. С. 7]. Как известно, исследователи по-разному определяют

структуру этой сложной деятельности, выделяя разные этапы и когнитивные процессы. Так, в работе Е. В. Шелестюк «Этапы и закономерности смыслового восприятия текста» различаются четыре когнитивных процесса: чтение, интерпретация, понимание и осмысление [19. С. 85].

В нашей работе мы опираемся на герменевтическую концепцию перевода, которая выделилась из раздела философии — герменевтики. Герменевтика (от греч. *hermeneutike [techne]* — *истолковательное [искусство]*) — это искусство *понимания*, выявления смысла и значения знаков; теория и правила *интерпретации* текстов; учение об онтологии понимания и эпистемологии интерпретации [21. С. 144].

Приведенная дефиниция показывает, что герменевтику определяют как (*ис*)толкование, как *интерпретацию* и как *понимание*. Мы попытались рассмотреть данные термины и выяснить, каким образом они соотносятся между собой, насколько они различны или (наоборот) синонимичны. Обратимся к их дефинициям, предложенным отечественными психолингвистами, лингвистами и психологами.

Анализ литературы показал, что существуют совершенно разные подходы к определению этих трех процессов (интерпретации, толкования и понимания). Представим некоторые из них.

Начнем с определения *интерпретации* с позиции исследователей Тверской школы психолингвистики (А. А. Залевская, Г. И. Богин, Н. Л. Галеева). В определении Г. И. Богина интерпретация является высказанной рефлексией, при этом рефлексия обращена на понимание и позволяет задействовать прошлый опыт, в результате происходит более полное понимание. Ввиду того что происходит интерпретация над более глубоким пониманием, порождаются множественные формы текста, в которых опредмечен заложенный смысл, что приводит к большому числу понимаемых смыслов. Возможны два способа интерпретации: интерпретация понятого текста и преодоление непонимания благодаря интерпретации. В основном происходит комбинация способов интерпретации в рефлексии: от понимания к интерпретации и от интерпретации к более полному пониманию, затем — к более совершенной интерпретации и к лучшему пониманию и так далее, в чем и заключается глубина понимания [1].

В трактовке Н. Л. Галеевой интерпретация — это иррациональная и интуитивная вербализация смысла [3. С. 129]. А. А. Залевская полагает, что в процессе интерпретации не только передается

смысл другими средствами языка, как при переводе, но в то же время происходит объяснение и уточнение высказывания [8. С. 215]. Таким образом, в рамках этой научной школы интерпретация является процессом рефлексии и уточнения смысла текста.

Исследователи из Санкт-Петербурга И. А. Щирова и Е. А. Гончарова определяют интерпретацию как вербализацию смысла, заложенного автором текста, в большей или меньшей степени. Так, для художественного текста изначально характерна большая возможность различных интерпретаций в отличие от нехудожественного, например научного, текста [20. С. 271].

Особый интерес представляет понимание интерпретации, предложенное Н. Д. Маровой в ее монографии «Парадигмы интерпретации текста» (2006).

Подход к феномену интерпретации, предлагаемый Н. Д. Маровой, основывается на видении текста интерпретатором (субъектом) в той или иной семантической сфере. В зависимости от того, какая семантическая сфера является доминирующей, выделяется шесть типов интерпретации: театативная, медиативная, претативная, перспектативная и метаксативная. Приведем данные автором определения названных интерпретаций. *Театативный* тип базируется на автоинтерпретации текста, когда является информация о нем и внимание уделяется индивидуальности и эстетическим особенностям текста [12. С. 371—372, 374—375]. *Медиативный* тип интерпретации является гиперинтерпретацией в связи с тем, что предмет текста расширяется и соотносится с излагаемой сферой знания. Обозначенная сфера — это мерило для наличной ситуации, а на первый план выходят отношения подчинения предмета той или иной сфере [Там же. С. 384—385]. *Претативный* тип интерпретации основан на рассуждении или порождении выводного суждения, в процессе чего тексту присваиваются новые ценностные характеристики. *Текстативный* тип направлен на выявление стилеобразующих черт текста [Там же. С. 388—390]. *Перспектативный* тип отличается таким уровнем интерпретации, при котором становится очевидным и эксплицируется подразумеваемое в тексте. В данном случае смысловая структура текста не ограничена, в результате чего порождаются множественные интерпретации. Перспектативная интерпретация связана с мифом: точка зрения интерпретатора становится транспарентной и учитывает данную ранее позицию или установку [Там же. С. 393—394, 396]. В *метаксативном* типе на первый план выходит общезначимость, универсальность и фило-

софичность текста. В то же время метаксативный тип интегрирует все вышеперечисленные типы интерпретации [Там же. С. 399].

Приведенные определения интерпретации и ее типология свидетельствуют о сложной и «множественной» природе рассматриваемого процесса.

Понятие *толкования* менее представлено в литературе, возможно, в силу того, что оно понимается как синоним интерпретации. Мы нашли следующие определения толкования. Одно из них приводит московский ученый в области психологии В. Н. Дружинин, который толкованием называет логическую форму высказывания в виде комментария, когда излагается содержание одного текста посредством порождения другого [6. С. 181]. Согласно И. А. Солодиловой, к толкованию относятся индивидуальные смысловые варианты и вариации одного инвариантного ядра как понятого и осмысленного текста. Единство порождает вариации и одновременно порождается созданными вариациями [17. С. 143]. Данное определение близко к пониманию термина интерпретации, данного И. А. Щировой и Е. А. Гончаровой.

Наибольшее количество определений имеет понимание, что вполне закономерно. В той же тверской школе мы находим следующие трактовки данного процесса. *Понимание* есть такой этап смыслового восприятия, в ходе которого человек исходя из своего опыта осваивает части содержательной стороны текста [3. С. 81]. А. А. Залевская полагает, что понимание — это построение проекции текста, а именно актуализация знания сообразно прошлому опыту, определение отношения к знанию, отраженному в тексте, с опорой на наличную ситуацию, прогнозирование способа продолжения сообщения (отображается прошлый опыт или развивается текстовой смысл). Важно подчеркнуть, что А. А. Залевская выделяет два способа понимания текста: понимание через осмысление, что является спонтанной интерпретацией; и понимание через целенаправленную интерпретацию [7. С. 66].

Г. И. Богин определил понимание как один из видов организации рефлексии. Понимание связано с интерпретацией, которая представляет собой высказанную рефлексивную [1].

Основатель тверской герменевтической школы, он предложил дифференцировать процесс понимания на следующие уровни: 1) семантизирующее понимание (восстановление информации единиц текста, несущих знаковую функцию); 2) когнитивное понимание (освоение содержания познавательной информации, данной в форме единиц текста, обрабатываемых на первом уровне

понимания); 3) смысловое понимание («распределение» идеальных реальностей, имплицитно заложенных в средствах текста) [2].

Таким образом, можно констатировать, что дефиниции интерпретации, толкования и понимания не имеют четких формулировок: интерпретация включается в процесс понимания, понимание — в процесс интерпретации, а толкование (трактовка И. А. Солодиловой) можно сопоставить с интерпретацией.

Четкое разграничение названных процессов мы находим в исследовании известного отечественного психолингвиста И. Г. Овчинниковой «Ассоциативный механизм в речемыслительной деятельности». Приведем ее определения. Так, согласно автору, *интерпретацией* является такая проекция цельности текста, в которой личность реципиента субъективно отражена в воспринятой цельности текста, при этом реципиент «приписывает» *свой смысл* вербализованной цельности. *Толкование* есть *субъективный «перевод»* воспринятой цельности текста на иной вербальный код, уточнение замысла (после интерпретации) и включение текста в актуальную для других реципиентов культурную парадигму [15. С. 61—62]. В процессе понимания восстанавливается замысел автора исходного текста на основе осмысления цельности. *Понимание является результатом процесса смысловой обработки сообщения* [16. С. 8—9].

Если сопоставить определения И. Г. Овчинниковой с определениями этапов смыслового восприятия в работе Е. В. Шелестюк, то можно заметить определенные корреляции. Так, этап, отнесенный И. Г. Овчинниковой к пониманию, вероятно, можно соотнести с осмыслением, которое заключается в рефлексии читателя над текстом сообразно авторскому замыслу в случае адекватного понимания [19. С. 88]. Термин «толкование» также используется Е. В. Шелестюк, он понимается как вторичная интерпретация, трактовка в виде диалога, в процессе которого происходит творческое переосмысление авторского смысла [Там же. С. 86].

Равным образом, если сопоставить определение интерпретации, данное И. Г. Овчинниковой, с теоретическими положениями о типах интерпретации Н. Д. Маровой, то с определением И. Г. Овчинниковой соотносится театативный тип, так как он направлен на видение текста субъектом (индивидуальная интерпретация), выявление эстетических и художественных сторон с точки зрения субъекта, при этом сам текст становится объектом умственного (мыслительного) рассматривания. Таким образом, в обоих определениях подчеркиваются

такие позиции, как *формирование собственно-го личностного смысла и отражение личности реципиента в формируемом смысле*.

В своей работе мы берем за основу дефиниции этапов смыслового восприятия, предложенные И. Г. Овчинниковой, и делаем попытку соотнести экспериментально выделенные и описанные выше реакции с названными этапами. Наше исследование выполнено в русле психолингвистики текста А. И. Новикова и базируется на его экспериментальном методе «встречного текста». Полученные в ходе исследования реакции респондентов можно, на наш взгляд, рассматривать как своего рода ассоциации, возникающие в сознании воспринимающего текст, поэтому мы посчитали оправданным обращение к работе И. Г. Овчинниковой, посвященной изучению ассоциативного механизма в речемыслительной деятельности.

Ниже приводится предлагаемое нами распределение. Отметим, что данное распределение является нашим субъективным мнением, однако при попытке соотношения этапов восприятия с реакциями мы постарались быть максимально объективными.

Интерпретация (проекция цельности текста, в которой личность реципиента субъективно отражена в воспринятой цельности текста) может быть отражена в таких реакциях, как: ассоциация, визуализация, инфиксация, констатация, мнение, прогноз, перефразирование, свободный ответ, отсылка к личному опыту, оценка и ее подтипы (оценочное мнение, ироничная оценка, имплицитная оценка негативного и позитивного характера), констатация отсутствия знаний, ориентировка, побуждение к новой информации. Также это могут быть *компликативные реакции*: оценка + ориентировка, оценка + мнение, оценка + перевод, оценка + прогноз, оценка + ориентировка, оценка + вывод, оценка + аргументация, оценка + констатация отсутствия знаний, оценка + ассоциация, мнение + прогноз, инфиксация + оценка, ориентировка + мнение + аргументация, мнение + аргументация + генерализация, мнение + генерализация, мнение + констатация отсутствия знаний (вербализация отсутствия пресуппозиции), оценка + мнение + прогноз.

Толкование (субъективная передача воспринятой цельности текста на иной вербальный код, в процессе которого уточняется замысел для других реципиентов) может найти проявление в интертексте, предположении, аргументации и в *компликативных реакциях*: предположение + оценка; генерализация + аргументация, интертекст +

оценка. Исходя из определения толкования, можно предположить, что именно результат толкования находит отражение в тексте перевода, поскольку оно ориентировано на передачу текста в ином вербальном коде и включение его в другую культурную парадигму.

Понимание (результат обработки смысла сообщения) является конечным результатом и продуктом процесса восприятия и понимания текста. Исходя из данной трактовки, к подобному процессу можно отнести такие реакции, как вывод, перевод, генерализацию.

Как видно из приведенного распределения реакций, наибольшее их количество относится к интерпретации (29), шесть реакций — к толкованию, а три — к пониманию. Анализ реакций показал, что среди них есть компликативные реакции. Согласно определению И. В. Кирсановой, в компликативных реакциях информация осмыслена многоаспектно и принимает вид развернутого высказывания, включающего две и более реакций [10. С. 17].

Такая классификация реакций по принципу их задействования на определенном этапе смыслового восприятия была положена в основу нашего эксперимента на материале англоязычного художественного текста притчи. Процедура исследования и интерпретация данных по результатам эксперимента описаны ниже.

Эксперимент по смысловому восприятию англоязычного художественного текста

Как уже отмечено, в проводимом нами исследовании мы использовали типы реакций, выявленные в рамках исследований А. И. Новикова и уфимской школы психолингвистики. Новизна настоящего эксперимента заключается в том, что в предыдущих работах: 1) не рассматривался процесс перевода; 2) реакции не анализировались с точки зрения их соответствия этапам смыслового восприятия — интерпретации, толкования и понимания; 3) исследования проводились на материале русскоязычных текстов.

1. Цель эксперимента. Предпринимается попытка выделить этапы смыслового восприятия на основе полученных реакций как «встречных текстов».

2. Испытуемые. Испытуемыми выступили 24 студента-переводчика 4-го курса Пермского национального исследовательского политехнического университета. Испытуемым было предъявлено произведение У. Оуэна [23. Р. 1351], представленное ниже, и даны вопросы, связанные с его содержанием.

3. Материал эксперимента

The Parable of the Old Man and the Young
So Abram rose, and clave the wood, and went,
And took the fire with him, and a knife.
And as they sojourned both of them together,
Isaac the first-born spake and said, My Father,
Behold the preparations, fire and iron,
But where the lamb for this burnt-offering?
Then Abram bound the youth with belts and straps,
and builded parapets and trenches there,
And stretchèd forth the knife to slay his son.
When lo! an angel called him out of heaven,
Saying, Lay not thy hand upon the lad,
Neither do anything to him. Behold,
A ram, caught in a thicket by its horns;
Offer the Ram of Pride instead of him.
But the old man would not so, but slew his son,
And half the seed of Europe, one by one.

Исходя из названия стихотворение является притчей, то есть жанром повышенной интерпретативности, рассказом о реальных событиях, выраженных в аллегорической форме без вербальных указателей на эти события [11. С. 808]. Выбор такого типа текста был обусловлен предположением, что аллегоричность, затрудняя понимание, позволит изучить механизм смыслового восприятия и особенности интерпретации и понимания текста более детально. Анализ притчи показал, что в ней содержатся исторические факты о событиях начала Первой мировой войны, представленные аллегорически как пересказанное событие из Ветхого Завета об испытании Авраама и жертвоприношении [22] с концовкой, измененной с целью отражения военных событий. Такая многозначность текста затрудняет интерпретацию и понимание предложенного для анализа стихотворения.

4. Методика эксперимента

В качестве основы исследования, как уже неоднократно отмечено, был выбран метод «встречного текста», модифицированный вариант которого отражен в предъявленных вопросах, позволяющих изучить процесс восприятия текста и формирования смысла в сознании реципиента. В ходе эксперимента студентам было предложено следующее задание:

Выполните задание пошагово, зафиксируйте свои ответы в письменном виде:

а) Прочтите текст полностью. Напишите, что вам понятно или непонятно и какая дополнительная информация вам необходима для полного понимания текста.

б) Напишите, что или кого символизируют, по вашему мнению, герои: *Abram, Isaac, the Ram of Pride*.

в) Приступите к переводу текста, разделенного на смысловые отрезки (текст 2).

- 1) So Abram rose, and clave the wood, and went,
And took the fire with him, and a knife.
- 2) And as they sojourned both of them together,
Isaac the first-born spake and said, My Father,
Behold the preparations, fire and iron,
But where the lamb for this burnt-offering?
- 3) Then Abram bound the youth with belts and straps,
and builded parapets and trenches there,
And stretchèd forth the knife to slay his son.
- 4) When lo! an angel called him out of heaven,
Saying, Lay not thy hand upon the lad,
Neither do anything to him. Behold,
A ram, caught in a thicket by its horns;
Offer the Ram of Pride instead of him.
- 5) But the old man would not so, but slew his son,
And half the seed of Europe, one by one.

г) Кратко сформулируйте содержание и смысл текста.

Как видно из формулировок вопросов, они иллюстрируют пошаговый характер чтения, восприятия и понимания всего текста притчи. Исходя из положения о том, что между текстом и читателем происходит активная диалогическая деятельность, и текст может изменить, трансформировать структуру смысла, заложенного в сознании реципиента [19. С. 85], и, как отмечено ранее, реципиент не репродуцирует информацию исходного текста, а играет активную роль в рождении «встречного текста» (А. И. Новиков), мы посчитали возможным предположить, что данные вопросы должны продемонстрировать то, что возникает в сознании при смысловом восприятии. *Предположительно* реакции, полученные в ходе эксперимента, связаны с вышеназванными этапами интерпретации, толкования и понимания.

5. Обработка и интерпретация результатов

Было обработано 24 «встречных текста», содержащих 120 реакций, в 12 из которых ответ отсутствовал, что не включалось в процентные показатели количества реакций. Получившееся распределение реакций представлено ниже в виде диаграмм (рис. 1, 2). Отдельная диаграмма иллюстрирует компликативные реакции.

Как показано на диаграммах, количество компликативных реакций составляет практически половину от общего числа реакций. Наличие большой доли

Количество реакций

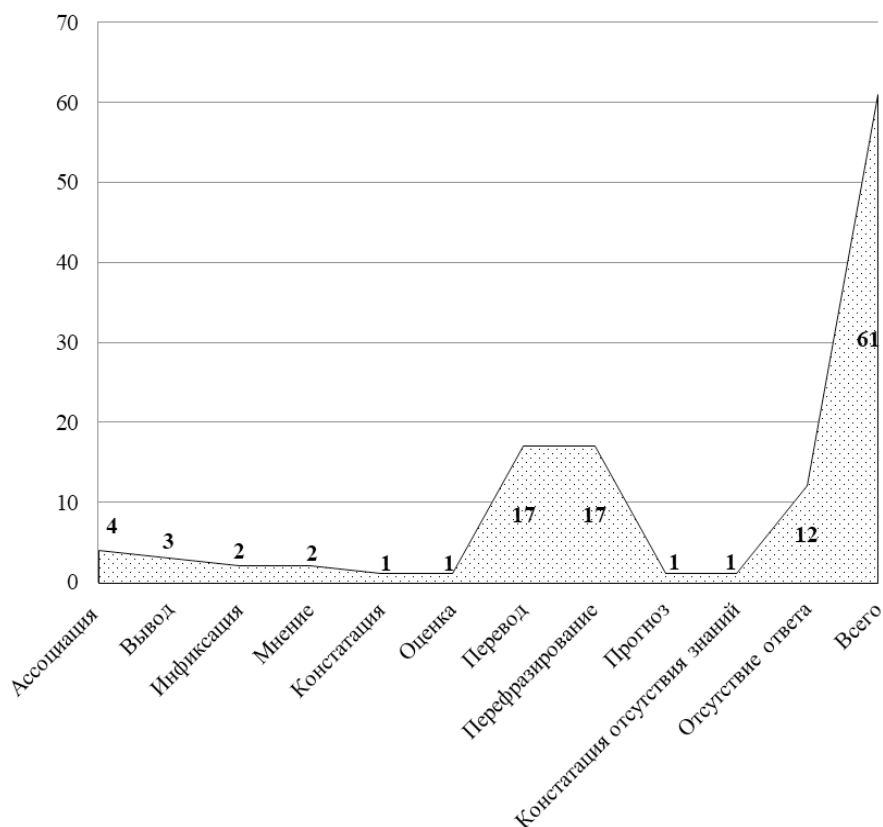

Рис. 1. Реакции испытуемых

Fig. 1. Reactions of the subjects

компликативных реакций объясняется задействованием у реципиентов художественного текста различных стратегий осмысления информации ввиду сложности жанра притчи. Количественный анализ реакций показал, что наиболее частотны перевод, перефразирование (по 14,2%) и отсутствие ответа (10%). Ниже приведем примеры этих реакций.

Перевод:

- 1) Авраам поднялся, он расколол дрова, пошел, Разжег костер и наточил свой нож.
- 2) Так встал Авраам, собрав в округе хворост, Взял нож, огонь и был таков.
- 3) Итак, Авраам поднялся, расколол дрова и пошел, Взяв с собой огонь и нож.

Перефразирование:

1) Авраам собирается совершить жертвоприношение, пожертвовав собственного сына. Но ангел предлагает Аврааму вместо сына принести в жертву барана, запутавшегося рогами в ветвях. Но Авраам не слушает его и убивает сына.

2) В данной притче Исаак — сын Авраама — погибает от руки своего отца. Хотя ангел, явившись на землю, взывает его к здравому смыслу и пред-

лагает принести в жертву овна, запутавшегося рогами в кустах, Авраам не прислушивается и убивает как своего сына, так и половину Европы.

Преобладание данных реакций связано с самим заданием: студентам было предложено перевести текст, а формулирование содержания представляет собой перефразирование. В то же время вопрос о смысле и содержании текста у многих респондентов остался без ответа, что связано с аллегоричностью текста.

Наименьшими по частотности оказались такие реакции, как констатация, констатация отсутствия знаний и оценка (по 1,7%). Приведем примеры.

Констатация. В целом смысл текста понятен. Непонятны только отдельные лексические единицы.

Констатация отсутствия знаний. При первом прочтении достаточно трудно понять, что за герои представлены, кто они. Также мне непонятны и незнакомы некоторые слова на английском.

Оценка. Если бы страны Тройственного союза (в частности, Германия как одна из великих держав того времени) не подстроили покушение на эрц-

Количество компликативных реакций

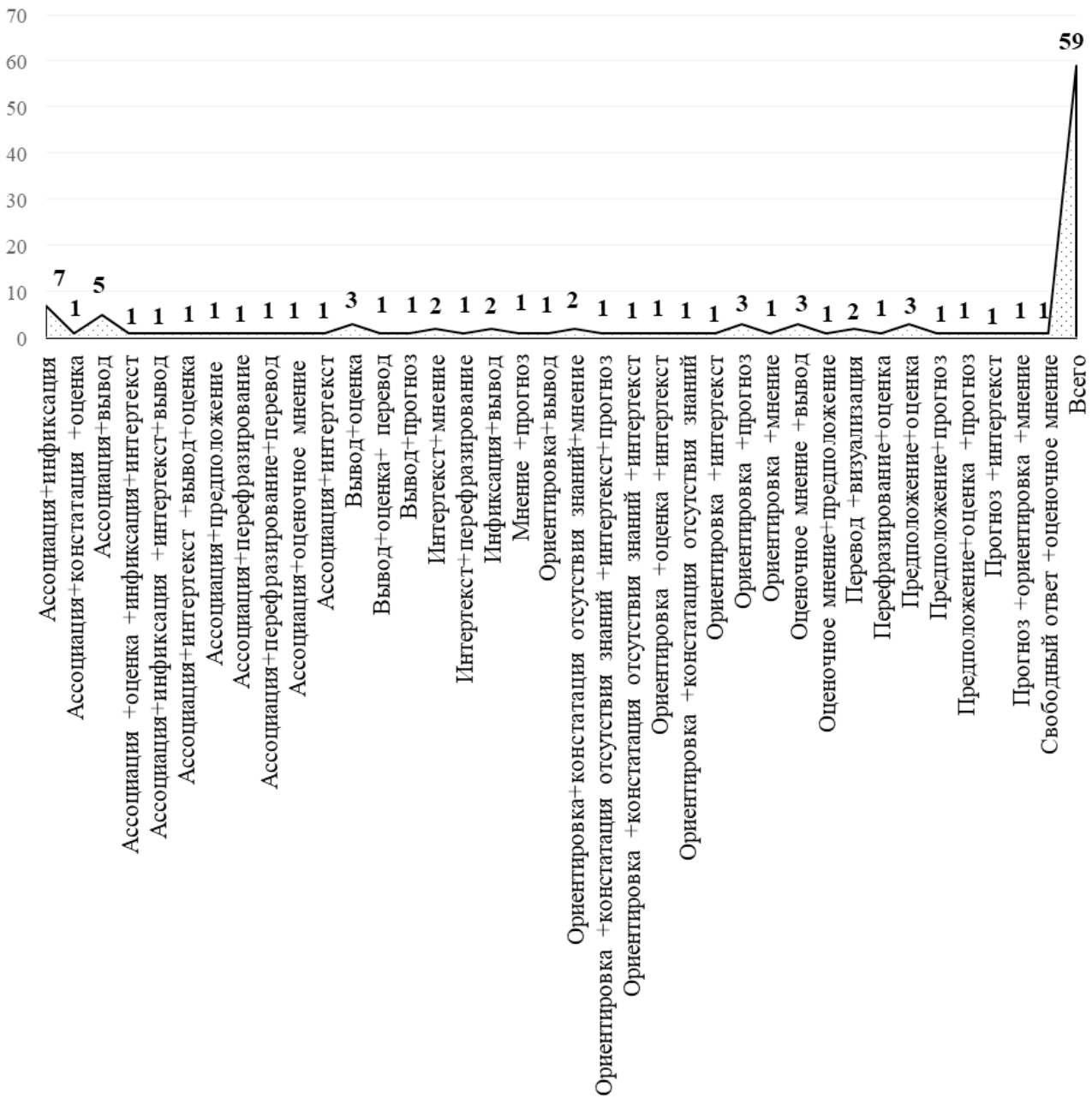

Рис. 2. Компликативные реакции испытуемых

Fig. 2. Complementary reactions of the subjects

герцога Фердинанда, развязав тем самым Первую мировую войну, то удалось бы избежать бессмысленного кровопролития и миллионов убитых.

Среди компликативных реакций наиболее часто используются ассоциация + инфиксация (5,8%) и ассоциация + вывод (4%). Проиллюстрируем на примерах.

Ассоциация + инфиксация:

1) *Abram*: Авраам — библейский персонаж, пророк, «отец множества народов (племен)». Символизирует правительство Европы. Жертвоприношение Исаака — попытка приношения Исаака в жертву Богу Авраамом. Само жертвоприношение символизирует начало Первой мировой войны. *Isaac*: Исаак — библейский персонаж, сын Авраама. Глава 22 книги «Бытие» (Быт. 22:1-17) рассказывает, что, испытывая Авраама, Бог приказал ему принести сына в жертву на горе Мориа. Исаак с кротостью повинился своему отцу, дал связать себя и положить на жертвенник. Когда

волизирует правительство Европы. Жертвоприношение Исаака — попытка приношения Исаака в жертву Богу Авраамом. Само жертвоприношение символизирует начало Первой мировой войны. *Isaac*: Исаак — библейский персонаж, сын Авраама. Глава 22 книги «Бытие» (Быт. 22:1-17) рассказывает, что, испытывая Авраама, Бог приказал ему принести сына в жертву на горе Мориа. Исаак с кротостью повинился своему отцу, дал связать себя и положить на жертвенник. Когда

жертвенный нож был уже занесен над ним, ангел удержал руку Авраама, и вместо Исаака был принесен в жертву Богу баран. Исаак символизирует солдата. *The Ram of Pride*: баран символизирует жертв.

2) Авраам символизирует правителей Европы, хотя, скорее, речь идет о Вильгельме II, так как в тексте он назван стариком, затеявшим войну. Так как поэт умер в 1918 году, то речь, скорее всего, идет о Первой мировой войне. В образе первенца Исаака отображена судьба одного из миллионов солдат, посланных на эту войну. Овен Гордости, по-видимому, означает гордость, фанатичность Вильгельма.

Ассоциация + вывод:

1) После изучения дополнительной информации можно сделать вывод, что Авраам — это правительства европейских государств, Исаак — молодые люди, убитые на войне солдаты, а *the Ram of Pride* — убеждения Авраама, которые не позволили ему принять иное решение, то есть гордость, убеждения правителей европейских государств.

2) Притча посвящена политическим военным действиям. *Abram* символизирует правительства Европы, *Isaac* — типичный солдат, *the Ram of Pride* — жертва.

Мы выявили 27 уникальных компликативных реакций. Приведем примеры некоторых из них.

Перевод + визуализация. «И Авраам встал, и наколот дрова, и пошел, и взял с собой огонь и нож». Здесь Авраам представляется мне мужчиной средних лет, который, возможно, сейчас находится в лесу.

Свободный ответ + оценочное мнение. Данный текст принадлежит к жанру притчи. Притча по своей природе символична и имеет уже заданный, укоренившийся в сознании народа подтекст. Притча должна передавать не лексический, дословный перевод и даже не художественные оттенки. Речь идет о передаче философского смыс-

ла посредством символов, аллюзий. Более того, понимание зависит уже от личностных качеств переводчика: образное мышление, мировоззрение, знание библейских трудов, стиль изложения такого рода жанров и, безусловно, знание специфики терминологии.

Лично я начинаю терять смысл, когда как раз затрудняюсь с пониманием слов в одном ряду, когда догадок совершенно нет.

Ориентировка + мнение. На первый взгляд, неясен смысл всего произведения, а также его основная идея. Для понимания необходимо знать, кем являются персонажи, — например, кто такие Исаак и Авраам, а также предысторию ситуации, к примеру, почему, по какой причине Авраам взял нож.

Выделенные нами реакции мы попытались соотнести с этапами смыслового восприятия текста — интерпретации, толкования и понимания. Итоги анализа приведены в таблице ниже.

В результате анализа было обнаружено, что наибольшее количество реакций испытуемых относится к интерпретации (58 реакций — 54%), этап понимания отражен в 35 реакциях (32%), а толкование — в 15 случаях (14%). При распределении реакций мы принимали во внимание их вербализованное содержание. Так, к этапу интерпретации мы отнесли те «встречные тексты», в которых испытуемые «приписывали» тексту свой смысл. В этих реакциях были отражены различные ассоциации и образы, элементы интертекстуальности, выражены мнения и оценки. К этапу понимания мы отнесли те реакции, в которых респонденты выражали замысел автора, аллегорически содержащий события военного времени и исторические факты. Меньше всего реакций мы отнесли к этапу толкования, который, по определению И. Г. Овчинниковой, есть своего рода объяснение, комментирование, направленное на уточнение авторского замысла.

Соотношение этапа смыслового восприятия с типами реакций

Correlation of the stage of semantic perception with the types of reactions

Этап смыслового восприятия	Реакции		Количество реакций по типам		Доли реакций, %	
	Количество	Показатель, %		Компликативная		Компликативная
Интерпретация	58	54	29	29	50	50
Толкование	15	14	0	15	0	100
Понимание	35	32	20	15	57	43

Заключение

В результате обобщения теоретических и экспериментальных данных относительно смыслового восприятия текста были выделены следующие позиции. Во-первых, текст, обладающий как внешней, так и внутренней формой, подвергается поэтапной смысловой обработке в процессе восприятия и понимания реципиентом. Во-вторых, опираясь на классификацию типов реакций как «встречных текстов», мы сделали попытку выявить взаимосвязь реакций и этапов смыслового

восприятия (интерпретация, толкование и понимание) на материале притчи как жанра высокой степени интерпретативности, насыщенного аллюзиями и аллегориями. Предполагается, что такая взаимосвязь будет зависеть от респондентов (в частности, их языковых и предметных знаний), жанра и типа текста. На этом основании в дальнейшем планируется выявить специфику этапов смыслового восприятия на материале других жанров и типов текста (научно-популярный и публицистический типы) с привлечением других групп респондентов.

Список источников

1. Богин Г. И. Обретение способности понимать: введение в филологическую герменевтику: монография. Тверь, 2001. URL: http://www.bim-bad.ru/docs/bogin_ponimaniye.pdf (дата обращения 07.07.2021).
2. Богин Г. И. Филологическая герменевтика: монография. Калинин: Калинин. гос. ун-т, 1982. 86 с. URL: https://royallib.com/read/bogin_georgiy/filologicheskaya_germenevtika.html#204800 (дата обращения 07.07.2021).
3. Галеева Н. Л. Параметры типологии художественных текстов в деятельностной теории перевода: дис. ... д-ра филол. наук. Тверь, 1999. 394 с.
4. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования: монография. 4-е изд., стер. М.: КомКнига, 2006. 144 с.
5. Давлетова Я. А. Психолингвистическое исследование особенностей понимания библейских текстов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа: Башкир. гос. ун-т, 2012. 19 с.
6. Дружинин В. Н. Экспериментальная психология. СПб.: Питер, 2000. 320 с.
7. Залевская А. А. Некоторые проблемы теории понимания текста // Вопросы языкознания. 2002. № 3. С. 62—73.
8. Залевская А. А. «Достаточный семиозис» при взаимодействии языков и культур // Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты. 2016. Вып. 36. С. 212—218.
9. Смысловое восприятие речевого сообщения (в условиях массовой коммуникации): монография / И. А. Зимняя, А. А. Леонтьев, Т. М. Дридзе [и др.]; под ред. Т. М. Дридзе и А. А. Леонтьева. М.: Наука, 1976. 263 с.
10. Кирсанова И. В. Многозначность семантики текста как реализация индивидуальных стратегий понимания: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа: Башкир. гос. ун-т, 2007. 21 с.
11. Литературная энциклопедия терминов и понятий / гл. ред. и сост. А. Н. Николюкин; науч. ред. Т. Г. Юрченко. М.: Интелвак, 2001. 1600 с.
12. Марова Н. Д. Парадигмы интерпретации текста: монография: в 2 ч. Ч. 2. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2006. С. 210—503.
13. Моисеева А. В. Исследование психолингвистических особенностей восприятия и понимания текста глянцевого журнала: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа: Башкир. гос. ун-т, 2017. 24 с.
14. Новиков А. И. Текст и его смысловые доминанты: монография / под ред. Н. В. Васильевой, Н. М. Нестеровой, Н. П. Пешковой. М.: Ин-т языкознания Рос. академии наук, 2007. 224 с.
15. Овчинникова И. Г. Ассоциативный механизм в речемыслительной деятельности: дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2002. 382 с.
16. Овчинникова И. Г. Ассоциативный механизм в речемыслительной деятельности: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2002. 30 с.
17. Солодилова И. А. О некоторых проблемах порождения и восприятия текста в аспекте коммуникации // Вестник Оренбургского государственного университета. 2005. № 11. С. 141—144.
18. Титлова А. С. Микроблог как вид интернет-текста: аспект понимания: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа: Башкир. гос. ун-т, 2018. 25 с.
19. Шелестюк Е. В. Этапы и закономерности смыслового восприятия текста // Вопросы когнитивной лингвистики. 2010. Вып. 2. С. 85—90.

20. Щирова И. А., Гончарова Е. А. Многомерность текста: понимание и интерпретация: учеб. пособие. СПб.: Книж. дом, 2007. 472 с.
21. Энциклопедия эпистемологии и философии науки / гл. ред. И. Т. Касавин. М.: Канон+, Реабилитация, 2009. 1248 с.
22. Holy Bible. New International Version. URL: <https://www.biblegateway.com/passage/?search=Genesis%2022&version=NIV> (дата обращения 07.05.2021).
23. Owen W. A Parable of the Old Man and the Young // *The European Journal of International Law*. 2019. Vol. 29, no. 4. P. 1351.

References

1. Bogin GI. Obretnie sposobnosti ponimat'. Vvedenie v filologicheskiju germenevtiku = Obtaining the ability to understand. Introduction to philological hermeneutics. Tver, 2001. Available from: http://www.bimbad.ru/docs/bogin_ponimaniye.pdf (accessed 07.07.2021). (In Russ.).
2. Bogin GI. Filologicheskaja germenevtika = Philological hermeneutics. Kalinin: Kalinin State University; 1982. 86 p. Available from: https://royallib.com/read/bogin_georgiy/filologicheskaya_germenevtika.html#204800 (accessed 07.07.2021). (In Russ.).
3. Galeeva NL. Parametry tipologii khudozhestvennykh tekstov v deiatel'nostnoi teorii perevoda = Parameters of literary text typology in activity theory of translation. Thesis. Tver; 1999. 394 p. (In Russ.).
4. Gal'perin IR. Tekst kak ob'ekt lingvisticheskogo issledovanija = Text as an object of linguistics investigation. Moscow: KomKniga; 2006. 144 p. (In Russ.).
5. Davletova YaA. Psiholingvisticheskoe issledovanie osobennostej ponimaniya biblejskikh tekstov = Psycholinguistic investigation of peculiarities of biblical texts' understanding. Abstract of thesis. Ufa: Bashkir State University; 2012. 19 p. (In Russ.).
6. Druzhinin VN. Eksperimental'naja psihologija = Experimental psychology. St. Petersburg: Piter; 2000. 320 p. (In Russ.).
7. Zalevskaia AA. Some problems of text understanding theory. *Voprosy iazykoznaniiia = Linguistics Issues*. 2002;(3):62-73. (In Russ.).
8. Zalevskaia AA. "Sufficient semiosis" in intercultural communication. *Inostrannye iazyki: lingvisticheskie i metodicheskie aspekty = Foreign languages: linguistic and methodological aspects*. 2016;(6):212-218. (In Russ.).
9. Zimnjaja IA. Smyslovoe vosprijatie rechevogo soobshhenija = Semantic perception of spoken message. Moscow: Nauka; 1976. 263 p. (In Russ.).
10. Kirsanova IV. Mnogoznachnost' semantiki teksta kak realizacija individual'nyh strategij ponimaniya tekstov = Multiple meaning of text semantics as realization of individual strategy of text understanding. Abstract of thesis. Ufa: Bashkir State University; 2007. 21 p. (In Russ.).
11. Nikoljukin AN (ed.), Yurchenko TG (sci. ed.). Literaturnaja jenciklopedija terminov i ponjatij = Literary encyclopedia of terms and concepts. Moscow: Intelvak; 2001. 1600 p. (In Russ.).
12. Marova ND. Paradigmy interpretatsii teksta = Paradigms of text interpretation. Pt. 2. Ekaterinburg: Ural State Pedagogical University; 2006. Pp. 210—503 (In Russ.).
13. Moiseeva AV. Issledovanie psiholingvisticheskikh osobennostej vosprijatija i ponimaniya teksta gljancevogo zhurnala = Investigation of psycholinguistic peculiarities of magazine text's perception and understanding. Abstract of thesis. Ufa: Bashkir State University; 2017. 24 p. (In Russ.).
14. Novikov AI; Vasil'eva NV, Nesterova NM, Peshkova NP (eds.). Tekst i ego smyslovyje dominanty = Text and its conceptual dominants. Moscow: Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences; 2007. 224 p. (In Russ.).
15. Ovchinnikova IG. Associativnyj mehanizm v rechemyslitel'noj dejatel'nosti = Associative mechanism in speech-thinking activity. Thesis. St. Petersburg; 2002. 382 p. (In Russ.).
16. Ovchinnikova IG. Associativnyj mehanizm v rechemyslitel'noj dejatel'nosti = Associative mechanism in speech-thinking activity. Abstract of thesis. St. Petersburg; 2002. 30 p. (In Russ.).
17. Solodilova IA. On some problems of text production and perception in communication aspect. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Orenburg State University*. 2005;(11):141-144. (In Russ.).

18. Titlova AS. Mikroblog kak vid internet-teksta: aspekt ponimanija = Microblog as a type of online text: aspect of understanding. Abstract of thesis. Ufa: Bashkir State University; 2018. 25 p. (In Russ.).
19. Shelestiuk EV. Laws and Stages of Text Comprehension. *Voprosy kognitivnoj lingvistiki = Issues of Cognitive Linguistics*. 2010;2(023):85-90. (In Russ.).
20. Shhirova IA, Goncharova EA. Mnogomernost' teksta: ponimanie i interpretacija = Multidimensionality of text. Understanding and interpretation. St. Petersburg: Knizhnyj Dom; 2007. 472 p. (In Russ.).
21. Kasavin IT (ed.). Entsiklopediia epistemologii i filosofii nauki = Encyclopedia of epistemology and philosophy of science. Moscow: Kanon+, Reabilitatsiia; 2009. 1248 p. (In Russ.).
22. Holy Bible. New International Version. Available from: <https://www.biblegateway.com/passage/?search=Genesis%2022&version=NIV> (accessed 07.05.2021).
23. Owen W. A Parable of the Old Man and the Young. *The European Journal of International Law*. 2019;29(4):1351.

Информация об авторе

Е. Л. Заводникова — аспирантка кафедры иностранных языков, лингвистики и перевода.

Information about the author

Elizaveta L. Zavodnikova — a postgraduate student of the Department of Foreign Languages, Linguistics and Translation.

Статья поступила в редакцию 11.05.2021; одобрена после рецензирования 27.06.2021; принята к публикации 18.01.2022.

The article was submitted 11.05.2021; approved after reviewing 27.06.2021; accepted for publication 18.01.2022.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 373

doi: 10.47475/1994-2796-2022-10119

ВЫЯВЛЕНИЕ ПРАКТИК ОБУЧЕНИЯ ДЕТЕЙ-МИГРАНТОВ ПОСРЕДСТВОМ ГЛУБИННОГО ИНТЕРВЬЮ

**Олеся Ильясовна Шарафутдинова¹, Елена Геннадьевна Доронина²,
Юлия Викторовна Казакова³**

^{1,2,3}Южно-Уральский государственный университет (национально-исследовательский университет), Челябинск, Россия

¹sharafutdinovaoi@susu.ru

²doroninaeg@susu.ru

³kazakovayv@susu.ru

Аннотация. Рассматривается вопрос о выявлении трудностей обучения детей-мигрантов и наиболее эффективных методических приемах, применяемых в педагогической деятельности. В качестве основного метода исследования выступает глубинное интервью, демонстрирующее опыт работы конкретных учителей, индивидуальные трудности и подходы. Анализ полученных материалов позволяет определить как общие положения, так и частные случаи, связанные с обучением детей-мигрантов.

Ключевые слова: дети-мигранты, глубинное интервью, методические приемы, практики обучения

Финансирование: Соглашение № 073-15-2021-2008 между Министерством просвещения Российской Федерации и федеральным государственным автономным образовательным учреждением высшего образования «Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет)».

Для цитирования: Шарафутдинова О. И., Доронина Е. Г., Казакова Ю. В. Выявление практик обучения детей-мигрантов посредством глубинного интервью // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 1 (459). Филологические науки. Вып. 127. С. 166—173. doi: 10.47475/1994-2796-2022-10119.

Original article

IDENTIFICATION OF TRAINING PRACTICES FOR MIGRANT CHILDREN THROUGH IN-DEPTH INTERVIEWS

Olesya I. Sharafutdinova¹, Elena G. Doronina², Yuliya V. Kazakova³

^{1,2,3}South Ural State University, Chelyabinsk, Russia

¹sharafutdinovaoi@susu.ru

²doroninaeg@susu.ru

³kazakovayv@susu.ru

Abstract. The article considers the issue of identifying the difficulties of teaching children-migrants and the most effective methodological techniques used in pedagogical activity. The main research method is in-depth interviews, demonstrating the work experience of specific teachers, individual difficulties and approaches. The analysis of the materials received allows us to determine both general provisions and special cases related to the education of migrant children.

Keywords: migrant children, in-depth interviews, methodological techniques, training practices

For citation: Sharafutdinova OI, Doronina EG, Kazakova YuV. Identification of training practices for migrant children through in-depth interviews. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2022;1(459), Philological Sciences, 127:166-173. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2022-10119.

Введение

На протяжении последних десятилетий наблюдается значительный рост миграции из стран постсоветского пространства. Челябинская область, являясь приграничной, имеет большой международный миграционный приток: по данным Росстата за январь — октябрь 2021 года, миграционный прирост из государств — участников СНГ составил более шести тысяч человек, при этом около трех с половиной тысяч мигрантов прибыли из республик Средней Азии [8]. Ежегодно в Челябинской области более 500 вновь прибывших детей-мигрантов приступают к обучению в школах и становятся категорией обучающихся, имеющей особые образовательные потребности. Необходимо отметить, что система образования серьезно реагирует на новые запросы обучающихся-мигрантов: в Таджикистане, Узбекистане, Киргизии создаются школы с обучением на русском языке по российским образовательным стандартам, куда направляют российских педагогов для обучения школьников; в российских регионах для детей мигрантов открываются центры открытого образования и обучения русскому языку, разрабатываются курсы повышения квалификации и методические материалы для учителей и классных руководителей. На заседании Совета по межнациональным отношениям 30 марта 2021 г. министр просвещения РФ С. С. Кравцов отметил, что готовится комплексная система оценки индивидуальных образовательных потребностей детей мигрантов, которая будет не только выявлять уровень владения ребенком русским языком и возможные проблемы при освоении им общеобразовательной программы, она позволит в дальнейшем сформировать для него необходимую образовательную траекторию, а также программу психолого-педагогического сопровождения [6]. Таким образом, изучение практик адаптации детей-мигрантов, а также обучения русскому языку и на русском языке является первоочередной задачей для построения эффективной работы с детьми-мигрантами.

Н. В. Никулина определяет образовательную практику как совокупность подходов, методов и приемов, обеспечивающих решение актуальной задачи образовательного процесса, пригодную для трансляции, то есть использования в новых условиях [9]. Анализ образовательных практик позволяет выявить эффективный, инновационный авторский, пригодный для использования в новых условиях педагогический опыт обучения детей-мигрантов.

Методы и материалы

Исследование проводилось методом глубинного интервью. Глубинное интервью представляет собой полуформализованное (или полуструктурированное) интервью исследовательского характера. В интервью такого типа акцент делается на личный опыт эксперта. Этот метод относят к «качественным», то есть к методам, основанным на «понимании», восходящим к идеям М. Вебера о «понимающей социологии» [3]. В глубинном интервью исследователь получает информацию в процессе личностного общения интервьюера и реципиента в отличие от так называемых «количественных», основанных на формализованных техниках опроса [4. С. 103].

Для выявления опыта обучения детей-мигрантов применение этого метода считаем наиболее эффективным, поскольку он предполагает нарратив реципиента, воплощающий индивидуальный опыт человека и являющийся, таким образом, лучшим способом передачи этого опыта [5. С. 37]. Вслед за Н. А. Мартыановой, считаем преимуществами этого метода возможность зондирования (набор приемов, побуждающих собеседника к максимально искренним и полным ответам, — например, уточняющие вопросы, повтор вопроса через определенное время, использование пауз, различной интонации), возможность использования визуальных материалов [7. С. 115], невербальных компонентов общения.

Достоверность результатов, полученных методом глубинного интервью, во многом зависит от предварительной подготовки интервьюера: его знакомства с болевыми точками исследования, проработкой необходимого теоретического материала до начала интервью, умения организовать общение в непринужденной, понимающей атмосфере. Безоценочность реакций интервьюера, его умение следовать за развитием мысли собеседника особенно важны для предотвращения «эффекта интервьюера» [2. С. 60]. Для создания положительного фона общения опытные исследователи используют различные техники создания аттракции, в том числе просьбы к реципиенту рассказать о себе, об опыте в какой-либо сфере, приемы.

Другой вопрос, связанный с достоверностью исследования, — количество глубинных интервью, необходимых для обоснованного формулирования выводов. Исследователи называют разные цифры: от 10 до 60. Наиболее обоснованной представляется точка зрения профессора М. А. Анипкина, высказываемая им в лекциях, согласно которой

исследователь должен ориентироваться не просто на определенную цифру, а на содержание получаемой информации: если на один и тот же вопрос перестают поступать новые в смысловом отношении ответы, то количество взятых интервью можно считать достаточным. Вслед за М. А. Анипкиным, считаем необходимым использовать метод «снежного кома», в соответствии с которым при упоминании реципиентом имени другого человека глубинное интервью берется и у этого человека, чтобы «избежать “шумов”, неизбежных при интервьюировании знакомого человека» [1. С. 290].

Глубинное интервью относится к качественным методам исследования и предполагает уточнение получаемой в процессе беседы информации, что неизбежно приводит к отклонению от заранее подготовленных вопросов при удерживании основной темы разговора. Очень важна видеофиксация беседы: в процессе самого разговора интервьюер сосредоточен на содержании разговора, поскольку должен задавать вопросы, фиксировать полученную информацию, определять логику развития беседы.

Глубинные интервью выстраивались по следующей схеме:

1. Вхождение в беседу, рассказ о цели интервью, фатический диалог.

2. Сколько детей-мигрантов учится в Вашем классе?

3. Вы давно работаете с детьми-мигрантами?

4. Каковы наибольшие сложности у детей-мигрантов в освоении ими базового школьного курса русского языка?

5. Какие особенности интереса и мотивации к изучению русского языка у детей-мигрантов Вы можете отметить?

6. Вспомните случаи, когда какой-то прием оказался особенно удачным при обучении ребенка-мигранта. Расскажите о своих удачных находках.

7. Случались ли неудачи? Что Вас больше всего тревожит/печалит в работе с детьми-мигрантами?

8. Если бы у Вас были неограниченные ресурсы при организации учебного процесса, что бы Вы сделали? Как организовали бы работу?

9. Ваш стаж преподавания русского языка.

В ходе исследования было опрошено шесть реципиентов, сделаны соответствующие видео- и аудиозаписи. Отбор опрашиваемых был обусловлен следующими факторами: 1) работа в качестве учителя русского языка или педагога дополнительного образования, обучающего русскому языку; 2) наличие в классе (группе) детей-мигрантов; 3) активные поиски эффективных приемов обучения иноязычных детей. При этом

наличие или отсутствие специального образования по специфике преподавания русского языка как иностранного/неродного не учитывались на этапе отбора реципиентов.

Краткая информация об участниках:

1) Реципиент № 1 (ЕА) — учитель русского языка и литературы со стажем работы 35 лет, 7 из них были связаны с обучением детей-мигрантов в классе с русскоязычными детьми. Специальное образование отсутствует, однако посещались вебинары, посвященные проблемам обучения русскому языку как неродному.

2) Реципиент № 2 (НС) — учитель русского языка и литературы со стажем работы 5 лет, 1,5 года из них были связаны с обучением детей-мигрантов в классе с русскоязычными детьми (5—6-й класс). Специальное образование по методике преподавания РКИ/РКН отсутствует. В классе учился один ребенок-мигрант. Опыт работы с детьми-мигрантами — 1,5 года (5—6-й класс).

3) Реципиент № 3 (АШ) — учитель русского языка и литературы со стажем работы 3 года, первый год связан с обучением детей-мигрантов в классе с русскоязычными детьми (7-й класс). У реципиента есть специальное образование по методике обучения русскому языку как иностранному, опыт работы с иностранными слушателями по программе подготовки к поступлению в вуз.

4) Реципиент № 4 (ЕН) — учитель русского языка и литературы со стажем работы 35 лет. Работает с детьми-мигрантами около 5 лет, имеет дополнительную подготовку в области преподавания русского языка как иностранного.

5) Реципиент № 5 (МБ) — учитель русского языка и литературы со стажем работы 35 лет, директор школы. Работает с детьми-мигрантами не менее 10 лет.

6) Реципиент № 6 (ОА) — учитель начальных классов, заместитель директора. Стаж работы — 35 лет. С детьми-мигрантами работает 7 лет. Пройдено несколько курсов повышения квалификации в области преподавания русского языка как иностранного и русского языка как неродного.

При анализе материалов глубинных интервью следует отметить живейший интерес участников к обсуждаемым вопросам, все реципиенты вовлечены в работу, в учебный процесс, при этом готовы обсуждать трудности и предлагать варианты решения проблем, в том числе апробированные на собственном опыте. Однако организация процесса обучения определяется руководителями конкретных образовательных организаций, что

изначально ставит учителей в разные условия: или системное дополнительное обучение, или эпизодические факультативы, или отсутствие какой-либо внеурочной деятельности.

ЕА: Основное обучение детей-мигрантов осуществляется на уроках, в школе организованы факультативы, в том числе для родителей, особенно мам. Однако не все учащиеся посещают дополнительные занятия.

АВ: В настоящий момент мигранты обучаются только в классе, учитель готовит дополнительные занятия, внеурочная деятельность не организована, только со следующего года планируется систематическая внеурочная деятельность.

ЕН: Все вопросы, связанные с обучением детей-мигрантов, ложатся на плечи учителя. Дополнительные занятия проводятся учителями на добровольной основе.

МБ: Дети-мигранты с низким уровнем знания русского языка обучаются в коррекционных классах (на класс ниже) с русскоговорящими отстающими в учебе детьми, затем, после выравнивания, могут быть переведены в обычные классы.

ОА: Дети-мигранты занимаются в обычных классах, но для них организованы систематические дополнительные занятия (в сборных разновозрастных группах), они вовлечены в разные виды внеурочной деятельности.

При анализе трудностей и проблем обучения следует выделить две группы вопросов. Первая группа — экстралингвистические трудности: адаптация в русскоязычном классе, отношение к процессу обучения и требованиям образовательной организации, языковая среда в семье, личностные и психофизиологические особенности ребенка, система школьного обучения.

ЕА отмечает разный уровень подготовки детей-мигрантов: владение языком, дисциплинированность, отношение к учебе. При этом ЕА согласна со школьными коллегами в том, что у некоторых детей, как правило, армян и азербайджанцев, существует склонность к языкам, для них характерны успехи при изучении не только русского языка, но и английского. Эффективность обучения напрямую связана с тем языком, который служит языком общения в семье — родной или русский.

Среди мигрантов из Таджикистана ЕА также выделяет некоторые группы. Во-первых, дети, которые учились в специальных школах, например гимназиях, имеют высокие способности к обучению, нацелены на успех, понимают, что они должны делать, чтобы добиться высоких результатов в учебе. Во-вторых, учащиеся, не настроенные

на освоение учебного материала, обычно в таких семьях говорят на родном языке, возникает вопрос об уровне образования родителей.

Отмечаются проблемы интеграции с русскоязычным классом: зачастую дети-мигранты — более старшего возраста, чем остальные учащиеся в классе, поэтому отчасти изолированы в коллективе, учитель не вызывает их к доске в целях экономии времени и чтобы избежать насмешек над неправильными ответами.

НС в качестве главной проблемы называет систему. В настоящий момент школьное образование ориентировано на русскоязычных детей, не учитывается специфика освоения программы инофонами, как минимум необходимость большего количества времени на освоение базовых тем. При наличии понимания «в моменте», то есть непосредственно на уроке, у ребенка-мигранта нет возможности перевести знания в навык, довести навык до автоматизма. Если дома он читает учебник и повторяет материал, то не понимает, отсутствует помощь семьи, в семье не говорят по-русски. Так, мама частично понимает по-русски, говорит на ломаном русском, но не читает и не пишет по-русски.

АШ обозначает отношение русскоязычных учащихся к мигрантам: чаще всего неприятие, пренебрежительное отношение, насмешки над ошибками. В то же время есть толерантные ученики, готовые помочь, объяснить, исправить ошибки в речи.

Мигранты принимают активное участие во внеучебной работе, в различных мероприятиях, у них очень развито творческое мышление, отмечается любовь к рисованию.

МБ в качестве ведущего фактора успешности адаптации и обучения называет семью ребенка: те цели, которые ставит семья, отдавая ребенка в школу. В мусульманских семьях, как правило, девочек не ориентируют на успехи в учебе. Они часто пропускают занятия, выполняя в семье обязанности няни или сиделки, мальчики же более мотивированы получить образование. Семьи, в которых родители имеют высшее образование, как правило, делают все для того, чтобы у ребенка не было проблем в обучении. Такие дети очень быстро вливаются в образовательную среду российской школы.

Вторая группа — трудности, связанные собственно с изучением языка: знание языковой системы, формирование речевой и коммуникативной компетенций в четырех видах речевой деятельности.

ЕА в качестве наибольших сложностей обучения называет грамматические темы: 1) частеречная принадлежность слов, 2) система падежей,

3) категория рода, не совпадающая с родным языком: учащиеся не просто нарушают правила согласования прилагательного с существительным, но и зачастую не осознают родовую принадлежность существительного (например: **осенняя погоня*). Отмечаются также большие трудности при написании диктантов и при формировании навыков письменной речи. Так, с точки зрения формальной грамотности работы детей-мигрантов могут быть даже более грамотными, чем работы некоторых русскоязычных детей. Однако для письменной речи мигрантов характерны трудности с построением предложений, согласованием, логичностью и связностью предложений в тексте, логикой текста.

НС в качестве наибольшей трудности называет восприятие устной речи, ребенок плохо читал по-русски и плохо понимал. Низкий уровень владения языком замедляет понимание задания и его выполнение, вследствие чего ребенок постоянно отстает при выполнении заданий от всего класса. Поэтому учитель искал особый подход, пытался использовать другую систему оценивания, в результате появились определенные успехи и заинтересованность в дальнейшем обучении.

Педагог отмечает проблемы с чтением: чтение по слогам, с нарушением фонетических норм, очень тихим голосом. В то же время навыки устной речи позволяли решать коммуникативные задачи: беглая речь в общении с одноклассниками, отсутствие коммуникативного барьера.

АШ в своем интервью много внимания уделяет явлению интерференции, называя ее причиной большого количества ошибок в русской речи инофонов: в речи отсутствуют окончания («проглатываются») или учащийся не пользуется формами словоизменения, не понимает, почему так происходит в русском языке, чем обусловлен выбор окончания.

В качестве самого сложного вида речевой деятельности отмечено письмо, начиная с графического аспекта. У иноязычных школьников в письменной речи много коммуникативно значимых ошибок, мысль выражается в искаженной речевой форме, что затрудняет понимание высказывания. Если говорить об уровнях языковой системы, то наибольшие трудности связаны с грамматикой: падежная система, причастие и деепричастие, связь слов в словосочетании и предложении (вместо предложения набор слов). Очень сложно писать сочинения, выполнять грамматические задания. В то же время уроки по развитию речи, занятия, посвященные устной речи, вызывают большой интерес («эти дети любят поговорить»).

ЕН в качестве основной трудности при обучении детей-мигрантов называет фонетическую интерференцию, затрудняющую формирование навыков правописания.

Третий круг вопросов призван продемонстрировать конкретные методические приемы педагога, специфику работы с детьми-мигрантами, размышления по поводу эффективной организации такой работы.

ЕА использует следующие методические приемы: опорные карты, заучивание части речи и вопроса, переписывание текста, работу по тексту в виде вопросов. Подобная работа реализуется, как правило, в форме дополнительных заданий. Эффективность приема зависит в первую очередь от вовлеченности ребенка в учебный процесс. Некоторые дети активно пользуются Интернетом, успешно осуществляют поиск и отбор необходимой информации. Приводится пример учащегося, который перешел в 11-й класс: педагог обращает внимание на старательность учащегося, его готовность реализовать разные приемы обучения и выполнения контрольных мероприятий. Педагог считает необходимым подкрепление письменных работ устными ответами.

В качестве предложений по обучению детей-мигрантов реципиент называет необходимость расширять словарный запас, работать с лексикой, особенно необходимой для обучения другим предметам, создавать специальные учебные материалы и учебные комплексы, разработать специальный регламент оценивания и контрольные мероприятия для детей-мигрантов.

НС сосредоточилась на обучении чтению и аудированию (понимание устной речи), задания формулировала максимально просто, говорила очень медленно, чтобы учащийся понял, что от него требуется, приходилось уделять больше внимания этому учащемуся во время занятий. Оценивались только изученные правила и темы, фоновые знания первоначально не оценивались. Учащийся показал высокие результаты в освоении определенных правил, но допускал много ошибок, связанных с общим владением русским языком. Например, отсутствовали знания о правилах пунктуации, запятые расставлялись через слово. Следующий учитель оценивал мигранта на общих основаниях, и учащийся снова стал двоечником.

Среди применяемых методических приемов НС называет следующие: 1) работа в парах (русскоязычная одноклассница объясняла материал, не давая списывать, не подсказывая); 2) визуализация (весь материал, включая формулировку заданий,

был представлен в презентациях, что облегчало работу и с русскоязычными школьниками в классе. Активно использовались иллюстрации, особенно на уроках литературы, на уроках русского языка — самостоятельно разработанные и доработанные схемы и таблицы).

НС вносит предложения по организации работы с инофонами. Если обучение осуществляется с русскоязычными учащимися, то можно разделить класс на группы, в одну группу включить русскоязычных детей, испытывающих серьезные затруднения с обучением («слабые» дети) и детей-мигрантов. В такой группе больше внимания уделять объяснению материала и индивидуальному контролю. В рамках школы такую систему реализовать сложно, это дополнительная работа с индивидуальным подходом. При этом полностью отделять мигрантов от русскоязычных детей нецелесообразно, поскольку в обучении большую роль играет языковая среда. Однако перед совместным обучением нужен специальный базовый курс русского языка, ребенок-мигрант должен иметь первоначальные навыки во всех четырех видах речевой деятельности.

АШ много внимания уделяет разработке дополнительных заданий, потому что того времени, которое выделяется на освоение темы по школьной программе, не хватает детям-мигрантам. Учитель задерживается на переменах и после уроков, чтобы объяснить дополнительно, готовит дополнительный раздаточный материал, индивидуальные карточки с заданиями, отдельного пособия пока нет. Получается, что для мигрантов возможны два варианта: 1) выполнение только дополнительного задания, 2) выполнение и общего, и дополнительного задания. Однако опрос и проверка проходят чаще всего в рамках урока в классе.

В качестве наиболее удачных приемов АШ называет совмещение иллюстративного материала и перевода. Несмотря на рекомендации не использовать перевод, в некоторых случаях он очень эффективен (приводится пример с школьницей из США). При этом с учащимся из Таджикистана такой прием использовать невозможно, поскольку педагог не владеет таджикским языком. В этих случаях применяется групповая работа: 1) ребенок-мигрант произносит перевод предложения на родной язык; 2) пишет русскими буквами эту фразу на родном языке, потом на русском языке; 3) проводится анализ, почему в этом предложении составное именное сказуемое¹.

¹ На занятии изучалась тема «Составное именное сказуемое».

Также отмечается высокая результативность использования иллюстративных материалов, обращения к интерактивным (электронным) словарям. Педагог планирует разработать интерактивный словарь для изучения причастий со сложным лексическим значением.

АШ называет достоинства коммуникативного подхода, обсуждения грамматических явлений на русском языке в сопоставлении с родным языком или на его фоне, постоянного речевого взаимодействия с русскоязычными учащимися.

АШ уверена, что обучать мигрантов надо, используя иные подходы, нежели при обучении русскоязычных школьников, однако средства контроля для всех одинаковы и не учитывают специфики мигрантов. АШ предлагает организовать специальный класс дополнительного обучения для детей-мигрантов с интерактивным подходом к обучению с учетом специфики родного языка (элементы этнометодики).

ЕН также основной упор делает на применение принципов этнометодики, высказывая пожелание организовать дополнительное обучение детей-мигрантов не только с учетом их уровня владения русским языком как иностранным, но и с учетом родного языка обучающихся. Реципиент полагает, что на уровне управления образованием в большом городе можно найти педагогов, владеющих языками мигрантов — как выходцев из стран бывшего Советского Союза, так и из стран дальнего зарубежья. В повседневной практике реципиент постоянно использует парную и групповую работу, считает эффективным вовлечение детей-инофонов в проектную деятельность при условии, что тема выбрана самим ребенком, близка ему и интересна.

МБ говорит о необходимости грамотной организации входного контроля, привлечения специалистов в области РКИ, дефектологов, специалистов по межкультурной коммуникации. Коррекцию знаний, и прежде всего в области русского языка, считает целесообразным организовывать в классах с небольшой наполняемостью, на сегодняшний день это коррекционные классы, где учатся как носители языка, так и дети-инофоны.

Обсуждение и заключение

В ходе проведения глубинных интервью с учителями школ Челябинска и Екатеринбурга выявлены следующие проблемы работы с мигрантами в полиязычном классе:

1) отсутствие сформированных речевых навыков в четырех видах речевой деятельности; в частности, дети-мигранты могут общаться в бытовых ситуациях, но не умеют читать и писать;

2) невозможность уделить большее количество времени для объяснения тех или иных тем;

3) невозможность полноценно работать с иноязычными детьми (включать их в диалог, вызывать к доске) из-за невысокого уровня владения языком, жесткого тайминга, негативного отношения со стороны других детей;

4) необходимость привлечения дополнительных материалов: визуальная поддержка, перевод, большее количество примеров;

5) прерывание образовательного процесса на долгое время в случаях отъезда ребенка с семьей на родину;

6) отсутствие поддержки со стороны семей детей мигрантов в связи с низким уровнем владения русским языком родителями либо их религиозными взглядами.

Были внесены следующие предложения:

1) Организовать дополнительные систематические занятия в малых группах или индивиду-

ально, выстраивающиеся параллельно с основным курсом обучения.

2) Организовать специальные классы, включающие детей-мигрантов и русскоязычных школьников, испытывающих проблемы с обучением.

3) Организовывать совместные групповые занятия родителей и детей мигрантов.

4) Организовать на уровне города воскресные/субботные школы русского языка как иностранного с привлечением специалистов в области РКИ, владеющих родными языками мигрантов.

5) Организовать создание и выпуск методической литературы: приложений к действующим в городе учебникам для детей-инофонов, адаптированные к разным уровням владения РКИ.

6) Обеспечить школы тестовыми материалами по русскому языку как иностранному/неродному для входного контроля детей, прибывающих из-за рубежа.

Список источников

1. Анипкин М. А. Поколение «лишних людей»: антропологический портрет последнего советского поколения // *Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре*. 2018. № 1 (117). С. 290—308.

2. Белановский С. А. Глубокое интервью: учеб. пособие. М.: Никколо-Медиа, 2001. 320 с.

3. Вебер М. О. Избранные произведения: пер. с нем. М.: Прогресс, 1990. 808 с.

4. Веселкова Н. В. Полуформализованное интервью // *Социологический журнал*. 1994. № 3. С. 103—109.

5. Журавлев В. Ф. Нарративное интервью в биографических исследованиях // *Социология: Методология, методы, математические модели*. 1993. № 3—4. С. 37—43.

6. Заседание Совета по межнациональным отношениям // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/catalog/persons/630/events/65252> (дата обращения 26.12.2021).

7. Мартыянова Н. А. Глубинные интервью в современной социологической методологии // *Наука сегодня: проблемы и перспективы развития: материалы междунар. науч.-практ. конф.* Вологда, 28 нояб. 2018 г.: в 2 ч. Ч. 2. Вологда: Маркер, 2018. С. 115—117.

8. Общая характеристика миграционной ситуации в Челябинской области за январь — октябрь 2021 года // *Челябинскстат. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Челябинской области*. URL: <https://chelstat.gks.ru/population> (дата обращения 26.12.2021).

9. Никулина Н. В. Трансляция лучших образовательных практик как фактор модернизации образования на муниципальном уровне: дис. ... канд. пед. наук. М., 2011. 263 с.

References

1. Anipkin MA. The Generation of “Superfluous People”: An Anthropological Portrait of the Last Soviet Generation. *Neprikosnovennyj zapas. Debaty o politike i kul'ture = Untouchable reserve. Debates on politics and culture*. 2018;1(117):290-308. (In Russ.).

2. Belanovskiy SA. Glubokoe interv'ju = In-depth interview. Moscow: Nikkolo-Media; 2001. 320 p. (In Russ.).

3. Veber MO. Izbrannye proizvedeniya = Selected works. Moscow: Progress; 1990. 808 p. (In Russ.).

4. Veselkova NV. Semi-formalized interview. *Sociologicheskij zhurnal = Sociological Journal*. 1994;(3):103-109. (In Russ.).

5. Zhuravlev VF. Narrative Interview in Biographical Studies. *Sociologija: Metodologija, metody, matematicheskie modeli = Sociology: Methodology, methods, mathematical models*. 1993;(3-4):37-43. (In Russ.).

6. Zasedanie Soveta po mezhnacional'nyim otnosheniyam = Meeting of the Council for Interethnic Relations. In: *Prezident Rossii = President of Russia*. 2021. Available from: <http://www.kremlin.ru/catalog/persons/630/events/65252> (accessed 20.12.2021). (In Russ.).

7. Mart'yanova NA. Glubinnye interv'ju v sovremennoj sociologicheskoy metodologii = In-depth interviews in modern sociological methodology. In: Nauka segodnja: problemy i perspektivy razvitija v 2. Ch. 2 = Science today: problems and development prospects in 2 pt. Pt. 2. Vologda: Marker; 2018. Pp. 115—117. (In Russ.).

8. Obshhaja harakteristika migracionnoj situacii v Cheljabinskoj oblasti za janvar' — oktjabr' 2021 goda = General characteristics of the migration situation in the Chelyabinsk region for January-October 2021. In: Cheljabinskstat. Territorial'nyy organ Federal'noj sluzhby gosudarstvennoj statistiki po Cheljabinskoj oblasti = Chelyabinskstat. Territorial body of the Federal State Statistics Service for the Chelyabinsk Region. Available from: <https://chelstat.gks.ru/population> (accessed 20.12.2021). (In Russ.).

9. Nikulina NV. Transljacija luchshih obrazovatel'nyh praktik kak faktor modernizacii obrazovanija na municipal'nom urovne = Broadcasting the best educational practices as a factor in the modernization of education at the municipal level. Thesis. Moscow; 2011. 263 p. (In Russ.).

Информация об авторах

О. И. Шарафутдинова — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка как иностранного.

Е. Г. Доронина — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного .

Ю. В. Казакова — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка как иностранного.

Information about the authors

Olesya I. Sharafutdinova — Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Russian as a Foreign Language.

Elena G. Doronina — Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Russian as a Foreign Language.

Yuliya V. Kazakova — Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Russian as a Foreign Language.

Статья поступила в редакцию 15.08.2021; одобрена после рецензирования 05.11.2021; принята к публикации 18.01.2022.

The article was submitted 15.08.2021; approved after reviewing 05.11.2021; accepted for publication 18.01.2022.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 811.161.1

doi: 10.47475/1994-2796-2022-10120

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ПАРТНЁРСКОЙ СЕТИ ЦЕНТРОВ ОТКРЫТОГО ОБРАЗОВАНИЯ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ НА ТЕРРИТОРИИ РФ: ЗАДАЧИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Людмила Ивановна Шестакова¹, Ядвига Леонидовна Березовская²✉, Елена Михайловна Зайко³

^{1, 2} Южно-Уральский государственный университет, Челябинск, Россия

¹shestakovali@susu.ru

²berezovskaia@mail@susu.ru✉

³Челябинский педагогический колледж № 2, Челябинск, Россия, zayko_em@mail.ru

Аннотация. В рамках выполнения работ по проекту «Совершенствование кадрового потенциала работников образовательных организаций, в том числе центров открытого образования, путем трансляции лучших практик обучения детей-мигрантов на русском языке» реализации мероприятия «Субсидии на реализацию мероприятий, направленных на полноценное функционирование и развитие русского языка» ведомственной целевой программы «Научно-методическое, методическое и кадровое обеспечение обучения русскому языку и языкам народов Российской Федерации» подпрограммы «Совершенствование управления системой образования» государственной программы Российской Федерации «Развитие образования» по Соглашению № 073-15-2021-2008 между Министерством просвещения Российской Федерации и федеральным государственным автономным образовательным учреждением высшего образования «Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет)».

В статье представлен опыт создания, функционирования и развития партнерской сети центров открытого образования на русском языке Южно-Уральского государственного университета. В частности, рассмотрены мероприятия центра открытого образования, созданного в Челябинском педагогическом колледже № 2. Указаны задачи партнерской сети и стратегии решения по вопросу подготовки детей-мигрантов, включающие комплексный подход к обучению: проведение образовательных мероприятий для детей-мигрантов, а также совершенствование программ повышения квалификации преподавателей и учителей как русского языка, так и обучающихся на русском языке.

Ключевые слова: русский язык, преподавание, языковая политика, центр открытого образования, Южно-Уральский государственный университет

Для цитирования: Шестакова Л. И., Березовская Я. Л., Зайко Е. М. Функционирование партнёрской сети центров открытого образования на русском языке на территории РФ: задачи и перспективы // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 1 (459). Филологические науки. Вып. 127. С. 174—181. doi: 10.47475/1994-2796-2022-10120.

Original article

OPERATING A PARTNER NETWORK OF CENTERS FOR OPEN EDUCATION IN RUSSIAN IN THE RUSSIAN FEDERATION: TASKS AND PROSPECTS

Ludmila I. Shestakova¹, Yadviga L. Berezovskaya²✉, Elena M. Zayko³

^{1, 2} South-Ural State University, Chelyabinsk, Russia

¹shestakovali@susu.ru

²berezovskaia@mail@susu.ru✉

³Chelyabinsk Pedagogical College No. 2 Chelyabinsk, Russia, zayko_em@mail.ru

Abstract. The article presents our experience of creating, operating, and developing the South Ural State University partner network of centers for open education in Russian. In particular, we examine the events held by the center

© Шестакова Л. И., Березовская Я. Л., Зайко Е. М., 2022

located at Chelyabinsk Pedagogical College Number 2. We describe the goals of the partner network and strategies for teaching migrant children, including the complex approach to education: holding educational events for migrant children and improving professional development programs for instructors offering classes in Russian and for Russian as a foreign language teachers.

Keywords: Russian language, teaching, language policy, open education center, South Ural State University

For citation: Shestakovalva LI, Berezovskaya YaL, Zayko EM. Operating a partner network of centers for open education in Russian in the Russian Federation: tasks and prospects. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2022;1(459), Philological Sciences, 127:174-181. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2022-10120.

Введение

Актуальность проектов по организации и проведению комплекса мероприятий, направленных на расширение функционирования русского языка в России и за рубежом в аспекте языковой политики, отмечается как на государственном уровне, учитывая, что в качестве главных факторов влияния государств на международную политику, наряду с военной мощью, выдвигаются экономические, научно-технические, экологические, демографические и информационные, так и подчеркивается в трудах исследователей, рассматривающих вопросы продвижения организаций, занимающихся образованием на русском языке, в частности, работу центров открытого образования [1—3; 5; 11; 14]. В исследованиях поднимаются вопросы создания необходимых условий как для изучения русского языка в центрах открытого образования, что особенно актуально, на наш взгляд, в регионах, где наблюдается большое количество детей-мигрантов, слабо владеющих русским языком, так и для преподавания русского языка. Отсутствие единой эффективной системы образования мигрантов, сформированного комплекса инструментов языковой политики, включающего не только обучение русскому языку и общеобразовательным предметам, но и приемы социокультурной, психологической адаптации детей-мигрантов к российским реалиям, приводит к попыткам решения указанных вопросов. Для создания указанной системы, на наш взгляд, необходимо, во-первых, выявить существующие практики обучения детей-мигрантов, определить параметры для их описания и критерии анализа, а также степень их эффективности; во-вторых, обеспечить научное обоснование лучших практик обучения и используемых педагогических приемов.

Одной из задач, реализуемой центрами открытого образования, является разработка комплекса мероприятий, направленных на духовно-нравственное воспитание молодежи посредством ее приобщения к русскому языку, отечественной литературе и национальной культуре для обеспече-

ния адаптации к жизни в обществе и профессиональной ориентации, осуществление межнационального и межкультурного диалога, воспитание толерантности в поликультурном обществе.

Материалы и методы исследования

Директор Департамента международного сотрудничества и связей с общественностью Министерства просвещения РФ С. С. Феоктистова 6 декабря 2018 г. на заседании второй Ассамблеи партнёрской сети «Институт Пушкина» с участием сотрудников 51 организации отметила, что «создание сети центров открытого образования на русском языке и обучения русскому языку является одним из инструментов по продвижению русского языка за рубежом, которая будет и дальше проводиться Министерством просвещения Российской Федерации в рамках Государственной программы развития образования» [<https://www.pushkin.institute/news/detail.php?ID=18563>].

По данным проведенного мониторинга выявлено, что на сегодняшний день на территории Российской Федерации успешно функционирует ряд центров открытого образования, в частности, созданных на базе таких образовательных организаций, как Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, Благовещенский государственный педагогический университет, Новосибирский государственный педагогический университет, Ульяновский государственный педагогический университет имени И. Н. Ульянова, лицей № 9 «Лидер» имени А. М. Клешко, Шадринский государственный педагогический университет, Институт иностранных языков, Чувашский государственный педагогический университет имени И. Я. Яковлева и др.

В статье представлен опыт функционирования и развития сети центров открытого образования на русском языке, созданной Южно-Уральским государственным университетом.

Результаты исследования и их обсуждение

Научно-образовательный и координационный центр открытого образования на русском языке

имени А. С. Пушкина открыт в Южно-Уральском государственном университете в 2014 г. (переименован из НОКЦ «Институт Пушкина») с целью продвижения русского языка и образования на русском языке в России и за рубежом. Основными задачами центра открытого образования ЮУрГУ являются: 1) формирование сети центров по поддержке русского языка и образования на русском языке на базе образовательных организаций; 2) введение в эксплуатацию образовательных ресурсов для дистанционного обучения слушателей на русском языке, в том числе мотивирующих пользователей целевых групп на изучение русского языка: массовые открытые онлайн-курсы по обучению фонетике русского языка, программа работы виртуального кабинета; 3) организация и проведение занятий по программам дополнительного образования, в том числе профессиональной переподготовки.

В 2019 г. ЮУрГУ создана сеть центров на территории Китайской Народной Республики, в 2020–2021 гг. открыты центры на территории Узбекистана, Киргизии и России. Актуальным созданием центров открытого образования становится в связи с тем, что современные информационные технологии позволяют как расширить аудиторию обучающихся, так и сделать более доступными материалы для обучения слушателей. Дистанционные ресурсы образовательных порталов особенно востребованы в период пандемии коронавирусной инфекции COVID-19.

Партнерская сеть ежегодно проводит ряд мероприятий, которые вызывают разносторонний интерес к русскому языку и русской культуре у студентов и школьников. Конкурсы носят не только обучающий, но и воспитательный характер, в процессе подготовки и выполнения заданий учащиеся имеют возможность больше узнать о трудных вопросах русского языка, погрузиться в русскую культуру. Так, в 2019–2020 гг. в ЮУрГУ были проведены конкурсы каллиграфии, конкурс проектов, фотоконкурс, мастер-класс по русской фонетике и другие мероприятия. Кроме того, в рамках празднования 220-летия А. С. Пушкина студенты приняли участие в фестивале #ПушкинWorld. В ноябре 2019 г. открыта программа профессиональной переподготовки «Переводчик в сфере профессионального общения (русский язык)». Всего в 2019 г. программы дополнительного образования прошли 118 слушателей — граждане из таких зарубежных стран, как Китай, Россия, Ирак, Иордания, Судан, Узбекистан, Шри-Ланка. В 2021 г. про-

граммы дополнительного образования и программы профессиональной переподготовки окончили 93 слушателя из 10 стран, в том числе 56 слушателей из Таджикистана, Киргизии, Узбекистана и Казахстана.

В связи с активным интересом слушателей-педагогов из ближнего зарубежья в 2021/22 учебном году перед центром встала новая задача по развитию кадрового потенциала работников образовательных организаций, в том числе центров открытого образования, для эффективной адаптации детей-мигрантов, обучающихся на русском языке. С открытием центров в Узбекистане и Киргизии на первый план вышло приоритетное направление по развитию многостороннего сотрудничества с государствами, в том числе со странами-участниками СНГ. Актуальной является задача по подготовке научно-педагогических кадров, обучающих иностранных граждан на русском языке, в том числе детей-мигрантов. На сегодняшний день остается нерешенным ряд вопросов по работе с детьми-мигрантами как в сфере законодательства, миграционной политики, здравоохранения, так и в области образования, что в итоге может привести к различным социальным проблемам. Изменения в обществе, связанные с переходом на экономику знаний и цифровые технологии, формируют новую систему взаимоотношений людей разных национальностей, что особенно характерно для поликультурного общества. Отметим, центром исследования языковой политики и международного образования проведено исследование, акцентирующее внимание на актуальности поднятого нами вопроса, в частности, определен индекс устойчивости русского языка в странах постсоветского пространства, учитывающий удельный вес обучающихся на русском языке школьников и студентов в республиках Южная Осетия, Белоруссия, Абхазия, Украина, Азербайджан, Таджикистан, Узбекистан и др. [6].

В последние годы в Российской Федерации увеличивается количество детей-мигрантов, обучающихся на русском языке, в соответствии с политикой государства по привлечению иностранных граждан в Российскую Федерацию. В связи с возникающими трудностями необходима адаптация детей-мигрантов к российской системе образования. В первую очередь, это связано с: 1) отсутствием централизованной системы обучения детей-мигрантов, основанной на общих принципах и методах; отсутствием структурно-функциональной модели этого процесса, психо-

лого-педагогического и методического сопровождения; 2) недостаточным распространением эффективных методик преподавания русского языка и дисциплин на русском языке при обучении детей-мигрантов, так как образовательная среда в российских школах рассчитана на русскоязычную аудиторию; 3) отсутствием успешной социализации и профессионализации детей-мигрантов: значительная часть школьников-мигрантов общается в семье на родном языке; 4) потребностью в совершенствовании организации педагогической поддержки детей-мигрантов в современных условиях; 5) недостаточным применением качественного мониторинга лучших практик обучения детей-мигрантов.

Партнерской сетью ЮУрГУ проведен ряд мероприятий по решению поставленных задач, в частности, конкурс образовательных проектов «Березка», направленный на повышение степени вовлеченности детей-мигрантов в учебную и внеучебную работу (в конкурсе приняло участие 495 детей-мигрантов из 29 образовательных организаций г. Челябинска и городов Челябинской области); программа повышения квалификации для учителей, преподавателей и сотрудников центров открытого образования «Современные практики обучения детей-мигрантов» (72 ч), запланировано проведение круглого стола «Актуальные проблемы обучения детей-мигрантов на русском языке» и др.

Одна из задач центра открытого образования ЮУрГУ состояла в выявлении образовательных организаций, осуществляющих подготовку педагогов, в том числе для работы с детьми-мигрантами, формирование у педагогов представления о необходимости комплексного подхода к обучению, включающему собственно образовательный и социокультурный аспекты.

Благодаря проведенному опросу среди образовательных организаций и управлений образования г. Челябинска и городов Челябинской области мы обнаружили, что существует большое количество проблем и нерешенных задач по комплексной работе с детьми-мигрантами. Этим обусловлен выбор образовательной организации, Челябинского педагогического колледжа № 2, на базе которого 15 ноября 2021 г. создан центр открытого образования на русском языке. Выбор организации актуален в связи с необходимой подготовкой педагогов дошкольных учреждений, а также учителей начальных классов, работающих в том числе с детьми-мигрантами, как формирование качественной базовой подго-

товки. Открытие центра в педагогическом колледже, организации среднего профессионального образования, обусловлено также выстраиванием цепочки взаимодействия с сетью на базе вузов и на базе педагогического колледжа, который готовит учителей, что способствует обеспечению четкой структуры функционирования центров, повышает эффективность проведения мероприятий. В конце ноября 2021 г. на базе открытого центра прошел день словаря. В мероприятии приняли участие студенты пяти образовательных организаций, в которых функционируют центры, открытые Южно-Уральским государственным университетом: Тяньцзиньский университет иностранных языков, Шэньянский технологический институт, Ошский государственный университет, Кокандский университет, а также студенты центров открытого образования, созданных в Южно-Уральском государственном университете и Челябинском педагогическом колледже. Студенты из России, Китая, Узбекистана, Киргизии и Египта рассказали об аспектных словарях русского языка, представили информацию о лингвострановедческих словарях русского и китайского языков, арабско-русском словаре идиоматических выражений и т. д. По словам руководителя центра открытого образования на русском языке им. А. С. Пушкина Кокандского университета К. Х. Умурзаковой, подобные мероприятия центров способствуют сохранению и поддержке русского языка в России и за рубежом.

Е. Л. Кудрявцева в статье «Основные аспекты исследования эффективности функционирования центров открытого образования» предлагает схему непрерывного образования и подготовки кадров, в которой разработки вуза могут быть апробированы и внедрены в средних специальных учебных заведениях, что еще раз подчеркивает актуальность нашего вопроса о создании центров на базе средних профессиональных образовательных организаций [9].

Основной целью центра открытого образования на русском языке имени А. С. Пушкина на базе Челябинского педагогического колледжа № 2 является содействие духовно-нравственному воспитанию молодежи посредством ее приобщения к русскому языку, отечественной литературе и национальной культуре для обеспечения адаптации к жизни в обществе и профессиональной ориентации.

Помочь адаптироваться в языковой среде студентам (в том числе студентам-мигрантам) по-

может широкий спектр образовательных и культурно-массовых мероприятий, предложенный сотрудниками центра, которые: 1) создадут условия для участия студентов (в том числе студентов-мигрантов) в олимпиадах, научно-практических конференциях, викторинах, конкурсах, квестах, акциях, чемпионатах, интеллектуальных забегах, сетевых марафонах по русскому языку, литературе и культуре, в том числе с использованием информационных технологий); 2) организуют и проведут просветительские мероприятия и акции в рамках дней лицеиста, словаря, памяти А. С. Пушкина, родного языка, детской книги, поэзии, театра, славянской письменности и культуры, Пушкинского дня России и русского языка; 3) расширят познавательную базу студентов (в том числе студентов-мигрантов) по русскому языку, литературе и культуре через организованные выходы в библиотеки, тематические экскурсии, музеи, театры.

Учащиеся-мигранты являются особым контингентом обучающихся. В связи с этим одним из условий их успешной адаптации становится соответствующая подготовка педагогов, в том числе учителей начальной школы и воспитателей детских садов. Работа педагогов с детьми данной категории направлена на максимальную интеграцию в новую культуру, при которой учебный процесс ориентирован на саморазвитие и самореализацию ребенка в новой социокультурной среде, когда обучающийся, с одной стороны, сохраняет свою национальную культуру, самосознание, а с другой стороны, устанавливает связь с новым социумом, ориентируется в постоянно обновляющихся обстоятельствах принимающей стороны.

Вместе с тем перед детьми-мигрантами встает ряд проблем, в частности, затруднен доступ к получению образования, языковой барьер. Поэтому от образовательной организации требуется разработка поэтапного включения таких детей в новое социокультурное пространство. Современному учителю и педагогу приходится работать в поликультурном образовательном пространстве, осуществляя связь между разработанными и утвержденными образовательными и воспитательными стандартами и технологиями и интеграцией детей-мигрантов, что, в свою очередь, ставит перед образовательными организациями задачу

формирования целостной поликультурной образовательной среды.

Заключение

Профессиональная поддержка преподавателей в обучении школьников по программам основного и дополнительного образования предполагает деятельность по следующим направлениям: 1) тиражирование и масштабирование выявляемого педагогического опыта; 2) повышение квалификации преподавателей, учителей и воспитателей детских садов.

В рамках указанных направлений осуществляется: 1) сопровождение взаимодействия образовательных организаций, инновационных площадок в рамках партнерской сети; 2) обобщение результатов внедрения новых технологий обучения; 3) создание баз образовательных практик по реализации программ основного и дополнительного образования и социализации детей; 4) организация и проведение конференций, мастер-классов, конкурсов профессионального мастерства с целью повышения профессиональной компетентности учителей и воспитателей; 5) выявление и анализ затруднений педагогов, оказание консультационной поддержки молодым педагогам.

Таким образом, создание и развитие центров открытого образования на русском языке не только за рубежом, но и на территории Российской Федерации, в частности в Челябинской области, позволит решить часть региональных проблем по подготовке детей-мигрантов, сформировать у педагогов, работающих с детьми-мигрантами, представления о необходимости комплексного подхода к обучению, включающего собственно образовательный и социокультурный аспекты. Расширение партнерской сети и эффективное ее функционирование способствует продвижению русского языка, как в России, в частности в регионах, так и за рубежом, повышению уровня педагогической подготовки сотрудников образовательных организаций. Деятельность на данном направлении предусматривает совершенствование программ повышения квалификации учителей и преподавателей как русского языка, так и обучающихся на русском языке, что соответствует паспорту государственной программы Российской Федерации «Развитие образования» на 2019–2025 гг. [4].

Список источников

1. Антонова Е. А. Продвижение русского языка за рубежом // Международная научно-практическая конференция «Электронные ресурсы открытого образования по русскому языку: лучшие практики» (7—8 декабря 2017 г., Москва) : сб. ст. / отв. ред. В. Н. Климова. М. : Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина, 2018. С. 16—17.
2. Арская Ю. А. Продвижение русского языка за рубежом как инструмент «мягкой силы»: роль вузов в реализации Концепции государственной поддержки и продвижения русского языка за рубежом (на примере деятельности Иркутского государственного университета) // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Политология. Религиоведение». 2017. Т. 22. С. 141—148.
3. Горбатова Д. А. Государственно-общественное управление в сфере поддержки русского языка: портфель ключевых проектов по линии совета по русскому языку при Правительстве Российской Федерации // Международная научно-практическая конференция «Электронные ресурсы открытого образования по русскому языку: лучшие практики» (7—8 декабря 2017 г., Москва) : сб. ст. / отв. ред. В. Н. Климова. М. : Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина, 2018. С. 161—164.
4. Государственная программа Российской Федерации «Развитие образования» (утв. Постановлением Правительства РФ от 26.12.2017 № 1642). URL: <http://rs.gov.ru/uploads/document/file/7793/%D0%9F%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5%201642%20%D0%BE%D1%82%2026.12.2017.pdf> (дата обращения 09.11.2021).
5. Грицкевич Ю. Н., Лукьянова С. В., Молчанова Н. С. Русский язык как иностранный в образовательном, научном и культурно-просветительском пространстве региона. URL: <https://obr.so/wp-content/uploads/2021/07/Statya-2.pdf> (дата обращения 09.10.2021).
6. Индекс положения русского языка в мире: индекс глобальной конкурентоспособности (ГК-Индекс), индекс устойчивости в странах постсоветского пространства (УС-Индекс) / сост. А. Л. Арефьев и др.; под ред. М. А. Осадчего. М. : Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, 2020. 34, [2] с.
7. Концепция государственной поддержки и продвижения русского языка за рубежом (утв. Президентом РФ 03.11.2015 № Пр-2283). URL: http://rs.gov.ru/uploads/document/file/22/konceptsiya_gosudarstvennoy_podderzhki_i_prodvizheniya_russkogo_yazyka.pdf (дата обращения 09.11.2021)
8. Концепция федеральной целевой программы «Русский язык» на 2016—2020 гг. (утв. распоряжением Правительства РФ от 20.12.2014 г. № 2647-р). URL: <http://rs.gov.ru/uploads/document/file/13/fcp2016.pdf> (дата обращения 09.11.2021).
9. Кудрявцева Е. Л. Основные аспекты исследования эффективности функционирования центров открытого образования. URL: <https://obr.so/wp-content/uploads/2021/07/Osnovnye-aspekty-issledovaniya-effektivnosti-funkcionirovaniya-centrov-otkrytogo-obrazovaniya.pdf>
10. Паспорт ведомственной целевой программы «Научно-методическое, методическое и кадровое обеспечение обучения русскому языку и языкам народов Российской Федерации» (утв. распоряжением Министерства просвещения РФ от 16.05.2019 г. № Р-60). URL: <https://docs.edu.gov.ru/document/945997ac798972c086b17a4e4ec0e126/download/1512/>
11. Сергеева Е. Е. Создание и функционирование центров открытого образования на русском языке: управленческий аспект. URL: <https://obr.so/wp-content/uploads/2021/07/Statya-3.pdf>
12. Шестакова Л. И., Березовская Я. Л. Создание и развитие партнерской сети центров открытого образования на русском языке за рубежом как форма реализации языковой политика государства // Вестник Челябинского государственного университета. 2020. № 13 (446). С. 178—183.

References

1. Antonova EA. Promoting the Russian Language Abroad. Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya «Elektronnyye resursy otkrytogo obrazovaniya po russkomu yazyku: luchshiy praktiki» = International Research Conference “Online Resources for Open Learning for Russian Language: Best Practices (7—8 December 2017, Moscow): Proceedings. Moscow: Pushkin State Russian Language Institute; 2018. Pp. 16-17. (In Russ.).

2. Arskaya YuA. Promotion of the Russian Language Abroad as an Instrument of Soft Power: the Role of Universities in Executing the Concept of State Support and Promotion of the Russian Language Abroad (a Study of the Work of Irkutsk State University). *Irkutsk State University Bulletin. Series "Politologiya. Religiovedeniye"*, 2017;22:141-148. (In Russ.).
3. Gorbatova DA. State and Social Management for the Promotion of the Russian Language: a Case Study of Projects by the Russian Federation Council on Russian Language. *Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya «Elektronnyye resursy otkrytogo obrazovaniya po russkomu yazyku: luchshiy praktiki» = International Research Conference "Online Resources for Open Learning for Russian Language: Best Practices (7–8 December 2017, Moscow): Proceedings. Moscow: Pushkin State Russian Language Institute; 2018. Pp. 161-164. (In Russ.).*
4. Gritskovich YuN, Lukyanova SV, Molchanova NS. Russky yazek kak inostrany v obrazovatel'nom, nauchnom i kulturno-prosvetitel'skom prostranstve regiona = Russian as a foreign language in the educational, scientific and cultural space of the region. Available from: <https://obr.so/wp-content/uploads/2021/07/Statya-2.pdf> (In Russ.).
5. Gosudarstvennaya programma Rossiyskoy Federatsii «Razvitiye obrazovaniya» (utv. Postanovleniyem Pravitel'stva RF ot 26.12.2017 No. 1642) = Russian Federation State Program "Developing Education" (approved by Resolution of the RF Government from 26.12.2017 No. 1642. Available from: <http://rs.gov.ru/uploads/document/file/7793/%D0%9F%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5%201642%20%D0%BE%D1%82%2026.12.2017.pdf> (In Russ.).
6. Index pologeniya ruskogo yazika v mire: index globalnoy konkurentosobnosti (GK-Index), Index us-toychivosti v stranakh postsovet'skogo prostranstva (YC-Index) = Index of the position of the Russian language in the world: index of global competitiveness (GC-Index), sustainability index in post-Soviet countries (US-Index). Comp. AL Arefiev et al.; ed. by MA Osadchiy. Moscow: State Institute of the Russian Language AS Pushkin; 2020. 34 p. (In Russ.).
7. Kontseptsiya gosudarstvennoy podderzhki i prodvizheniya russkogo yazyka za rubezhom (utv. Prezidentom RF 03.11.2015 N Pr-2283) = Concept of State Support and Promotion of the Russian Language Abroad (approved by the President of the RF 03.11.2015 No. Pr-2283. Available from: http://rs.gov.ru/uploads/document/file/22/koncepciya_ (In Russ.).
8. Kontseptsiya federal'noy tselevoy programmy «Russkiy yazyk» na 2016–2020 gg. (utv. rasporyazheniyem Pravitel'stva RF ot 20.12.2014 g. № 2647-r) = Concept for the Federal Target Program "Russian Language" for 2016–2020 (approved by resolution of the RF Government from 20.12.2014 No. 2647-r). Available from: <http://rs.gov.ru/uploads/document/file/13/fcp2016.pdf> (In Russ.).
9. Kudryavtseva EL. Osnovniy aspekti issledovaniya effektivnosti funkcionirovaniya centrov otkrytogo obrazovaniya = The main aspects of the study of the effectiveness of the functioning of open education centers. Available from: <https://obr.so/wp-content/uploads/2021/07/Osnovnye-aspekty-issledovaniya-effektivnosti-funkcionirovaniya-centrov-otkrytogo-obrazovaniya.pdf> (In Russ.).
10. Paspport vedomstvennoy tselevoy programmy «Nauchno-metodicheskoye, metodicheskoye i kadrovoye obespecheniye obucheniya russkomu yazyku i yazykam narodov Rossiyskoy Federatsii» (utv. rasporyazheniyem Ministerstva prosveshcheniya RF ot 16.05.2019 g. № R-60) = Passport of the Departmental Target Program "Scientific, Methodological, and Staff Support for Teaching Russian Language and the Languages of the Peoples of the Russian Federation" (approved by Order of the Ministry of Education of the Russian Federation from 16.05.2019 No. R-60). Available from: <https://docs.edu.gov.ru/document/945997ac798972c086b1> (In Russ.).
11. Sergeeva EE. Sozdaniye i funkcionirovaniye centrov otkrytogo obrazovaniya na russkom yazike: yu-pravlencheskiy aspekt = Creation and functioning of centers of open education in Russian: management aspect. Available from: <https://obr.so/wp-content/uploads/2021/07/Statya-3.pdf> (In Russ.).
12. Shestakova LI, Beresovskaya YL. Creating and developing a partner network of centers for open education in russian abroad as a form of implementing governmental language policies. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2020;12(446):178-183. (In Russ.).

Информация об авторах

Л. И. Шестакова — кандидат технических наук, доцент, заведующий кафедрой международных отношений, политологии и регионоведения.

Я. Л. Березовская — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка как иностранного, руководитель научно-образовательного и координационного центра открытого образования на русском языке им. А. С. Пушкина федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования.

Е. М. Зайко — кандидат педагогических наук, директор колледжа.

Information about the authors

L. I. Shestakova — Candidate of Technical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of International Relations, Political Science and Regional Studies.

Y. L. Berezovskaya — Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Russian as a Foreign Language, Head of the Scientific, Educational and Coordinating Center for Open Education in Russian named after AS Pushkin

E. M. Zaiko — Candidate of Pedagogical Sciences, Director.

Статья поступила в редакцию 05.09.2021; одобрена после рецензирования 21.10.2021; принята к публикации 18.01.2022.

The article was submitted 05.09.2021; approved after reviewing 21.10.2021; accepted for publication 18.01.2022.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

ЛЕКСИКОГРАФИЯ LEXICOGRAPHY

Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 1 (459). Филологические науки. Вып. 127. С. 182—188. ISSN 1994-2796 (print).

Bulletin of Chelyabinsk State University. 2022;1(459), Philological Sciences, 127:182-188. ISSN 1994-2796 (print).

Научная статья

УДК 8112.141:373.21

doi: 10.47475/1994-2796-2022-10121

ПРИНЦИПЫ СОСТАВЛЕНИЯ ОРОНИМИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН

Наиля Азаматовна Ласынова^{1✉}, Луиза Руфовна Сулейманова²

^{1,2} Башкирский государственный университет Сибайский институт (филиал), Сибай, Россия

¹ nalasinova@mail.ru ✉

² luizasul22@yandex.ru

Аннотация. Топонимические словари того или иного региона России начали появляться в середине прошлого века. Это способствовало правильному употреблению, учету, регистрации и сохранению географических названий. Однако орфографические нормы и принципы транслитерации национальных онимов вызывают много вопросов. В статье сделана попытка на примере башкирских оронимов Республики Башкортостан разработать принципы составления двуязычного (башкирско-русского) оронимического словаря.

Ключевые слова: башкирский ороним, орографический термин, оронимический словарь, принципы составления

Для цитирования: Ласынова Н. А., Сулейманова Л. Р. Принципы составления оронимического словаря Республики Башкортостан // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 1 (459). Филологические науки. Вып. 127. С. 182—188. doi: 10.47475/1994-2796-2022-10121.

Original article

PRINCIPLES OF COMPILATION THE ORONIMIC DICTIONARY OF THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN

Nailya A. Lasynova^{1✉}, Luiza R. Suleymanova²

^{1,2} Bashkir State University Sibay Camps, Sibay, Russia

¹ nalasinova@mail.ru ✉

² luizasul22@yandex.ru

Toponymic dictionaries of a subjects of Russia began to appear in the middle of the last century. This contributed to the proper use, registration and preservation of geographical names. However, spelling norms and principles of transliteration of national onyms, in particular Bashkir ones, raise many questions. The authors of this article attempted to develop the transliteration norms of the Bashkir oronyms and the principles for compiling a bilingual oronimical dictionary using the example of the oronyms of the Republic of Bashkortostan.

In the process of development, dictionary dictionaries A.K. Matveeva, F.G. Khisamitdinova, “Dictionary of toponyms of the Republic of Bashkortostan” and others, revealed that there are no uniform principles for transliterating Bashkir names in different toponymic dictionaries, partially fixing and defensive, the same orographic term is given in different transliteration. For example, Arthakty A.K. Matveev, transliterates as Ardakty, and the compilers of the STRB dictionary are Arzakty. Some norms of transliteration of Bashkir personal names into Russian based on the phonetic principle were developed by K.Z. Zakiryanov, which we rely on when transferring the oronyms in Russian.

© Ласынова Н. А., Сулейманова Л. Р., 2022.

The dictionary entry is made out in the form of a table and includes 5 main sections: 1) the Bashkir name; 2) transliteration into Russian; 3) type of object; 4) the location of the oronim; 5) etymological certificate (origin of the oronim). The dictionary will reflect both macro-names (names of large orographic objects) and micro-names, known mainly to residents of a particular area.

The main field material was collected during the onomastic expeditions organized in the Southern Urals in 2017 with the financial support of a grant from the Russian Foundation for Humanities (project 17—14—02603), an oronimic card index was created. The authors' index card is supplemented with extracts from the folklore and dialectological funds of the Department of Russian, Bashkir and Foreign Philology of the Sibay Institute (branch) of the FSBEI HE "Bashkir State University", with actual materials of final qualification works of students, local history, historical and geographical literature; materials of toponymic dictionaries, toponymic fund of the Institute of International Relations of the Ufa Scientific Center of the Russian Academy of Sciences and local history museums of the studied region.

Keywords: Bashkir oronim, oronymic dictionary, dictionary entry, transliteration, translation, orographic term, positive and negative of landforms

For citation: Lasynova NA., Suleymanova LR. Principles of compilation the oronimic dictionary of the Republic of Bashkortostan. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2022;1(459), Philological Sciences, 127:182-188. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2022-10121.

Ороним представляет из себя собственное название любого элемента рельефа земной поверхности (положительного и отрицательного) — орографического объекта: названия гор, вершин, хребтов, долин, оврагов. Как тип оронима выделяется спелеоним — собственное название любого природного подземного образования (пещера, пропасть, грот, колодец, подземная река, ручей, сифон, озеро, водопад,). Часто в специальной литературе содержание сужается только названиями гор и хребтов, исходя из происхождения: от греческого *орос* — 'гора', *όνομα* — 'имя, название'.

Одни топонимисты приписывают отрицательные формы рельефа к гидронимам, другие — оронимам. Понять причину колебаний несложно. Известно, что гидрография изучает и описывает лишь водные объекты, а орография — отрицательные и положительные формы рельефа, независимо от заполненности водой. По мнению А. В. Суперанской, названия всех природных и физических объектов, связанных с земной поверхностью (территорией), относятся к оронимам, а связанных с водной поверхностью земли (акваторией) — к гидронимам; подводных образований — к гидрооронимам [18. С. 22].

Оротермины по характеру рельефа обозначенных объектов классифицируются Р. Д. Сунчугашевым на три группы по чисто внешним признакам: 1) оротермины, обозначающие объекты, имеющие отметку «плюс», то есть возвышающиеся над уровнем равнины; 2) оротермины, обозначающие объекты, расположенные на отметке «ноль», то есть на равнине; 3) оротермины, обозначающие объекты, имеющие отметку «минус», то есть все возможные типы впадин по отношению к равнине [17. С. 11].

В исследованиях ученых-топонимистов В. А. Никонова, Р. З. Шакурова оронимы — это названия любого элемента рельефа земной поверхности, то есть любого орографического объекта (отрицательного и положительного). Н. В. Подольская в словаре русской ономастической терминологии дает следующее определение: ороним — это собственное название любого элемента рельефа земной поверхности (положительного и отрицательного), т. е. любого орографического объекта: названия гор, вершин, хребтов, долин, оврагов [12. С. 104—105]. Однако наименования нулевых форм рельефа в современных ономастических работах [22] не рассматриваются в составе оронимов. Опираясь на последние исследования, мы включаем названия только положительных и отрицательных форм рельефа в проектируемый словарь.

Оронимия как особый раздел топонимики в России получила значительное развитие со второй половины XX века. Примером является изданный в то время специальный научный сборник, в который вошли исследования по оронимии Юго-Восточного Таджикистана, Дальнего Востока, Якутии, Крыма, Ирана, а также по орографической терминологии тюркских, славянских, финно-угорских языков [11]. Вопросы оронимии затронуты в работах В. А. Никонова (1965), Н. П. Архиповой, Е. В. Ястребова (1990), Э. М. Мурзаева (1974), А. В. Суперанской (1984), А. К. Матвеева (1990) и др.

В лингвистическом аспекте изучены оронимы Казахстана Е. А. Керимбаевым, азербайджано-язычные оронимы Грузии В. И. Исрафиловым, оронимия Хакасии Р. Д. Сунчугашевым, оронимы Горно-Алтайского автономного округа О. Т. Молчановой [6. С. 11 — 12].

Оронимы Башкортостана частично изучены вместе с другими типами топонимов в трудах Р. З. Шакурова, А. А. Камалова, М. Г. Усмановой. Специальное исследование по оронимии Юго-Восточного Башкортостана было проведено Н. А. Ласыновой [6]. Проблемы правописания топонимов отражены в работах Р. З. Шакурова, А. А. Камалова [5] и Л. М. Хусаиновой [21].

Названия объектов рельефа Башкортостана представлены в таких трудах, как «Словарь топонимов Башкирской АССР» [14] (далее — СТБАССР), «Словарь топонимов Республики Башкортостан» [15] (далее — СТБ), «Географические названия Башкортостана: материалы для историко-этимологического словаря» Ф. Г. Хисамитдиновой [20], «Имя отчей земли. Историко-лингвистическое исследование топонимики бассейна реки Сакмар» М. Г. Усмановой [19], «Словарь географических названий Башкирской АССР» [13], «Инструкции по русской передаче географических названий Башкирской АССР» [4].

Некоторая часть оронимов Башкортостана представлена в разных топонимических, толковых, этимологических словарях, а специальный словарь оронимов не издан. Необходимость составления двуязычного оронимического словаря Республики Башкортостан объясняется и тем, что нет единых принципов транслитерации башкирских названий, в различных топонимических словарях, частично фиксирующих и оронимы, одно и то же название дается в различной транслитерации: ороним Арзакты А. К. Матвеев транслитерирует как Ардакты [8], а составители словаря СТРБ Арзакты [15]. Некоторые нормы транслитерации башкирских личных имен на русский язык на основе фонетического принципа были разработаны К. З. Закирьяновым [3]. Ниже мы предлагаем свои принципы транслитерации башкирских оронимов, в основе опираясь на рекомендации К. З. Закирьянова.

Целью данной статьи является рассмотрение принципов составления башкирско-русского оронимического словаря Республики Башкортостан.

Фактическим материалом для проектируемого словаря послужили:

— полевой материал, собранный во время ономастических экспедиций, организованных по Республике Башкортостан в 2017 году при фи-

нансовой поддержке гранта РГНФ (проект 17—14—02603);

— материалы топонимических словарей, региональных энциклопедий и краеведческой литературы;

— материалы фольклорного и диалектологического фондов кафедры русской, башкирской и зарубежной филологии Сибайского института (филиала) ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет», топонимического фонда ИИЯЛ УНЦ РАН и историко-краеведческих музеев исследуемого региона.

Целью проектируемого словаря является описание оронимического материала Республики Башкортостан, систематизация норм правописания и транслитерации башкирских оронимов.

«Словарь оронимов Республики Башкортостан» относится к словарям общего типа, поскольку оронимическая лексика описывается в семантическом, этимологическом, словообразовательном, морфематическом аспектах, дается толкование каждому названию. По языковой ориентации — двуязычный.

По общепризнанному мнению, структуру словаря составляет совокупность макро- и микроструктур.

Макроструктура «Словаря оронимов Республики Башкортостан»:

— предисловие содержит краткую информацию об основных понятиях оронимики как раздела топонимики, историю изучения оронимии Башкортостана, приводятся общие принципы построения словаря и конкретные указания по его использованию;

— список используемых сокращений;

— алфавитный словник;

— список источников;

— приложение, представляющее русские топонимы Республики Башкортостан.

Словарная статья оформляется в форме таблицы и включает 5 основных разделов:

1) башкирское название;

2) транслитерация на русский язык;

3) вид объекта;

4) месторасположение орообъекта;

5) этимологическая справка (происхождение оронима).

Проиллюстрируем отрывок из словаря:

Башкирское название	Русское название	Вид объекта	Место расположения	Происхождение названия
Айыуоңе тауы	Аюуну-тау	гора	В Бурз. р-не Республики Башкортостан	От айыу «медведь», оңе «нора» и тау «гора» с афф. -ы.
Бабсак	Бабсак	курган	В Бурз. р-не Республики Башкортостан.	От антропонима Бабсак. Предание связывает захоронение с именем Бабсака — героя башкирского эпоса «Бабсак и Кусяк».

Башкирское название	Русское название	Вид объекта	Место расположения	Происхождение названия
Имәнсенгер	Имянсенгер	гора	В Игл. р-не Республики Башкортостан	От имән «дуб, дубовая» и сенгер (>дт. сиңир) «хребет»
Ташкапка	Ташкапка	скала	В Зианч. р-не Республики Башкортостан	От таш «камень, каменная» и капка «ворота». Метафорическое название, скала напоминает ворота
Урыҫбикә	Урысбика	гора	В Абз. р-не Республики Башкортостан	От урыҫ «русская» и бикә «госпожа»

В словаре найдут отражение как макрооронимы (названия крупных орографических объектов), так и микрооронимы, известные в основном жителям определенной местности. В нашем словаре нет системы помет, так как в топонимических словарях нередко отсутствуют грамматические пометы. В качестве заглавного слова выносятся башкирское название. Для удобства нахождения нужной словарной статьи в приложении представим список оронимов на русском языке с указанием страницы словарной статьи.

Для большинства башкирских оронимов не проведено нормирования, они впервые отражаются в словаре, поэтому возникают трудности как при написании башкирского названия, так при их передаче и на русском языке.

Особенностью тюркского, в том числе башкирского имяобразования является сложная структура. По результатам наших исследований, большинство башкирских оронимов по структуре сложные, построены по модели определение + определяемое слово. Определения (первые компоненты) выражены именами прилагательными, именами существительными, числительными, глагольными формами и предложениями. Вторыми компонентами или определяемой частью выступают оротермины, указывающие на различные формы рельефа. В отдельных случаях оротермины имеют аффиксы III лица категории принадлежности, которые связаны с первым компонентом способом изафета (II тип) [7. С. 110—112]. Такие двухкомпонентные оронимы составителями вышеупомянутых словарей представлены в разных вариантах. А. К. Матвеев составные оронимы пишет через дефис и каждый элемент дает с прописной буквы: Ак-Биик, Беркут-Тау, Яшиль-Тюбе, Буз-Арка, Ласын-Таш-Тау, Яман-Тау, Янган-Тау и т. д. Авторский коллектив “СТБАССР” и “СТРБ” такие лексемы пишет, в основном, слитно: Акбиик, Елдарка, Карагабак, Санкуй, Тазтуба, Шулганташ, Юракташ, Ямантау, Янгантау. Согласно башкирской орфографии [1. С. 358], слитно пишутся они, образованные от сочетаний слов и представляющие из себя одно оронимическое понятие: Баксатау — название горы в Зианч. р-не РБ от бакса «сад» и тау «гора»; Малайүлгән — склон

горы в Зианч. р-не РБ от малай ‘мальчик’ и үлгән ‘умер, скончался’ и др. Подобные оронимы мы также даем в слитном написании.

При слиянии компонентов сложного слова наблюдаются такие морфонологические изменения, как чередования глухих со звонкими к/г, к/ғ между гласными, либо между гласными и сонорными звуками: Ағуй — название горы от ак ‘белый’ и уй ‘долина’, Озонгул — название горной ложбины от озон ‘продолговатый’ и кул ‘затон’; явление элизии, выпадение одного из звуков, при стечении близких по образованию гласных: Олакбейек — название горы от оло ‘большое’ и оронима Акбейек, Өкаткан название горы от өкө ‘филин’ и аткан ‘застрелил’. Однако следует отметить, что в СТРБ не всегда соблюдены вышеперечисленные особенности башкирской орфоэпии и орфографии: в названиях Бакырказыгантау (Бакырғазыгантау), Караколак баҫыуы (Карағолак баҫыуы), Каранкул (Каранғул), Таукүл (Таугүл), Никәлекүл (Никәлегүл) и т. д. не соблюдено чередование согласных.

По правилам башкирской орфографии, сложные оронимы, между компонентами которых грамматические отношения выражаются аффиксом принадлежности, пишутся раздельно: Айзар түбәһе (холм Айдар-түбе). Подобные оронимы по способу словообразования относятся к лексико-синтаксическим способам (II тип тюркского изафета), в “СТРБ” на русском языке отражаются по-разному:

а) транслитерируется без второго компонента: Салауат тауы (Салават), Элмә тауы (Эльмя); б) транслитерируется полностью или без аффикса принадлежности: Бакыр юлы (Бакыр-юлы), Салпы тауы (Салпытау), Үткәл ташы (Уткальташ), Ыуырысы тауы (Суурсытау); в) переводится (способ кальки и полукальки): Канифа юлы (Дорога Канифы), Кыззар тауы (Девичья гора), Нуғай юлы (Ногайская дорога), Бейеш кыракаһы (Бишева крака), Калмак караулы (Калмацкий караул) [10].

Башкирские оронимы такого типа мы планируем дать в проектируемом словаре, согласно башкирской орфографии, раздельно: Карлуғас моро-

но, Айбикэ тауы. В силу отсутствия в русском языке категории принадлежности лучше транслитерировать без аффикса принадлежности с правописанием через дефис: гора Карлугас-мурун, гора Айбикэ-тау.

Айбикэ тауы (Айбикэ-тау) — гора в Бурзянском районе. От антропонима Айбикэ и тау 'гора' с аффиксом принадлежности -ы.

Русское написание башкирских ономастических названий связано с трудностями, которые обусловлены прежде всего несоответствием фонетических систем русского и башкирского языков. Абсолютно не систематизировано русское написание башкирских оронимов. Один из всемирно известных Стерлитамакских шиханов в башкирской орфографии Торатау в разных словарях в русской графике представлен по-разному: в словаре А. К. Матвеева Тура-Тау, или Тра-Тау (башкирское Тыра-Тау); в словаре Ф. Г. Хисамитдиновой Таратау / Торатау / Туратау. Далее в словарной статье автор использует графическую форму Торатау. Составители «СТРБ» одинаковые по структуре башкирские оронимы представляют в форме Торатау (Туратау) и Торатау (Тратау). А в «СТБАССР» вышеупомянутый шихан представлен в форме Тыратау (Тратау), а помимо него есть еще и гора Торатау (Туратау).

Или самая известная гора на Южном Урале в башкирской орфографии Ирэндек встречается в разных русских написаниях. Название горы впервые упоминается в документах 1737 г. как Орентыцкие, в историко-этимологическом словаре географических названий Башкортостана дается в форме Ирендик [20. С. 52], в Хайбуллинской энциклопедии перевод названия горы представлен в трех вариантах: Ирендык, Ирендыктау, Ирандек, в Сибайской энциклопедии — Ирандык. Трудность передачи специфичных звуков мы решаем следующим образом. Так, в орониме Ирэндек специфичным является звук -э. Согласно принципам К. З. Закирьянова, в открытом и закрытом слогах после согласных -э передается в русском языке через -а — Ирандек. Но важным моментом является благозвучие, легкость произношения. Структура башкирского слова подчиняется сингармонизму, по нашему мнению, и при транслитерации нужно стремиться соблюдать данный закон. Употребление гласных только переднего или заднего ряда в составе слова зависит от качества первого слога. Думаем, что в транслитерации оронима Ирэндек благозвучия можно достичь использованием гласных заднего ряда -а, -ы — Ирандык. Гармония сохраняется и между гласными и согласными. В башкирском орониме Ирэмэл, оротермине түбэ звук -э лучше передать через -е — Иремель, түбе, так как

в башкирском языке палатализованные согласные употребляются рядом с гласными переднего ряда.

При транслитерации башкирских оронимов на русский язык можно отметить также следующие наиболее сложные моменты в соответствиях звуков или сочетаний звуков:

о — у: Азнабай со^окоро — Азнабай-су^укур, Но^оратау — Ну^уратау, Но^огайбэк — Ну^угайбек, Йо^омротау — Ю^умротау, Тора^отау — Ту^уратау; Транслитерация в форме Торатау в русском произношении совершенно искажает башкирское слово, сравни фонетические транскрипции: баш. [торатав] и рус. [тър^тау]. Это связано с тем, что башкирские гласные подвергаются только количественной редукции, в то время как русские гласные кроме [у] — качественной редукции.

ө — у: Каскын ө^өрпәге — Каскын-ур^упьяк, Йөгөлгәнморон — Ю^угульган-мурун;

йе — и: Агастыбейек — Агастыбейк, Йәйек буйы — Яйк-буй, Кейектау — Кейктау;

ыу — у: Айыуаткан аркаһы — Аюаткан-арка, Айғыршыуған — Айғыршуган;

Трудности встречаются при передаче звука -з. К. З. Закирьянов отмечает только соответствие з — з, но на практике транслитерации встречается и соответствие з — д. Данный вопрос мы решили следующим образом:

з — з (между гласными): Азыртау — Азыртау, Бейәгаза — Биягаза.

з — д (после -й): Байзакан — Байдакан, Байзар баксаһы — Байдар-бакса.

В словаре оронимов нашли отражение положительные орографические объекты:

— гора: Ирэмэл (Иремель) в Белор. р-не РБ;

— холм: Актүбә (Актюбе) в Белеб., Белор., Дуван., р-нах РБ, Каратүнгәк (Каратюнгак) в Байм. р-не РБ;

— хребет: Айыуаткан аркаһы (Аюаткан-арка) в Байм. р-не РБ, Бурһык иләүе һырты (Бурсык-иляу сырт) в Зианч. р-не РБ;

— скала: Күгәрсен ташы (Кугерсен-таш) в Бурзян. р-не РБ, Исмағил каяһы (Исмагил-кая) в Бурз. р-не РБ, Илегоскан (Илегускан) в Абз. р-не РБ;

— камень: Йәмиәт (Ямиат) в Абз., Зилаир. р-нах РБ, Бәпәй ташы (Бепей-таш) в Бурз. р-не РБ, Бишташ (Бишташ) в Байм. р-не РБ и др.

Отрицательные орографические объекты:

— яма: Азнабай со^окоро (Азнабай-су^укур) в Хайб. р-не РБ, Юлтимер со^окоро (Юлтимир-су^укур) в Зианч. р-не РБ;

— овраг: Бо^оскон (Бускун) в Абз., Байм. р-нах РБ, Бешә (Бешя) в Абз. р-не РБ, Күмәкбаз (Кумакбаз) в Зианч. р-не РБ;

— долина: Азағуй (Азагуй) в Зианч. р-не РБ, Бағашалғул (Багашалкул) в Мечетл. р-не РБ;

— ложбина: Атхуйған үзәге (Атсуйган-узяк) в Зианч. р-не РБ, Кайынузәк (Кайынузяк) в Абз., Зианч. р-нах РБ;

— лощина: Озонуй уяһы (Узунуй-уя) в Бурз. р-не РБ;

— спелеонимы: Атбатқан мәмерйәһе (Атбатқан-мемерйе) в Абз. р-не РБ, Антон мәмерйәһе (Антон-мемерйе) в Бурз. р-не РБ и др.

Для удобства описания и поиска в отдельных статьях в алфавитном порядке приводятся разные названия одного и того же орообъекта:

Йәнгузәй (Янгузай) — гора в Байм., Зилаир., Мелеуз. р-нах РБ от антропонима Йәнгузәй. Другое название Колакташ.

Колакташ (Кулакташ) — гора в Байм., Зилаир., Мелеуз. р-нах РБ от колак 'ухо' и таш 'камень'. Другое название Йәнгузәй.

Объекты с одним и тем же названием в разных местностях даются в одной статье:

Кашкатау (Кашкатау) — горы в Альш., Аург., Бурз., Давл., Кугарч., Мечетл., Мияк. Р-нах РБ. От кашка 'лысая' и тау 'гора'.

В этимологическом разделе выясняется происхождение названий и приводится связанная с ним лингвистическая информация: семантика формантов, словообразовательные, диалектные особенности:

Мамык ташы (Мамык-таш) — гора в Абз., Аург., Байм., Белор. р-нах РБ, от мамык досл. 'вата; асбестовая' и таш 'камень' с аффиксом принадлежности -ы.

Таким образом, проектируемый «Словарь оронимов Республики Башкортостан» представляет собой попытку систематизации башкирских оронимов с транслитерацией на русский язык. В нем также читатель может найти информацию о месторасположении многих орообъектов Республики Башкортостан, о происхождении названий.

Список литературы

1. Азнагулов Р. Г. Орфографический словарь башкирского языка. Уфа : Китап, 1998. 368 с.
2. Архипова Н. П., Ястребов Е. В. Как были открыты Уральские горы: Очерки по истории открытия и изучения природы Урала. 3-е изд., перераб. Свердловск: Среднеурал. кн. изд-во, 1990. 221 с.
3. Закирьянов К. З. Транслитерация башкирских личных имен на русский язык // Ономастика Поволжья : материалы III конф. по ономастике Поволжья. Уфа, 1973. С. 171—176.
4. Инструкция по русской передаче географических названий Башкирской АССР. М. : Наука, 1983. 39 с.
5. Камалов А. А. Башкирские географические термины и топонимия. Уфа : Китап, 1997. 384 с.
6. Ласынова Н. А. Оронимия Юго-Восточного Башкортостана (лингвистический анализ). Уфа : Гилем, 2009. 122 с.
7. Ласынова Н. А., Сулейманова Л. Р., Сулейманов Ф. М. Структурно-словообразовательная типология башкирских оронимов // Вестник Челябинского государственного университета. 2016. № 1. С. 109—114.
8. Матвеев А. К. Вершины Каменного пояса: Названия гор Урала. Челябинск : Юж.-Урал. кн. изд-во, 1990. 288 с.
9. Мурзаев, Э. М. Очерки топонимии. М. : Мысль, 1974. 382 с.
10. Никонов В. А. Введение в топонимику. М. : Наука, 1965. 179 с.
11. Оронимика. М. : ЦНИИГАиК, 1969. 71 с.
12. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. М. : Наука, 1988. 192 с.
13. Словарь географических названий Башкирской АССР. М. : ЦНИИГАиК, 1988. 174 с.
14. Словарь топонимов Башкирской АССР. Уфа : Башкирское книжное издательство, 1980. 199 с.
15. Словарь топонимов Республики Башкортостан. Уфа : Китап, 2002. 253 с.
16. Сулейманова Л. Р., Ласынова Н. А. Об особенностях составления оронимического словаря // Проблемы гуманитарных наук и образования в современном мире : материалы IV Всерос. науч.-практ. конф. / под ред. Р. М. Латыповой, Н. А. Ласыновой. 2018. С. 164—168.
17. Сунчугашев Р. Д. Оронимия Хакасии : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1992. 23 с.
18. Суперанская А. В. Что такое топонимика? М. : Наука, 1984. 82 с.
19. Усманова М. Г. Имя отчей земли. Историко-лингвистическое исследование топонимии бассейна реки Сакмар. Уфа : Китап, 1994. 272 с.
20. Хисамитдинова Ф. Г. Географические названия Башкортостана: материалы для историко-этимологического словаря. Уфа : Гилем, 2006. 104 с.
21. Хусаинова Л. М. О правописании топонимов в башкирском языке // Тюркская ономастика: от истоков до современности : материалы междунар. науч.-практ. конф. (Казань, 11—14 октября 2018 г.) / под ред. Г. Р. Галиулловой. Казань : Из-во Казан. ун-та, 2018. С. 262—267.

22. Шмелева Т. В. Ономастика. Славянск-на-Кубани : Филиал Кубан. гос. ун-та в г. Славянске-на-Кубани , 2013. 161 с.

References

1. Aznagulov RG. Spelling dictionary of the Bashkir language. Ufa; 1996. (In Bash.).
2. Arkhipova NP, Yastrebov EV. How the Ural Mountains were discovered: Essays on the history of discovery and study of the nature of the Urals. Sverdlovsk; 1990. (In Russ.).
3. Zakir'ianov KZ. Transliteration of Bashkir personal names into Russian. Onomastika Povolzh'ia. Ufa; 1973. (In Russ.).
4. Instruksiya po russkoi peredache geograficheskikh nazvanii Bashkirskoi ASSR. Moscow, 1983. (In Russ.).
5. Kamalov AA. Bashkir geographical terms and toponymy. Ufa, 1997. (In Russ.).
6. Lasynova NA. Oronymy of Southeast Bashkortostan (linguistic analysis). Ufa, 2009. (In Russ.).
7. Lasynova NA, Suleimanova LR, Suleimanov FM. Structural and derivational typology of Bashkir oronyms. *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2016;1(383):109–116. (In Russ.).
8. Matveev AK. Tops of the Stone Belt: The names of the mountains of the Urals. Cheliabinsk; 1990. (In Russ.).
9. Murzaev EM. Essays by toponymy. Moscow: Mysl'; 1974. (In Russ.).
10. Nikonov VA. Introduction to toponymy. Moscow: Nauka; 1965. (In Russ.).
11. Oronimika. Moscow; 1969. (In Russ.).
12. Podol'skaya NV. Dictionary of Russian onomastic terminology. Moscow; 1988. (In Russ.).
13. Dictionary of geographical names of the Bashkir ASSR. Moscow; 1988. (In Russ.).
14. Dictionary of toponyms of the Bashkir Autonomous Soviet Socialist Republic. Ufa; 1980. (In Russ.).
15. Dictionary of toponyms of the Republic of Bashkortostan. Ufa; 2002. (In Russ.).
16. Suleimanova LR, Lasynova NA. On the features of the compilation of the oronymic dictionary. Sibai; 2018. (In Bash.).
17. Sunchugashev RD. Oronimiya of Khakassia. Thesis. Moscow; 1992. (In Russ.).
18. Superanskaya AV. What is toponymy? Moscow; 1984. (In Russ.).
19. Usmanova MG. The name of the father of the earth. Historical and linguistic study of the toponymy of the Sakmar river basin. Ufa; 1994. (In Russ.).
20. Khisamitdinova FG. Geographical names of Bashkortostan. Materials for the historical and etymological dictionary. Ufa; 2006. (In Russ.).
21. Khusainova LM. About spelling of toponyms in the bashkirian language. Kazan; 2018. (In Bash.).
22. Shmeleva TV. Onomastics. Slavyansk-on-Kuban; 2013. (In Russ.).

Информация об авторах

Н. А. Ласынова — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русской, башкирской и зарубежной филологии.

Л. Р. Сулейманова — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русской, башкирской и зарубежной филологии.

Information about the authors

N. A. Lasynova — Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Russian, Bashkir and Foreign Philology.

L. R. Suleymanova — Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Russian, Bashkir and Foreign Philology.

Статья поступила в редакцию 22.05.2021; одобрена после рецензирования 02.10.2021; принята к публикации 18.01.2022.

The article was submitted 22.05.2021; approved after reviewing 02.10.2021; accepted for publication 18.01.2022.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests.